

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Д. В. СУСЛОВ

Тенденции экономического развития в странах СВА-3 (КНР, Япония, Республика Корея) в 2022-2023 гг.: влияние геополитической напряженности и разнородных рисков

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Н. Е. АНТОНОВА, Н. В. ЛОМАКИНА

Динамика институциональных условий регионального развития и стратегические перспективы ресурсного сектора Хабаровского края

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

О. М. РЕНЗИН

Трансформация рисков в институциональных преобразованиях региона: предпосылки

СОЦИОЛОГИЯ

Ю.В. БЕРЕЗУТСКИЙ, Д. В. МИТРОФАНОВ

Территориальное общественное самоуправление как инструмент вовлечения населения в решение вопросов местного значения (на примере г. Хабаровска)

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2023 г. № 4 (105)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2023 г. № 4 (105)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: Ю. В. Березутский

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. А. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

**scientific journal
2023, no. 4 (105)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: Yu. V. Berezutskiy

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education "The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation" (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

Yu. V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyangpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal "Power and Administration in the East of Russia". Articles are subject to review.

The authors' opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Суслов Д. В.	Тенденции экономического развития в странах СВА-3 (КНР, Япония, Республика Корея) в 2022–2023 гг.: влияние геополитической напряженности и разнородных рисков	8
Дёмина О. В. Мазитова М. Г.	Российские энергоресурсы на рынках стран Японии, Республики Корея, Китая и Индии в новых условиях	19
Изотов Д. А.	Российско-вьетнамские торговые взаимоотношения: динамика сближения в условиях ограничений	32

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Антонова Н.Е. Ломакина Н.В.	Динамика институциональных условий регионального развития и стратегические перспективы ресурсного сектора Хабаровского края	49
Новицкий А. А. Шевченко И. А.	Устойчивость региональных бюджетов на Дальнем Востоке России	60
Иванова С. Н.	Социально-экономическая устойчивость сельских территорий Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия)	77

Теория и практика экономики и управления

Рензин О. М.	Трансформация рисков в институциональных преобразованиях региона: предпосылки	87
Маслюк Н. А. Медведева Н. В.	Становление экосистемы технологического развития на национальном и региональном уровнях	100

Демография

Белоусова А. В. Грицко М. А.	Демографические потери Дальнего Востока: оценка экономического ущерба	111
Мотрич Е. А.	Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (2019–2022 гг.)	124

Социология

Березутский Ю. В.
Митрофанов Д. В.	Территориальное общественное самоуправление как инструмент вовлечения населения в решение вопросов местного значения (на примере г. Хабаровска)	138
Назаров А. В.
Долженко Р. А.	Подходы к определению значимости и результата согласованности интересов сторон в системе высшего образования	151
Черевко М. А.	К вопросу о новых подходах к подготовке педагога: социологический аспект	166
Клеймёнов Е. А.
Шелковникова А. Е.	Профессиональное самоопределение школьников Хабаровского края: социологический анализ	177
Гареева И. А.
Гарнага А. Ф.	Здоровьесберегающее городское пространство: вернакулярный аспект (на примере города Хабаровска)	196
Башкуева Е. Ю.	Современные подходы к снижению потребления алкоголя на региональном уровне: опыт Республики Бурятия (по материалам социологического исследования)	209

Представляю к защите

Стасюк Е. В.	Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции	218

Хроника научных событий

Рензин О. М.
Поливаева О. Г.	Наука в ожидании новых трансформаций	231

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

Suslov D. V.	Economic development's trends in the NEA countries (PRC, Japan, Republic of Korea) in 2022–2023: the impact of geopolitical tensions and heterogeneous risks	8
Dyomina O. V. Mazitova M. G.	Russian energy resources in the markets of NEA-3 countries and India in new conditions	19
Izotov D. A.	Russian-Vietnamese trade: dynamics of rapprochement under the conditions of restrictions	32

The Far East: strategies and development models

Antonova N. E. Lomakina N. V.	Dynamics of institutional conditions for regional development and strategic prospects for the resource sector of the Khabarovsk territory	49
Novitskiy A. A. Shevchenko L. A.	Novitskiy A. A., Shevchenko L. A. Sustainability of regional budgets in the Russian Far East	60
Ivanova S. N.	Socio-economic sustainability of rural areas of the Far East with a special regime of environmental management (on the example of Republic of Buryatia)	77

Theory and practice of economics and management

Renzin O. M.	Transformation of risks in institutional transformations of the region: prerequisites	87
Maslyuk N. A. Medvedeva N. V.	Formation of a technological development ecosystem at the national and regional levels	88

Demography

Belousova A. V. Gritsko M. A.	Demographic losses of the Far East: assessment of economic damage	111
Motrich E. L.	Demographic and migration processes in the Russian Far East (2019–2022)	124

Sociology

- Berezutskiy Yu. V.
Mitrofanov D. V. Territorial public self-government as a tool for involving the population in solving issues of local importance (on the example of Khabarovsk) 138
- Nazarov A. V.
Dolzhenko R. A. Approach to determining significance and result of consistency of the interests of the higher education organizations' stakeholders 151
- Cherevko M. A. On the issue of new approaches to teacher training: sociological aspect
- Kleymyonov E. A.
Shelkovnikova A. E. Professional self-determination of schoolchildren of the Khabarovsk territory: sociological analysis 177
- Gareeva I. A.
Garnaga A. F. Health-saving urban space (vernacular aspect) 196
- Bashkueva E. Yu. Modern approaches to reducing alcohol consumption at the regional level: the experience of the Republic of Buryatia (based on the materials of sociological research 209

Post-Graduate Research

- Stasyuk E. V. Features of self-identification of youth of the Khabarovsk territory in the conditions of special military operation) 218

Chronicle of scientific events

- Renzin O. M.
Polivaeva O. G. Science in anticipation of new transformations 231

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья

УДК 332.1(5)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-8-18

Тенденции экономического развития в странах СВА-3 (КНР, Япония, Республика Корея) в 2022–2023 гг.: влияние геополитической напряженности и разнородных рисков

Денис Владимирович Суслов

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, Хабаровск, Россия

suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции и проблемы экономического развития в трех странах Северо-Восточной Азии (СВА-3: КНР, Япония, Республика Корея) в постпандемийный период (2022–2023 гг.). Установлено, что в рассматриваемый период восстановительная динамика и тренды развития экономик стран СВА-3 были инвариантны к геополитической напряженности в мире и находились под влиянием макроэкономических условий, а также секторальных, инвестиционных, финансовых и торгово-экономических рисков как внутреннего, так и внешнего характера. Показано, что в этих странах на рубеже 2022–2023 гг. произошло формирование устойчивых макроэкономических трендов. В КНР формируется тренд понижения темпов экономического развития до 5% в год. Для Японии и Республики Корея факторами, сдерживающими темпы экономического роста (не превышающего 2% в год), являются перегрев внутренних рынков потребительских товаров и недвижимости, уменьшение положительного влияния внешних взаимодействий на внутреннее развитие, а также негативная демографическая динамика.

Ключевые слова: КНР, Япония, Республика Корея, экономическое развитие, ВВП, тренд, геополитическая напряженность, риски

Для цитирования: Суслов Д. В. Тенденции экономического развития в странах СВА-3 (КНР, Япония, Республика Корея) в 2022–2023 гг.: влияние геополитической напряженности и разнородных рисков // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 8–18. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-8-18>

Economic development's trends in the NEA countries (PRC, Japan, Republic of Korea) in 2022–2023: the impact of geopolitical tensions and heterogeneous risks

Denis V. Suslov

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Abstract. The article shows trends and problems in economic development in the NEA countries (PRC, Japan, the Republic of Korea) in the post-pandemic period (2022–2023). It was argued that during the period under review, the recovery dynamics and

development trends of the NEA economies were invariant to geopolitical tensions in the world and were influenced by macroeconomic conditions, as well as sectoral, investment, financial and trade and economic risks of both internal and external nature. It has been showed that at the turn of 2022–23 the formation of more stable macroeconomic trends in NEA countries took place. In China, a trend is emerging towards a decrease in the rate of economic development to 5% per year. For Japan and the Republic of Korea, factors limiting economic growth rates (not exceeding 2% per year) are overheating of the domestic markets for consumer goods and real estate, a decrease in the positive impact of external interactions on domestic development, as well as the negative demographic dynamics.

Keywords: China, Japan, Republic of Korea, economic development, GDP, trend, geopolitical tension, risks

For citation: Suslov D. V. Economic development's trends in the NEA countries (PRC, Japan, Republic of Korea) in 2022–2023: the impact of geopolitical tensions and heterogeneous risks // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 8–18. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-8-18>

Введение

Основной задачей настоящей статьи является рассмотрение трендов, рисков и краткосрочных перспектив экономического развития, которые сложились в крупнейших экономиках Северо-Восточной Азии – КНР, Японии, Республике Корея (далее – СВА-3) в постпандемный период (2022–2023 гг.).

Статистической базой проведения исследования явились данные международных организаций, ведущих мониторинг развития национальных экономик: ООН, ОЭСР, МВФ, Всемирного банка. Полученные ими предварительные оценки мирового экономического развития в 2023 г. показывают, что оно столкнулось с рядом проблем, не позволяющих национальным экономикам вернуться к тенденциям устойчивого поступательного восстановления в постпандемный период.

Так, в докладе Всемирного банка «Перспективы мировой экономики» [World Bank, 2023 January], опубликованном в начале 2023 г., отмечалось, что мировая экономика переживает резкое и продолжительное замедление. Прогноз прироста мирового ВВП на 2023 г. был снижен до 1,7% с 3,0%, ожидаемых всего шесть месяцев назад. Это был третий по минимальной величине темп прироста мирового ВВП почти за три предыдущих десятилетия, он был лишь немногим выше, чем показатели во время глобальной рецессии в 2009 г. и 2020 г.

В январе 2023 г. были опубликованы и другие документы авторитетных международных организаций. Так, ООН был

опубликован доклад «Мировое экономическое положение и перспективы в 2023 г.» [UN, 2023], в котором прогнозировалось, что темпы прироста мировой экономики в 2023 г. составят 2,9%. Аналогичные по значению данные были приведены также в докладе МВФ «Перспективы развития мировой экономики» [IMF, 2023].

В середине 2023 года представленные январские ожидания были подкорректированы. По прогнозам мировой экономической рост значительно замедлится во второй половине 2023 г., при этом предполагалось, что такие тенденции сохранятся и в 2024 г. [IMF, 2023 June, World Bank, 2023 June].

В обновленных прогнозах октября 2023 г. МВФ [IMF, 2023 October] серьезного пересмотра для общемировых темпов роста также не произошло – они остаются на уровне 3,0% в 2023 г. и 2,9% в 2024 г., что ниже средних темпов за 2000–2019 гг. (3,8%).

Таким образом, основным прогнозом ведущих международных организаций была безусловная оценка того, что глобальный экономический рост в 2023 г. останется слабым.

В таблице 1 приведены фактические данные по темпам прироста ВВП по странам, объемы мировой торговли и мирового ВВП в 2020–2022 гг. и их прогнозные значения на 2023 г. от международных организаций. Скромные оценки мировой экономической динамики объясняются тем, что она остается под давлением повышенных цен на энергоносители, инфляции, эффектов жесткой денежно-

кредитной политики в развитых странах, роста геополитической напряженности и рисков деглобализации и фрагментации мировой экономики и торговли [Aiyar, 2023, Alvarez, 2023, Goldberg, 2023].

Экономики стран СВА столкнулись с тяжелыми внешними условиями: геополитическая напряженность и пандемия оказали большое негативное влияние на азиатскую экономику. Однако процессы в отдельных национальных экономиках были сильно дифференцированы.

Тенденции экономического развития Китайской Народной Республики

Крупнейшей в Северо-Восточной Азии, а также и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе является экономика Китайской Народной Республики. Для неё в рассматриваемый период было характерно, что темпы роста ВВП за последние несколько лет претерпели очень заметные колебания. Так, в 2019 г. они составили 6%, а в 2020 г. из-за пандемии резко понизились до 2,2% (минимальный показатель за последние более чем 40 лет), а в 2021 г. резко выросли до 8,1%.

После снятия ковидных ограничений, как показывают экспертные оценки, рост ВВП постепенно станет возвращаться к потенциальному уровню. В этой стране в краткосрочном периоде прогнозирует-

ся повышенная динамика развития, что происходит главным образом благодаря успешному восстановлению экономики.

Так, согласно отчету «Перспективы глобальной экономики» [World Bank, 2023], фактические темпы прироста ВВП КНР в 2023 г. прогнозируются на уровне 4,3%.

В докладе ООН «Мировое экономическое положение и перспективы на 2023 год» [UN, 2023] дается более высокая оценка. В нем говорится, что по прогнозам по мере ослабления ограничений по COVID-19, а также проведению денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики китайский ВВП вырастет на 4,8% в 2023 г.

Отчеты МВФ «Перспективы развития мировой экономики» [IMF, 2023], обновляемые в течение 2023 г., предлагают еще более оптимистичный взгляд на экономику Китая. Так, по этим прогнозам начала 2023 г. темпы прироста ВВП Китая достигнут 5,2%, и на этой основе темпы роста ВВП Восточной Азии в 2023 г. увеличатся до 4,5%.

Близкие значения были установлены в середине 2023 г. экспертами ОЭСР [OECD, 2023]. Ими прогнозировалось, что экономический рост КНР восстановится до 5,4% в 2023 г. и до 5,1% в 2024 г. (табл. 2).

Таблица 1

Темпы прироста ВВП по странам, мировой торговли и ВВП в 2020–2023 гг., %

Страна / показатель	2020	2021	2022	2023 (прогноз)*		
				ВБ	ОЭСР	МВФ
Китай	2,2	8,5	3,0	5,6	5,4	5,2
Япония	-4,2	2,2	1,1	0,8	1,3	1,3
Республика Корея	-0,7	4,1	2,6	Нет данных	1,5	1,5
Справочно						
США	-2,8	5,9	2,1	1,1	1,6	1,6
Индия	-5,8	9,1	6,8	6,3	6,0	5,9
ВВП мировой	-3,1	6,3	3,4	2,7	2,7	2,8
Торговля мировая	-8,2	10,7	5,1	1,7	Нет данных	2,4

Источник: составлено по базе данных МВФ URL: www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/download-entire-database (дата обращения: 01.11.2023); *- прогнозы на 2023 г. по данным Всемирного банка и ОЭСР – июнь 2023 г., прогноз МВФ – апрель 2023 г. World Bank. 2023. *Global Economic Prospects, June 2023*. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1951-3. P. 3–42; OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1. doi: doi.org/10.1787/ce188438-en; International Monetary Fund. 2023. *World Economic Outlook: A Rocky Recovery*. Washington, DC. April.

Таблица 2

Структура и динамика ВВП КНР в 2020–2024 гг.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023*	2024**
	в текущих ценах, трлн юаней	темпы прироста, % (в ценах 2015 г.)				
ВВП в рыночных ценах	98,7	2,2	8,4	3,0	5,4	5,1
Конечный внутренний спрос	97,7	2,1	6,8	2,8	6,2	5,0
Экспорт товаров и услуг	18,2	1,1	15,7	-4,0	0,2	5,8
Импорт товаров и услуг	17,3	-0,1	7,6	-6,7	3,9	5,3
Чистый экспорт ¹	0,9	0,2	1,8	0,3	-0,6	0,3
Справочно						
Дефлятор ВВП	-	0,5	4,6	2,2	2,5	2,2
Индекс потребительских цен	-	2,5	0,8	1,9	2,1	2,0
Дефицит бюджета расширенного правительства ²	-	-7,0	-6,6	-6,7	-6,7	-6,6
Общий бюджетный баланс ²	-	-3,7	-3,0	-2,8	-3,0	-2,8
Текущий счет платежного баланса (% ВВП)	-	1,7	2,0	2,2	2,5	2,4

Примечание: * оценка; ** прогноз

¹ вклад в изменение реального ВВП, в первой колонке представлен реальный объем; ² как процент ВВП. Включает остатки всех четырех бюджетных счетов (общий счет, фонды государственного управления, фонды социального страхования и счет управления государственным капиталом). Общий бюджетный баланс – это официальный баланс, определяемый как разница между доходами и расходами. Доходы включают в себя: общие доходы бюджета, доходы центрального стабилизационного фонда и корректировку субнационального бюджета. Расходы включают в себя: общие бюджетные расходы, пополнение центрального стабилизационного фонда и погашение основной суммы субнационального долга.

Источник: составлено по OECD (2023), *OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1*, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en (дата обращения 11.09.2023).

В основе происходящих позитивных изменений лежит реализация комплексной экономической политики правительства и финансовых властей Китая.

Денежно-кредитная политика Народного банка КНР целенаправленно поддерживает восстановление и обеспечивает адекватную ликвидность для экономики. Базовая ставка по кредитам оставалась стабильной в первой половине 2023 г., а нормативы обязательных резервов для банков были немного снижены. Отток капитала и обесценивание валюты в 2022 г. были остановлены благодаря восстановлению доверия после «перезапуска» экономики. Рыночные ставки упали больше, чем базовая ставка Центрального банка. После скоординированного снижения ставок по депозитам крупными государственными кредиторами в начале 2023 г.

был введен новый механизм корректировки ставок по первым ипотечным кредитам. Это позволяет местным властям решать, стоит ли отменять минимальный процент по ипотеке в городах, в которых строится новое жилье. Более строгое внедрение кредитных квот на предварительно проданное жилье, более низкие ставки кредитования для покупателей, впервые покупающих недвижимость, и другие меры помогли рынку недвижимости. Теневая банковская деятельность, по всей видимости, стабилизировалась, и кредитное предложение является достаточным. Денежно-кредитная политика стала более благоприятной для развития всех секторов экономики.

Инвестиции в инфраструктуру остаются высокими, а инвестиции в недвижимость стабилизируются благодаря

снижению ставок по ипотечным кредитам и повышению доверия потребителей. Банки развития КНР предоставляют средства, финансируемые за счет облигаций, для осуществления инвестиций, поскольку нехватка средств сдерживает реализацию инфраструктурных проектов. Значительные субсидии по процентам продолжают поддерживать рефинансирование по кредитам предприятий промышленности, социальных услуг, малых и средних компаний и индивидуальных предпринимателей.

Китайская экономика относительно хорошо защищена от потрясений на мировых продовольственных и энергетических рынках. Большие запасы зерна и экспортные ограничения в виде квот будут продолжать смягчать влияние роста мировых цен на внутреннюю инфляцию и снижать риск его дефицита. Спрос на сырье будет поддерживаться на высоком уровне за счет инвестиций в инфраструктуру. Для отопления используется уголь отечественного производства, на который не влияет повышение цен на мировых рынках. Однако Китай больше зависит от импорта нефти и газа. Замещение части импорта сырой нефти подешевевшей нефтью из России сдерживало инфляционное давление, а запасы СПГ также пополняются из российских источников.

Налогово-бюджетная политика в КНР оказывает значительную поддержку экономическому развитию посредством снижения налогов. Налоговые вычеты и льготы для целевых групп оказывают поддержку компаниям и фирмам. Объявляются новые меры политики, направленные на ускорение восстановления экономики, включая налоговые льготы для малых и микропредприятий и ускоренный вычет расходов на НИОКР. Восстановление сектора жилой недвижимости увеличивает доходы бюджета. Часть доходов от специальных местных облигаций, выпущенных в 2022 г., тратится в 2023 г.

Снятие жестких ковидных ограничений высвободило сдерживаемый внутренний спрос на личные услуги (такие как туризм или развлечения), увеличив доходы в этом секторе, сильно пострадавшем от карантинных локдаунов. Активность в таких секторах, включая питание и проживание, резко возросла.

Однако, несмотря на нынешнюю ди-

намику потребления услуг, общее внутреннее потребление сдерживается относительно высоким уровнем безработицы и большим количеством выпускников ВУЗов, вступающих на рынок труда в 2023 г. Медленное создание рабочих мест и более постепенное восстановление потребления остаются ключевыми рисками ухудшения ситуации.

Недавние меры правительства КНР, направленные на создание единого внутреннего рынка, являются долгожданным шагом. Фундаментальные реформы по укреплению системы социальной защиты помогут сократить профилактические сбережения и перебалансировать спрос с инвестиций на потребление. Пенсионное обеспечение и страхование по безработице планируется распространить на все население. Увеличение пенсионного возраста является неотложной задачей, и этот целевой возраст должен быть достигнут в течение короткого периода времени, учитывая относительно большую продолжительность жизни в стране.

Таким образом, китайская экономическая система показывает комплексный подход к решению проблем экономической динамики. С одной стороны, параметры развития за 2020–2023 гг. позволяют сделать вывод о том, что снижение темпов экономического роста в КНР стало уже во многом естественным процессом формирования устойчивого макроэкономического тренда [Цай, 2022]. С другой стороны, в КНР формируется устойчивая инерционная тенденция обеспечения темпов экономического развития до 5% в год, что подтверждается прогнозами международных организаций о перспективах развития экономики КНР в среднесрочной перспективе и предварительными итогами 2023 г. [World Bank, 2022, World Bank, 2023].

Тенденции экономического развития Японии

Несколько другая ситуация складывается в Японии. Для этой страны экспертами ОЭСР [OECD, 2023] прогнозировалось, что реальный ВВП страны вырастет на 1,3% в 2023 г. и на 1,1% в 2024 г. главным образом за счет оживления внутреннего спроса (табл. 3).

Японская экономика развивается быстрее, чем другие развитые экономики,

но не так быстро по сравнению со многими государствами Восточной Азии. С начала 2023 г. прогнозы Всемирного банка, ООН и МВФ показывают, что темпы прироста реального ВВП Японии в 2023 г. составят 1,0%, 1,5% и 1,8% соответственно [World Bank, 2023, UN, 2023, IMF, 2023].

Рост затрат на импорт, вызванный ослаблением иены, и сокращение внешнего спроса оказывают давление на промышленное производство и экспорт Японии. Хотя цены на сырьевые товары снижаются, а замедление ужесточения

мировой денежно-кредитной политики смягчило обесценивание иены, торговый дефицит остается большим.

Внутренний спрос является основным драйвером восстановления экономики Японии. Так, реальный ВВП вырос на 0,4% в 1 квартале 2023 г. по сравнению с 4 кварталом 2022 г. благодаря сильному внутреннему спросу. Несмотря на высокую инфляцию, оказывающую давление на реальные располагаемые доходы, доверие потребителей возросло, а активность домохозяйств, особенно в сфере услуг, неуклонно восстанавливалась.

Таблица 3

Структура и динамика ВВП Японии в 2020–2024 гг.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023*	2024**
	в текущих ценах, трлн иен	темпы прироста, % (в ценах 2015 г.)				
ВВП в рыночных ценах	557,9	-4,3	2,2	1,0	1,3	1,1
Частное потребление	304,4	-4,7	0,4	2,1	1,5	0,9
Государственное потребление	111,3	2,4	3,5	1,5	0,2	-0,5
Инвестиции в основной капитал	142,5	-3,6	-0,1	-1,1	3,1	2,1
Конечный внутренний спрос	558,2	-3,0	0,9	1,1	1,6	0,9
Создание запасов ¹	1,4	-0,5	0,2	0,4	-0,3	0,0
Совокупный внутренний спрос	559,5	-3,4	1,1	1,6	1,3	0,9
Экспорт товаров и услуг	97,4	-11,6	11,9	5,1	0,9	2,9
Импорт товаров и услуг	99,0	-6,8	5,1	8,0	1,4	1,9
Чистый экспорт ¹	- 1,6	-0,8	1,0	-0,6	-0,2	0,1
Справочно						
Дефлятор ВВП	-	0,9	-0,2	0,2	2,5	1,9
Индекс потребительских цен ²	-	0,0	-0,2	2,5	2,8	2,0
Индекс потребительских цен, базовый ²	-	0,1	-0,7	0,3	2,1	1,7
Уровень безработицы	-	2,8	2,8	2,6	2,5	2,4
Уровень сбережений домохозяйств (% от располагаемого дохода)	-	11,4	7,8	5,4	3,1	2,1
Дефицит бюджета расширенного правительства (%ВВП)	-	-9,0	-6,2	-5,9	-5,3	-3,5
Валовой долг расширенного правительства (%ВВП)	-	240,4	240,2	245,8	246,9	246,9
Текущий счет платежного баланса (%ВВП)	-	2,9	3,9	1,9	2,0	2,0

Примечание: * оценка; ** прогноз

¹ вклад в изменение реального ВВП (в первой колонке представлен реальный объем); ² индекс потребительских цен без учета продуктов питания и энергоносителей

Источник: составлено по OECD (2023), *OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1*, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en (дата обращения 11.09.2023).

После достижения пика в 4,3% в январе 2023 г. общая инфляция потребительских цен упала до 3,5% в апреле отчасти из-за введения новых субсидий на счета за электроэнергию и городской газ. В дополнение к текущим ценовым субсидиям было осуществлено снижение налога на возобновляемые источники энергии в апреле 2023 г., что еще больше смягчило последствия от энергетического шока 2022 г.

После принятия в октябре 2022 г. стимулирующего экономического пакета, который включил снижение цен на энергоносители и продукты питания (6,3 трлн иен; 1,2% ВВП), в марте 2023 г. правительство реализовало дополнительные меры (2,2 трлн иен; 0,4% ВВП), финансируемые за счет резерва на случай непредвиденных обстоятельств из резервного фонда 2022 года. Они включают единовременные денежные пособия малообеспеченным семьям с детьми и гранты местным органам власти для защиты домохозяйств и местных компаний от высоких затрат на электроэнергию.

Одновременно позитивно выглядит политика в области заработной платы. Текущие решения незначительны: средняя номинальная заработная плата в марте 2023 г. выросла всего на 1,3% по сравнению с 2022 г. Однако сильное влияние на развитие внутреннего спроса имеет результат, полученный на переговорах по заработной плате между основными корпорациями и профсоюзами. Предварительно согласованное повышение базовой заработной платы на 2,1% и общей заработной платы на 3,7% предвещает активизацию внутреннего спроса.

Кроме того, правительство Японии оказывает воздействие на повышение спроса со стороны иностранных туристов. Численность въезжающих в страну постепенно растет, но пока остается значительно ниже уровня 2019 г. отчасти из-за задержки возвращения китайских туристов, на долю которых до пандемии приходилась четверть от общего числа зарубежных посетителей.

В соответствии с базовыми прогнозами ОЭСР [OECD, 2023] по инфляции и заработной плате продолжение смягчения монетарной политики прогнозируется до 2024 г. Такой шаг повысит гибкость и снизит риски резких будущих измене-

ний и должен сопровождаться своевременным и четким информированием о текущей и будущей позиции в реализации денежно-кредитной политики.

Частное потребление будет поддерживаться сбережениями, накопленными во время пандемии, и мерами правительства, несмотря на слабый рост реальных располагаемых доходов.

Тем не менее риски для перспектив восстановительной динамики в Японии остаются значительными. Важным условием активизации экономики страны являются структурные и налогово-бюджетные реформы для обеспечения более устойчивого развития. Риски снижения темпов роста генерируют более слабый, чем ожидалось, внешний спрос и возобновление сбоев в цепочках поставок, а также потенциально резкое изменение денежно-кредитных и финансовых условий. В контексте высокого уровня государственного долга потеря уверенности в финансовой устойчивости Японии может дестабилизировать финансовый сектор и реальную экономику, что приведет к серьезным негативным последствиям для мировой экономики.

Общая потребительская инфляция достигла пика в 3 квартале 2023 г. из-за роста цен на продукты питания и электроэнергию. Несмотря на соглашение об усилении роста заработной платы в крупных компаниях, влияние на совокупную заработную плату будет запаздывающим и меньшим, поскольку малый и микробизнес, которые все еще ведут переговоры по соглашениям о заработной плате, лишь частично последуют этому примеру. По мере ускорения роста заработной платы базовая инфляция будет постепенно увеличиваться и приблизится к 2% во второй половине 2024 г.

Положение на рынке труда останется напряженным, а уровень безработицы снизится до 2,4% в 2024 г. Продолжение реформ на рынке труда, включая равную оплату за равный труд и гибкий график работы, а также улучшение условий по уходу за детьми будет способствовать занятости женщин и сокращать большой гендерный разрыв в оплате труда.

Ожидаемое сокращение численности рабочей силы из-за сокращения и старения населения делает повышение производительности необходимым условием

для поддержания благосостояния населения и финансовой устойчивости экономики в целом. Повышение гибкости рынка труда и снижение барьеров для прямых иностранных инвестиций укрепят динамизм бизнеса.

Однако необходимы дополнительные структурные меры по расходам и доходам, особенно с учетом финансового давления со стороны стареющего населения. Надежная налогово-бюджетная основа также необходима для того, чтобы поставить соотношение долга к ВВП на четкую траекторию снижения. Усилия по бюджетной консолидации должны возобновиться как в расходной, так и в доходной части, включая реформы социального обеспечения и налоговой системы, а также повышение эффективности расходов с достижением цели.

Тенденции экономического развития Республики Корея

Для Республики Корея современная динамическая ситуация является промежуточной по сравнению с ранее рассмотренными странами. Экспертами ОЭСР [OECD, 2023] прогнозировалось, что рост ВВП этой страны сначала снизится до 1,5% в 2023 г., а затем увеличится до 2,1% в 2024 г. (табл. 4).

Как показывают данные, в экономике Южной Кореи в 2023 г. начался медленный рост. Так, реальный ВВП вырос на 0,3% в 1 квартале 2023 г., экспорт и импорт восстановились после глубокого сокращения в 4 квартале 2022 г. Происходящие изменения являются следствием того, что макроэкономическая и денежно-кредитная политика в Корее стратегически ужесточается.

Банк Кореи осуществил значительное повышение основной учетной ставки с 0,5% в августе 2021 г. до 3,5% в январе 2023 г. При этом предполагается, что такой уровень останется до второй половины 2024 г., когда по прогнозам инфляция приблизится к целевому показателю в 2%.

В настоящее время общая инфляция составляет 3,7%, а базовая инфляция осталась практически неизменной на уровне 4,0%, при этом цены на услуги и коммунальные услуги выросли. Высокая инфляция и процентные ставки привели к сокращению частных инвестиций, создание рабочих мест замед-

лилось. Очевидно, что под влиянием проводимой денежно-кредитной политики инфляция постепенно снизится, и инвестиционные процессы станут более прозрачными и доходными.

Фискальная политика правительства Южной Кореи в 2023 г. также ужесточается. В бюджете на 2023 г. сократился управляемый дефицит бюджета (без учета социального обеспечения) с 5,1% ВВП в 2022 г. до 2,6% ВВП за счет сокращения дискреционных расходов. Предлагаемое правительством «бюджетное правило», которое ограничивает управляемый бюджетный дефицит на уровне 3% ВВП, поможет снизить нарастание давления. Предполагается, что и в 2024 г. бюджетная политика будет слегка сдерживающей в соответствии с планом бюджетной консолидации правительства.

Рост внешнеторгового потенциала может привести к перестройке цепочек поставок корейской экономики. Более быстрое, чем ожидалось, восстановление экономики КНР и ослабление геополитической напряженности, несомненно, улучшат экономические перспективы.

Значительные перспективы экономического развития связаны с ростом объемов оказываемых личных услуг. В стране частное потребление выросло, поскольку были сняты последние ковидные ограничения. В перспективе рассматриваются варианты целенаправленного воздействия на отдельные уязвимые социальные группы. Активизация политики обучения и активации для тех, кто потерял работу, а также укрепление системы социальной защиты будут способствовать перераспределению рабочей силы. Ожидается, что высокий уровень занятости сократится, а уровень безработицы при этом поднимется с исторического минимума. Кроме того, пенсионная реформа должна помочь обеспечить достаточный пенсионный доход и финансовую устойчивость. Бюджетная консолидация должна продолжаться ввиду быстрого старения населения страны на фоне предлагаемых бюджетных правил. Структурные реформы смогут поспособствовать перераспределению рабочей силы и капитала в расширяющиеся отрасли и устранить значительные пробелы в социальной защите.

Таблица 4

Структура и динамика ВВП Республики Корея в 2019–2024 гг.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023*	2024**
	в текущих ценах, трлн вон	прирост, % (в ценах 2015 г.)				
ВВП в рыночных ценах	1924,5	-0,7	4,1	2,6	1,5	2,1
Частное потребление	935,9	-4,8	3,7	4,3	2,3	2,1
Государственное потребление	328,7	5,1	5,6	4,1	2,6	1,0
Инвестиции в основной капитал	579,0	3,5	2,8	-0,8	1,4	0,9
Конечный внутренний спрос	1843,6	-0,4	3,8	2,6	2,0	1,5
Создание запасов ¹	27,1	-0,8	-0,1	0,1	0,2	0,0
Совокупный внутренний спрос	1870,7	-1,2	3,6	2,7	2,2	1,5
Экспорт товаров и услуг	755,9	-1,7	10,8	3,3	2,4	4,6
Импорт товаров и услуг	702,1	-3,1	10,1	3,7	4,0	3,3
Чистый экспорт ¹	53,8	0,5	0,7	0,0	-0,8	0,5
Справочно						
Дефлятор ВВП	-	1,6	2,5	1,2	1,4	3,0
Индекс потребительских цен	-	0,5	2,5	5,1	3,4	2,6
Индекс потребительских цен, базовый ²	-	0,4	1,4	3,6	3,5	2,4
Уровень безработицы	-	4,0	3,6	2,9	3,0	3,3
Уровень сбережений домохозяйств (% от располагаемого дохода)	-	14,7	13,7	12,0	12,0	11,0
Дефицит бюджета расширенного правительства (% ВВП)	-	-2,7	-0,8	-0,6	-0,1	0,5
Валовой долг расширенного правительства (% ВВП)	-	50,0	50,6	53,4	55,0	57,1
Текущий счет платежного баланса (% ВВП)	-	4,5	4,7	1,7	-0,3	0,3

Примечание: * оценка; ** прогноз

¹ - вклад в изменение реального ВВП, в первой колонке представлен реальный объем; ² - индекс потребительских цен без учета продуктов питания и энергоносителей

Источник: составлено по OECD (2023), *OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1*, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en (дата обращения 11.09.2023).

Заключение

Анализ рассмотренных проблем в экономиках крупнейших стран Северо-Восточной Азии показывает, что в 2023 г. они, как и вся глобальная система, столкнулись с неблагоприятными внешними условиями экономического характера. Страны СВА-3, используя активную бюджетную стратегию правительств и денежно-кредитную политику центральных банков, устранили значительные негативные последствия пандемии COVID-

19 для экономики в целом, основных отраслей и внешней торговли. Одновременно на рубеже 2022–2023 гг. в них произошло формирование новых устойчивых макроэкономических трендов. Так, в КНР формируется новая стратегия развития, ориентированная на относительное понижение темпов экономического развития до 5% в год. Для Японии и Республики Корея реальными ограничителями для обеспечения экономического роста явились перегрев внутренних рынков по-

требительских товаров и недвижимости, уменьшение положительного влияния внешних взаимодействий на внутреннее развитие, а также негативная демографическая динамика.

В краткосрочной перспективе комплексные прогнозные оценки политического и экономического положения стран мира, которые ежегодно представляются в работах международных экономических организаций, а также российских исследовательских струк-

тур [Россия и мир, 2022], показывают, что в этих странах следует ожидать не-большого позитивного сдвига. Так, ожидается, что темпы прироста экономик стран этого субрегиона вырастут с 3,2% в 2022 г. до 4,5% в 2023 г. Однако в долгосрочной перспективе для перелома тенденции прогнозируемого снижения потенциальных темпов роста в них потребуются реформы, направленные на изменение экономических и социальных параметров развития.

Список источников:

1. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А. А. Дынкин, В.Г. Барановский ; отв. ред.: Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. Москва : ИМЭМО РАН, 2022. 130 с.
2. Цай, Фан. «Новое нормальное состояние» экономики, сфера предложения, структурные реформы. Размышления и предложения экономиста : монография / Ф. Цай ; Китайская академия общественных наук. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. 378 с.
3. Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, and others (2023). Goeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC.
4. Alvarez, Jorge and Andaloussi, Mehdi and Maggi, Chiara and Sollaci, Alexandre and Stuermer, Martin and Topalova, Petia B., Goeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF Working Paper No. 2023/201, doi: dx.doi.org/10.5089/9798400256059.001 (дата обращения: 01.11.2023)
5. Goldberg, Pinelopi (Penny) and Reed, Tristan, Is the Global Economy Deglobalizing? And If so, Why? And What is Next? (April 2023). NBER Working Paper No. w31115, doi: dx.doi.org/10.2139/ssrn.4413852 (дата обращения: 01.11.2023)
6. International Monetary Fund. 2023. Global Financial Stability Report: Safeguarding Financial Stability amid High Inflation and Geopolitical Risks. Washington, DC, April.
7. International Monetary Fund. 2023. Global Financial Stability Report: Financial and Climate Policies for a High-Interest-Rate Era. Washington, DC, October.
8. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook update, January 2023.
9. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook update, July 2023.
10. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook: Navigating Global Divergences. Washington, DC. October.
11. OECD (2023), OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en
12. World Bank. 2023. Commodity Markets Outlook: Under the Shadow of Geopolitical Risks, October 2023. Washington, DC: World Bank.
13. World Bank. 2022. Global Economic Prospects, January 2022. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1758-8. P. 65–71.
14. World Bank. 2022. *Global Economic Prospects, June 2022*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1843-1. P. 93–98.
15. World Bank. 2023. Global Economic Prospects. January 2023. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1906-3
16. World Bank. 2023. Global Economic Prospects, June 2023. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1951-3.
17. UN. World Economic Situation and Prospects 2023, January 25, 2023.

References:

1. Russia and the World: 2023. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy / project leads – A. A. Dynkin, V.G. Baranovsky ; eds.: G. I. Machavariani, I. Y. Kobrinskaya. Moscow : IMEMO, 2022. 130 p. (In Russ.)
2. Tsai Fan (2022) The “new normal” of the economy, supply side, structural reforms. Reflections and proposals of an economist: monograph. Chinese Academy of Social Sciences. Moscow: Publishing House “Ves Mir”. 378 p. (In Russ.)
3. Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, and others (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC.
4. Alvarez, Jorge and Andaloussi, Mehdi and Maggi, Chiara and Sollaci, Alexandre and Sturmer, Martin and Topalova, Petia B. (2023) Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF Working Paper No. 2023/201, doi: dx.doi.org/10.5089/9798400256059.001
5. Goldberg, Pinelopi (Penny) and Reed, Tristan (2023) Is the Global Economy Deglobalizing? And If so, Why? And What is Next? (April 2023). NBER Working Paper No. w31115, URL: dx.doi.org/10.2139/ssrn.4413852
6. International Monetary Fund. 2023. Global Financial Stability Report: Safeguarding Financial Stability amid High Inflation and Geopolitical Risks. Washington, DC, April.
7. International Monetary Fund. 2023. Global Financial Stability Report: Financial and Climate Policies for a High-Interest-Rate Era. Washington, DC, October.
8. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook update, January 2023.
9. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook update, July 2023.
10. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook: Navigating Global Divergences. Washington, DC. October.
11. OECD (2023), OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en
12. World Bank. 2023. Commodity Markets Outlook: Under the Shadow of Geopolitical Risks, October 2023. Washington, DC: World Bank.
13. World Bank. 2022. Global Economic Prospects, January 2022. Washington, DC: World Bank. doi: [10.1596/978-1-4648-1758-8](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1758-8). P. 65–71.
14. World Bank. 2022. *Global Economic Prospects, June 2022*. Washington, DC: World Bank. doi: [10.1596/978-1-4648-1843-1](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1843-1). P. 93–98.
15. World Bank. 2023. Global Economic Prospects. January 2023. Washington, DC: World Bank. doi: [10.1596/978-1-4648-1906-3](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1906-3)
16. World Bank. 2023. Global Economic Prospects, June 2023. Washington, DC: World Bank. doi: [10.1596/978-1-4648-1951-3](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1951-3).
17. UN. World Economic Situation and Prospects 2023, January 25, 2023.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 27.11.2023.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 27.11.2023.

Информация об авторе

Д. В. Суслов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

D. V. Suslov – Candidate of Economics, senior research fellow, the Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья

УДК 339.5

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-19-31

Российские энергоресурсы на рынках стран Японии, Республики Корея, Китая и Индии в новых условиях

Ольга Валерьевна Дёмина¹, Марина Гамиловна Мазитова²^{1, 2} Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия¹ demina@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7992-5852>² mazitova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7978-7904>

Аннотация. В статье выполнен анализ ключевых рынков стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – СВА-3 (Японии, Республики Корея, Китая) и Индии – с позиций оценки ниши российских энергоресурсов. На основе обобщения экспертных оценок ведущих исследовательских групп показано, что сжатие энергетических рынков ископаемого топлива Японии и Республики Корея происходит максимально быстрыми темпами. Поскольку для России эти рынки являются традиционными в АТР, прогнозируется существенное сокращение экспорта в эти страны. Определено, что в сложившейся ситуации наиболее перспективными с позиций экспорта российских энергоресурсов являются Индия и Китай, роль которых многократно усилилась в условиях санкционных ограничений, вводимых в отношении России с 2022 г. Показано, что компенсаторные возможности экономик Китая и Индии по возмещению утраченных Россией рынков энергоресурсов ограничены. Если в среднесрочной перспективе еще сохраняется высокий потенциал, то в долгосрочной – требуется расширение транспортной инфраструктуры. Делается вывод о том, что, несмотря на все указанные ограничения, можно прогнозировать частичное сохранение рыночных ниш в СВА-3 и Индии для российского ископаемого топлива. На формирующемся рынке водорода ниши Японии и Республики Корея, вероятно, будут закрыты для России, а на рынках Китая и Индии, ориентированных на собственное производство, отечественная продукция, скорее всего, будет проигрывать в ценовой конкуренции.

Ключевые слова: ТЭК, энергопереход, ископаемое топливо, рынок водорода, Республика Корея, Япония, Индия, Китай, Россия

Для цитирования: Дёмина О. В., Мазитова М. Г. Российские энергоресурсы на рынках стран Японии, Республики Корея, Китая и Индии в новых условиях // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 19–31. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-19-31>

Russian energy resources in the markets of NEA-3 countries and India in new conditions

Olga V. Dyomina¹, Marina G. Mazitova²^{1, 2} The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia¹ demina@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7992-5852>² mazitova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7978-7904>

Abstract. The article analyzes the main markets of the Asia-Pacific region from the perspective of assessing the niche of Russian energy resources: NEA-3 countries (Japan, the Republic of Korea, China) and India. Based on a synthesis of expert assessments from the leading research groups, it is shown that reduction in the size of the fossil fuel energy markets of Japan and the Republic of Korea is occurring at the fastest rate.

Significant reduction in exports to these countries is predicted since these markets are traditional for Russia in the Asia-Pacific region. It was determined that in the current situation, the most promising in terms of export of Russian energy resources are India and China, whose role has increased many times under the conditions of sanctions restrictions imposed on Russia since 2022. It is shown that compensatory capabilities of the economies of China and India to compensate closed to Russia energy markets are limited. In the medium term there is a still high potential for increasing exports, in the long term this requires expansion of the transport infrastructure. However, despite all these limitations, it is possible to predict partial preservation of market niches in the markets of NEA-3 and India for the Russian fossil fuels. In the emerging hydrogen market, the niches of Japan and the Republic of Korea will likely be closed to Russia; in the markets of China and India, which focused on their own production, Russian products will most likely lose out in price competition.

Keywords: fuel and energy complex, energy transition, fossil fuels, hydrogen market, The Republic of Korea, Japan, India, China, Russia

For citation: Dyomina O. V., Mazitova M. G. Russian energy resources in the markets of NEA-3 countries and India in new conditions // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 19–31. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-19-31>

Введение

Одним из ключевых факторов, определяющих трансформации на мировых энергетических рынках, является интенсивность процесса энергоперехода. Россия является одним из крупнейших производителей и экспортеров энергоресурсов, доходы от продажи которых формируют существенную часть доходов страны. Адаптивность российского топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) к происходящим изменениям определяет не только производственно-экономические параметры его деятельности, но и устойчивость экономической системы в целом.

Можно выделить следующие основные изменения на мировых рынках, произошедшие за последние годы под влиянием тенденций энергоперехода: снижение ежегодных темпов потребления энергии, смещение центра энергопотребления в Азиатско-Тихоокеанский регион (далее – АТР), прежде всего в Китай и Индию, масштабное развитие возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ), вытеснение угля и нефти природным газом и ВИЭ в структуре потребления первичных энергоресурсов, формирование глобального рынка водорода.

Запущенный процесс глобального энергоперехода для России несет следующие вызовы: сжатие глобального спроса и усиление конкуренции за рыночные

ниши между поставщиками энергоресурсов; сложность доступа на международных рынках капитала для энергетических проектов, особенно угольных; снижение доходности ТЭК и его вклада в экономику страны; технологическое отставание при сохранении действующей модели функционирования ТЭК.

Для российских энергоресурсов долгосрочная тенденция, характеризующаяся сжатием масштаба мирового рынка энергоресурсов, в 2022 г. была дополнена негативным шоком, характеризующимся усложнением доступа на мировые рынки после введения санкционных ограничений. В результате традиционный для российских энергоресурсов рынок европейских стран был закрыт, приоритетность поставок в страны АТР многократно увеличилась.

В данных условиях для оценки экспортного потенциала на рынках стран АТР необходимо учитывать совокупное воздействие долгосрочной тенденции, формирующейся под влиянием энергоперехода, и конъюнктурных колебаний, обусловленных санкционным шоком. В данной статье выполнен анализ ключевых рынков стран АТР (СВА-3 и Индии) с позиций оценки ниши российских энергоресурсов.

Рынки энергоресурсов стран СВА-3 и Индии: текущие позиции России

Для России как крупного производителе-

ля и экспортера энергоресурсов на мировые рынки представляют интерес крупные нетто-импортеры энергоресурсов. Наиболее масштабными рынками энергоресурсов в мире являются рынки Китая и Индии. Эти страны хоть и обладают значительными запасами собственных ресурсов, скорость добычи энергоресурсов в них уступает скорости роста энергопотребления. Также крупными сегментами мирового рынка энергоресурсов являются рынки Японии и Республики Корея, которые характеризуются более скромными масштабами потребления, но не обладают собственными ресурсами и удовлетворяют спрос за счет импорта.

Для всестороннего анализа роли российских энергоресурсов на рынках стран СВА-3 и Индии в настоящее время и оценки возможных трансформаций под влиянием санкционных ограничений использовалась обширная информационная база.

Статистический обзор мировой энергетики, публикуемый международным Институтом энергетики, использован для сравнительного анализа энергетических рынков СВА-3 и Индии по масштабам, уровню зрелости, зависимости от импорта энергоресурсов, структуры потребления по видам энергоресурсов.

Открытые источники, в том числе сетевые аналитические издания в области экономики и энергетики, позволили определить степень присоединения отдельных стран к санкциям и виды санкционных ограничений, применяемых ими в отношении РФ, получить информацию о наличии долгосрочных договоров на поставки российских энергоресурсов.

Национальная таможенная статистика стран СВА-3 и Индии использована для анализа текущих изменений в динамике и структуре экспорта российских энергоресурсов в указанные страны. Применение данных «зеркальной» внешнеторговой статистики обусловлено тем, что с марта 2022 г. публикация Федеральной таможенной службы России официальных статистических данных приостановлена.

В настоящее время основной объем спроса на первичную энергию в странах СВА-3 и Индии обеспечивают ископаемые виды топлива, на рынках которых Россия является одним из лидеров (табл. 1).

Страны СВА-3 являлись основными рынками сбыта для российских энергоресурсов. Так, в 2022 г. на их долю приходилось: по нефти – 47,3% от суммарного объема российского экспорта, по сжиженному природному газу (далее – СПГ) – 46,4% и по углю – 59,4%¹. Основными конкурентами России на рынках данных стран являлись: по нефти – Саудовская Аравия, ОАЭ, Ирак; по СПГ – Катар, Австралия и Малайзия; по углю – Австралия и Индонезия.

С 2022 г. основополагающим фактором, определяющим возможность доступа российских энергоресурсов на рынки отдельных стран, является факт присоединения страны к санкциям в отношении России и масштаб вводимых ею ограничений. Так, Япония и Республика Корея частично поддержали санкционные ограничения, в то время как Китай и Индия – нет. Хотя Япония и Республика Корея не вводили прямой запрет на поставки российских энергоресурсов, однако этими странами был провозглашен курс на снижение зависимости от них.

Отраслевые особенности рынков угля и нефти (отсутствие долгосрочных контрактов, морские поставки, относительно высокая конкуренция) определили скорость отказа стран от российских энергоресурсов. Так, Республика Корея и Япония, несмотря на высокую зависимость от импорта энергоресурсов, к середине 2023 г. смогли практически полностью отказаться от российской нефти (табл. 2). Япония на протяжении последних 1,5 лет последовательно сокращала импорт российского угля, в то время как Республика Корея наоборот увеличила закупки, что было обусловлено существенным дисконтом (в среднем 50–60% к мировой цене угля²). Однако в 2023 г. правительством Республики Корея были озвучены рекомендации государствен-

¹ Statistical Review of World Energy. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review>.

² Уголь 2022: подводим итоги, оцениваем перспективы // *dprom.online*. 30.01.2023 URL: <https://dprom.online/chindustry/rinok-uglya-2022-podvodeem-eetogee/> (дата обращения: 10.2023)

Таблица 1

Характеристика рынков энергоресурсов стран СВА-3 и Индии

Показатель	Япония	Республика Корея	Китай	Индия
Объем потребления первичной энергии, ЭДж	17,8	12,7	159,4	36,4
Доля в потреблении первичной энергии в мире, %	3,0	2,1	26,4	6,0
Зависимость от экспорта, % от объема потребления	90,9	89,5	21,9	37,9
Среднегодовой темп прироста потребления первичной энергии, 2000–2022 гг., %	99,1	103,4	106,2	104,7
Структура потребления первичной энергии по видам, 2022 г., %				
нефть	37,0	43,0	17,7	27,6
газ	20,3	17,5	8,5	5,7
уголь	27,6	22,6	55,5	55,1
атомная энергия	2,6	12,5	2,4	1,1
гидроэнергия	3,9	0,3	7,7	4,5
ВИЭ	8,6	4,1	8,3	5,9
Поддержка санкционных ограничений в отношении РФ	да	да	нет	нет
Доля России в импорте, 2022 г., %				
нефть	1,5	0	17,0	16,0
СПГ	9,4	4,2	6,6	2,1
трубопроводный газ	–	–	11,7	–
уголь	6,4	21,1	30,7	7,4
Виды энергоресурсов, по которым имеются долгосрочные контракты на поставки из России	СПГ	СПГ	СПГ, трубопроводный газ, нефть, электроэнергия	СПГ, нефть

Примечание: «–» – отсутствие поставок в направлении.

Источник: составлено авторами по данным Института энергетики: *Statistical Review of World Energy*. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review>.

ным компаниям не превышать объемы закупок угля, достигнутые в 2022 г.³

Несмотря на наличие долгосрочных контрактов на поставки российского СПГ в Японию (130 млн т за 20 лет), сохранение участия японских компаний

в проектах «Сахалин – 1» и «Сахалин – 2»⁴, вывод из-под действия санкционных ограничений импорта нефти и СПГ с Сахалина⁵ и вывод из-под санкций строительных и инженерных работ на «Арктик СПГ–2» и проектах «Сахалин –

³ Южная Корея воздерживается от угля из РФ // *Коммерсант*. 13.09.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6211430> (дата обращения: 10.2023).

⁴ Japan to retain stake in Russia's Sakhalin 1 oil project // *Kyodo News*. November 4, 2022. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2022/11/4d7fc1384d7c-urgent-japan-to-maintain-stake-in-russias-sakhalin-1-oil-project.html> (дата обращения: 10.2023).

⁵ Landers P. Japan Can Keep Importing Russian Oil Above Price Cap Through June 2024, U.S. Says // *The Wall Street Journal*. September 27, 2023. URL: <https://www.wsj.com/finance/commodities-futures/japan-can-keep-importing-russian-oil-above-price-cap-through-june-2024-u-s-says-be03e4a7> (дата обращения: 10.2023); Japan will ensure stable energy supply even with U.S. sanctions // *The Asahi Shimbun*. September 19, 2023. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15008849> (дата обращения: 10.2023).

Таблица 2

Динамика экспорта российских энергоресурсов в Японию и Республику Корея, % к соответствующему периоду предыдущего года

Товарная группа		Япония				Республика Корея			
		2020	2021	2022	2023 январь–июнь	2020	2021	2022	2023 январь–июнь
Продукция ТЭК	1	62,5	140,1	141,3	52,8	67,0	167,9	84,4	49,0
	2	...	...	...	...	90,1	96,0	83,7	91,7
уголь	1	77,9	147,0	165,4	30,4	70,1	130,4	221,9	118,7
	2	107,4	91,0	58,7	27,0	91,0	82,9	120,8	134,2
нефть	1	44,2	134,0	67,7	4,5	51,5	179,0	54,2	0,0
	2	64,5	87,1	43,4	5,3	71,5	122,7	39,7	0,0
СПГ	1	74,2	148,4	182,5	99,4	70,8	220,8	86,3	66,3
	2	96,0	106,9	104,6	83,5	89,9	142,0	68,4	70,6

Примечание: 1 – стоимостный объем, 2 – физический объем; «...» – нет данных.

Источник: рассчитано авторами по: Trade Statistics of Japan. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/info/index_e.htm; Korea Customs Service. URL: https://tradedata.go.kr/cts/index_eng.do.

1», «Сахалин – 2»⁶, страна реализует политику по снижению зависимости от СПГ. В результате данной политики в первом полугодии 2023 г. снизился импорт и российской продукции. Снижение спроса на СПГ в Республике Корея обусловлено обострением межтопливной ценовой конкуренции и появившейся возможностью уменьшить импорт СПГ за счет увеличения использования угля в генерации при наличии дисконта на российский уголь. При этом поставки российского СПГ также осуществляются в рамках долгосрочного контракта (30 млн т за 20 лет).

Экспорт выпадающих объемов нефти и угля с традиционных для российских энергоресурсов рынков был перенаправлен в Китай и Индию. Стоит отметить, что в Китай на протяжении последних двух десятилетий объемы экспорта российских энергоресурсов последовательно наращивались, а Индия до 2022 г. проигрывала в конкурентной борьбе за доступ к ним [Чеснокова, 2023]. В результате по

итомам 2022 г. Китай увеличил закупки продукции российского ТЭК в 1,6 раз, а Индия – в 7,3 раза (табл. 3).

Основной объем поставок российских энергоресурсов в Китай осуществляется в рамках долгосрочных контрактов, включающих следующие суммарные объемы: электроэнергии – 100 млрд кВт·ч на 25 лет; трубопроводного природного газа – 630 млрд м³ (2 маршрута поставок: действующий «Сила Сибири» на 30 лет и проектируемый «дальневосточный маршрут» на 10 лет); нефть – 1350 млн т (два действующих маршрута: по нефтепроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан» на 25 лет и транзит через Республику Казахстан на 10 лет) [Дёмина, Мазитова, 2022].

В Индию в рамках долгосрочных контрактов осуществляются поставки СПГ и нефти: 20-летний контракт ПАО «Газпром» и GAIL на поставку 2,5 млн т СПГ, 10-летний контракт ПАО «НК «Роснефть» и Essar на поставку 100 млн т нефти⁷.

Однако потенциал наращивания поставок в Китай и Индию ограничен пре-

⁶ Chaudhury D.R. Japan excludes three Russian energy projects from sanctions // The Economic Times. July 3, 2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/japan-excludes-three-russian-energy-projects-from-sanctions/articleshow/101452295.cms> (дата обращения: 10.2023); Ministry of Economy, Trade and Industry News Releases. 30.06.2023. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2023/06/20230630009/20230630009.html> (дата обращения: 10.2023).

⁷ Сотрудничество России и Индии в нефтяной и газовой сферах. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/739/ (дата обращения: 10.2023).

Таблица 3

**Динамика экспорта российских энергоресурсов в Китай и Индию,
% к соответствующему периоду предыдущего года**

Товарная группа		Китай				Индия			
		2020	2021	2022	2023 январь-июнь	2020	2021	2022	2023 январь-июнь
Продукция ТЭК	1	79,0	159,3	159,0	118,3	71,2	228,2	727,8	286,4
уголь	1	96,8	287,9	166,5	182,7	79,9	161,0	390,1	157,4
	2	116,8	160,7	117,6	219,2	103,2	97,8	239,3	...
нефть	1	74,0	146,4	144,5	97,1	63,5	249,1	1105,5	341,9
	2	107,5	95,4	108,3	127,3	89,0	173,0	814,8	...
СПГ	1	151,7	160,8	243,7	124,5	83,7	166,9	177,1	145,1
	2	201,4	89,5	143,5	165,4	229,6	85,0	140,4	...
трубопроводный газ	1	59231,8*	237,4	263,5	204,0	–	–	–	–
	2	76501,9*	254,2	...	...	–	–	–	–
электричество	1	98,5	133,9	118,7	86,1	–	–	–	–
	2	98,7	124,3	123,3	92,6	–	–	–	–

Примечание: 1 – стоимостный объем, 2 – физический объем, * – значительный рост обусловлен малой статистической базой 2019 г. так как поставки начались в декабре 2019 г., с 2020 г. идет наращивание поставок в рамках выполнения контрактных обязательств России по трубопроводным поставкам природного газа в Китай; «–» – отсутствие поставок в направлении; «...» – нет данных.

Источник: *рассчитано авторами по: General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC). URL: <http://english.customs.gov.cn/>; Trade statistics for international business development. ITC. URL: <https://www.trademap.org>.*

жде всего пропускной способностью транспортной инфраструктуры восточного направления (высокая загрузка магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий Океан» (ВСТО), дефицит мощности Восточного полигона), в то время как альтернативные маршруты из портов северо-западных и южных регионов страны приводят к кратному росту стоимости перевозки из-за большой длины транспортного плеча⁸. Кроме того, ограничением является угроза вторичных санкций в отношении Китая и Индии, а также переход на торговлю в национальных валютах этих стран, что приводит к проблеме возврата части полученной валютной выручки в экономику России.

Таким образом, степень зрелости рынков энергоресурсов и высокий уровень конкуренции на них выступали ограни-

чителями в наращивании присутствия российских энергоресурсов на рынках стран СВА-3 (табл. 4). Негативное воздействие данных факторов только усиливалось присоединением Японии и Республики Корея к санкционным ограничениям. На рынках энергоресурсов Китая конъюнктурные факторы оказывали разнонаправленное воздействие, но в совокупности они в настоящее время способствуют росту конкурентоспособности российских энергоресурсов и наращиванию их экспорта. На рынках энергоресурсов Индии факторы характеризуются однонаправленным воздействием и повышают конкурентоспособность российских энергоресурсов.

В итоге на рынках Японии и Республики Корея российские энергоресурсы утрачивают свои позиции. В сложившейся ситуации наиболее перспективными с пози-

⁸ Кузнецова Е. и др. Будущее угольной индустрии: экспортный потенциал России до 2050 года. URL: <https://yakov.partners/publications/coal-industry-overview-russia-s-export-prospects-through-2050/> (дата обращения: 10.2023).

Таблица 4

**Конъюнктурные факторы, определяющие конкурентоспособность
российских энергоресурсов на рынках стран СВА-3 и Индии**

Факторы	Япония	Республика Корея	Китай	Индия
Степень зрелости рынков ископаемых видов топлива	–	–	+	+
Уровень конкуренции на рынках ископаемых видов топлива	–	–	– –	+
Наличие долгосрочных контрактов на поставки российских энергоресурсов	+	+	++	+
Санкционные ограничения	– –	–	+	+

Примечание: влияние факторов: «– –» – крайне негативное, «–» – негативное, «+» – позитивное, «++» – очень позитивное.

Источник: составлено авторами.

ции экспорта являются Индия и Китай, роль которых многократно усилилась в условиях санкционных ограничений, вводимых в отношении России с 2022 г. Но компенсаторные возможности экономик этих стран по возмещению утраченных Россией рынков энергоресурсов ограничены. Если в среднесрочной перспективе еще сохраняется высокий потенциал, то в долгосрочной – требуется расширение транспортной инфраструктуры.

Трансформации рынков энергоресурсов СВА-3 и Индии в результате энергоперехода

Тенденция перехода экономики на траекторию низкоуглеродного развития является глобальной, и страны АТР не являются исключением. Интенсивность процесса определяется приоритетами государственной политики и скоростью технологического прогресса.

Прогнозные оценки потребления энергоресурсов публикуются ведущими исследовательскими группами – Азиатско-Тихоокеанским центром энергетических исследований (АТЭС), Международным энергетическим агентством (МЭА ОЭСР) и компанией «Би-Пи (BP).

Так, в последнем отчете АТЭС (APEC Energy Demand and Supply Outlook) предложены 2 возможных сценария изменений в ТЭК до 2050 г.: базовый сценарий, предполагающий инерционный характер развития, продолжение текущей энергетической политики и сохранение тенденций в разработке и внедрении технологий; сценарий углеродной нейтраль-

ности, который предполагает активный переход на траекторию низкоуглеродного развития с более высокими темпами снижения энергоемкости экономики и развития ВИЭ, особенно в области водородных технологий [APEC..., 2022].

В исследовании «World Energy Outlook 2022» агентства МЭА ОЭСР оцениваются три основных сценария (чистые нулевые выбросы к 2050 г., объявленные обязательства и заявленная политика), разница в которых определяется целями по достижению углеродной нейтральности, необходимыми мерами поддержки и стимулирования ускоренного энергоперехода [World..., 2022].

В отчете «BP Energy Outlook, edition 2023» рассматриваются три основных сценария: ускорение, чистый ноль и новый импульс. Первые два сценария исследуют то, как будут развиваться мировые рынки энергоресурсов при ужесточении экологической политики и существенном сокращении выбросов парниковых газов. Третий сценарий характеризует инерционное развитие экономик [BP..., 2023].

По своим предпосылкам и результатам сценарного анализа тенденции, которые формируются в рамках базового сценария, предложенного исследователями АТЭС, схожи с выводами сценария заявленной политики экспертов МЭА ОЭСР и 3 сценарием, предложенным экспертами BP, а сценарий объявленных обязательств – со сценариями углеродной нейтральности и ускорения.

Лидерами экологической повестки

являются Республика Корея и Япония, в которых в ближайшей перспективе прогнозируется масштабное сжатие спроса и опережающее сокращение объема импорта ископаемых энергоресурсов. В перспективе до 2030–2035 гг. это будет компенсировано ростом спроса в Китае и Индии, за пределами данного периода положительная динамика спроса прогнозируется только в Индии (табл. 5).

В результате энергоперехода также предполагается формирование нового рынка водорода во всех рассматриваемых странах.

Япония обладает следующими конкурентными преимуществами на формирующемся рынке зеленого водорода: емкий внутренний рынок, активная государственная политика в данной сфере,

включающая государственное субсидирование развития водородных технологий, технологическое лидерство, активное развитие международного сотрудничества [Мастепанов и др., 2022]. Япония рассматривается как один из крупных игроков на формирующемся рынке водорода (в части поставок технологий и оборудования).

Основными документами, определяющими развитие сектора, являются: Стратегический энергетический план (последняя 6 версия – 2021 г.), Стратегическая дорожная карта в отношении водорода и топливных элементов, Базовая водородная стратегия⁹.

Республика Корея также обладает потенциалом емкого рынка водорода и характеризуется активной государствен-

Таблица 5

Динамика потребления и импорта первичных энергоресурсов в странах АТР в 2019–2050 гг., %

Показатель / сценарий	Япония	Республика Корея	Китай	Индия
Заявленный год перехода к углеродной нейтральности	2050	2050	2060	2070
Год принятия документа, определяющего развитие водородных технологий	2017	2019	2022	2021
Стратегия в отношении обеспечения водородом	импорт	импорт	самообеспеченность	экспорт
Объем потребления первичной энергии в 2050 г., % к уровню 2018 г.				
Базовый сценарий	71,3	101,9	119,5	Нет данных
Сценарий углеродной нейтральности	52,4	73,8	87,4	Нет данных
Объем потребления первичной энергии в 2050 г., % к уровню 2021 г.				
Сценарий заявленной политики	74,5	н/д	99,8	177,7
Сценарий объявленных обязательств	66,1	н/д	85,0	142,5
Объем потребления первичной энергии в 2050 г., % к уровню 2019 г.				
Сценарий новых моментов	Нет данных	Нет данных	108,9	224,5
Сценарий ускоренный	Нет данных	Нет данных	101,3	212,0
Объем потребления водорода, 2050 г., ПДж				
Базовый сценарий	57,6	65,1	1209,9	Нет данных
Сценарий углеродной нейтральности	419,9	202,7	3238,1	Нет данных

Источник: составлено авторами по: [АПЕС..., 2022; World..., 2022; BP..., 2023].

⁹ Japan: Strategic Hydrogen Roadmap. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/mfat-market-reports/japan-strategic-hydrogen-roadmap-30-october-2020/>; Bocobza J., Tanabe M. Japan Hydrogen Basic Strategy. URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/japan-hydrogen-basic-strategy>

ной политикой по стимулированию внутреннего спроса на зеленый водород. Последнее закреплено в основных документах, определяющих развитие энергетики страны, в рамках стратегии по достижению углеродной нейтральности: Дорожной карте водородной экономики и Третьем энергетическом плане; на законодательном уровне – в Водородном законе и Законе об углеродной нейтральности. Кроме того, развитие водородных технологий и трансформация экономики с переводом всех секторов на потребление водорода стало частью более общей повестки экономического развития страны, получившей название «Зеленый новый курс» [Дёмина, Мазитова, 2023].

Возможности собственного развития производства водорода в Японии и Республике Корея ограничены возможностями стран по размещению объектов ВИЭ-генерации. Кроме того, Республика Корея уступает мировым лидерам по развитию водородных технологий, а высокая стоимость японских электролизеров снижает их конкурентоспособность на мировом рынке по сравнению с европейскими и китайскими аналогами. Обе страны рассматривают обеспечение спроса на водород за счет его импорта.

Китай обладает рядом преимуществ для того, чтобы стать крупным игроком на рынке зеленого водорода: емкий внутренний рынок, масштабный и быстро развивающийся сектор возобновляемых источников энергии, более низкая цена на установки на базе ВИЭ и электролизеры по сравнению с аналогами из других стран, активное развитие водородных технологий. Основным ограничением развития рынка водорода Китая на сегодняшний день является высокая зависимость от импорта технологий в нескольких важнейших областях, включающих внедрение топливных элементов на автомобильном транспорте, развитие сети станций заправки водородом, хранилищ водорода, производство современных электролизеров¹⁰. Основными

документами, определяющими развитие данного сектора на данный момент, являются: 13-й план промышленного развития стратегических отраслей, 13-й Специальный план научных и технологических инноваций на транспорте, Пятилетний план национального экономического и социального развития с учетом долгосрочных целей до 2035 года, 14-й пятилетний план развития энергетической системы, 14-й пятилетний план развития возобновляемой энергетики, Средне- и долгосрочный план развития водородной промышленности (2021–2035 гг.), План действий политики Китая «1+N» по декарбонизации.

Индия, обладающая емким внутренним рынком, наравне с Китаем стремится стать глобальным центром производства и экспорта зеленого водорода. В последнее десятилетие активно развивается сектор ВИЭ, но существует высокая зависимость от международных технологических разработок и импортных материалов, что увеличивает стоимость производства [Щедров, 2022]. По сравнению с другими странами водородная стратегия развития была запущена не так давно – в 2021 г., но страна ставит достаточно амбициозные цели по производству водородной продукции¹¹. Основными документами, определяющими данное направление, являются: Национальная водородная миссия, Политика в области зеленого водорода / зеленого аммиака¹².

По оценкам экспертов, пространственная структура мирового спроса на водород к 2030 г. и к 2050 г. сохранится без существенных изменений: на долю АТР будет приходиться 45–48% мирового спроса, на Европейский Союз – 9–11%, на Северную Америку – 16–20% [World..., 2022]. Анализ конкурентоспособности производства водорода в разрезе географических сегментов свидетельствует о том, что, хотя потенциально водород может производиться во многих регионах, по уровню затрат экспортное производ-

¹⁰ Dellatte J. *Global Green Hydrogen Policy: China, A Giant Biding Its Time*. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/global-green-hydrogen-policy-china-giant-biding-its-time>

¹¹ Азиз и Афпике – газ, Индии – уголь // Переток.ру. 09.01.2023. URL: <https://peretok.ru/articles/freezezone/25719/> (дата обращения: 10.2023).

¹² Сидорович В. Индия обнародовала свою водородную политику // RenEn. 18.02.2022. URL: <https://renen.ru/indiya-obnarodovala-svoyu-vodorodnuyu-politiku/> (дата обращения: 10.2023).

ство в АТР возможно в Индии и Китае, а в Республике Корея и Японии – только для обеспечения внутреннего спроса¹³.

Россия находится на начальном этапе развития технологий, однако этому направлению уделяется повышенное внимание со стороны правительства и отраслевых экспертов. Принято несколько основополагающих стратегических документов, определивших в качестве приоритетного экспортное направление развития водородных технологий в стране: Энергетическая стратегия России до 2035 г., План мероприятий по развитию водородной энергетики до 2024 г., Концепция развития водородной энергетики в РФ. В настоящее время в России разрабатывается Комплексная программа развития низкоуглеродной водородной энергетики в РФ на период до 2050 г. В стране в основном сформирована нормативно-правовая база, имеются значительные запасы энергетических ресурсов, в том числе возобновляемых, есть незадействованные генерирующие мощности, консолидирован научно-технологический потенциал. Ограничениями по развитию водорода для России выступают: высокая цена зеленого водорода, отсутствие необходимой инфраструктуры для его масштабной транспортировки, низкая международная активность сотрудничества с Россией [Мастепанов, 2020].

С учетом нынешней ситуации, несмотря на имеющиеся конкурентные преимущества в области водородных технологий (короткое транспортное плечо, наличие потенциала развития ВИЭ, богатые запасы природного газа и воды, необходимых в производственном процессе)¹⁴, у России, скорее всего, не будет возможности вступить в конкурентную борьбу за формирующиеся новые рынки сбыта водорода в Японии и Республике Корея [Дёмина, Мазитова, 2023]. О последнем также свидетельствует приостановка сотрудничества этих стран с Россией в области водородных проектов на неопределенный срок.

В долгосрочной перспективе влияние глобального энергоперехода на позиции

России на рынках энергоресурсов будет определяться следующими факторами: интенсивностью процесса энергоперехода, динамикой спроса на ископаемые виды топлива, государственной поддержкой водородных технологий и стратегией развития водорода в части связи с мировым рынком (табл. 6).

Скорее всего, совокупное влияние рассмотренных факторов будет способствовать снижению конкурентоспособности России на рынках ископаемого топлива стран СВА-3 и на формирующемся рынке водорода в странах СВА-3 и Индии.

Заключение

Мировые рынки энергоресурсов в настоящее время находятся в стадии активной трансформации. Долгосрочные тенденции развития рынков определяются интенсивностью процесса глобального энергоперехода, а отклонения от них формируются под воздействием шоков. С 2022 г. наблюдается санкционный шок – ограничение доступа российских энергоресурсов на мировые энергетические рынки. В условиях сохранения экспортноориентированной стратегии развития ТЭК России требуется переоценка конкурентных преимуществ российских энергоресурсов на рынках стран СВА-3 и Индии, считавшихся ранее перспективными направлениями.

Следует отметить, что приоритетом для всех стран при определении целей по изменению энергетического баланса является энергетическая безопасность. Так, Япония и Республика Корея, не имеющие собственных энергоресурсов, удовлетворяющих внутренний спрос, особое внимание уделяют диверсификации поставщиков и развитию технологий, которые в будущем позволят странам снизить зависимость от конкретных видов энергоресурсов. В ответ на геополитические шоки в настоящее время эти страны могут только переключаться на других поставщиков или корректировать пропорции импортируемых энергоресурсов в энергобалансе страны. Поскольку Китай и Индия сами обладают большими ресурсами, политика стран в первую очередь даже при отсутствии внешних шоков

¹³ *Global Hydrogen Flows: Hydrogen trade as a key enabler for efficient decarbonization*. URL: <https://hydrogencouncil.com/wp-content/uploads/2022/10/Global-Hydrogen-Flows.pdf>

¹⁴ Подробнее см.: [Дёмина, Гулидов, 2022].

Таблица 6

**Факторы, определяющие конкурентоспособность российских
энергоресурсов на рынках стран СВА-3 и Индии в результате глобального
энергоперехода**

Факторы	Япония	Республика Корея	Китай	Индия
Интенсивность энергоперехода	--	--	-	+
Динамика спроса на ископаемые виды топлива до 2050 г.	-	-	+	++
Государственная поддержка водородных технологий	+	+	+	-
Стратегия развития водорода (ориентация на импорт, самообеспечение или экспорт)	++	++	+	-

Примечание: влияние факторов: «--» – крайне негативное, «-» – негативное, «+» – позитивное, «++» – очень позитивное.

Источник: составлено авторами.

предусматривает гибкую корректировку поставленных целей по импорту энергоресурсов в зависимости от складывающихся пропорций внутреннего производства и потребления с приоритетом внутреннего производства.

Эволюция нормативно-правовых документов в энергетической сфере в рассматриваемых странах свидетельствует об усилении роли водорода в реструктуризации экономик. Последнее также подтверждает активность исследовательской деятельности и количество патентов, полученных в области водородных технологий в Китае, Японии и Республике Корея¹⁵, развитие инфраструктуры для автомобилей на топливных элементах в этих странах¹⁶, наличие 2-х и многосторонних международных соглашений по развитию водородных технологий в Китае, Индии, Японии, Республике Корея¹⁷. При этом в настоящее время только Япония причисляется к технологическим лидерам в области водородных технологий.

Республика Корея и Китай только выйдут на международный уровень со своими технологиями, а Индия находится на начальном этапе реализации водородной стратегии.

Из рассматриваемых стран АТР только в Республике Корея и Японии предполагается удовлетворение спроса на водород за счет импорта, Китай предполагает обеспечение спроса за счет собственного производства, Индия в долгосрочной перспективе предполагает экспорт водорода.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд факторов разного характера, определяющих конкурентоспособность российских энергоресурсов на рынках стран СВА-3 и Индии: конъюнктурные (степень зрелости рынков ископаемых видов топлива, уровень конкуренции на рынках ископаемых видов топлива, наличие долгосрочных контрактов на поставки российских энергоресурсов и санкционные ограничения) (см. табл. 4) и долгосрочные (интенсивность энергоперехода,

¹⁵ *Hydrogen Patents for a Clean Energy Future*. URL: <https://www.iea.org/reports/hydrogen-patents-for-a-clean-energy-future>

¹⁶ *Hydrogen Insights 2023*. URL: <https://hydrogencouncil.com/wp-content/uploads/2023/05/Hydrogen-Insights-2023.pdf>

¹⁷ *Delaval B. et al. Hydrogen RD&D Collaboration Opportunities: Japan*. URL: <https://explore.mission-innovation.net/wp-content/uploads/2023/04/H2RDD-Japan-FINAL.pdf>; *Dellatte J. Global Hydrogen Policy: Assessing Japan's Hydrogen Society*. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/global-hydrogen-policy-assessing-japans-hydrogen-society>; *Dellatte J. Global Green Hydrogen Policy: China, A Giant Biding Its Time* URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/global-green-hydrogen-policy-china-giant-biding-its-time>; *Delaval B. et al. Hydrogen RD&D Collaboration Opportunities: India*. URL: <http://mission-innovation.net/wp-content/uploads/2022/09/H2RDD-India-FINAL.pdf>

динамика спроса на ископаемые виды топлива до 2050 г., государственная поддержка водородных технологий и стратегия развития водорода) (см. табл. 6). Все рассмотренные факторы снижают конкурентоспособность российских энергоресурсов на рынках ископаемого топлива Японии и Республики Корея. Исключением является наличие долгосрочных контрактов на поставки российских энергоресурсов, однако положительное влияние данного фактора распространяется только на СПГ. На рынках ископаемого топлива Китая негативное влияние факторов, согласно прогнозам, усилится после 2030–2035 гг., конкурентоспособность российских энергоресурсов в первую очередь будет зависеть от динамики собственного производства в стране. Данная тенденция прогнозируется и в отношении Индии, но в перспективе после 2040 г.

В части формирующегося рынка водорода на рынках Японии и Республики Корея факторы оказывают разнонаправленное воздействие. Оформленные законодательно и имеющие государственную поддержку стратегии развития водорода

свидетельствуют о высоком потенциале формирования масштабного рынка зеленого водорода, но действие данного фактора полностью нивелируется поддержкой санкционных ограничений в отношении российского ТЭК, в результате чего, в частности, было приостановлено российско-японское сотрудничество в данной сфере. На рынках Китая и Индии приоритетом является развитие собственного производства, к тому же в Индии стратегия развития водорода еще законодательно не оформлена и характеризуется высоким уровнем неопределенности. Кроме того, Китай и Индия будут выигрывать в ценовой конкуренции у внешних поставщиков.

Таким образом, если масштабы сжатия традиционных рынков сбыта в АТР пока компенсируются ростом экспорта на наиболее перспективные в сложившейся ситуации рынки региона: Китай и Индию, то менее благоприятной видится ситуация на формирующемся рынке водорода: скорее всего Россия не сможет конкурировать с собственным производством этих стран.

Список источников:

1. Дёмина О. В., Гулидов Р. В. Трансформация ТЭК Дальнего Востока в условиях глобального энергоперехода: роль институтов // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 4 (101). С. 15–31. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-15-31>
2. Дёмина О. В., Мазитова М. Г. Траектория достижения углеродной нейтральности Республики Корея: вызов для российских энергоресурсов // *Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2023. № 1. С. 75–99. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-75-99
3. Дёмина О. В., Мазитова М. Г. Экспортная специализация топливно-энергетического комплекса Дальневосточного федерального округа: влияние санкционных ограничений // *Регионалистика*. 2022. Т. 9. № 6. С. 67–84. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.67>
4. Мастепанов А. Водородная энергетика России: состояние и перспективы // *Энергетическая политика*. 2020. №12 (154). С. 54–65.
5. Мастепанов А. М., Сумин А. М., Чигарев Б. Н. Энергетическая политика Японии в контексте энергетического перехода и «санкционных войн» // *Актуальные проблемы нефти и газа*. 2022. Вып. 3(38). С. 56–84. <https://doi.org/10.29222/ipng.2078-5712.2022-38.art5>
6. Чеснокова С. В. Россия стала крупнейшим экспортером нефти в Индию // *Восточная аналитика*. 2023. Т. 14. №3. С. 98–107. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-03-98-107>
7. Щедров И. Ю. Энергетический переход в Индии: проблемы и перспективы // *Азия и Африка сегодня*. 2022. №9. С. 20–28. DOI: 10.31857/S032150750020528-2
8. APEC Energy Demand and Supply Outlook 8th Edition 2022. Vol. II. Asia Pacific Energy Research Centre (APEREC), 2022. URL: [https://www.apec.org/publications/2022/09/apec-energy-demand-and-supply-outlook-\(8th-edition\)---volume-ii](https://www.apec.org/publications/2022/09/apec-energy-demand-and-supply-outlook-(8th-edition)---volume-ii)
9. BP Energy Outlook, edition 2023. BP plc, 2023. URL: <https://www.bp.com/>

en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook/energy-outlook-downloads.html?ysclid=lp37ss775k328276396

10. World Energy Outlook 2022. Paris: IEA, 2022. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022>

References:

1. Dyomina O. V., Gulidov R. V. (2022) Transformation of the Russian Far East's energy sector against the backdrop of the global energy transition: role of the institutions *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (101): 15–31. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-15-31> (In Russ.).
2. Dyomina O. V., Mazitova M. G. (2023) Korea's Carbon Neutral Strategy: a Challenge for Russian Energy Resources *Nauchnye trudy. Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.]. No. 1: 75–99 (In Russ.). DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-75-99 (In Russ.).
3. Dyomina O. V., Mazitova M. G. (2022) Export Specialization of the Fuel and Energy Complex of the Far Eastern Federal District: The Impact of Sanctions Restrictions *Regionalistika* [Regionalistics]. Vol. 9. No. 6: 67–84 (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.67> (In Russ.).
4. Mastepanov A. (2020) Hydrogen power engineering in Russia: state and prospects *Energeticheskaya politika* [Energy policy]. No. 12 (154): 54–65 (In Russ.).
5. Mastepanov A. M., Sumin A. M., Chigarev B. N. (2022) Japan's energy policy in the context of the energy transition and the "sanction wars" *Aktual'nye problemy nefti i gaza* [Actual Problems of Oil and Gas]. Iss. 3 (38): 56–84. <https://doi.org/10.29222/ipng.2078-5712.2022-38.art5> (In Russ.).
6. Chesnokova S. V. (2023) Russia became the largest oil exporter to India *Vostochnaya analitika* [Eastern Analytics]. Vol. 14. No. 3: 98–107. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-03-98-107> (In Russ.).
7. Shchedrov I. Yu. (2022) Energy transition in India: Challenges and prospects *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. No. 9: 20–28. DOI: 10.31857/S032150750020528-2 (In Russ.).
8. APEC Energy Demand and Supply Outlook 8th Edition 2022. Vol. II. Asia Pacific Energy Research Centre (APERC), 2022. URL: [https://www.apec.org/publications/2022/09/apec-energy-demand-and-supply-outlook-\(8th-edition\)---volume-ii](https://www.apec.org/publications/2022/09/apec-energy-demand-and-supply-outlook-(8th-edition)---volume-ii)
9. BP Energy Outlook, edition 2023. BP plc, 2023. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook/energy-outlook-downloads.html?ysclid=lp37ss775k328276396>
10. World Energy Outlook 2022. Paris: IEA, 2022. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022>

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Информация об авторах

О. В. Дёмина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН;

М. Г. Мазитова – научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

O. V. Dyomina – Candidate of Economics, Senior Researcher, the Economic Research Institute of FEB RAS;

M. G. Mazitova – Research Fellow, the Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья

УДК 339.5(470:597)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-32-48

Российско-вьетнамские торговые взаимоотношения: динамика сближения в условиях ограничений

Дмитрий Александрович Изотов

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, Хабаровск, Россия

izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Аннотация. Целью исследования является оценка динамики торгово-экономического сближения между Россией и Вьетнамом, а также анализ влияния геополитических факторов на российскую внешнюю торговлю. Показано, что, несмотря на небольшую долю Вьетнама во внешнем товарообороте России, российско-вьетнамская торговля характеризовалась долгосрочным увеличением. Определено, что заметному снижению обоюдных тарифных барьеров в торговле способствовало присоединение России и Вьетнама к ВТО и создание между странами зоны свободной торговли. Выявлена долгосрочная трансформация товарной структуры российско-вьетнамской торговли. Оценки гравитационной модели показали, что в 1995–2022 гг. барьеры в торговых взаимодействиях между Россией и Вьетнамом снижались, подтвердив наличие долгосрочной тенденции торгово-экономического сближения двух стран. Определено, что самые низкие значения барьеров в торговле между Россией и Вьетнамом наблюдались в период функционирования зоны свободной торговли между странами. На основе оценок эффекта границ в торговле России с остальными странами показано, что притяжение между экономиками двух стран является не таким сильным, как с другими, более близкими и крупными торговыми партнерами. Предполагается, что торгово-экономические взаимодействия России и Вьетнама, с одной стороны, будут сдерживаться санкциями по отношению к российской экономике, с другой стороны, поддерживаться, благодаря связям двух стран, а также специфике функционирования российско-вьетнамских предприятий.

Ключевые слова: торговля, интеграция, зона свободной торговли, гравитационная модель, эффект границ, сближение, геополитические факторы, Вьетнам, Россия

Для цитирования: Изотов Д. А. Российско-вьетнамские торговые взаимоотношения: динамика сближения в условиях ограничений // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 32–48. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-32-48>

Russian-Vietnamese trade: dynamics of rapprochement under the conditions of restrictions

Dmitry A. Izotov

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Abstract. The purpose of this study is to test two hypotheses. First hypothesis: in the long term, there has been a tendency to reduce trade barriers between Russia and Vietnam. The second hypothesis: the rapprochement of the two countries took place under

the conditions of the negative influence of geopolitical factors on Russia's foreign trade, which also include sanctions against the Russian economy. It is shown that, despite the small share of Vietnam in Russia's foreign trade Russian-Vietnamese trade turnover had a long-term increase. It was determined that the reduction of reciprocal trade barriers was facilitated by the accession of Russia and Vietnam to the WTO and creation of a free trade zone between the countries. Transformation of the commodity structure of the Russian-Vietnamese trade has been revealed: investment goods dominated in exports from Russia to Vietnam until 2010, followed by the raw materials; in imports from Vietnam to Russia TNC enterprises' electronic and electrical industry products began to predominate since the 2010th. Estimates showed that trade barriers between Russia and Vietnam decreased (the border effect in 2022 was 55.4 p.p. lower compared to 1995), confirming the existence of long-term trade and economic rapprochement between these countries. It was determined that the lowest values of barriers between Russia and Vietnam were after the free trade zone creation. However, the attraction between the two economies is weaker than with other closer and larger trading partners (economies). The estimates confirmed the noticeable negative impact of geopolitical factors on Russia's foreign trade. It is assumed that trade between Russia and Vietnam, on the one hand, will be restrained by sanctions against the Russian economy, and on the other hand, will be supported on the basis of political ties between the two countries, as well as the specifics of the functioning of the Russian-Vietnamese enterprises.

Keywords: trade, integration, free trade zone, gravity model, border effect, rapprochement, geopolitical factors, Vietnam, Russia

For citation: Izotov D. A. Russian-Vietnamese trade: dynamics of rapprochement under the conditions of restrictions // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 32–48. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-32-48>

Введение

Страны Юго-Восточной Азии являются одним из важных направлений для расширения внешних торгово-экономических взаимодействий России в рамках стратегии «поворота на Восток». В двусторонних экономических и политических связях России со странами Юго-Восточной Азии традиционно приоритетными являются российско-вьетнамские взаимоотношения, имеющие сравнительно долгую историю, начавшуюся с советского периода. Несмотря на значительные экономические трансформации, произошедшие как в России, так и во Вьетнаме, а также на наличие экзогенных процессов глобального и субглобального масштаба, сдерживающих двустороннее сотрудничество, и на территориальную удаленность, за последние три десятилетия наблюдался взаимный интерес руководства двух стран в углублении политических и торгово-экономических взаимодействий друг с другом. Так, в 2001 г.

страны приняли Декларацию о стратегическом партнерстве [Лузянин, 2022. С. 5], а в 2012 г. статус двусторонних политических отношений был поднят до Всеобъемлющего стратегического партнерства [Тураева, Яковлев, 2023. С. 168]. Важным аспектом для торгово-экономического сотрудничества стран является вступление в силу в 2016 г. соглашения о создании зоны свободной торговли между Вьетнамом и странами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), в который входит Россия, а также Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия.

Следует заметить, что такие близкие двусторонние отношения представляют собой уникальный случай для России с точки зрения стратегии ее взаимодействий со странами АТР. Долгое время Россия выстраивала тесные отношения со странами Европейского союза (ЕС) и бывшего СССР. В 2010-х гг. сближение России с европейскими странами было приостановлено, а интеграционные про-

цессы, инициированные российской стороной на постсоветском пространстве, способствовали созданию в 2015 г. ЕАЭС в формате Таможенного союза. Вьетнам является единственной страной в АТР, с которой ЕАЭС вступил в интеграционные взаимоотношения, создав зону свободной торговли в расширенном формате, распространяющую снижение барьеров помимо товарного рынка на рынок услуг [Baev, Tonnesson, 2015].

В свою очередь для Вьетнама создание интеграционного объединения с Россией (в рамках ЕАЭС) является одним из элементов расширения его внешнеторговых связей и, прежде всего, для наращивания экспорта. Следует заметить, что Вьетнам на протяжении последних трех десятилетий осуществляет поэтапную стратегию либерализации внешней торговли за счет расширения своего участия в субглобальных интеграционных форматах в рамках АТР: зона свободной торговли между странами Юго-Восточной Азии (АСЕАН¹) – 1995 г.; Всестороннее прогрессивное Транстихоокеанское партнерство – 2017 г.; Всестороннее региональное экономическое партнерство – 2020 г. Соответственно, основным поставщиком во Вьетнам промежуточных товаров являются Китай, Япония, Республика Корея и страны АСЕАН, а главным потребителем готовых товаров из Вьетнама – США [Нгуен, 2022]. Фактически экономика Вьетнама тесно встроена в производственную кооперацию в Восточной Азии, с целью поддержания которой руководство страны стремится сокращать барьеры для свободного поступления в страну промежуточных товаров для осуществления сборочного процесса на предприятиях с прямыми иностранными инвестициями, расположенных на вьетнамской территории. Эмпирические оценки [Narayan, Nguyen, 2016; Hai, Thang, 2017; Dinh, Nguyen, Hoang, 2014] показывают, что расширение рынков сбыта для вьетнамской продукции опирается на создание различного рода интеграционных объединений, в том числе за пределами АТР.

Несмотря на некоторое несовпадение экономических мотивов в расширении взаимодействий у России и Вьетнама, имеются оценки [Thuan, 2022], указывающие в целом на эффективность созданной зоны свободной торговли между странами. При этом широкомасштабные санкции к России в 2022 г. со стороны западных стран создали трудности для российско-вьетнамских торгово-экономических взаимодействий в расчетах за предоставляемые товары и услуги, в стоимости транспортировки товаров и в закупках оборудования для совместных проектов [Бритов, 2022. С. 10].

В условиях введенных широкомасштабных санкций к России со стороны стран коллективного Запада реакция Вьетнама проявилась в формальном введении единичных ограничений для российской экономики. При этом официальная позиция вьетнамской стороны сводится к сохранению нейтралитета по данному вопросу [Бритов, 2022. С. 12] в условиях реализуемой многовекторной внешнеэкономической политики [Тураева, Яковлев, 2023. С. 167].

Опираясь на вышеизложенную информацию, можно предположить, что в рамках долгосрочного периода между Россией и Вьетнамом наблюдается тенденция торгово-экономического сближения с точки зрения снижения барьеров двусторонних взаимодействий. Также можно предположить, что сближение двух стран происходит на фоне негативного влияния геополитических факторов на внешнюю торговлю России, которые в том числе включают в себя санкции к российской экономике со стороны стран коллективного Запада. Соответственно, целью настоящего исследования является оценка динамики торгово-экономического сближения между Россией и Вьетнамом, а также анализ влияния геополитических факторов на российскую внешнюю торговлю. Алгоритм настоящего исследования включает решение следующих задач: 1) анализ динамики, структуры и тарифных барьеров торговых взаимодействий

¹ Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины.

России с Вьетнамом; 2) формирование массива статистических данных и методики оценки барьеров двусторонних взаимодействий и геополитических факторов; 3) оценка долгосрочной динамики торгово-экономического сближения/расхождения между Россией и Вьетнамом, а также геополитических факторов, влияющих на российскую внешнюю торговлю. Временным периодом исследования является 1995–2022 гг. Барьеры двусторонних торговых взаимодействий оцениваются на основе эффекта границ, отражающего совокупные издержки по перемещению товаров через границы торгующих друг с другом стран.

Торговля между Россией и Вьетнамом: динамика, структура и тарифные барьеры

Вьетнам относится к числу экономических партнеров России, товарооборот с которым характеризуется значительным долгосрочным увеличением. Так, за анализируемый период товарооборот России с Вьетнамом вырос в 46,3 раз – со 165,7 млн долл. в 1995 г. до 7680,0 млн в 2022 г., в то время как с остальными странами мира – только в 4,4 раза (со 128,5 млрд долл. до 564,2 млрд соответственно). В 2010-е гг. для товарооборота

России с Вьетнамом были характерны отрицательные значения сальдо торгового баланса за счет заметного превышения импорта над экспортом. Некоторое сокращение стоимостных объемов экспорта из России во Вьетнам происходило в рамках финансового кризиса 2014 г. и начавшейся в конце 2019 г. пандемии КОВИД-19 соответственно. В 2021 г. восстановление глобальной экономики после пандемии КОВИД-19 положительно повлияло на двустороннюю торговлю (рис. 1).

В 2022 г. ситуация кардинально менялась, поскольку по сравнению с 2021 г. наблюдалось более чем двукратное увеличение стоимостных объемов экспорта из России во Вьетнам и почти двукратное сокращение импорта из Вьетнама на российский рынок. Данное обстоятельство способствовало генерированию максимальных значений стоимостных объемов двустороннего товарооборота за весь анализируемый период.

Следует заметить, что, несмотря на сравнительно небольшую долю Вьетнама во внешнем товарообороте России, в целом наблюдалось ее долгосрочное увеличение – с 0,12% в 1995 г. до максимального значения в 0,9% в 2022 г. Доля Вьетнама в импорте в Россию в

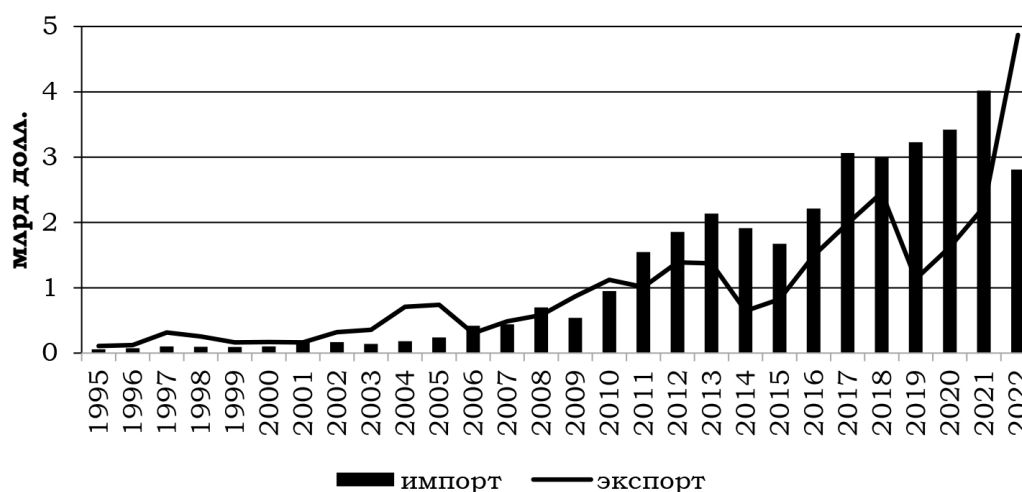

Рис. 1. Динамика торговли России с Вьетнамом

Примечание: укрупнение товарных групп проведено в рамках Стандартной международной торговой классификации (SITC).

Источник: рассчитано по: UNCTADstat. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

2010-е гг. имела тенденцию к увеличению, достигнув почти 1,5% в 2020 г., далее сократившись почти до 1,0% в 2022 г. (рис. 2).

В свою очередь, доля России во внешней торговле Вьетнама была более заметной до 2010 г., т. е. до массового прихода зарубежного капитала из развитых стран во вьетнамскую экономику и до ее широкомасштабного встраивания в производственную кооперацию с ведущими странами АТР. Для вьетнамской стороны Россия долгое время была заметна в импорте, максимальная доля которого в суммарном импорте Вьетнама составила 2,6% в 1998 г. В экспорте Вьетнама наибольшая доля России составляла 1,5% в 2013 г., т. е. до финансового кризиса 2014 г., последовавшей девальвации рубля, а также до введения санкций к российской экономике со стороны ряда западных стран, начиная с 2014 г.

В 1995–2022 гг. наблюдалась заметная трансформация товарной структуры экспорта из России во Вьетнам с точки зрения наращивания сырьевой компоненты и продукции с низкой степенью переработки (табл. 1).

Во второй половине 1990-х гг. – первой половине 2010-х гг. заметную долю в экспорте из России во Вьетнам играла про-

дукция черной металлургии и машиностроения, что было связано с возведением на вьетнамской территории с российским участием объектов электроэнергетики, реализацией проектов по добыче углеводородного сырья, а также с поставками различного рода инвестиционных товаров и частей к ним для последующей сборки. Далее, со второй половины 2010-х гг. наблюдалось заметное сокращение поставок из России во Вьетнам продукции машиностроения, что было связано в целом с завершением цикла работ по возведению капитальных объектов, а также сужением возможностей для расширения проектов по добыче нефти и газа на вьетнамской территории с российским участием. Запланированные новые крупные проекты с российским участием во Вьетнаме, к числу которых можно отнести строительство АЭС «Ниньтхуан-1», масштабную геологоразведку на шельфе компанией «Роснефть», модернизацию нефтеперерабатывающего завода «Зунгкуат» и пр., не получили дальнейшего развития [Вардомский, 2022. С. 188; Лузянин, 2022. С. 7]. В этот же период времени наблюдалось замещение товаров российского машиностроения соответствующей продукцией из развитых стран. Тем не менее, можно утверждать, что при прочих равных условиях необходимость поддержания производственного

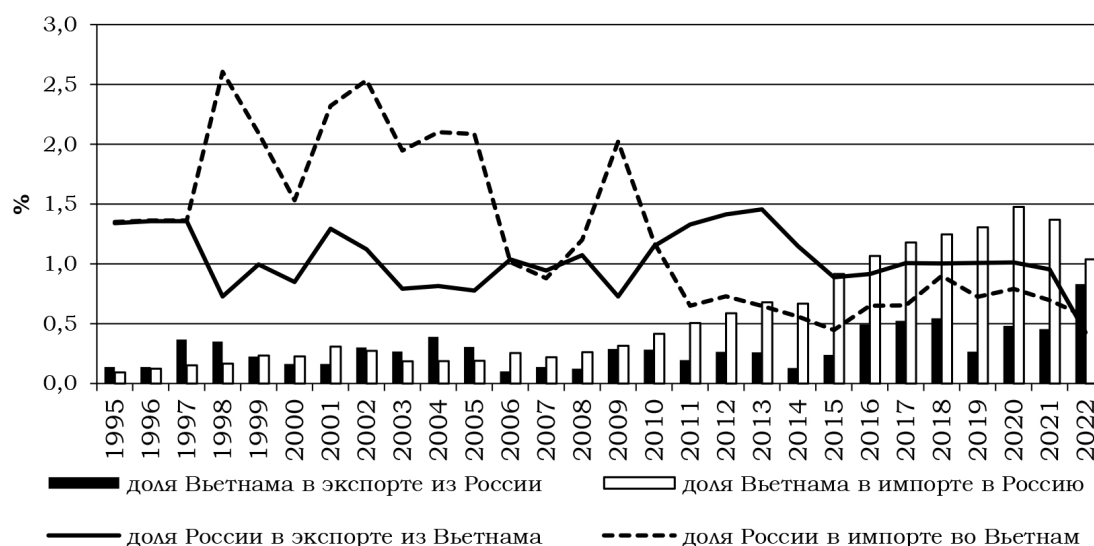

Рис. 2. Доли России и Вьетнама в экспорте и импорте двух стран

Источник: рассчитано по: UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

Таблица 1

Товарная структура экспорта из России во Вьетнам

Укрупненная товарная группа	1995	2005	2015	2022
Продукты питания	0,02	0,35	2,38	17,79
Напитки и табак	0,05	0,07	0,46	0,06
Сельскохозяйственное сырье	0,01	0,76	2,68	2,28
Руды и металлы	0,71	3,84	7,95	4,63
Нефть, нефтепродукты, уголь	11,36	17,46	30,74	49,44
Химическая продукция	6,01	2,23	18,29	5,84
Продукция легкой промышленности	1,44	0,09	0,37	0,05
Стальная продукция	39,76	51,44	2,67	15,52
Электроника	1,84	0,02	0,78	0,20
Электротехнические товары	1,11	2,32	20,79	0,59
Машины, оборудование, транспортные средства	37,68	21,43	12,89	3,61

Примечание: укрупнение товарных групп проведено на основе Стандартной международной торговой классификации (SITC).

Источник: рассчитано по: UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

процесса совместного предприятия «Вьетсовпетро», пусть на минимальном уровне, будет способствовать поставкам во Вьетнам российских материалов и оборудования по добыче углеводородного сырья в обозримой перспективе.

К 2022 г. основную долю в российском экспорте во Вьетнам стал занимать уголь, который массово перенаправлялся на рынок АТР в условиях введенного против него эмбарго на европейском рынке. Вьетнам является крупным производителем сырой нефти и нефтепродуктов в Юго-Восточной Азии, и по этой причине данные товары вьетнамской стороной на внешнем рынке практически не закупаются. Тем не менее, в условиях текущих широкомасштабных санкций к российской экономике со стороны западных стран определенная часть добываемой вьетнамской нефти, направляемой ранее на внутреннее потребление, стала напрямую поставаться на внешний рынок, а нефтепродукты стали закупаться в России для удовлетворения спроса на внутреннем рынке Вьетнама. Также введенное против российской металлургической промышленности эмбарго со стороны европейских стран послужило изменению рынков сбы-

та стальной продукции из России в пользу стран Восточной Азии. По этой причине Вьетнам стал наращивать поставки продукции металлургии из России в 2022 г., основную долю в которых занял стальной прокат.

В рамках анализируемого периода наиболее динамичной группой российского экспорта во Вьетнам являлись продукты питания, доля которых в российских поставках на вьетнамский рынок увеличилась с 0,02% в 1995 г. до 17,8% в 2022 г. Рост поставок продовольственных товаров главным образом был вызван снижением тарифных и нетарифных барьеров в рамках зоны свободной торговли между странами, что способствовало увеличению поставок из России на рынок Вьетнама пшеницы, кукурузы, различных злаков, а также мясной продукции². Наблюдался также рост поставок из России во Вьетнам сельскохозяйственного сырья, при этом доля данной продукции в российском экспорте была небольшой.

Продукция химической промышленности в экспорте из России во Вьетнам также занимала заметное место, представляя собой преимущественно удобрения. При этом к 2022 г. стоимостные объемы поста-

¹ Большая часть «мясной продукции» из России используется в традиционной вьетнамской кухне (куриные лапки).

вок данной продукции сократились ввиду увеличения ее производства во Вьетнаме, а также по причине того, что на российские удобрения не распространились широкомасштабные ограничения, вызвав сохранение их поставок на традиционных и близких для России рынках сбыта.

Товарная структура импорта из Вьетнама в Россию в 1995–2022 гг. также претерпела существенные изменения (табл. 2).

Если в 1990-е–2000-е гг. основными товарными группами, поставляемыми из Вьетнама в Россию, были продовольственные товары и продукция легкой промышленности, то начиная с 2010-х гг. наблюдалось заметное увеличение доли сложных промышленных товаров, что было связано, прежде всего, с размещением на вьетнамской территории предприятий ведущих корпораций мира в области производства продукции электроники и электротехники. Соответственно, наращивание поставок на российский рынок продукции данных предприятий послужило появлению отрицательного сальдо торгового баланса для товарооборота России с Вьетнамом. Фактически с 2010-х гг. поставки в Россию данных товаров осуществлялись не вьетнамским бизнесом, а корпо-

рациями глобального и субглобального уровня. В 2022 г. в связи с санкциями против российской экономики, которые существенно усложнили расчеты за импортную продукцию, а также заблокировали поставки ряда товарных групп в Россию, наблюдалось снижение стоимостных объемов ввоза на российский рынок сложной промышленной продукции из Вьетнама. При этом в 2022 г. высокая доля в импорте из Вьетнама в Россию данной продукции сохранилась, несмотря на введенные ограничения.

Что касается импорта из Вьетнама в Россию продуктов питания, то обращает на себя внимание недостаточно широкий ассортимент поставляемых товаров данной категории на российский рынок. Почти половина стоимостного объема поставок вьетнамского продовольствия на российский рынок приходилось на кофе в зернах. Среди других продовольственных товаров из Вьетнама, поставляемых в Россию, были заметны: рыба; свежие и сушеные фрукты; орехи; чай; специи. Также традиционно высокую долю в импорте из Вьетнама в Россию занимала продукция легкой промышленности, которая с 2000-х гг. преимущественно производится для внешнего рынка на предприятиях глобальных

Таблица 2

Товарная структура импорта из Вьетнама в Россию (%)

Укрупненная товарная группа	1995	2005	2015	2022
Продукты питания	55,27	59,88	22,58	20,32
Напитки и табак	1,12	0,15	0,08	0,14
Сельскохозяйственное сырье	0,96	11,39	0,60	0,72
Руды и металлы	0,05	0,06	0,16	0,71
Нефть, нефтепродукты, уголь	3,51	1,73	0,15	0,64
Химическая продукция	5,03	3,14	1,24	1,38
Продукция легкой промышленности	33,02	20,28	9,05	12,07
Стальная продукция	0,00	0,00	0,65	0,37
Электроника	0,03	1,08	12,78	6,14
Электротехнические товары	0,00	0,46	49,79	49,79
Машины, оборудование, транспортные средства	1,03	1,83	2,92	7,72

Примечание: укрупнение товарных групп проведено на основе Стандартной международной торговой классификации (SITC).

Источник: рассчитано по: UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

корпораций, распределяющих данные товары между странами мира в рамках развитых сетей сбыта.

Важную роль в интенсификации торговых взаимодействий между Россией и Вьетнамом стало играть снижение тарифных и части нетарифных барьеров в связи с присоединением России (в 2012 г.) и Вьетнама (в 2007 г.) к ВТО и создание зоны свободной торговли в 2016 г. между Вьетнамом и Россией как участницей ЕАЭС. В результате, средневзвешенная таможенная пошлина на ввоз российских товаров во Вьетнам снизилась с 7,3% в 1995 г. до 4,8% в 2021 г. В свою очередь, пошлина на ввоз товаров из Вьетнама на российский рынок сократилась с 9,4% в 1995 г. до 3,3% в 2021 г. (рис. 3).

Некоторое увеличение тарифных барьеров на ввоз российских товаров во Вьетнам в 2014–2021 гг. объяснялось тем, что вьетнамская сторона практиковала таможенное обложение поступающих на внутренний рынок сырьевых товаров из-за рубежа, в том числе из России. С другой стороны, повышение средневзвешенной импортной пошлины России на товары из Вьетнама в 2018–2021 гг. по сравнению с 2017 г. было вызвано стремлением российского руководства создать производства для выпуска разнообразных промышленных

товаров на территории России путем привлечения зарубежных производителей, главным образом за счет создания барьеров для импорта дешевой продукции на отечественный рынок и на рынок ЕАЭС. Для российской стороны расширение торгово-экономических взаимодействий с Вьетнамом имеет, вероятно, потенциал для увеличения в связи с явной переориентацией экспортных и импортных потоков России с европейского рынка, поэтому снижение барьеров способно поддержать взаимные товаропотоки даже в текущих условиях.

Методика оценки и данные

Методика. Построение эконометрической модели на основе гравитационной зависимости было выполнено на основе ряда рекомендаций. Во-первых, использование панельных данных для значительного улучшения общей эффективности оценки. Во-вторых, включение в модель внутривременной торговли наряду с торговлей с зарубежными странами. В третьих, включение фиксированных во времени эффектов в панельные данные для экспортеров и импортеров с целью контроля любых характеристик, которые изменяются во времени и для экспортера, и для импортера. В четвертых, включение в модель фиксированных эффектов для торгующих пар стран, что учитывает неизменные во времени двусторонние

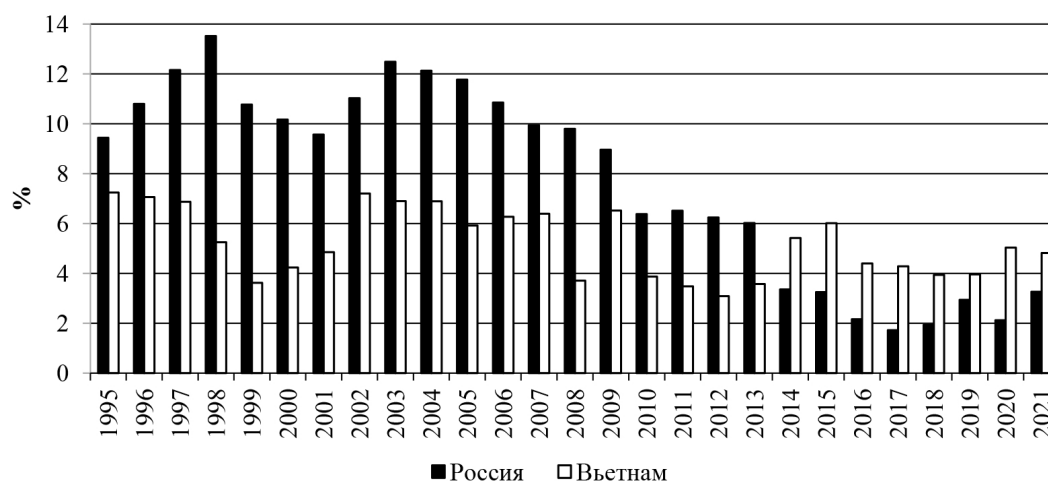

Рис.3. Значения средневзвешенной пошлины России и Вьетнама на обоюдный импорт

Примечание: приведены значения средневзвешенной импортной пошлины для режима наиболее благоприятствующей нации.

Источник: WITS. World Integrated Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/>

торговые издержки [Agnosteva, Anderson, Yotov, 2014]. В пятых, оценка гравитационной зависимости в мультипликативной форме на основе метода квазимального правдоподобия Пуассона, который позволяет избежать гетероскедастичности [Santos Silva, Tenreyro, 2011] и включать «нулевые» торговые потоки в панельные данные при отсутствии необходимости их логарифмирования.

В рамках данного исследования научный интерес представляет количественная оценка динамики совокупных барьеров в российско-вьетнамской торговле. В данном случае, такие барьеры могут быть смоделированы в рамках оценки эффекта границ, понимаемого как совокупные издержки по перемещению товаров через границы.

В качестве теоретической модели для определения эффекта границ выступает следующее гравитационное уравнение [Anderson, van Wincoop, 2003]:

$$x_{ij} = \frac{y_i y_j}{y^w} \left(\frac{t_{ij}}{P_i P_j} \right)^{1-\sigma}, \quad (1)$$

где: x_{ij} – экспорт из страны i в страну j ; y_i – размер экономики страны i ; y_j – размер экономики страны j ; y^w – размер мировой экономики; P_i – цены в стране i , отражающие внешнее многостороннее сопротивление для страны-экспортера i ; P_j – цены в стране j , отражающие внутреннее многостороннее сопротивление для страны-импортера j ; t_{ij} – барьеры двусторонней торговли; σ – постоянная эластичность замещения в потреблении между отечественными и зарубежными товарами; t_{ij} – издержки (барьеры) двусторонней торговли между странами i и j . В модели (1) барьеры оцениваются как $t_{ij} = b_{ij} d_{ij}^p$, где b_{ij} является ненаблюдаемой переменной, отражающей эффект границ между странами i и j , определяющийся как $b_{ij} = b^{1-\delta_{ij}}$ (δ_{ij} – фиктивная переменная, принимающая значение равное единице для какого-либо признака, влияющего на торговые взаимодействия, и ноль в противном случае).

Как было отмечено, одним из ключевых моментов для корректной оценки гравитационной модели является включение в нее торговли внутри страны наряду с ее торговлей с зарубежными странами. Данный методический при-

ем позволяет учесть отклонение торговли в пользу домашнего рынка, а издержки для торговли страны i с зарубежными странами становятся относительными к ее внутренним издержкам. В традиционную гравитационную модель включаются факторы физического расстояния между торгующими странами и их размер экономик, при этом в рамках современного подхода к оценке данного вида моделей перечисленные факторы учитываются в фиксированных эффектах во избежание проблемы эндогенности между независимыми переменными.

Традиционно включаемыми фиктивными переменными в гравитационную модель являются наличие либо отсутствие общего языка, общей сухопутной границы, вхождения стран в прошлом в единое государство или в общую колониальную систему, а также прочие факторы, характерные для той или иной страны или группы стран. К прочим факторам для России были отнесены геополитические факторы, которые стали оказывать за последнее десятилетие сдерживающее воздействие на торговые взаимодействия российской экономики с внешним миром. Традиционно включаемые в гравитационную модель фиктивные переменные были учтены в фиксированных эффектах. Помимо этого, важным этапом предварительной оценки являлся подбор тесно не коррелирующих между собой фиктивных переменных.

В результате, отталкиваясь от вышеперечисленных аспектов, для получения соответствующих количественных оценок была построена гравитационная зависимость в мультипликативной форме:

$$X_{ijt} = \exp[\beta_0 + \beta_1 RU_{it} + \beta_2 ROW_{ij} + \beta_3 CONFL_{ij} + \beta_4 SANC_{ij} + \beta_5 UNFRIEND_{ij} + \sum_{T=1995}^{2022} \beta_T VN_{Tij} + \pi_{it} + \chi_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt}], \quad (2)$$

где X_{ijt} – экспорт из страны i в страну j (к данному показателю также относится X_{ii} – торговля в рамках страны i); t – временной промежуток – 1995–2022 гг.; β_0 – константа; T – год; ε – вектор ошибок. Факторы, изменяющиеся в динамике и по странам, контролировались фиксированными эффектами: для страны-экспортера с учетом года – π ; для страны-импортера с учетом года – χ ; для пар торгующих стран – μ . Независимые переменные являлись фиктив-

ными, принимая значение, равное единице/нулю в случае наличия/отсутствия признака. В модель включена группа фиктивных переменных, отражающих эффект границ: VN – торговля России с Вьетнамом для каждого года T и ноль – при ее отсутствии; RU – торговля внутри России; ROW – торговля России с остальными странами мира, помимо Вьетнама. Также в модель включены геополитические факторы, отражающие наличие/отсутствие конфликта между Россией и зарубежной страной – CONFL, экономических санкций против России со стороны зарубежной страны – SANC, отнесение Россией зарубежных стран к перечню «недружественных» – UNFRIEND. Для сопоставления соответствующих значений фиктивных переменных, они выражаются в тарифном эквиваленте (в %), т. е. $[e^{\hat{\beta}/(1-\sigma)} - 1] \times 100$ [Anderson, van Wincoop, 2003], где $\hat{\beta}$ является оцененным значением полуэластичности β , а параметр σ представляет собой значение эластичности замещения между отечественной и импортной продукцией на российском рынке, которое принимает значение, равное трем [Изотов, 2022].

Поскольку в (2) в правой части представлены фиктивные переменные, то по причине мультиколлинеарности данное обстоятельство налагает ограничения для одновременного включения всех этих факторов в рамках используемой модели. Тем не менее, исключение некоторых фиктивных переменных из модели позволяет избежать данной проблемы. По этой причине переменная RU, отражающая торговлю на внутреннем российском рынке, исключается из числа переменных, являясь базовой величиной для остальных фиктивных переменных, значения которых будут являться относительными к RU. Также по причине мультиколлинеарности для переменной VN, отражающей торговлю между Россией и Вьетнамом, все годы невозможно включить для оценки, поэтому один из них (1995 г.) исключается из числа факторов, являясь базовой величиной для

1996–2022 гг.

Данные. В качестве исходных данных для оценки зависимости (2) была использована российская и международная статистика для долгосрочного периода, стоимостные показатели которой представлены в долларах США в текущих ценах. Торговля на российском рынке представлена показателем, полученным вычитанием экспорта России (согласно данным UNCTAD³) из стоимостного объема отгруженных товаров собственного производства, к которым относится добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, газом и паром, который отражен в базе данных Федеральной службы государственной статистики России⁴. Источником стоимостных объемов взаимного экспорта России и зарубежных стран являлась база данных UNCTAD. Статистика экспорта представлена в ценах FOB, т. е. без учета затрат на фрахт и страхование груза, охватывая торговые взаимодействия России со 156 экономиками мира.

Помимо фиктивных переменных, отражающих эффект границ в торговле России с Вьетнамом (VN) и с другими зарубежными странами (ROW), в модели (2) также оценивались два параметра, отражающие геополитические аспекты торговых взаимодействий (CONFL, SANC).

Результаты оценки

На основе имеющегося массива данных была получена оценка соответствующих коэффициентов в рамках модели (2). Автокорреляция учитывалась в форме расчета Ньюи-Веста, а значение теста Рамсея (RESET-test) указало, что выбранная форма модели не может быть отвергнута как некорректная. В итоге полученные результаты модели (2) характеризуются отсутствием автокорреляции и гетероскедастичности, что позволило получить корректные с точки зрения формальных критериев оценки (табл. 3).

Оценки эффекта границ между Россией и Вьетнамом показали, что барьеры двусторонних торговых взаимодействий

³ UNCTADstat. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

⁴ Промышленное производство / ФСГС России. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Таблица 3

Значения коэффициентов регрессии модели (2)

Показатель	β	Стандартная ошибка	p-значение	Тарифный эквивалент, %
VN_{1996}	0,03	0,02	0,03	-1,7
VN_{1997}	0,70	0,02	0,00	-29,6
VN_{1998}	0,80	0,13	0,00	-32,9
VN_{1999}	1,00	0,24	0,00	-39,5
VN_{2000}	0,79	0,27	0,00	-32,6
VN_{2001}	0,81	0,18	0,00	-33,2
VN_{2002}	1,07	0,18	0,00	-41,5
VN_{2003}	0,84	0,18	0,00	-34,4
VN_{2004}	1,17	0,21	0,00	-44,3
VN_{2005}	0,99	0,22	0,00	-38,9
VN_{2006}	0,42	0,21	0,05	-19,0
VN_{2007}	0,45	0,15	0,00	-20,0
VN_{2008}	0,47	0,20	0,02	-20,8
VN_{2009}	0,88	0,14	0,00	-35,6
VN_{2010}	1,06	0,13	0,00	-41,1
VN_{2011}	0,97	0,13	0,00	-38,3
VN_{2012}	1,18	0,13	0,00	-44,5
VN_{2013}	1,23	0,11	0,00	-45,9
VN_{2014}	0,91	0,18	0,00	-36,6
VN_{2015}	1,26	0,16	0,00	-46,7
VN_{2016}	1,52	0,18	0,00	-53,3
VN_{2017}	1,58	0,17	0,00	-54,7
VN_{2018}	1,64	0,18	0,00	-56,0
VN_{2019}	1,40	0,18	0,00	-50,5
VN_{2020}	1,72	0,17	0,00	-57,6
VN_{2021}	1,65	0,20	0,00	-56,1
VN_{2022}	1,61	0,20	0,00	-55,4
ROW	1,36	0,16	0,00	-49,4
CONFL	-0,90	0,05	0,00	56,7
SANC	-0,22	0,08	0,01	11,5
UNFRIEND	-0,28	0,08	0,00	15,1
константа	-8,38	0,28	0,00	–
число наблюдений	8764	–	–	–
Pseudo R ²	0,99	–	–	–
Pseudo log-likelihood	-5614,7	–	–	–
RESET-test (Prob > chi2)	0,41	–	–	–

Примечания. β – коэффициент при регрессоре. Оценки полученных фиксированных эффектов не приводятся для лаконичности изложения.

Источник: расчеты автора.

имели долгосрочную тенденцию снижения по отношению к базовому году. Фактически между Россией и Вьетнамом наблюдалась долгосрочная тенденция торгово-экономического сближения, что подтвердило справедливость высказанного предположения, несмотря на наблюдавшиеся в 1995–2022 гг. кризисные эпизоды как в рамках глобальной, так и субглобальной экономики. Пересчет оценок эффекта границ в тарифный эквивалент указал, что самые низкие значения барьеров в торговле между Россией и Вьетнамом наблюдались на временном промежутке 2016–2022 гг. По состоянию на 2022 г. барьеры торгово-экономических взаимодействий между странами были на 55,4 п.п. ниже по сравнению с 1995 г., указывая на долгосрочный прогресс в интенсификации российско-вьетнамского товарообмена.

Снижению двусторонних барьеров в российско-вьетнамской торговле способствовала общая либерализация торгово-экономических отношений между странами на основе глобального и субглобального форматов интеграции. Обе страны вступили в ВТО, что наложило для двух стран обязательства по снижению тарифных и части нетарифных барьеров в торгово-экономических взаимоотношениях с зарубежными странами. Также Россия (в составе ЕАЭС) и Вьетнам создали зону свободной торговли в расширенном формате, которая позволила снизить издержки двусторонних экономических взаимодействий. Далее, в условиях санкционных рисков (2014–2021 гг.) во взаимодействиях российского бизнеса с европейским рынком происходила диверсификация поставок товаров из России, главным образом, сырьевой продукции, в том числе в пользу рынка стран Юго-Восточной Азии, а также наблюдалось расширение импорта из данных стран, к которым относится Вьетнам. Указанные причины позволили сохранить относительно низкие барьеры в торговле России с Вьетнамом и в условиях 2022 г. перед последующим ужесточением санкций к российской экономике в 2023 г.

Несмотря на долгосрочную тенденцию

снижения торговых барьеров России с Вьетнамом, размер барьеров является сопоставимым с остальными странами, на что указывает значение эффекта границ (ROW) в тарифном эквиваленте. Данное обстоятельство означает, что помимо положительных торговых эффектов от интеграции между странами ввиду снижения тарифных и части нетарифных барьеров, важным аспектом является близость и масштаб рынка двух стран [Rasoulinezhad, Taghizadeh-Hesary, Yoshino, 2020]. Две страны являются территориально удаленными друг от друга в связи с тем, что основной рынок России находится в европейской части. Дополнительные оценки указали на высокие издержки транспортировки вьетнамских товаров на российский рынок. Так, отношение стоимостных объемов экспорта из Вьетнама в Россию (в ценах FOB) к импорту в Россию из Вьетнама (в ценах CIF) составляло в среднем 25% от стоимости вьетнамских товаров в рамках рассматриваемого периода, что превышает издержки на транспортировку товаров на российский рынок из Китая, стран ЕАЭС, Турции и стран ЕС (до 2022 г.). Данное обстоятельство означает, что, несмотря на снижение эффекта границ между Россией и Вьетнамом, гравитационное притяжение между экономиками двух стран сравнительно невысокое, являясь одним из объективно сдерживающих факторов для расширения двусторонней торговли.

Оценка подтвердила справедливость другого предположения, согласно которому геополитические факторы заметно сдерживали внешнюю торговлю России. Например, введение санкций к России со стороны ряда стран в 2014–2021 гг. (SANC) привело к сокращению двусторонней торговли с ними на 20% ($(e^{-0,22}-1)*100\%$)⁵ и было аналогично введению обоюдного тарифа в размере 11,5%. Введение широкомасштабных санкций по отношению к российской экономике в 2022 г. со стороны западных стран, отнесенных в России к категории «недружественных» (UNFRIEND), привело к дополнительной нагрузке на торговлю с ними в

⁵ Полученная оценка соотносится с результатами других авторов. Подробно: [Nguyen, Do, 2021].

размере 15,1% в тарифном эквиваленте. Появление данных барьеров для внешнего товарооборота России было вызвано в том числе перенаправлением экспорта и импорта при прочих равных условиях с экономически эффективных близких рынков на менее эффективные, т. е. более отдаленные, малоизвестные и высокорисковые рынки [Rasoulinezhad, 2019].

Заключение

Несмотря на небольшую долю Вьетнама во внешнем товарообороте России, стоимостные объемы российско-вьетнамской торговли характеризовались долгосрочным увеличением. Динамика торгового оборота России с Вьетнамом в 1995–2022 гг. была опережающей по сравнению с торговлей российской экономики с другими странами мира. Экспорт из России во Вьетнам до 2010 г. обеспечивался преимущественно поставками инвестиционных товаров в рамках крупных совместных проектов, а далее – сырьевыми товарами и продукцией с низкой добавленной стоимостью. Нарастание импорта из Вьетнама в Россию главным образом было связано с ростом российского потребительского и инвестиционного спроса на вьетнамскую продукцию, которая производилась преимущественно на предприятиях глобального корпоративного сектора, расположенных на территории данной страны. Увеличению стоимостных объемов российско-вьетнамской торговли способствовало присоединение России и Вьетнама к ВТО и создание между ними зоны свободной торговли, что привело к заметному снижению обременяющих тарифных барьеров. В условиях санкционных рисков во взаимодействиях российского бизнеса с европейским рынком происходила диверсификация внешней торговли России, в том числе в пользу рынка стран Юго-Восточной Азии, к которым относится Вьетнам. В связи с введенными против российской экономики санкциями в 2022 г. наблюдалось более чем двукратное увеличение стоимостных объемов экспорта из России во Вьетнам и почти двукратное сокращение импорта из Вьетнама на российский рынок по сравнению с прошлым годом.

Оценки гравитационной модели показали, что в 1995–2022 гг. отражен-

ные в эффекте границ барьеры в торговых взаимодействиях между Россией и Вьетнамом снижались, указывая на наличие долгосрочной тенденции торгово-экономического сближения двух стран. Барьеры торгово-экономических взаимодействий между странами в 2022 г. были на 55,4 п.п. ниже по сравнению с 1995 г., указывая на долгосрочный прогресс в интенсификации двустороннего товарообмена. Самые низкие значения барьеров в торговле между странами наблюдались в 2016–2022 гг., т. е. в период функционирования зоны свободной торговли между Вьетнамом и Россией (как участницей ЕАЭС).

Однако, несмотря на долгосрочную тенденцию снижения барьеров в торговле между Россией и Вьетнамом, их значения являлись сопоставимыми для российской торговли с другими странами мира ввиду сравнительно высоких издержек по транспортировке товаров между странами. Данное обстоятельство означает, что, несмотря на общую тенденцию торгово-экономического сближения России и Вьетнама, гравитационное притяжение между экономиками двух стран является не таким сильным, как с близкими и более крупными торговыми партнерами (для России – КНР, ЕС, Турция, а также страны ЕАЭС; для Вьетнама – страны АСЕАН, США, КНР, Япония), что является одним факторов, сдерживающих двустороннюю торговлю.

Полученные оценки указали на негативное влияние геополитических факторов на внешнюю торговлю России: политические конфликты со странами были эквивалентны введению с ними тарифа в торговле в размере 56,7%; санкции к России со стороны ряда стран в 2014–2021 гг. – 11,5%; широкомасштабные санкции 2022 г. – 15,1% соответственно. Полученные значения влияния геополитических факторов на торговлю России с зарубежными странами позволяют сделать как минимум два умозаключения. Во-первых, ввиду значительной интеграции России в глобальную экономику экзогенные ограничения, существовавшие до 2022 г., несущественно повлияли на российскую внешнюю торговлю, поскольку не ограничивали в

явном виде масштабный экспорт сырьевых товаров, а также поставок широкого ассортимента импортной продукции, за исключением лишь некоторых товарных групп. Во-вторых, несмотря на полученные оценки, не стоит недооценивать относительно скромное влияние широкомасштабных санкций 2022 г. на внешнюю торговлю России, поскольку в рамках данного года на мировых рынках цены на сырую нефть, являющуюся основой российского экспорта, значительно увеличились. В рамках 2022 г. также существовал «переходный» период широкомасштабных санкций, отчасти позволяющий России поддерживать торговые взаимоотношения с большинством стран, которые ввели против нее указанные ограничения, которые, в свою очередь, оказывают кумулятивный долговременный негативный эффект на российскую экономику. Самым очевидным отрицательным проявлением широкомасштабных санкций является существенное сокращение прямых иностранных инвестиций и технологий в разнообразные проекты на российской территории, ориентированные как на внутренний, так и на внешние рынки.

В условиях существенного ограничения России в рамках международных платежных систем перспективы расширения двусторонних торговых отношений значительно осложняются. Географическая удаленность России и Вьетнама объективно препятствует расширению двусторонней торговли, что в новых условиях накладывается на проблемы выстраивания новых логистических маршрутов для российских экспортеров, а также на поиск «нейтральных» транспортных компаний. Наблюдается явное сближение российской экономики с Китаем, основанное на массовом экспорте сырьевых товаров из России и импорте предприятий отечественного сектора из КНР. Во Вьетнаме сосредотачивают-

ся предприятия крупнейших западных корпораций, придерживающихся ограничений в поставках своей продукции на российский рынок, а производственные возможности отечественного сектора вьетнамской экономики значительно уступают КНР. В таких обстоятельствах на российском рынке в обозримой перспективе может наблюдаться замещение поступавшей ранее определенной части вьетнамских товаров китайскими аналогами. Возможно, переход расчетов на национальные валюты в российско-вьетнамской торговле, обсуждение которых ведется продолжительное время [Мазырин, 2016. С. 74], сможет в какой-то мере стимулировать товарообмен между странами, однако эффект от такой инициативы будет, по всей видимости, локальным по причине недостаточного масштаба двустороннего товарооборота.

При этом фундаментальные ограничения на поддержание торгово-экономических отношений с Россией со стороны западных стран способствовали тому, что российский бизнес стал искать возможности для осуществления кардинальной переориентации своей торговли в пользу других стран, в число которых входит Вьетнам. Дальнейшее развитие торгово-экономических взаимоотношений России и Вьетнама, безусловно, будет сдерживаться имеющимися рестрикциями, однако при прочих равных условиях имеющиеся тесные политические связи между двумя странами, а также функционирование совместных предприятий на вьетнамской территории будут способствовать поддержанию товарообмена между странами. В свою очередь, бизнес двух стран будет искать возможности для сохранения имеющихся торгово-экономических связей, опираясь на механизмы созданной зоны свободной торговли, трансформируя свою деятельность с учетом санкций к российской экономике со стороны западных стран.

Список источников:

1. Бритов И. В. Всеобъемлющее стратегическое партнерство РФ и СРВ: достигнутый результат или перспективная цель? // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 4–17. DOI: 10.54631/VS.2022.62-96208
2. Вардомский Л. Б. Вьетнам и Россия: взаимное экономическое сотрудничество

в меняющихся геополитических и геоэкономических условиях // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 4. С. 181–200. DOI: 10.14530/se.2022.4.181-200

3. Изотов Д. А. Торговля России со странами Восточной Азии: сравнительные издержки и потенциал // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 3. С. 17–41. DOI: 10.14530/se.2022.3.017-041

4. Лузянин С. Г. Треугольник «Россия–Вьетнам–Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии // *Вьетнамские исследования*. 2022. Т. 6. № 4. С. 4–12. DOI: 10.54631/VS.2022.64-117510

5. Мазырин В. Вьетнам: зоны свободной торговли // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 3. С. 72–82. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-3-72-82

6. Нгуен Т. В. Х. Профицит платежного баланса Вьетнама: анализ и выводы // *Вьетнамские исследования*. 2022. Т. 6. № 1. С. 28–39. DOI: 10.54631/VS.2022.61-105384

7. Тураева М. О., Яковлев А. А. Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество в новых условиях // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023. №1 (58). С. 165–172. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_165

8. Agnosteva D., Anderson J. E., Yotov Y. V. Intra-National Trade Costs: Measures and Aggregation / NBER. Working Paper No. 19872. Cambridge, MA, 2014. URL: <http://www.nber.org/papers/w19872.pdf> (дата обращения 01 ноября 2023).

9. Anderson J. E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 171–192. DOI: 10.1257/000282803321455214

10. Baev P. K., Tonnesson S. Can Russia keep its special ties with Vietnam while moving closer and closer to China? // *International Area Studies Review*. 2015. Vol. 18. Issue 3. Pp. 312–325. DOI: 10.1177/2233865915596709

11. Dinh T. T. B., Nguyen V.D., Hoang M.C. Applying gravity model to analyze trade activities of Vietnam // *Journal of International Economics and Management*. 2014. Issue 69. Pp. 3–18. URL: <https://jiem.ftu.edu.vn/index.php/jiem/article/view/117> (дата обращения 01 ноября 2023).

12. Hai T. H. N., Thang N. D. The ASEAN Free Trade Agreement and Vietnam's Trade Efficiency // *Asian Social Science*. 2017. Vol. 13. Issue 4. Pp. 192–200. DOI: 10.5539/ass.v13n4p192

13. Narayan S., Nguyen T. T. Does the Trade Gravity Model depend on Trading Partners? Some evidence from Vietnam and her 54 trading partners // *International Review of Economics and Finance*. 2016. Vol. 41(C). Pp. 220–237. DOI: 10.1016/j.iref.2015.08.010

14. Nguyen T. T., Do M. H. Impact of economic sanctions and counter-sanctions on the Russian Federation's trade // *Economic Analysis and Policy*. 2021. Vol. 71. Pp. 267–278. DOI: 10.1016/j.eap.2021.05.004

15. Rasoulinezhad E. The Sanctions and Geographical Shift in Trading Partners: Evidence from Iran and Russia through a Gravity Model // *Iranian Economic Review*. 2019. Vol. 23. Issue 3. Pp. 593–610.

16. Rasoulinezhad E., Taghizadeh-Hesary F., Yoshino N. Assessment of the trade integration pattern between the Russian Federation and East/Southeast Asian Economies Using the Panel Gravity Framework // *Asian Economic Papers*. 2020. Vol. 19. Issue 1. Pp. 1–14. DOI: 10.1162/asep_a_00745

17. Santos Silva J. M. C., Tenreiro S. Further Simulation Evidence on the Performance of the Poisson Pseudo-Maximum Likelihood Estimator // *Economics Letters*. 2011. Vol. 112. Issue 2. Pp. 220–222. DOI: 10.1016/j.econlet.2011.05.008

18. Thuan B. Q. Impact of the Vietnam – Eurasian Economic Union Free Trade Agreement on the Trade between Vietnam and Russia // *Journal of Trade Science*. 2022. Vol. 10. Issue 1. Pp. 76–89. DOI: 10.54404/jts.2022.10.01.07

References:

1. Britov I. V. (2022) A comprehensive strategic partnership of the RF and the SRV: the achieved result or a perspective target? *Vetnamskie issledovaniya* [The Russian Journal of Vietnamese Studies]. Vol. 6. No. 2: 4–17. DOI: 10.54631/V.S.2022.62-96208 (In Russ.)
2. Vardomskiy L. B. (2022) Vietnam and Russia: Mutual Economic Cooperation in Changing Geopolitical and Geo-Economic Conditions *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 18. No. 4, pp. 181–200. DOI: 10.14530/se.2022.4.181-200 (In Russ.)
3. Izotov D. A. (2022) Russia's Trade with East Asian Countries: Comparative Costs and Potential *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 18. No. 3: 17–41. DOI: 10.14530/se.2022.3.017-041 (In Russ.)
4. Luzyanin S. G. (2022) “Russia – Vietnam – China” Triangle: Current Challenges, Transformations and Asymmetries *Vetnamskie issledovaniya* [The Russian Journal of Vietnamese Studies]. Vol. 6. No. 4: 4–12. DOI: 10.54631/V.S.2022.64-117510 (In Russ.)
5. Mazyrin V. M. (2016) Vietnam: free trade areas *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 60. No. 3: 72–82. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-3-72-82 (In Russ.)
6. Nguyen T. V. H. (2022) Surplus in Balance of Payments and Some Policy Recommendations for Vietnam *Vetnamskie issledovaniya* [The Russian Journal of Vietnamese Studies]. Vol. 6. No. 1: 28–39. DOI: 10.54631/V.S.2022.61-105384 (In Russ.)
7. Turaeva M. O., Yakovlev A. A. (2023) Russian-Vietnamese economic cooperation in new conditions *Zhurnal novoj ekonomicheskoy associacii* [The Journal of the New Economic Association]. No. 1 (58): 165–173. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_165 (In Russ.)
8. Agnosteva D., Anderson J. E., Yotov Y. V. *Intra-National Trade Costs: Measures and Aggregation* / NBER. Working Paper No. 19872. Cambridge, MA, 2014. <http://www.nber.org/papers/w19872.pdf> (accessed November 01, 2023).
9. Anderson J. E., van Wincoop E. (2003) Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 1: 171–192. DOI: 10.1257/000282803321455214
10. Baev P. K., Tonnesson S. (2015) Can Russia keep its special ties with Vietnam while moving closer and closer to China? *Obzor mezhdunarodnykh regional'nykh issledovaniy* [International Area Studies Review]. Vol. 18. No. 3: 312–325. DOI: 10.1177/2233865915596709
11. Dinh T. T. B., Nguyen V. D., Hoang M. C. (2014) Applying gravity model to analyze trade activities of Vietnam *Zhurnal mezhdunarodnoy ekonomiki i menedzhmenta* [Journal of International Economics and Management]. No. 69: 3–18. <https://jiem.ftu.edu.vn/index.php/jiem/article/view/117> (accessed November 01, 2023).
12. Hai T. H. N., Thang N. D. (2017) The ASEAN Free Trade Agreement and Vietnam's Trade Efficiency *Aziatskiye sotsial'nyye nauki* [Asian Social Science]. Vol. 13. No. 4: 192–200. DOI: 10.5539/ass.v13n4p192
13. Narayan S., Nguyen T. T. (2016) Does the Trade Gravity Model depend on Trading Partners? Some evidence from Vietnam and her 54 trading partners *Mezhdunarodnoye obozreniye ekonomiki i finansov* [International Review of Economics and Finance]. Vol. 41(C): 220–237. DOI: 10.1016/j.iref.2015.08.010
14. Nguyen T. T., Do M. H. (2021) Impact of economic sanctions and counter-sanctions on the Russian Federation's trade *Ekonomicheskii analiz i politika* [Economic Analysis and Policy]. Vol. 71: 267–278. DOI: 10.1016/j.eap.2021.05.004
15. Rasoulinezhad E. (2019) The Sanctions and Geographical Shift in Trading

Partners: Evidence from Iran and Russia through a Gravity Model *Iranskoye ekonomicheskoye obozreniye* [Iranian Economic Review]. Vol. 23, No. 3: 593–610.

16. Rasoulinezhad E., Taghizadeh-Hesary F., Yoshino N. (2020) Assessment of the trade integration pattern between the Russian Federation and East/Southeast Asian Economies Using the Panel Gravity Framework *Aziatskiye ekonomicheskiye dokumenty* [Asian Economic Papers]. Vol. 19. No. 1: 1–14. DOI: 10/1162/asep_a_00745

17. Santos Silva J. M. C., Tenreiro S. (2011) Further Simulation Evidence on the Performance of the Poisson Pseudo-Maximum Likelihood Estimator *Pis'ma po ekonomike* [Economics Letters]. Vol. 112. No. 2: 220–222. DOI: 10.1016/j.econlet.2011.05.008

18. Thuan B. Q. (2022) Impact of the Vietnam – Eurasian Economic Union Free Trade Agreement on the Trade between Vietnam and Russia *Zhurnal torgovykh nauk* [Journal of Trade Science]. Vol. 10. No. 1: 76–89. DOI: 10.54404/jts.2022.10.01.07

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Информация об авторе

Д. А. Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

D. A. Izotov – Doctor of Economics, leading research fellow, the Economic Research Institute of FEB RAS.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 332.146(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-49-59

Динамика институциональных условий регионального развития и стратегические перспективы ресурсного сектора Хабаровского края

Натаалья Евгеньевна Антонова¹, Натаалья Валентиновна Ломакина²

^{1, 2} Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, Хабаровск, Россия

¹ antonova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0317-0817>

² lomakina@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3490-5775>

Аннотация. Исследованы направленность и динамика развития сырьевых отраслей (горнодобывающего и лесного комплексов) в структуре диверсифицированной экономики Хабаровского края в условиях реализации политики ускоренного развития регионов Дальневосточного федерального округа. Проанализированы результаты воздействия ключевых инструментов этой политики на структурно-динамические параметры ресурсного сектора и рост его значения в экономике Хабаровского края. Показано, что в рамках корректировки системы государственного регулирования в Российской Федерации в новых геоэкономических условиях формируются инструменты господдержки и меры активного влияния на структурные параметры сырьевых отраслей в целях их промышленной диверсификации. Выявлены институциональные условия и показаны проектные перспективы такой диверсификации для ресурсного сектора экономики Хабаровского края.

Ключевые слова: диверсифицированная экономика, государственная политика, регион, ресурсный сектор, технологическое развитие, Хабаровский край

Для цитирования: Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Динамика институциональных условий регионального развития и стратегические перспективы ресурсного сектора Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 49–59. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-49-59>

Dynamics of institutional conditions for regional development and strategic prospects for the resource sector of the Khabarovsk territory

Natal'ya E. Antonova¹, Natal'ya V. Lomakina²

^{1, 2} The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ antonova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0317-0817>

² lomakina@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3490-5775>

Abstract. Direction and dynamics of development of raw materials industries (mining and forest complexes) in the structure of diversified economy of the Khabarovsk territory in the context of implementation of the policy of accelerated development of the regions of the Far-Eastern federal district have been studied. Results of the impact of key instruments of this policy on the structural and dynamic parameters of the resource sector and the growth of its importance in the economy of the Khabarovsk territory are analyzed. It is shown that as a part of adjustment of the system of state regulation in the Russian Federation in the new geo-economic conditions, instruments

of state support and measures of active influence on the structural parameters of raw materials industries are being formed in order to their industrial diversification. Institutional conditions are identified and project prospects for such diversification for the resource sector of the Khabarovsk territory economy are shown.

Keywords: *pdiversified economy, state policy, region, resource sector, technological development, the Khabarovsk territory*

For citation: Antonova N. E., Lomakina N. V. Dynamics of institutional conditions for regional development and strategic prospects for the resource sector of the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 49–59. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-49-59>

Введение

На траекторию и результаты развития Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) в последнее 10-летие оказывали влияние не только общие факторы воздействия, связанные с целым набором традиционных и «новых» кризисов, но и реализуемая в макрорегионе активная государственная политика его ускоренного развития. Исследование факторов и динамики развития природно-ресурсного сектора, одного из ключевых секторов экономической специализации ДФО, показало рост его значения в этот период в формировании промышленной и инвестиционной активности, бюджетов территорий, конечных макроэкономических показателей региона [Антонова, Ломкина, Файман, 2022].

При характерной для ДФО уже многие десятилетия сырьевой специализации в его структуре есть регионы с диверсифицированной экономикой. К одному из таких регионов относится Хабаровский край, в экономике которого преимущественное значение имеют обрабатывающие отрасли (и прежде всего машиностроение), транспорт, услуги и сервис. Тем не менее богатство природно-ресурсного потенциала всегда определяло значимость ресурсного сектора (горнодобывающего, лесного, рыбного) для экономики края. Более того, в рассматриваемом периоде (2013–2023 гг.) его значение существенно возросло, особенно горнодобывающего комплекса.

Такая направленность и динамика развития сырьевых отраслей в структуре диверсифицированной экономики делает правомерной постановку вопроса о «прогрессивности» такого развития, о наличии проектных перспектив и институциональных условий «внутренней диверсификации» [Крюков, Шмат, 2022] природно-ресурсного сектора экономики

Хабаровского края. Какие направления и инструменты государственной политики регионального развития стали в последние 10 лет наиболее значимыми для ресурсного сектора Хабаровского края, оказавшими влияние на его параметры и структуру производства? Каковы перспективы ресурсного сектора с точки зрения формирования в нем новых отраслей на основе конечной переработки сырья? Поиск ответов на эти вопросы является целью статьи.

Динамика ресурсного сектора в диверсифицированной экономике Хабаровского края: факторы и результаты

В период 2013–2023 гг. существенное влияние на экономику Хабаровского края оказала реализуемая в ДФО с 2014 г. новая экономическая политика (далее – НЭП), которая была направлена на ускоренное развитие дальневосточных территорий. Одной из поставленных задач было изменение структуры экономики за счет стимулирования производств с более высокой добавленной стоимостью. Как ожидалось, это могло снизить роль ресурсных отраслей и тем самым создать возможности ослабления преимущественно сырьевого характера развития территорий в перспективе. Инструментами реализации НЭП стали особые организационно-правовые режимы (территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР) и Свободный порт Владивосток (далее – СПВ)), прямая господдержка из федерального бюджета значимых для экономики региона инвестпроектов в части решения инфраструктурных проблем, предоставление статуса «регионального инвестиционного проекта» (далее – РИП) с набором соответствующих налоговых и административных преференций и т. д.

Результатами реализации в макроре-

гионе принятой модели НЭП для Хабаровского края стал значительный рост объема инвестиций в регионе, но их отраслевая структура стала более «сырьевой». Механизм ТОР оказался наиболее востребованным у инвесторов в сфере ресурсного сектора: в Хабаровском крае доля инвестиций в проекты ресурсного сектора в 2014–2019 гг. являлась доминирующей (более 60%). Такая инвестиционная активность объяснялась предпочтениями инвесторов вкладывать средства в проекты, гарантирующие наиболее высокую коммерческую эффективность от вложенного капитала, к которым относились в первую очередь разработка полезных ископаемых, рыболовство, лесная промышленность, и именно на эти виды деятельности пришелся основной объем привлечённых инвестиций через механизмы ТОР.

Кроме того, именно с интересами сырьевых компаний зачастую оказались связаны периодические изменения границ отдельных ТОР, появление в них новых, относящихся к сырьевым, видов экономической деятельности. В определенной степени это можно считать признаком модификации «новой модели» развития в пользу поддержки условий формирования сырьевой ренты, что закрепляло сырьевой характер региональной экономики, не обеспечивая её диверсификацию [Антонова, Ломакина, Файман, 2022].

Ещё один активно реализуемый инструмент НЭП – механизм прямой госу-

дарственной поддержки инвестпроектов для решения инфраструктурных проблем – не был связан с какими-либо отраслевыми приоритетами. Однако сформированные критерии отбора проектов для такой господдержки обусловили «минерально-сырьевой крен» этого механизма. Анализ реальных решений по имплементации этого механизма показал, что именно добывающие проекты в сфере минерального сырья наиболее соответствуют «стратегическим целям» развития региона, имеют максимальные значения сравнительной конкурентоспособности как для частных инвесторов, так и для государства.

Инструментом стимулирования инвестиционной активности вне специальных территорий является предоставление статуса «регионального инвестиционного проекта», который был внедрен с 2014 г. Ключевыми преференциями в рамках этого инструмента являются льготы по налогу на прибыль и налогу на добычу полезных ископаемых (далее – НДПИ), поэтому минерально-сырьевые компании стали активными претендентами на их получение.

Результатом этих преференций стал дальнейший рост ресурсного сектора в структуре экономики Хабаровского края: за 9 лет рост его доли составил почти 33 процентных пункта (рис. 1).

В значительной мере эту тенденцию обеспечил рост доли вида экономической деятельности «Добыча полезных ископае-

Рис. 1. Темп роста доли ресурсного сектора в ВРП Хабаровского края в 2013–2021 гг., %

Примечание: 1) учтена доля разделов А и В отраслевой структуры валовой добавленной стоимости (ВЭД «Добыча полезных ископаемых», «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»);

2) левая ось характеризует долю ресурсного сектора в валовой добавленной стоимости (ВДС) Хабаровского края; правая ось характеризует долю ВЭД ДПИ в ресурсном секторе Хабаровского края

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

мых» (ВЭД ДПИ) в ресурсном секторе. Что касается динамики производства в минерально-сырьевом комплексе Хабаровского края в целом, то она позитивна. Не изменилась её направленность и в периоды «новых» кризисов: индексы производства в ВЭД ДПИ Хабаровского края (в % к предыдущему году) стабильно возрастали (100,9% в 2020 г., 114,7% в 2021 г., 112,8% в 2022 г.), что в определенной мере характеризует устойчивость комплекса. И в основе формирования этих трендов лежат, прежде всего, результаты изменений минерально-сырьевой базы (за счёт её воспроизводства, выбытия и ввода отдельных месторождений) и реализации в минерально-сырьевом комплексе (далее – МСК) региона новых инвестпроектов [Ломакина, 2023а].

Драйвером развития горнодобывающего комплекса Хабаровского края в рассматриваемый период продолжала быть добыча золота, оставаясь преобладающей в стоимостной структуре производства по ВЭД ДПИ. В периоды кризисных шоков такая структура минерально-сырьевого комплекса во многих дальневосточных регионах стала стабилизатором региональной экономики [Гальцева, Шарыпова, 2023; Малкина, 2022; Социально-экономическая динамика, 2022]. Объемы добычи золота в Хабаровском крае к 2022 г. возросли более чем на 35% по сравнению с 2013 г. (рис. 2), по этому показателю край вошел в ТОП-5 российских регионов.

Дальний Восток является единственным регионом российской оловодобычи. В результате реализации рыночных реформ начального периода (1990–2000 гг.) оловодобыча в регионе была практически свёрнута, а отрасль, по сути, потеряна. Новое возрождение отрасли началось в Хабаровском крае: так, в 2011 г. на Правоурмийском месторождении была модернизирована обогатительная фабрика, в 2013 г. началось восстановление Солнечного ГОКа, в 2015 г. – расконсервирован рудник Молодежный на Фестивальном месторождении. В конце 2016 г. введена в строй Солнечная обогатительная фабрика (проектная мощность 1,5 тыс. т олова в концентрате в год). По итогам 2016 г. было добыто 618 т металла на месторождении «Правоурмийское» в Хабаровском крае [Антонова, Ломакина, Файман, 2022]. В настоящее время для предприятий, входящих в ПАО «Русолово», характерна стабильная позитивная динамика оловодобычи (в 2022 г. её объём достиг 2901 т, в планах на 2023 г. 4 тыс. т)¹ (рис. 2).

Что касается лесного комплекса, то в период 2013–2023 гг. на тенденции его развития существенное влияние оказали не только инструменты НЭП регионального развития, но и механизмы отраслевой политики.

С конца 2000-х гг. для стимулирования увеличения производства лесопромышленной продукции с высокой добавленной стоимостью был внедрен ме-

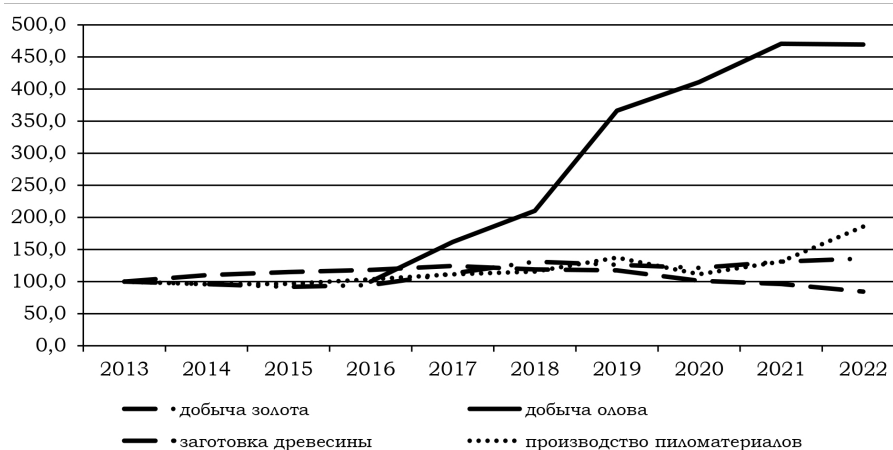

Рис. 2. Темпы роста физических объемов производства продукции ресурсного сектора в Хабаровском крае, % (2013 г. = 100%)

Источник: рассчитано авторами на основе данных Хабаровский край: Стат. ежегодник. Хабаровск : Хабаровскстат. 2017, 2020, 2022.

¹ Официальный сайт ПАО «Русолово». URL: <https://rus-olovo.ru/company/strategy/>. (дата обращения 19.07.2023)

ханизм приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов (далее – ПИП). Действие механизма было основано на обеспечении бизнеса лесосырьевой базой на льготных условиях в обмен на инвестиции в развитие деревопереработки [Ivantsova, 2022].

Кроме того, для дальневосточных компаний с 2018 г. по 2021 г. было введено квотирование экспорта необработанной древесины по сниженным тарифным ставкам в обмен на увеличение доли экспортируемой продукции переработки; за пределами квоты тариф возрастал до 80%.

С 2022 г. уже в масштабе всей России был введен полный запрет экспорта необработанной древесины и повышенные тарифы на экспорт пиломатериалов влажностью свыше 22%.

В результате такого многостороннего влияния инструментов регионального развития и отраслевой политики в лесном комплексе Хабаровского края произошли определенные изменения. За период с 2007 г. по 2022 г. было инициировано девять ПИП, однако работает лишь часть получивших господдержку производств [Развитие экономики, 2021]. Новые производства выпускают в основном наиболее массовый вид продукции деревопереработки – пиломатериалы только улучшенного качества (пиломатериалы сухие, строганные, профилированные, клееный брус). Выбор лесопильного производства связан с ориентацией бизнеса на проекты с коротким периодом окупаемости. Среди других видов продукции можно назвать лущеный шпон и пеллеты, однако масштабы их производства малы по сравнению с производством пиломатериалов.

Несмотря на стимулирующие меры, вплоть до 2019 г. включительно производство сырья (необработанной древесины) заметно лидировало в продуктовой структуре лесного комплекса по объемным показателям по сравнению с производством продукции переработки. Однако повышение пошлин, а затем полный запрет экспорта необработанной древесины привели к падению объемов ее производства (рис. 2). В результате с 2020 г. производство и экспорт пиломатериалов стали преобладать в общей продуктовой структуре лесного комплекса, что было связано не столько с резким наращиванием их объемов, сколько с сокращением объемов производства и экспорта необ-

работанной древесины.

При этом нужно принимать во внимание, что увеличение объемов продукции переработки произошло в основном за счет пиломатериалов низкого качества, качественная продукция лесопиления составляла значительно меньшую часть. То есть, по сути, в массе своей происходило наращивание лесным бизнесом количественных показателей как демонстрация положительных результатов на регулятивные воздействия государства по стимулированию переработки.

Надо отметить, что ориентация на создание производств по выпуску пиломатериалов – общая тенденция для России. Даже в стратегических документах, например, в предыдущей версии Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2018 г. №1989-р), когда ставилась задача наращивания объемов производства высокотехнологичной продукции деревообработки, то ставка делалась в основном на увеличение производства пиломатериалов. Однако в условиях геополитической турбулентности и нестабильности внешних рынков, повлекших разрушение устоявшихся связей, у лесного бизнеса возникла необходимость поиска новых ниш с новыми продуктами, в том числе внутри страны.

Новые институциональные условия и потенциал диверсификации ресурсного сектора Хабаровского края

Современный этап развития российской экономики характерен пересмотром ряда существующих и разработкой новых институциональных элементов государственной политики, направленных на решение проблем, вызванных либо усугубленных санкциями 2022–2023 гг. Происходят такие процессы и относительно национального ресурсного сектора. При этом речь идет уже не только о краткосрочных мерах (как о быстром ответе на конкретные санкции), но и о стратегических решениях, которые формируют новые возможности для изменения структурных и технологических характеристик ресурсного сектора страны и её регионов.

В начале 2023 г. российское руководство разработало систему поддержки лесного комплекса, которая включала как оперативные мероприятия для нивелирования последствий кризиса, так и ин-

ституциональные инструменты, носящие долгосрочный характер и закладывающие стратегические приоритеты развития лесного комплекса на перспективу².

Среди долгосрочных мер ставка делается на развитие внутреннего рынка сбыта продукции [Гордеев, Пыжев, 2023]. Для этого предусматривается активизация внутреннего спроса на продукцию по двум основным направлениям: использование биотоплива в муниципальных котельных и развитие деревянного домостроения. Это направления, которые фигурируют в последней версии Стратегии развития лесного комплекса России до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 11 февраля 2021 г. № 312-р) как наиболее перспективные с точки зрения наращивания внутреннего спроса на лесную продукцию.

Развитие внутреннего спроса на лесопромышленную продукцию по предлагаемым направлениям требует значительных ресурсов – технологических, инвестиционных, институциональных, временных. Поэтому государством предусмотрен ряд финансовых инструментов их стимулирования.

Для увеличения использования биотоплива (в том числе пеллеты) предусмотрено предоставление в 2023–2024 гг. дополнительных инфраструктурных бюджетных кредитов (специальных казначейских кредитов) на сумму в 15 млрд рублей на модернизацию работающих на угле и мазуте котельных при их переводе на биотопливо и строительство новых котельных на биотопливе.

Среди приоритетных территорий для реализации выше означенных мер выбраны регионы Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов, в том числе Хабаровский край. В сентябре 2023 г. одобрены пять заявок дальневосточных регионов на модернизацию котельных за счёт специальных казначейских кредитов, в том числе заявка Хабаровского края, который получит на эти цели 465 млн рублей. За счет

этих средств в 2024 г. будет построена блочно-модульная котельная на биотопливе в Советско-Гаванском районе³.

В условиях усиления внимания к климатической повестке перевод котельных на биотопливо, которое считается условно CO₂-нейтральным, становится актуальным [Вукович, Мехренцев, 2023]. Использование биотоплива также может способствовать решению вопроса древесных отходов (низготоварной древесины и отходов лесопиления), которые, накапливаясь годами, создают экологические проблемы.

В Хабаровском крае последние годы активно развивается производство пеллет, ориентированное на экспорт, где в качестве сырья используется часть отходов лесопиления. Что касается использования пеллет для внутреннего рынка, то важным является вопрос экономической целесообразности применения того или иного топлива, включая капитальные затраты на оборудование, цены на топливо, его качество, теплоотдачу и т. д. [Антонова, 2023].

Исследование, проведенное Высшей школой экономики⁴, выявило, что на сравнительную эффективность производства энергии на основе использования пеллет влияет ряд факторов, включая: наличие деревоперерабатывающих производств, генерирующих отходы, высокие цены на электрическую и тепловую энергию в регионе, стоимость альтернативных видов топлива (уголь, мазут) в расчете на единицу энергии. Дополнительно оказывают влияние: наличие объектов удаленной генерации, наличие объектов энергетического хозяйства для модернизации, степень газификации региона. Эти все факторы присутствуют в Хабаровском крае, в котором, как делается вывод в проведенном исследовании, генерация энергии на основе пеллет может стать эффективной.

По оценкам экспертов, в условиях Хабаровского края максимальная экономическая эффективность достигается от перевода котельных, работающих на жидком топливе, на природный газ и уголь. Без поддержки государства использова-

² Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764> (дата обращения: 13.11.2023)

³ Постановление губернатора Хабаровского края от 11.10.2023 №79

⁴ Андрей Тихомиров, директор Союза участников пеллетного рынка: «Я вижу, что нам стратегически необходимо развивать внутренний спрос». URL: <https://www.infobio.ru/analytics/5329.html?ysclid=lp2dja9b40582176798> (дата обращения: 13.11.2023)

ние биотоплива пока будет проигрывать по экономическим параметрам⁵.

В ближайшей перспективе стоит ориентироваться на экспорт пеллет как наиболее реальный рынок сбыта продукции. В дальнейшем, когда будут отработаны более дешевые технологические схемы использования биотоплива, появится возможность внутреннего спроса на него.

Ряд мер предложен для деревянного домостроения (далее – ДД)². В рамках его развития на основе использования отечественной лесопромышленной продукции предусмотрено выделение из федерального бюджета в 2023 г. и 2024 г. 10 млрд рублей на строительство деревянных малоэтажных жилых зданий с использованием отечественных деревянных домокомплектов заводского изготовления по программе переселения граждан из аварийных домов. Будут разработаны меры по льготному кредитованию населения в рамках индивидуального жилищного строительства (далее – ИЖС). Для организаций-строителей деревянного ИЖС будут применяться такие же льготные условия, как и для застройщиков многоквартирных домов из традиционных материалов.

Важным шагом является создание технологической и институциональной поддержки развития ДД. На федеральном уровне нужна разработка реально работающей нормативно-правовой базы для действенной системы государственной поддержки индивидуального жилищного строительства из древесины. Как показано выше, основы этого уже закладываются. Также нужно принять технологические стандарты для деревянного домостроения, в том числе для обеспечения пожарной безопасности деревянного жилья. Продвижение в этой части уже происходит, но работающих инструментов пока нет. Минстрой России и МЧС

России в 2022 г. утвердили План мероприятий (дорожную карту) по развитию деревянного домостроения на период до 2024 года⁶. Документ предусматривает проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также актуализацию нормативных правовых и нормативных документов, регламентирующих вопросы проектирования и строительства объектов деревянного домостроения. Также планируется рассмотрение технических решений в области пожарной безопасности общественных и жилых зданий от 3 до 12 этажей, построенных из перекрестноклееной древесины (CLT панели), многослойного клееного бруса и бруса из шпона (LVL брус).

В Хабаровском крае только формируются подходы к развитию ДД. Краевым Минлесхозом предложено создать производственный центр для проработки новых технологий деревянного домостроения, разработки оборудования, технологий, апробации инноваций и практического освоения⁷. Организационной формой развития ДД может стать созданный в 2022 г. в Хабаровском крае промышленно-строительный кластер, включенный приказом Минпромторга России в федеральный реестр⁸.

В крае также реализуется флагманский проект малоэтажного строительства из местных материалов «Дом дальневосточника». В его рамках уже подготовлено инвестпредложение по созданию высокотехнологичного производства конструкций из массива древесины мощностью до 400 тысяч квадратных метров в год⁹. На реализацию проекта нужны инвесторы, то есть перед органами государственного управления стоит задача обеспечения его привлекательности.

Возникшие на современном этапе задачи решения санкционных проблем

⁵ Выработка энергии из ископаемых видов топлива эффективнее биоэнергетики в Хабаровском крае. URL: <https://www.infobio.ru/news/4593.html?ysclid=lk0y6ncnfb951769759> (дата обращения: 13.11.2023)⁶ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764> (дата обращения: 13.11.2023)

⁶ В России будет обеспечено широкое внедрение многоэтажного деревянного домостроения. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/press/v-rossii-budet-obespecheno-shirokoe-vnedrenie-mnogoetazhnogo-derevyannogo-domostroeniya/> (дата обращения: 10.11.2023)

⁷ На выездном заседании во Владивостоке обсудили ключевые вопросы развития лесной отрасли. URL: <https://les.khabkrai.ru/events/Novosti/4128> (дата обращения: 10.11.2023)

⁸ Промышленно-строительный кластер в Хабаровском крае пополнило еще одно предприятие. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/198135> (дата обращения: 10.11.2023)

⁹ Дзятарев: в Хабаровском крае появится новое производство домокомплектов. URL: <https://ria.ru/20220506/domokomplekty-1787122374.html?ysclid=lp6iufgop4478920247> (дата обращения: 10.11.2023)

трансформируются в стратегические цели технологического развития лесного комплекса, формирования в нем новых отраслей и рыночных ниш. Чтобы обеспечить привлечение корпоративных инвестиций в эти новые ниши важным условием является обеспечение их конкурентоспособности, для чего необходимо совершенствовать уже имеющиеся инструменты регионального развития, а также разрабатывать новые.

Для национального минерально-сырьевого комплекса, играющего значимую роль в экономике РФ, также характерен переход от этапа оперативного антисанкционного реагирования на конкретные шоки к этапу формирования долгосрочных стратегических решений, обусловленных задачами изменения модели социально-экономического развития России.

Принят уже целый ряд стратегических документов, направленных на формирование технологического суверенитета экономики РФ. Напрямую связанными с перспективами развития МСК РФ в новых геэкономических условиях можно считать государственные стратегические документы: Концепция технологического развития РФ до 2030 г. (май, 2023 г.), Стратегия развития металлургии РФ до 2030 г. (декабрь, 2022 г.), новый Перечень основных видов стратегического минерального сырья, не пересматривавшийся с 1996 г. (август 2022 г., 55 видов полезных ископаемых вместо 29 ранее). Находится на рассмотрении в Правительстве РФ проект новой Стратегии развития минерально-сырьевой базы (МСБ) РФ до 2035 г. с увеличенным горизонтом планирования до 2050 г. (принят в марте 2023).

Как показывает анализ [Ломакина, 2023б] динамично происходящих корректировок стратегических государственных документов разных уровней, направленных на преодоление негативного влияния санкций 2022–2023 гг., к настоящему времени складывается система приоритетов, определяющих перспективные тренды развития минерально-сырьевого комплекса страны. Это в первую очередь увязка перспектив развития минерально-сырьевой базы с прогнозом научно-технологического развития РФ; формирование внутреннего спроса на отечественные твердые полезные ископаемые в отдельных критически важ-

ных секторах экономики; существенное увеличение переработки минерального сырья; стимулирование разведки и добычи стратегических и дефицитных видов сырья. Для реализации этих задач выстраивается система механизмов и инструментов с признаками «сквозной» увязки и стимулирования деятельности акторов на разных иерархических уровнях (национальная экономика в целом, многоотраслевые комплексы, отдельные отраслевые системы и т. д.). К таким инструментам можно отнести программу ускоренного лицензирования и геологоразведочных работ для стратегических видов полезных ископаемых; государственное финансирование отдельных направлений воспроизводства минерально-сырьевой базы; таксономию проектов технологического суверенитета как основу их господдержки и др.

Активное формирование такой системы инструментов для перехода от экспортно-сырьевой модели к обеспечению технологического суверенитета РФ требует и оценки потенциала трансформации МСК. Важными составляющими такой оценки, на наш взгляд, являются ресурсный и технологический потенциал, институциональные возможности такого перехода.

Богатство и разнообразие минерально-сырьевой базы Хабаровского края определяет «проектный» потенциал минерального сектора региона, под которым следует понимать технологическую и инвестиционную привлекательность ресурсов, степень их готовности к промышленному освоению. Для различных видов минеральных ресурсов (далее – МР) региона эти характеристики не одинаковы, но уже сегодня реализуется целый ряд проектов, формирующих новые отрасли промышленности. Проектами реальной перспективы в Хабаровском крае являются конечная переработка добываемого в регионе олова, добыча и переработка меди и других стратегических ресурсов.

Что касается перспектив переработки олова, то, по оценкам ПАО «Русолово», экономически обоснованным становится проект строительства в Хабаровском крае оловянного комбината, где можно было бы производить конечный продукт. Реализация такого проекта в Хабаровском крае позволит привлечь 5 млрд рублей инвестиций, создать 200 рабочих

мест¹⁰. Соглашение о сотрудничестве в реализации проекта было подписано Минпромторгом России, горнодобывающей компанией «Русолово» и Правительством Хабаровского края в сентябре 2023 г. в рамках VIII Восточного экономического форума. Этот проект «нацелен на укрепление сырьевого и технологического суверенитета России в сфере металлургии и соответствует приоритетам Стратегии развития металлургической промышленности до 2030 г. Реализация инвестпроекта по строительству металлургического комбината, предусмотренного соглашением, позволит создать в Хабаровском крае вертикально интегрированное производство с полным циклом глубокой переработки от руды и оловянных концентратов до финального выпуска металлического олова»¹¹. Развитие оловодобывающей отрасли в направлении переработки может стать основой формирования полноценной цепочки освоения минеральных ресурсов в ДФО на принципах «социально-ценностной модели» [Крюков, Крюков, 2023], обладающей потенциалом позитивных структурных изменений в экономике макрорегиона.

В Хабаровском крае также существует возможность формирования производства по добыче и переработке меди, опирающегося на освоение Малмыжского месторождения. Складывающиеся мировые тенденции и реализация концепции технологического суверенитета в российской экономике создают позитивные основы для этого.

В соответствии с экспертными оценками¹², мировые тенденции последнего десятилетия в области спроса, потребления и добычи меди и их прогнозы характеризуются превышением роста спроса на медь (38%) относительно роста её разведанных запасов (28%). Ожидается, что к 2040 г. добыча меди на осваиваемых месторождениях, включая проекты на стадии развития и строительства, сократится почти

на треть до уровня 17–18 млн т в год. При этом активно реализуемая концепция энергоперехода (прежде всего проекты в области электротранспорта и его инфраструктуры) будет обеспечивать в ближайшие 15–20 лет устойчивый повышательный тренд спроса на медь.

В освоение Малмыжского золотомедного месторождения в Хабаровском крае «Русская медная компания» (РМК) как инвестор проекта вложила уже 109 млрд рублей из общей стоимости комплекса в 248 млрд рублей. В эксплуатацию ГОК будет вводиться поэтапно, запуск 1-ой очереди ожидается к середине 2024 г. Мощность фабрики планируется в 104 млн т руды с ежегодным выпуском медного концентрата примерно 1,3 млн т¹³. Трудно не оценить позитивно социальное и бюджетное значение проекта, но его влияние на изменение структуры экономики Хабаровского края и формирование высокотехнологичных переделов в МСК региона пока не обсуждается, предусмотрен экспортно-сырьевой вариант использования минеральных ресурсов.

Заключение

Для современного этапа государственного регулирования экономики РФ в новых геoeкономических условиях характерен переход от краткосрочных мер ответа на санкции к стратегическим решениям.

Характеристики ресурсного сектора Хабаровского края являются вполне надёжной основой для его технологического разворота в соответствии с формирующимися государственными приоритетами РФ. Однако ресурсный и технологический потенциал являются условиями необходимыми, но не достаточными. Особое значение для адаптации ресурсного сектора к решению задач формирования технологического суверенитета имеет институциональный потенциал. Для Хабаровского края механизмы технологического суверенитета могут стать существенным фактором развития,

¹⁰ В Хабаровском крае построят комбинат переработки оловянных концентратов. Объем инвестиций составит 5 млрд рублей. 09.01.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16756987>.

¹¹ Соглашение в целях обеспечения сырьевого суверенитета в сфере добычи, переработки и производства олова подписано на ВЭФ-2023. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/>. (дата обращения 07.10.2023).

¹² Затмит ли медь блеск золота – лишь дело времени / Вестник золотопромышленника. 07.08.2023. URL: <https://gold.1prime.ru/analytics/20230807/505060.html>.

¹³ РМК вложила в Малмыжское месторождение в Хабаровском крае 109 млрд рублей. URL: <https://todaykhv.ru/news/policy/61271/> (дата обращения 22.08.2023); РМК увеличит Малмыжский ГОК до 104 млн тонн / Вестник золотопромышленника. 21.03.2023. URL: <https://gold.1prime.ru/news/20230321/487729.html>. (дата обращения 22.08.2023)

способным изменить сырьевую направленность ресурсного сектора и обеспечить его большее соответствие диверсифицированному типу экономики региона.

На наш взгляд, современным конкурентным преимуществом регионов ДФО, в том числе Хабаровского края, являются, наряду с их природно-ресурсным потенциалом, особые преференциальные режимы ускоренного развития, реализуемые в макрорегионе с 2014 г. Результатами реализации этих режимов стали не только существенный рост роли ресурсных отраслей в экономике края, но и высокая инвестиционная активность крупных компаний

в этих отраслях, созданный задел новых проектов (уже реализуемых и готовящихся к запуску) как определенное ресурсно-технологическое «поле» для трансформации комплекса в новых геоэкономических условиях [Ломакина, 2023б; Антонова, Ломакина, Файман, 2022].

Важным условием привлечения инвестиций в новые ниши для диверсификации отраслей ресурсного сектора и обеспечения их конкурентоспособности становится согласование и взаимное воздействие новых отраслевых инструментов и уже реализуемых преференциальных режимов ускоренного регионального развития.

Список источников:

1. Антонова Н. Е. Лесной комплекс Хабаровского края в поисках путей развития // ЭКО. 2023. № 11. С. 64–85. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-11-64-85
2. Антонова Н. Е., Ломакина Н. В., Файман А. Д. Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: «проклятие» или локомотив развития? Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2022. 336 с.
3. Вукович Н. А., Мехренцев А. В. Состояние и перспективы развития рынка древесных пеллет в России // ЭКО. 2023. № 6. С. 122–136. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-6-122-136
4. Гальцева Н. В., Шарыпова О. А. Золотодобывающая промышленность России: санкционные шоки // Пространственная экономика. 2023. Т. 19. № 2. С. 70–93. DOI: 10.14530/se.2023.2.070-093
5. Гордеев Р. В., Пыжев А. И. Перепутье российской лесной промышленности // ЭКО. 2023. № 5. С. 169–191. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-5-169-191
6. Крюков В. А., Крюков Я. В. Подходы к освоению минерально-сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока в контексте современных геополитических процессов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2023. № 2. С. 44–51.
7. Крюков В. А., Шмат В. В. Азиатская Россия – условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 1. С. 34–72. DOI: 10.14530/se.2022.1.034-072
8. Ломакина Н. В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока в условиях кризисных шоков: факторы устойчивости и потенциал трансформации // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2023а. № 6 (185). С. 30–36.
9. Ломакина Н. В. Потенциал структурных изменений экономики ДФО в контексте новой минерально-сырьевой политики России // ЭКО. 2023б. № 10. С. 8–28. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-10-8-28
10. Малкина М. Ю. Устойчивость экономики российских регионов к пандемии 2020 // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–124. DOI: 10.14530/se.2021.1.101-124.
11. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П. А. Минакир, С. Н. Найден. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2021. 208 с.
12. Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы / отв. ред. П. А. Минакир. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2022. 328 с.
13. Ivantsova E. D. Is timber investment actually the driver of logging growth and human welfare? // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. 15(7). Pp. 955–964. DOI: 10.17516/1997-1370-0900.

References:

1. Antonova, N .E. (2023) Forest Complex of Khabarovsk Krai in Search of Development

- Path. *EKO [ECO]*. No. 11: 64–85. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-64-85 (In Russ.).
2. Antonova N. E., Lomakina N. V., Faïman A. D. (2022) The Natural Resources Sector in the Russian Far East: A Curse or a Driver of Development? *Habarovsk, IEI DVO RAN*. (In Russ.)
 3. Vukovich, N. A., Mehrentsev, A. V. (2023). The State and Development Prospects of the Wood Pellet Market in Russia. *EKO [ECO]*. No. 6: 122–136. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-6-122-136 (In Russ.).
 4. Galtseva N. V., Sharypova O. A. Russia's Gold Mining Industry: Sanctions Shocks. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*. 2023. Vol. 19. No. 2: 70–93. DOI: 10.14530/se.2023.2.070-093 (In Russ.).
 5. Gordeev, R. V., Pyzhev, A. I. (2023). The Crossroads of the Russian Timber Industry. *EKO [ECO]*. No. 5: 169–191. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-5-169-191 (In Russ.).
 6. Kryukov V. A., Kryukov Ya. V. (2023). Approaches to the Development of Mineral Resources in Siberia and the Far East in the Context of Modern Geopolitical Processes. *Mineral'nyye resursy Rossii. Ekonomika i upravleniye [Mineral Resources of Russia. Economics & Management]*. No. 2: 44–51. (In Russ.).
 7. Kryukov V. A., Shmat V. V. (2022) Asian Russia – Conditions for and Obstacles to Progressive Diversification of Macroeconomic Economy. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*. Vol. 18. No. 1: 34–72. DOI: 10.14530/se.2022.1.034-072 (In Russ.).
 8. Lomakina N. V. (2023a) Mineral Resource Complex of the Far East in Conditions of Crisis Shocks: Sustainability Factors and Transformation Potential. *Mineral'nyye resursy Rossii. Ekonomika i upravleniye [Mineral Resources of Russia. Economics & Management]*. No. 6 (185): 44–51. (In Russ.).
 9. Lomakina, N. V. (2023b). The Potential for Structural Changes in the Far Eastern Federal District's Economy in the Context of the New Policy in the Mineral Complex of Russia. *EKO [ECO]*. No. 10: 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-10-8-28 (In Russ.).
 10. Malkina M. Yu. (2022) Resilience of the Russian Regional Economies to the 2020 Pandemic. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*. Vol. 18. No. 1: 101–124. DOI: 10.14530/se.2021.1.101-124 (In Russ.).
 11. Development of the economy of the Russian Far East: effects of state policy / resp. ed. P. A. Minakir, S. N. Found. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2021. 208 p. (In Russ.).
 12. Socio-Economic Dynamics in the Russian Far East: Sustainable Trends and Emerging Challenges / ed. by P. A. Minakir. Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2022. 328 p. (In Russ.).
 13. Ivantsova, E. D. (2022) Is Timber Investment Actually the Driver of Logging Growth and Human Welfare? *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*. Vol. 15. No. 7: 955–964. DOI: 10.17516/1997-1370-0900.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 08.12.2023.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 08.12.2023.

Информация об авторах

Н. Е. Антонова – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела территориально-отраслевых систем, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН;

Н. В. Ломакина – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела территориально-отраслевых систем, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the authors

N. E. Antonova – Doctor of Economics, chief researcher, the territorial and sectoral systems department, the Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of RAS ;

N. V. Lomakina – Doctor of Economics, chief researcher, the territorial and sectoral systems department, the Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of RAS.

Научная статья

УДК 336.14:353(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-60-76

Устойчивость региональных бюджетов на Дальнем Востоке России

Алексей Андреевич Новицкий¹, Илья Александрович Шевченко²

^{1, 2} Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Хабаровск, Россия

¹ a.novitskiy@vostokgosplan.ru

² i.shevchenko@vostokgosplan.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые подходы к оценке бюджетной устойчивости регионов, используемые в государственном управлении и научных исследованиях. Аргументируется необходимость применения комплексной оценки бюджетной устойчивости, охватывающей широкий круг аспектов. Анализируются ключевые показатели, характеризующие бюджетную устойчивость регионов Дальнего Востока: дотационность бюджета, уровень государственного долга, доля капитальных вложений и др. На основе рейтингов субъектов РФ получены сравнительные оценки для дальневосточных регионов в 2020–2022 гг., выявлены характеристики и параметры, требующие наибольшего внимания для повышения устойчивости бюджетов и преодоления отставания от большинства регионов страны.

Ключевые слова: бюджетная устойчивость, долговая устойчивость, сбалансированность бюджета, региональный бюджет, Дальний Восток России

Для цитирования: Новицкий А. А., Шевченко И. А. Устойчивость региональных бюджетов на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 60–76. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-60-76>

Sustainability of regional budgets in the Russian Far East

Aleksei A. Novitskiy¹, Iliya A. Shevchenko²

^{1, 2} The Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center», Khabarovsk, Russia

¹ a.novitskiy@vostokgosplan.ru

² i.shevchenko@vostokgosplan.ru

Abstract. Some approaches to assessing the fiscal sustainability of regions used in the public administration and research are considered. The need to apply comprehensive assessment of fiscal sustainability, covering a wide range of aspects, is argued. Key indicators characterizing the fiscal sustainability of the regions of the Far East are analyzed: budget dependency, public debt level, capital investment share, etc. Based on the ratings of the constituent entities of the Russian Federation, comparative estimates for the Far-Eastern regions in 2020–2022 were obtained characteristics and parameters that require the most attention to improve the budget sustainability and overcome the lag behind the most regions of the country were identified.

Keywords: fiscal sustainability, debt sustainability, budget balance, regional budget, the Russian Far East

For citation: Novitskiy A. A., Shevchenko I. A. Sustainability of regional budgets in the Russian Far East // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 60–76. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-60-76>

Введение

Бюджеты являются главным инструментом органов власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований для решения задач социально-экономического развития территорий, повышения благосостояния населения. В условиях экономической нестабильности последних лет, обострившейся на фоне внешних потрясений в виде пандемии коронавируса, изменения геополитической ситуации и усиления санкционного давления, растет актуальность вопросов обеспечения бюджетной устойчивости регионов.

В представленном исследовании рассмотрены отдельные аспекты бюджетной устойчивости субъектов РФ, входящих состав Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО). Усиление роли макрорегиона в реализации восточного вектора развития российской экономики требует пристального внимания к текущему состоянию и перспективам развития дальневосточных субъектов РФ, созданию условий для их поступательного социально-экономического развития и повышения инвестиционной привлекательности. Сбалансированность и устойчивость бюджетных систем выступает одним из важных условий для решения этих задач.

Цель работы – охарактеризовать состояние бюджетной устойчивости в регионах Дальнего Востока на основе оценок, полученных как в рамках официальных методик, применяемых в сфере государственного управления, так и по результатам собственных межрегиональных сравнений.

Обзор подходов к оценке бюджетной устойчивости

В академической литературе представлены разнообразные концептуальные подходы к определению бюджетной устойчивости, а также предлагается методический инструментарий для её количественной оценки [Канкулова, 2020; Каратаев, 2013; Минаков, 2020; Найденова, Швецова, 2017]. В большинстве случаев под устойчивостью бюджета понимается его способность на долгосрочной основе обеспечивать своевременное и в необходимом объеме финансирование обязательств, возложенных на органы власти. Анализ научных публикаций позволяет в

качестве основных принципов устойчивости бюджета выделить следующие:

сбалансированность бюджета – баланс доходов и расходов с учетом привлечения заемных средств и использования иных источников финансирования дефицита бюджета;

финансовая самостоятельность – способность финансировать свои расходы за счет собственных источников доходов;

платежеспособность – способность своевременно и в полном объеме выполнять свои финансовые обязательства;

ликвидность – наличие достаточного объема финансовых ресурсов для исполнения текущих бюджетных обязательств.

Профессор Г. Б. Поляк, вводя термин «финансовая устойчивость бюджета», предложил определять ее как достаточность доходов для покрытия минимальных расходов бюджета (затрат на конституционно гарантированные мероприятия по социальному обеспечению и жизнеобеспечению населения) [Поляк и др., 2016]. С этой точки зрения, наиболее важными принципами выступают сбалансированность и финансовая самостоятельность бюджетов.

В научной литературе приводятся и другие принципы бюджетной устойчивости (например, эффективность бюджетных расходов, открытость информации о бюджетных процессах и др.), однако, по нашему мнению, перечисленные выше принципы являются наиболее значимыми.

В зарубежных исследованиях финансовая устойчивость («fiscal sustainability») публично-правовых образований, как правило, связывается в первую очередь с состоянием их кредитоспособности и оптимальным управлением государственным долгом [Burnside, 2005]. Долговая устойчивость оказывает влияние на сбалансированность, финансовую самостоятельность региона и является важной составляющей бюджетной устойчивости. Грамотное использование возможностей привлечения заемного капитала позволяет проводить контрциклическую политику, снижать риски дестабилизации бюджета в случае неблагоприятной экономической ситуации.

На бюджетную устойчивость влияет большое количество факторов и условий.

К числу внутренних факторов можно отнести планирование бюджетной политики (доходов и расходов бюджета), уровень квалификации специалистов и качество управления государственными финансами, используемые инструменты бюджетного регулирования и др. Среди внешних факторов стоит выделить экономические, природно-климатические, социальные, институциональные, политические.

Оценка бюджетной устойчивости может быть ценным инструментом для выявления имеющихся дисбалансов и рисков бюджетной системы, анализа эффективности мер бюджетной политики. Для получения комплексной оценки бюджетной устойчивости исследователями предлагается в дополнение к бюджетным параметрам учитывать отдельные аспекты социально-экономического потенциала и институциональной среды региона. При этом в отношении наиболее объективного сочетания характеристик для такой оценки среди исследователей нет единого мнения.

В исследовании [Строев и др., 2023] обосновывается необходимость учета не только бюджетных, но и экономических характеристик региона, а наиболее важными параметрами предлагается считать степень финансовой самостоятельности и объем валового регионального продукта (ВРП) на душу населения. Другие эксперты предлагают в число показателей финансовой устойчивости дополнительно включать: степень отраслевой диверсификации налоговых доходов, демографическую нагрузку, долю занятых в неформальном секторе экономики, оценки инвестиционного климата и эффективности государственного управления в регионе [Михайлова, Тимушев, 2020].

Помимо стандартных бюджетных показателей сбалансированности и финансовой самостоятельности авторами методик достаточно часто используются и новые. Например, в работе [Леонов, Соломко, 2011] авторами предложено включить в методику оценки индикатор зависимости доходов бюджета от источников с повышенным уровнем риска и индикатор доли поступлений по налогу на прибыль, финансовый результат которого формируется за пределами субъекта Российской Федерации.

В последние годы возросло число исследований, в которых устойчивость бюджетов изучается с точки зрения динамического подхода или «резилиентности» (resilience), способности противостоять изменениям экономической конъюнктуры, внешним и внутренним воздействиям, что главным образом проявляется в глубине реакции экономических и бюджетных показателей и времени, необходимом для восстановления к первоначальному состоянию [Климанов и др., 2019]. В данной работе анализ состояния бюджетной устойчивости регионов Дальнего Востока ограничивается использованием так называемого «статического» подхода. Его результатом является сравнение регионов между собой на основе сформированного набора показателей и выводы о потенциальной устойчивости бюджета.

Несмотря на многообразие подходов и методик, исследователи отдают предпочтение проведению комплексной оценки бюджетной устойчивости. Комплексная оценка позволяет получить более информативную, многомерную картину бюджетной устойчивости, выявить взаимосвязи между разными аспектами. Это может служить основой для проведения более скоординированной бюджетной политики. Вместе с тем, использование большого числа индикаторов в методике оценки приводит к проблеме их корректного отбора и сочетания для поддержания сбалансированности системы показателей. А в случае расчета интегральной оценки, возникают дополнительные вопросы, связанные с выбором веса в ней каждого параметра. Анализ нескольких методик позволяет отметить, что достаточно распространенными недостатками являются: наличие показателей с высокой степенью корреляции или полностью аналогичных, использование неинформативных индикаторов, высокая степень субъективности отдельных параметров.

С учетом необходимости преодоления указанных проблем в данной работе авторы также придерживаются позиции: бюджетную устойчивость следует анализировать с учетом широкого спектра характеристик, включая сбалансированность и самодостаточность бюджета,

гибкость бюджетных расходов, долговую устойчивость, качество управления бюджетом, а также уровень развития экономики, социальной сферы и институциональной среды региона.

Оценки бюджетной устойчивости в практике государственного управления

В законодательном поле Российской Федерации понятие бюджетной устойчивости региона в настоящее время не регламентировано. Нельзя пока сказать и о наличии каких-либо единых подходов к проведению ее комплексной оценки на региональном уровне. Вместе с тем, в Бюджетном кодексе РФ для регулирования бюджетных процессов субъектов РФ и снижения рисков возникновения неблагоприятных ситуаций используется ряд показателей, которые частично характеризуют устойчивость бюджетов регионов: уровень дотационности бюджета¹, величина дефицита бюджета, показатели долговой устойчивости.

Субъектам РФ, имеющим уровень дотационности более 10%, запрещено устанавливать расходные обязательства, не связанные с решением вопросов, отнесенных к полномочиям региона, а также превышать нормативы формирования расходов на оплату труда госслужащих и содержание органов власти субъекта РФ (ст. 130 Бюджетного кодекса РФ). По итогам оценки за 2022 г. в эту группу вошли 34 российских региона, в том числе большинство дальневосточных²: Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

Для субъектов РФ с дотационностью выше 40% действуют дополнительные требования, предусматривающие:

управление бюджетом через лицевые счета в органах Федерального казначейства, согласование с Минфином России проектов бюджетов на очередной год, проверку годового отчета об исполнении бюджета Счетной палатой РФ, а также более строгие критерии при оценке долговой устойчивости и размера дефицита бюджета. В группу высокодотационных регионов продолжительное время входил Камчатский край (2015–2023 гг.). По итогам оценки 2023 года, на 2024 год край отнесен в группу субъектов РФ с дотационностью более 10%. Однако в ближайшие годы по мере завершения финансирования Национальных проектов объем федеральной поддержки в форме субсидий будет снижаться, и Камчатский край может вновь вернуться к высокой дотационности.

В целях поддержания бюджетной устойчивости также законодательно установлены предельные значения дефицита бюджета субъектов РФ. Его размер не должен превышать 15% утвержденного общего годового объема доходов без учета безвозмездных поступлений (для высокодотационных регионов – 10%)³.

Ключевой составляющей бюджетной устойчивости является долговая устойчивость региона. Бюджетным кодексом РФ предусмотрено регулирование долговой политики субъектов РФ. В случае превышения установленных предельных критериев объема и стоимости обслуживания государственного долга (показатели 1) и 2) в табл. 1) субъекту РФ запрещается осуществлять новые заимствования. С 2020 г. важным шагом в повышении устойчивости региональной долговой политики стало утверждение методики ежегодной оценки долговой устойчивости субъектов РФ⁴, позволяющей создать основу для более гибкой, дифференциро-

¹ Рассчитывается как доля дотаций из федерального бюджета в общем объеме доходов бюджета субъекта РФ без учета субвенций.

² Приказ Минфина России от 13.11.2023 № 504 «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации».

³ Этот норматив может быть превышен в случае, если часть дефицита финансируется за счет поступлений от продажи финансовых активов, запасов драгоценных металлов и камней, бюджетных кредитов на реализацию инфраструктурных проектов, остатков средств на счетах по учету средств субъекта РФ, в том числе средств Резервного фонда субъекта РФ, доходов от размещения средств на банковских депозитах (п. 2. ст. 92.1. Бюджетного кодекса РФ).

⁴ Постановление Правительства РФ от 04.03.2020 № 227 «Об утверждении Правил проведения оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации».

ванной системы регулирования. По результатам оценки все регионы распределяются на три группы: с высоким, средним и низким уровнем долговой устойчивости (табл. 1).

Результаты оценки долговой устойчивости применяются для регулирования управления остатками средств бюджетов субъектов РФ, сложившихся по итогам отчетного года. Для регионов с низкой долговой устойчивостью, если сумма новых заимствований региона за отчетный год превышает объем средств, направленных на финансирование дефицита и погашение долга, то остатки бюджетных средств могут быть направлены только на погашение долга (п. 3 статьи 95 Бюджетного кодекса РФ). Система оценки долговой устойчивости – важный шаг в развитии государственного регулирования региональных бюджетных процессов, позволяющий осуществлять более гибкую дифференцированную политику в отношении регионов с различной дол-

говой устойчивостью.

Анализ оценок за 2019–2022 гг. свидетельствует об уверенном тренде на повышение долговой устойчивости в целом по субъектам РФ. В период 2019–2022 гг. количество регионов с высокой оценкой долговой устойчивости увеличилось с 40 до 56 ед., а число регионов с низкой – сократилось с 3 до 1 ед. (Республика Калмыкия). Почти полное отсутствие регионов с низкой долговой устойчивостью указывает на достаточно «мягкие» критерии оценки. Например, по показателю 3) в таблице 1 все субъекты РФ смогли выполнить критерий «≤5%» для высокого уровня долговой устойчивости в течение последних трех лет, не говоря уже о предельном значении 15%, установленном Бюджетным кодексом РФ с 1998 г.

Среди дальневосточных регионов стабильно высокий уровень долговой устойчивости в указанный период имели Республика Саха (Якутия), Камчатский и Приморский края, Сахалинская область

Таблица 1

Критерии долговой устойчивости, утвержденные для субъектов РФ

Показатель	Предельное значение, %	Уровень долговой устойчивости, ⁵ %		
		Высокий (выполнены все критерии)	Средний	Низкий (превышены ≥2 критериев)
1) Объем государственного долга к общему объему доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений, %	100 (50*) ⁶	≤50 (≤25*)	50–85	>85 (>45*)
2) Доля расходов на обслуживание государственного долга в общем объеме расходов бюджета за вычетом субвенций, %	15 ⁷	≤5	5–8	>8
3) Годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию государственного долга к общему объему налоговых и неналоговых доходов бюджета и дотаций, %	–	≤13	13–18	>18

*в скобках указаны критерии для высокодотационных регионов⁸

Источник: Бюджетный кодекс РФ.

⁵ Статья 107.1. Бюджетного кодекса РФ.

⁶ Статья 107 Бюджетного кодекса РФ.

⁷ Статья 111 Бюджетного кодекса РФ.

⁸ Высокодотационные регионы – регионы, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 40% объема доходов консолидированного бюджета субъекта РФ без учета субвенций (п. 4 ст. 130 Бюджетного кодекса РФ). В ДФО к таким регионам в 2014–2023 гг. относился Камчатский край.

(табл. 2). Субъекты РФ с низким уровнем долговой устойчивости в 2019–2022 гг. в ДФО отсутствовали (в 2018 г. в их число входила Еврейская автономная область. Несмотря на некоторое улучшение показателей государственного долга области и повышение оценки долговой устойчивости, ее объем заимствований по отношению к собственным доходам по-прежнему остается одним из самых высоких в России).

Существующие критерии классификации регионов по уровню долговой устойчивости, вероятно, являются приемлемым инструментом для выявления и регулирования наиболее проблемных, критических ситуаций в сфере регионального долга. Вместе с тем применяемая система нормативов слабо дифференцирует регионы и является недостаточно информативной для оценки бюджетной устойчивости, проведения межрегиональных сравнений.

Рассмотренные отдельные показатели и система оценки долговой устойчивости уже законодательно встроены в регулирование региональных бюджетных процессов. Помимо этого, Минфином России на ежегодной основе проводится мониторинг и оценка качества управления региональными финансами, которая включает более 70 показателей и охватывает различные аспекты управления региональными финансами.

Система показателей включает 8 разделов. Более 60% суммарного веса в оценке формируют разделы по планированию бюджета, исполнению бюджета и управлению государственным долгом. Еще 30% складывается из блоков по взаимоотношениям с муниципальными образованияами и выполнению указов Президента РФ. Оставшиеся 10% составляют разделы по качеству управления государственной собственностью, оказанию государственных услуг и открытости бюджетных данных.

В части бюджетных параметров наибольший вклад в оценку вносят следующие показатели (в скобках указан удельный вес параметра в общей оценке)⁹:

коэффициент увеличения долговой нагрузки бюджета субъекта РФ (темпы роста долговой нагрузки в отчетном году) (4,0%);

отклонение фактического объема налоговых и неналоговых доходов (НиНД) от первоначально утвержденного уровня (3,0%);

доля доходов по региональным налогам и упрощенной системе налогообложения, недополученных в результате действия налоговых льгот субъекта РФ (3,0%);

выполнение целевого показателя по доле просроченной кредиторской задолженности бюджета субъекта РФ и местных бюджетов в расходах консолидированного бюджета (3,0%);

Таблица 2

Результаты оценки уровня долговой устойчивости субъектов РФ, входящих в состав ДФО

Субъект РФ	Уровень долговой устойчивости			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Республика Бурятия	Высокий	Средний		Высокий
Республика Саха (Якутия)	Высокий			
Забайкальский край	Средний			
Камчатский край	Высокий			
Приморский край	Высокий			
Хабаровский край	Средний			
Амурская область	Средний	Высокий		Средний
Магаданская область	Средний			
Сахалинская область	Высокий			
Еврейская автономная область	Средний			
Чукотский автономный округ	Средний			

Источник: составлено по данным Минфина России, https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/klass

⁹ Название некоторых показателей изменено с целью более точной передачи их смысла.

наличие просроченной кредиторской задолженности по выплате заработной платы и пособий по социальной помощи населению (3,0%);

отношение объема государственного долга к объему доходов за вычетом безвозмездных поступлений (3,0%);

непревышение предельного значения доли краткосрочных обязательств в общем объеме государственного долга (за исключением бюджетных кредитов) – «15%» (3,0%);

отношение прироста расходов бюджета в отчетном финансовом году, не обеспеченных соответствующим приростом доходов бюджета, к объему расходов бюджета (2,5%).

Наряду с количественными показателями в методику оценки включены качественные параметры: общий балл снижается на 5%, если у субъекта РФ имеются нарушения законодательства или условий соглашений о предоставлении бюджетных кредитов и дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, а в случае серьезных нарушений бюджетного законодательства региону присваивается низкая степень качества, независимо от показателей. По результатам оценки субъект РФ относят к одной из трех групп – с высоким, надлежащим или низким качеством управления региональными финансами. Распределение является относительным, так как критерии для групп устанавливаются в количестве среднеквадратических отклонений от средней оценки по всем регионам.

В 2019–2022 гг. среди дальневосточных регионов высокую оценку получали только 4 региона (табл. 3): Республика Бурятия (2020 г.), Приморский край (2019 г.), Амурская область (2020 г.) и Сахалинская область (2019 г., 2020 г., 2022 г.). Стабильно высокие оценки качества управления финансами получает Сахалинская область – регион, который является одним из наиболее обеспеченных бюджетными доходами как на Дальнем Востоке, так и в целом по России. Очевидно, что объем доходов бюджета оказывает значительное влияние на оценку качества управления финансами, что может свидетельствовать о необходимости балансировки системы показателей.

Оценку «надлежащее качество управления финансами» ежегодно получали

от 4 до 7 регионов Дальнего Востока. В 2019–2022 гг. низкую оценку качества управления финансами хотя бы один раз получали 9 дальневосточных регионов. Исключительно низкий уровень качества управления финансами ежегодно отмечается в Магаданской и Еврейской автономной областях.

В последние годы наиболее заметным трендом для группы дальневосточных регионов является ухудшение качества управления финансами. Если в 2019–2020 гг. низкую оценку имели 3–4 региона, то в 2021–2022 гг. их число возросло до 4–5 регионов.

Оценка качества управления финансами может служить ориентиром уровня бюджетной устойчивости регионов, так как системой показателей фактически оценивается не только качество управления финансами в регионе, но и в значительной мере состояние бюджетных процессов. Вместе с тем часть показателей не являются информативными для оценки устойчивости бюджета. Использование большого количества индикаторов неизбежно приводит к появлению пар с высокой корреляцией, что ухудшает баланс в системе оценки и затрудняет интерпретацию результата. Кроме того, на результат влияют дополнительные качественные параметры, например, наличие нарушений субъектом РФ бюджетного законодательства или соглашений, заключенных с Минфином России. Дискуссионным вопросом является и присвоение каждому показателю определенного веса (пояснения в методике по этому вопросу не приводятся).

С учетом вышесказанного оценка устойчивости бюджетов регионов Дальнего Востока была проведена на основе группы из 11 наиболее информативных показателей, включающей как индикаторы, используемые в системе государственного управления, так и отдельные параметры социально-экономической и институциональной среды.

Оценка бюджетной устойчивости регионов Дальнего Востока в 2020–2022 гг.

Анализ методик, используемых в научных исследованиях и в практике государственного управления, позволяет сформулировать ряд общих принципов, которым, по нашему мнению, должна

Таблица 3

Результаты оценки качества управления региональными финансами субъектов РФ, входящих в состав ДФО, за 2019–2022 гг.

Субъект РФ	Качество управления региональными финансами			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Республика Бурятия	Надлежащее ¹	Высокое	Надлежащее	Низкое ^{1,2}
Республика Саха (Якутия)	Надлежащее	Надлежащее ¹	Надлежащее	Надлежащее ²
Забайкальский край	Надлежащее ³	Надлежащее ¹	Низкое ³	Низкое
Камчатский край	Надлежащее	Надлежащее ^{1,3}	Надлежащее ¹	Низкое ⁴
Приморский край	Высокое	Надлежащее	Низкое ^{2,4}	Надлежащее ^{1,3}
Хабаровский край	Низкое ^{1,2,3,4}	Низкое ^{2,4}	Надлежащее ²	Надлежащее
Амурская область	Надлежащее	Высокое	Надлежащее	Низкое ^{1,2}
Магаданская область	Низкое ^{1,3}	Низкое ^{1,2}	Низкое ^{2,3,4}	Низкое ^{1,2,3}
Сахалинская область	Высокое	Высокое	Надлежащее	Высокое
Еврейская автономная область	Низкое ^{1,3}	Низкое ^{1,2,3}	Низкое ^{2,3,4}	Низкое ³
Чукотский автономный округ	Низкое ^{1,3}	Надлежащее	Надлежащее	Надлежащее ²
Справочно: общее количество регионов с высоким качеством	24	24	25	25
надлежащим качеством	43	45	40	43
с низким качеством	18	16	20	17

Примечания

1 – нарушения бюджетного законодательства РФ, не влекущие отнесение к 3 степени качества; 2 – нарушения условий соглашений по предоставлению бюджетных кредитов из федерального бюджета; 3 – нарушения условий соглашений с Минфином России субъектами РФ, получающими дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности; 4 – нарушения бюджетного законодательства Российской Федерации, влекущие отнесение к 3 степени качества.

Источник: составлено по данным Минфина России, https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/monitoring_finance

соответствовать комплексная методика оценки бюджетной устойчивости региона: охват широкого круга аспектов бюджетной устойчивости; использование данных по консолидированному бюджету субъекта РФ, что позволяет учитывать состояние местных бюджетов; отсутствие сильной корреляционной связи между показателями; отсутствие индикаторов с одинаковыми значениями для всех регионов.

С учетом этих принципов был составлен набор показателей, включающий следующие аспекты бюджетной устойчивости:

- 1) финансовая самостоятельность и сбалансированность бюджета;
- 2) гибкость структуры расходов и специфика управления расходами;
- 3) долговая устойчивость;
- 4) социально-экономическая и институциональная среда.

На основе предложенного набора по-

казателей была проведена сравнительная оценка ситуации в дальневосточных регионах и составлены рейтинги субъектов РФ. Для оценки использовались усредненные значения за 2020–2022 гг.

Коэффициент покрытия первоочередных расходов бюджета за счет собственных доходов (НиНД) характеризует сбалансированность и финансовую самостоятельность бюджета (табл. 4, *exp_cover*)¹⁰. В большинстве субъектов РФ коэффициент покрытия составляет не ниже 1,3 раза. В четырех регионах Дальнего Востока его значение не достигает 1,0, что свидетельствует о недостаточности доходных источников региона для самостоятельного финансирования даже минимального объема первоочередных расходов: в Еврейской автономной области (78 место в РФ), Республике Бурятия (75 место), Забайкальском (72 место) и Камчатском (71) краях.

Способность прогнозировать и испол-

нять объем собственных бюджетных доходов (НиНД) на очередной финансовый год является важным фактором сбалансированности и устойчивости бюджета региона. Завышенный прогноз доходов бюджета создает риски возникновения дефицита средств, а заниженная оценка доходов может привести к неэффективному освоению средств, упущению возможностей по развитию региона. В 2020–2022 гг. большинство дальневосточных субъектов РФ имели приемлемые значения отклонения фактических поступлений НиНД от утвержденного плана (табл. 4, *rev_dev*), сопоставимые с медианным значением по России (14,4%). Повышенные значения по данному показателю имеют регионы с высокой долей сырьевого сектора в экономике и, как следствие,

высокой долей конъюнктурных доходов в бюджете: Сахалинская область (41,9%; 84 место в РФ), Чукотский автономный округ (30,0%; 82 место), Магаданская область (20,5%; 64 место), Республика Саха (Якутия) (20,3%; 62 место). В этих субъектах РФ зависимость доходов бюджета от внешних факторов (в том числе спроса и цен на мировых рынках сырья, валютных курсов) затрудняет прогнозирование доходов даже в краткосрочном периоде, что снижает бюджетную устойчивость. В Сахалинской области дополнительным компонентом, снижающим прогнозируемость доходов, являются неналоговые поступления в связи с реализацией соглашений о разделе продукции по нефтегазовым проектам, в Республике Саха (Якутии) источником повышенной волатильности до-

Таблица 4

Показатели финансовой самостоятельности и сбалансированности бюджета в субъектах РФ, входящих в состав ДФО, в 2020–2022 г.

Субъект РФ	Показатель (значение / место в РФ)		
	Exp_cover, раз	*Rev_dev, %	*Grants_share, %
Республика Бурятия	0,8 / 75	15,7 / 52	25,6 / 76
Республика Саха (Якутия)	1,3 / 42	20,3 / 62	18,9 / 65
Забайкальский край	0,9 / 72	3,8 / 2	16,4 / 58
Камчатский край	0,9 / 71	4,4 / 4	40,1 / 82
Приморский край	1,4 / 30	13,1 / 36	7,3 / 33
Хабаровский край	1,2 / 44	12,1 / 26	7,0 / 32
Амурская область	1,4 / 36	9,3 / 13	5,3 / 27
Магаданская область	1,4 / 27	20,5 / 64	10,2 / 46
Сахалинская область	2,2 / 4	41,9 / 84	0,1 / 2
Еврейская автономная область	0,7 / 78	4,0 / 3	27,1 / 77
Чукотский автономный округ	1,9 / 8	29,9 / 82	25,3 / 74
Все субъекты РФ, значение (мин. / медиана / макс.)	0,3 / 1,3 / 2,5	2,8 / 14,4 / 42,9	0,0 / 9,0 / 44,9

Пояснение: *exp_cover* – коэффициент покрытия первоочередных расходов бюджета за счет НиНД; *rev_dev* – отклонение фактического объема налоговых и неналоговых доходов от первоначально утвержденного уровня (без учета знака); *grants_share* – уровень дотационности бюджета (отношение объема дотаций к объему доходов за вычетом субвенций); * обратный показатель. Жирным шрифтом выделены значения, попадающие в худшую 1/3 позиций российского рейтинга.

Источник: расчеты по данным Казначейства России.

¹⁰ В составе первоочередных расходов бюджета были учтены: расходы бюджета на оплату труда и страховых взносов с учетом бюджетных и автономных учреждений (виды расходов 111, 121, 119, 129), социальные выплаты гражданам (310), расходы на обслуживание государственного долга субъекта РФ (72). Таким образом, учтены основные компоненты перечня первоочередных расходов, рекомендованного Минфином России (письмо Минфина России № 06-09-09/40607, Казначейства России № 07-04-05/05-10834 от 04.05.2022 «О реализации положений постановлений Правительства Российской Федерации»).

ходов являются дивиденды от владения акциями алмазодобывающей компании АК «АЛРОСА» (ПАО).

В качестве дополнительной характеристики финансовой самостоятельности региона предлагается применять стандартный показатель дотационности бюджета, используемый в Бюджетном кодексе РФ (табл. 4, *grants_share*). Для дальневосточных регионов характерна повышенная дотационность бюджетов вследствие недостаточного развития собственных источников доходов. В среднем за 2020–2022 гг. 7 регионов Дальнего Востока имели долю дотаций выше медианного значения по РФ (9,0%). В наибольшей степени зависят от федеральной поддержки Камчатский край (40,1%, 82 место в РФ), Еврейская автономная область (27,1%, 77 место), Республика Бурятия (25,6%, 76 место) и Чукотский автономный округ (25,3%, 74 место).

Вторую группу составляют показатели, характеризующие гибкость структуры расходов и качество управления расходами. Доля расходов на капитальные вложения (табл. 5, *capital_share*) раскрывает сразу несколько аспектов бюджетной устойчивости. Капитальные вложения в строительство и модернизацию объектов социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры способствуют экономическому развитию территории, росту ее инвестиционной привлекательности, повышению качества человеческого капитала и производительности труда, что будет способствовать расширению и укреплению доходной базы бюджета. Помимо этого, доля капитальных вложений выражает гибкость структуры бюджетных расходов, возможность оперативного маневрирования ресурсами, в том числе в периоды экономических шоков. В среднем за 2020–2022 гг. по доле расходов на капитальные вложения большинство дальневосточных регионов вошли в первую половину российского рейтинга. Наибольшую инвестиционную активность бюджета в 2020–2022 гг. продемонстрировали Сахалинская (16,3%, 11 место в РФ), Амурская (14,7%, 13 место) и Магаданская (14,1%, 14 место) области, Республика Бурятия (12,7%, 19 место). Ниже медианного значения по России доля капитальных вложений в этот период была в Еврейской автономной области (5,9%, 79 место), За-

байкальском крае (7,9%, 65 место).

Доля просроченной кредиторской задолженности (табл. 5, *creditor_debt*) свидетельствует как о дефиците бюджетных ресурсов для финансирования установленного объема расходных обязательств, так и о недостаточном качестве управления бюджетными процессами в регионе. Поэтому показатель предлагается включить в оценку бюджетной устойчивости. На практике просроченную кредиторскую задолженность ежегодно имели более половины субъектов РФ, однако число таких регионов с 2017 года ежегодно снижалось. В период 2020–2022 гг. просроченная кредиторская задолженность отсутствовала в 31 регионе, в том числе в четырех регионах Дальнего Востока: Республике Бурятия, Приморском крае, Сахалинской области и Чукотском автономном округе. Еще в четырех дальневосточных регионах размер задолженности не превышал 0,1% от объема расходов бюджета. В Магаданской и Еврейской автономной областях просроченная кредиторская задолженность фиксируется ежегодно уже на протяжении более чем 10 лет. В 2020–2022 гг. ее размер в Магаданской области составлял 4–5,4% (84 место в РФ), в Еврейской автономной области – 2,2–2,9% (81 место) от общего объема расходов бюджета.

Одним из параметров качества управления расходами, влияющим на бюджетную устойчивость, является неравномерность освоения бюджетных средств в течение года. Концентрация большого объема расходов в конце года усложняет управление бюджетом, повышает риски неэффективного освоения бюджетных средств, а в случае межбюджетных трансфертов также дестабилизирует исполнение местных бюджетов. В большинстве субъектов РФ повышенный объем расходов бюджета (без учета безвозмездных поступлений) в последнем квартале года является обычной практикой. Объективными причинами этого является плановое завершение финансирования инфраструктурных проектов, выплата заработной платы работникам бюджетной сферы с учетом всех установленных стимулирующих выплат и др. Значительное превышение среднего значения на продолжительном периоде времени может быть индикатором недостаточно эффективной

Таблица 5

Показатели гибкости расходов и качества управления расходами бюджета в субъектах РФ, входящих в состав ДФО, в 2020–2022 гг.

Субъект РФ	Показатель (значение / место в РФ)		
	Capital share, %	*Creditor debt, %	*Exp_change, раз
Республика Бурятия	12,7 / 19	0,0 / 1	1,3 / 52
Республика Саха (Якутия)	11,6 / 27	0,002 / 37	1,0 / 2
Забайкальский край	7,9 / 65	0,1 / 62	1,3 / 35
Камчатский край	9,4 / 45	0,01 / 43	1,2 / 15
Приморский край	9,6 / 41	0,0 / 1	1,5 / 72
Хабаровский край	8,8 / 53	0,01 / 46	1,1 / 10
Амурская область	14,7 / 13	0,0004 / 32	1,3 / 44
Магаданская область	14,1 / 14	4,7 / 84	1,1 / 8
Сахалинская область	16,3 / 11	0,0 / 1	1,4 / 66
Еврейская автономная область	5,9 / 79	2,6 / 81	1,4 / 67
Чукотский автономный округ	12,6 / 20	0,0 / 1	1,4 / 63
Все субъекты РФ, значение (мин. / медиана / макс.)	4,5 / 9,5 / 31,2	0,0 / 0,01 / 6,2	1,0 / 1,3 / 1,7

Пояснение: *capital_share* – доля расходов на капитальные вложения в общем объеме расходов бюджета; *creditor_debt* – просроченная кредиторская задолженность субъекта РФ и местных бюджетов; *exp_change* – отношение объема расходов в IV квартале года к среднему объему за I – III кварталы (без учета субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, поступивших из федерального бюджета); * обратный показатель. Жирным шрифтом выделены значения, попадающие в худшую 1/3 позиций российского рейтинга.

Источник: *capital_share* – расчет по данным Казначейства России; *creditor_debt*, *exp_change* – данные Минфина России.

бюджетной политики региона.

В 2020–2022 гг. расходы субъектов РФ в IV квартале года были в 1,3 раза выше среднего значения за I – III кварталы. На Дальнем Востоке наибольший рост расходов (табл. 5, *exp_change*) имели Приморский край (1,5 раза), Сахалинская область (1,4 раза), Чукотский автономный округ (1,4 раза) и Еврейская автономная область (1,4 раза). В этих регионах может быть целесообразно проведение дополнительного анализа причин неравномерного расходования средств и соответствующая корректировка практики управления расходами бюджета.

В третью группу включены показатели долговой устойчивости региона. Предлагается использовать ряд стандартных показателей, применяемых сегодня в государственном управлении (методиках оценки долговой устойчивости и качества региональных финансов). Основным показателем долговой устойчивости является размер государственного долга относительно собственных доходов ре-

гиона (табл. 6, *debt_level*). В среднем за 2020–2022 гг. наиболее высокая долговая нагрузка бюджета сложилась в Еврейской автономной области (72%, 76 место), Забайкальском крае (65%, 71 место), Хабаровском крае (57%, 62 место) и Республике Бурятия (49%, 57 место).

Важным показателем долговой устойчивости является суммарный годовой объем платежей по погашению и обслуживанию государственного долга, который соотносится с объемом средств субъекта РФ, не привязанных к целевым расходам (НиНД и дотации). В 2020–2022 гг. основная часть регионов Дальнего Востока по данному показателю (табл. 6, *debt_pay*) имела повышенные значения и находилась во второй половине российского рейтинга. Сравнительно высокий уровень таких платежей, в частности, имели 6 регионов Дальнего Востока: Хабаровский край (18,7%, 82 место), Магаданская область (15,7%, 79 место), Забайкальский край (10,9%, 73 место), Республика Бурятия (9,7%, 71 место), Еврейская автоном-

Таблица 6

Показатели управления государственным долгом в субъектах РФ, входящих в состав ДФО, в 2020–2022 гг.

Субъект РФ	Показатель (значение / место в РФ)		
	*Debt level, %	*Debt pay, %	*Debt cost, %
Республика Бурятия	49,2 / 57	9,7 / 71	6,4 / 36
Республика Саха (Якутия)	30,7 / 38	4,6 / 48	8,0 / 62
Забайкальский край	65,1 / 71	10,9 / 73	7,9 / 60
Камчатский край	26,6 / 31	0,6 / 20	8,7 / 73
Приморский край	4,7 / 9	0,3 / 15	0,0 / 1
Хабаровский край	56,6 / 62	18,7 / 82	6,9 / 47
Амурская область	46,2 / 53	8,1 / 65	6,5 / 38
Магаданская область	45,6 / 51	15,7 / 79	6,9 / 44
Сахалинская область	3,3 / 5	2,5 / 38	4,7 / 22
Еврейская автономная область	72,4 / 76	8,9 / 68	6,3 / 33
Чукотский автономный округ	47,5 / 54	0,5 / 18	0,0 / 1
Все субъекты РФ, значение (мин. / медиана / макс.)	0,0 / 38,7 / 153,0	0,0 / 3,4 / 38,0	0,0 / 6,8 / 19,0

Пояснение: *debt_level* – отношение объема государственного долга субъекта РФ к общему объему доходов за исключением безвозмездных поступлений (уровень долговой нагрузки на региональный бюджет; *debt_pay* – отношение годового объема платежей по погашению и обслуживанию государственного долга субъекта РФ к общему объему налоговых, неналоговых доходов субъекта РФ и дотаций, предоставляемых из федерального бюджета; *debt_cost* – отношение расходов на обслуживание государственного долга субъекта РФ (за исключением расходов на обслуживание бюджетных кредитов) к среднему объему государственного долга субъекта РФ; * обратный показатель. Жирным шрифтом выделены значения, попадающие в худшую 1/3 позиций российского рейтинга.

Источник: *debt_level* – расчет по данным Минфина России, Казначейства России; *debt_pay*, *debt_cost* – данные Минфина России.

ная область (8,9%, 68 место), Амурская область (9,7%, 64 место).

При оценке долговой устойчивости важным параметром является структура государственного долга. Одним из вариантов ее учета является средняя стоимость привлечения заемных средств – отношение объема расходов на обслуживание государственного долга к объему долговых обязательств (табл. 7, *debt_cost*). По данному показателю превышение медианного значения по России (6,8%) отмечалось в трех дальневосточных регионах: Республике Саха (Якутия) (8,0%, 62 место), Камчатском (8,7%, 73 место) и Забайкальском краях (7,9%, 60 место).

При оценке бюджетной устойчивости в качестве дополнительных факторов могут быть использованы характеристики экономической, социальной и институциональной среды региона. В числе таких показателей предлагается учитывать уровень отраслевой диверсификации налоговых поступлений (для этого ис-

пользован обратный показатель – коэффициент концентрации (*tax_index*, табл. 7), рассчитываемый по аналогии с индексом Херфиндаля-Хиршмана), а также долю занятых в неформальном секторе экономики (*informal*, табл. 7).

Вопрос характера влияния уровня диверсификации экономики на бюджетную устойчивость регионов является не совсем однозначным, однако экспертами подтверждается наличие обратной взаимосвязи между уровнем диверсификации экономики и изменчивостью доходов бюджета на Дальнем Востоке [Соломко, 2021]. В ДФО наиболее диверсифицированную отраслевую структуру налоговых доходов имеют Республика Бурятия (6 место в РФ), Хабаровский край (11 место), Приморский край (19 место). Для четырех регионов с высокой долей добывающего сектора в экономике зависимость от соответствующих налоговых поступлений снижает бюджетную устойчивость (в Чукотском автономном округе, Республике

Саха (Якутия), Магаданской и Сахалинской областях). Необходимо учитывать риски волатильности бюджетных доходов при управлении бюджетом, содействовать повышению диверсификации структуры экономики, а также развивать механизмы, позволяющие сглаживать резкие колебания доходов, вызванные воздействием внешних факторов.

Неформальная занятость снижает объем налоговых доходов, поступающих в бюджетную систему региона, при этом не снижая расходы по социальной поддержке населения и предоставлению общественных благ. Это негативно влияет на сбалансированность бюджета и другие составляющие бюджетной устойчивости. По данным Росстата в среднем за 2020–2022 гг. по доле занятых в неформальном секторе экономики (табл. 7, *informal*) значение выше медианы по РФ (20,6%) имели только два дальневосточных региона: Республика Бурятия (30,9%, 73 место) и Приморский край (26,2%, 66 место). В этих регионах следует рассматривать неформальную занятость как имеющийся резерв для повышения уровня доходов бюджета и бюджетной устойчивости.

Для получения сводной характеристики состояния бюджетной устойчивости региона предлагается суммировать число

показателей, значения которых находятся в худшей трети позиций российского рейтинга (57–85 места). С учетом такого подхода в 2020–2022 гг. сравнительно высокую бюджетную устойчивость имели Амурская область, Приморский и Хабаровский края, где количество отстающих показателей составило 1–2 ед. (табл. 8).

К менее устойчивым бюджетам следует отнести Камчатский край, Сахалинскую область, Республику Бурятия, Республику Саха (Якутия), Магаданскую область, Чукотский автономный округ. Каждый из этих субъектов РФ имеет 3–5 показателей со значениями в худшей трети позиций российского рейтинга. Сравнительно низкую устойчивость бюджетов имеют Забайкальский край и Еврейская автономная область, которые занимают низкие позиции в рейтинге субъектов РФ по более чем половине показателей.

Выводы

В научной литературе имеется немало количество методик оценки финансовой устойчивости региональных бюджетов. Наибольший интерес представляет комплексная оценка, позволяющая учитывать широкий круг различных аспектов, влияющих на бюджетную устойчивость. В российском законодательстве и практике государственного управления ком-

Таблица 7

Характеристики экономической, социальной и институциональной среды в субъектах РФ, входящих в состав ДФО, в 2020–2022 гг.

Субъект РФ	Показатель (значение / место в РФ)	
	*Tax index, %	*Informal, %
Республика Бурятия	10,0 / 6	30,9 / 73
Республика Саха (Якутия)	40,9 / 84	20,6 / 42
Забайкальский край	12,0 / 35	19,9 / 36
Камчатский край	12,5 / 39	15,9 / 16
Приморский край	11,0 / 19	26,2 / 66
Хабаровский край	10,4 / 11	16,4 / 21
Амурская область	11,3 / 26	20,8 / 45
Магаданская область	33,5 / 81	20,6 / 43
Сахалинская область	23,8 / 77	21,9 / 49
Еврейская автономная область	15,6 / 63	20,6 / 44
Чукотский автономный округ	40,5 / 83	3,8 / 1
Все субъекты РФ, значение (мин. / медиана / макс.)	8,3 / 12,8 / 52,7	3,8 / 20,6 / 52,9

Пояснение: *tax_index* – индекс концентрации отраслевой структуры налоговых доходов;

informal – доля занятых в неформальном секторе экономики;* обратный показатель.

Источник: расчеты по данным Росстата.

Таблица 8

**Показатели бюджетной устойчивости, по которым имеется отставание*,
в субъектах РФ, входящих в состав ДФО, в 2020–2022 гг.**

Субъект РФ	Показатели, по которым регион находится в последней 1/3 позиций российского рейтинга (59–85 место)	
	Количество показателей	Перечень показателей
Амурская область	1	debt_pay
Приморский край	2	exp_change, informal
Хабаровский край	2	debt_level, debt_pay
Камчатский край	3	exp_cover, grants_share, debt_cost
Сахалинская область	3	rev_dev, exp_change, tax_index
Магаданская область	4	rev_dev, creditor_debt, debt_pay, tax_index
Республика Саха (Якутия)	4	rev_dev, grants_share, debt_cost, tax_index
Чукотский автономный округ	4	rev_dev, grants_share, exp_change, tax_index
Республика Бурятия	5	exp_cover, grants_share, debt_level, debt_pay, informal
Забайкальский край	7	exp_cover, grants_share, capital_share, creditor_debt, debt_level, debt_pay, debt_cost
Еврейская автономная область	8	exp_cover, grants_share, capital_share, creditor_debt, exp_change, debt_level, debt_pay, tax_index

*К отстающим были отнесены показатели, значения которых соответствуют местам в худшей трети российского рейтинга (места 57–85).

Источник: расчеты авторов.

плексная оценка финансовой устойчивости бюджетов регионов на сегодняшний день отсутствует. На законодательном уровне осуществляется контроль отдельных параметров (дотационности бюджета, дефицита бюджета, величины государственного долга и расходов на его обслуживание), на основе которых введены некоторые ограничения долговой и бюджетной политики регионов. Согласно данной методике оценки, большинство регионов Дальнего Востока имело средний уровень долговой устойчивости. Высокий уровень по итогам 2022 г. имели Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Камчатский и Приморский край, Сахалинская область.

Проводимая Минфином России оценка качества управления региональными финансами охватывает широкий набор различных аспектов не только качества управления бюджетами, но и состояния региональных бюджетов. Вместе с тем, на интегральную оценку влияет ряд субъективных факторов, кроме того достаточно сильный акцент сделан на уровень бюджетных доходов региона. Результаты оценок для дальневосточных регионов заметно отличаются от итогов ана-

лиза долговой устойчивости. В 2022 г. качество управления финансами было оценено как низкое в Республике Бурятия, Забайкальском и Камчатском краях, Амурской, Магаданской и Еврейской автономной областях. Высокое качество управления финансами имела лишь Сахалинская область.

Предложенный набор показателей позволяет комплексно охарактеризовать состояние бюджетной устойчивости в регионах. Как показал анализ, между регионами Дальнего Востока имеется существенная дифференциация по ее отдельным аспектам.

В части финансовой самодостаточности и сбалансированности наиболее высокие оценки получили регионы с сырьевой специализацией (Сахалинская область, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский автономный округ). Вместе с тем в этих субъектах РФ наблюдается высокая волатильность налоговых доходов в связи с конъюнктурными факторами, что затрудняет планирование реализации бюджетной политики. В данных регионах целесообразно применение сглаживающих бюджетных механизмов, в том числе бюджетных

правил, резервных фондов.

Для ряда регионов Дальнего Востока проблемой является низкая финансовая самостоятельность регионов в связи с недостаточной концентрацией на их территории экономической активности и крупных проектов (Камчатский край, Еврейская автономная область, Республика Бурятия, Забайкальский край). Собственные доходы в этих регионах практически не покрывают даже первоочередные расходы, не говоря уже о полной потребности в ресурсах для выполнения возложенных полномочий. Наряду с повышением эффективности администрирования бюджета в этих субъектах РФ необходимы меры по стимулированию инвестиционной активности и экономического роста, которые включали бы повышение инвестиционной привлекательности, развитие инфраструктурной обеспеченности территории, развитие межрегиональных и межстрановых связей.

Наряду с фиксируемым в последние годы опережающим ростом экономики и налоговых поступлений, в ряде регионов Дальнего Востока отмечается рост недополученных доходов в связи с действием преференциальных режимов налогообложения [Веприкова и др., 2022]. Это является существенным фактором снижения бюджетной устойчивости дальневосточных регионов в краткосрочном периоде. Однако объективная оценка эффективности этих мер станет возможна лишь позже по мере выхода предприятий на свою плановую мощность и завершения действия налоговых преференций.

Среди показателей, характеризующих

гибкость расходов бюджета и качество управления ими, в отдельных регионах Дальнего Востока отмечается низкий объем капитальных вложений (Еврейская автономная область), неравномерное освоение средств в течение финансового года (Приморский край), сравнительно высокая доля просроченной кредиторской задолженности (Еврейская автономная область, Магаданская область).

Активная федеральная политика по предоставлению бюджетных кредитов позволила российским регионам значительно улучшить структуру государственного долга, заместив дорогостоящие коммерческие кредиты. Однако общий объем заимствований пока не имеет выраженной тенденции к сокращению. В сравнении с большинством регионов страны повышенный объем госдолга и стоимость его обслуживания имеют: Республика Бурятия, Забайкальский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область. Эти регионы, за исключением Хабаровского края, имеют сравнительно невысокий уровень бюджетных доходов, что не позволяет осуществлять планомерное сокращение заимствований.

В регионах с низкой бюджетной обеспеченностью необходимо на постоянной основе обеспечить реализацию программ и планов по расширению налогооблагаемой базы, легализации теневого сектора экономики, повышения собираемости налогов, сокращению государственного долга. Целесообразно изучение и внедрение лучших региональных практик в части оптимизации и повышения эффективности бюджетных расходов.

Список источников:

1. Веприкова Е. Б., Новицкий А. А., Шевченко И. А. Собственные доходы бюджетов в регионах Дальнего Востока: проблемы и возможности // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 4 (101). С. 32–44. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-32-44
2. Канкулова М. И. Понятие и основные факторы устойчивости бюджетной системы // *Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях*. 2020. № 11 (491). С. 12–21.
3. Каратаев С. М. К вопросу о понятии устойчивости бюджета // *Дайджест-Финансы*. 2003. № 5 (101). С. 39–46.
4. Климанов В. В., Казакова С. М., Михайлова А. А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // *Вопросы экономики*. 2019. № 5. С. 46–64.
5. Леонов С. Н., Соломко М. Н. Текущая бюджетная устойчивость субъектов РФ:

уточнение понятия и методов оценки // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 6. С. 11.

6. Минаков А. В. Оценка современного состояния финансовой устойчивости бюджетной системы России // Вестник евразийской науки. 2020. № 3 (12). С. 45–56.

7. Михайлова А. А., Тимушев Е. Н. Бюджетная система России: насколько устойчива? // Экономический журнал ВШЭ. 2020. № 24 (4). С. 572–597.

8. Найденова Т. А., Швецова И. Н. Методический инструментарий оценки финансовой устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 222–233.

9. Поляк Г. Б. [и др.] Государственные и муниципальные финансы: учебник / Г. Б. Поляк, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Суглобов [и др.] М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 391 С.

10. Соломко М. Н. Бюджетная устойчивость и динамика экономического развития регионов // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 57–69. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-94-157-69

11. Строев П. В., Пивоварова О. В., Шеожев Х. В., Дудник А. И. Регионы с низкой финансовой устойчивостью: анализ и активизация развития // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 1. С. 26–44. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-1-26-44

12. Burnside C. Fiscal Sustainability in Theory and Practice: A Handbook. Washington, DC: The World Bank, 2005. 285 p.

References:

1. Veprikova E. B., Novitskiy A. A., Shevchenko I. A. (2022) Budget revenues in the regions of the Russian Far East: issues and opportunities *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4(101): 32–44. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-32-44 (In Russ.)

2. Kankulova M. I. (2020) The concept and main factors of stability of the budget system *Buhgalterskiy uchyot v byudzhethnyh i nekommercheskih organizatsiyah* [Accounting in budget and non-profit organizations]. No. 11 (491): 12–21. (In Russ.)

3. Karataev S. M. (2003) On the Question of the Concept of Budget Sustainability *Dajdzhest-Finansy* [Digest Finance]. No. 5: 39–46 (In Russ.).

4. Klimanov V. V., Kazakova S. M., Mikhaylova A. A. (2019) Retrospective analysis of the resilience of Russian regions as socio-economic systems *Voprosy Ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki] No. 5: 46–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64 (In Russ.)

5. Leonov S. N., Solomko M. N. (2011) Current Fiscal Sustainability of RF Constituent Territories: Specifying the Concept and Estimation Techniques *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy]. No. 6: 11. (In Russ.)

6. Minakov A. V. (2020) Assessment of the Current State of Financial Stability of the Budget System in Russia *Vestnik evrazijskoj nauki* [The Eurasian Scientific Journal]. No. 3 (12): 45–56. (In Russ.)

7. Mikhaylova A. A., Timushev E. N. (2020) Russia's Budgetary System: How Much Sustainable? *Ekonomicheskij zhurnal VShE* [HSE Economic Journal]. No. 24 (4): 572–597. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-4-572-597 (In Russ.)

8. Najdenova T. A., Shvecova I. N. (2017) Methodical Toolkit for the Assessment of the Russian Federation Constituent Territories' Financial Stability *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 2: 222–233. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.17 (In Russ.)

9. Polyak G. B. et al. (2016) State and Municipal Finance. Moscow, YUNITI-DANA (In Russ.)

10. Solomko M. N. (2021) Budget sustainability and dynamic of the regional eco-

conomic development *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 1 (94): 57–69. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-94-1-57-69 (In Russ.)

11. Stroeve P. V., Pivovarova O. V., Sheozhev Kh. V., Dudnik A. I. (2023) Regions with Low Financial Sustainability: Analysis and Enhancement of Development *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal]. No. 15 (1): 26–44. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-1-26-44 (In Russ.)

12. Burnside C. (2005) Fiscal Sustainability in Theory and Practice: A Handbook *Vsemirnyy bank* [The World Bank]. 285 p.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Информация об авторах

А. А. Новицкий – руководитель научных проектов, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»;

И. А. Шевченко – старший экономист, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования».

Information about the authors

A. A. Novitskii – Project Team Leader, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»;

I. A. Shevchenko – Senior Economist, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center».

Научная статья

УДК 332.1(571.54)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-77-86

Социально-экономическая устойчивость сельских территорий Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия)

Сембрика Нимаевна Иванова

Байкальский институт природопользования, Сибирское отделение Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия

sambrika@binm.ru

Аннотация. В статье дана оценка социально-экономической устойчивости сельских территорий Республики Бурятия по разработанной и апробированной методике. Отмечается, что показатели инфраструктурной обеспеченности, транспортной доступности сельских территорий, уровня и качества жизни проживающего в них населения значительно уступают аналогичным показателям городских территорий, что приводит к межтерриториальному неравенству и усилению оттока сельского населения. Проведена дифференциация сельских территорий по интегральному индексу социальной и экономической устойчивости сельских территорий. Определены группы сельских территорий с высоким, средним и низким уровнями социально-экономической устойчивости. Социально-экономическое развитие сельских территорий, в границах которых проходит Центральная экологическая зона Байкальской природной территории, сдерживается правовой базой, в которой преобладают значительные ограничения в хозяйственной деятельности. В исследовании были использованы методы сравнительного анализа и экономико-статистические методы. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики. На территориях с особым режимом природопользования целевые установки сохранения уникальной природной среды должны сопровождаться созданием условий для повышения качества жизни населения. Основные выводы и рекомендации могут быть использованы органами власти при совершенствовании системы комплексной оценки социально-экономической устойчивости и при разработке программ социально-экономического развития сельских территорий.

Ключевые слова: сельские территории, социально-экономическая устойчивость, доступность услуг социальной сферы, особый режим природопользования, качество жизни населения

Благодарность: исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН Проект № АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003).

Для цитирования: Иванова С. Н. Социально-экономическая устойчивость сельских территорий Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 77–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-77-86>

Socio-economic sustainability of rural areas of the Far East with a special regime of environmental management (on the example of Republic of Buryatia)

Sembrika N. Ivanova

The the Baikal institute of nature management, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
sambrika@binm.ru

Abstract. *The article provides an assessment of socio-economic sustainability of rural areas of the Republic of Buryatia using the developed and tested methodology. It is noted that indicators of infrastructure provision, transport accessibility of rural areas, the level and quality of life of the population living in them are significantly inferior to urban ones, which leads to inter-territorial inequality and increased outflow of the rural population. It was revealed that in the structure of rural settlements of the Republic of Buryatia, sparsely populated ones predominate (26.2% with a population of less than 100 people; 16.6% – 101–200 people and 24.9% – 201–500 people), with In this case, more than a third of the rural population lives in settlements with a population of more than 5,000 people. The difficulties of developing rural areas are due to the fact that they are subject to social, economic, demographic, environmental and other challenges. Rural territories were differentiated according to the integral index of social and economic sustainability of rural territories. Groups of rural areas with high, medium and low levels of socio-economic sustainability have been identified. The socio-economic development of rural areas within the boundaries of which the Central Ecological Zone of the Baikal Natural Territory lies is constrained by the legal framework in which significant restrictions in economic activity prevail. The study used comparative analysis and economic-statistical methods. The information base was data from the Federal State Statistics Service. In territories with a special regime of environmental management, the goals of preserving the unique natural environment must be accompanied by the creation of conditions for improving the quality of life of the population. The main conclusions and recommendations can be used by authorities when improving the system for comprehensive assessment of socio-economic sustainability and when developing programs for the socio-economic development of rural areas.*

Keywords: *rural areas, socio-economic sustainability; accessibility of social services, special regime for environmental management, quality of life of the population*

Acknowledgment: the study was carried out within the framework of the state task of the Baikal Institute of Nature Management SB RAS Project No. AAAA-A21-121011590039-6 (0273-2021-0003).

For citation: Ivanova S. N. Socio-economic sustainability of rural areas of the Far East with a special regime of environmental management (on the example of Republic of Buryatia) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 77–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-77-86>

Введение

В условиях повышения значимости пространственного развития сельские территории являются значительным ресурсом страны. Несмотря на устойчивый рост агропромышленного комплекса, показатели инфраструктурной обеспеченности, транспортной доступности сельских территорий (далее – СТ), уровня и

качества жизни проживающего в них населения значительно уступают городским, что приводит к межтерриториальному неравенству и усилению оттока сельского населения. Данная ситуация наиболее выражена на Дальнем Востоке [Дагбаева, Хандажапова, Лубсанова, 2015; Найден, Грицко М. А., Буревая Н. С., 2020; Иванова, 2021; Сюпова, 2021; Мотрич, 2022].

Достижение социально-экономической устойчивости СТ является важнейшим условием поддержания национальной безопасности и обеспечения национальных интересов нашей страны [Дагбаева, Хандажапова, Лубсанова, 2016. С. 84-85; Иванова, Тулохонов, 2022. С. 318-319]. Для многих стран устойчивое развитие СТ является труднодостижимой целью социально-экономической политики в виду несовершенства его теоретического понимания и слабой изученности проблем создания эффективных механизмов управления устойчивым развитием сельской экономики и сельских территорий [Довготько и др., 2021; Михеева, Аюшеева, 2013. С. 92-93; Петухова, 2022. С. 78-80; Харитонов, Бондарев, Бондарева, С. 28-39; Chen, 2023]. Сложности развития СТ связаны с тем, что они подвержены социальным, экономическим, демографическим, экологическим и другим вызовам современного времени [Бондаренко, 2023; Purnamawati, Yuniarta, Jie, 2023; Yin, Wang, Li, 2023; Hong, Du, Deng, 2023], что обуславливает растущий интерес к различным аспектам данной проблематики. Поскольку устойчивое развитие СТ рассматривается как фактор развития сельского хозяйства [Багирова, 2016] и в целом как основа устойчивого развития регионов [Тимофеева, 2018; Шибаева, 2023], предлагается разработать стандарт комфортной среды сельских поселений [Гаврилюк, Ильичев, Орлов, С. 449-450], чтобы обеспечить сбалансированное территориально-пространственное и устойчивое развитие сельской местности. Обеспечение занятости и повышение доходов сельского населения и решение проблем бедности рассматриваются как фактор устойчивого развития сельских территорий [Дагбаева, 2011; Скальная, 2018; Бондаренко, 2023; Едренкина, Лисицин, 2023]. Разрабатываются методики

оценки устойчивого развития территорий [Иванова, Тулохонов, 2022; Михеева, Аюшеева, 2013].

Стратегические цели и задачи устойчивого развития СТ определены Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года¹ (далее – Стратегия), в которой получили развитие основные положения Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года².

Справедливо отмечается, что эти документы определяют «стратегические задачи глобального, государственного и регионального уровней, глубоко не затрагивая локальные уровни» [Михеева, Аюшеева, 2013, С. 93]. Практика показывает, что внутри даже одного региона между территориями локального уровня могут быть существенные различия, что обуславливает необходимость их типологизации. Приоритетность и многогранность проблем социально-экономической устойчивости СТ Дальнего Востока определили тему исследования. Социально-экономическое развитие Республики Бурятия сдерживается эколого-экономическими ограничениями в связи с особым режимом хозяйственной деятельности с целью охраны озера Байкал³. Вышеизложенное актуализирует исследования социально-экономического развития сельских территорий Республики Бурятия на основе количественных оценок. Для определения приоритетов достижения социально-экономической устойчивости СТ необходимы исследования, которые детализируют ключевые проблемы в части их пространственной локализации.

Материалы и методы

В исследовании были использованы методы сравнительного анализа и экономико-статистические методы. Информационной базой послужили данные

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 №151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» с изменениями на 13 января 2017 года. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251273> (дата обращения: 30.10.2023).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.11.2010 №2136-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902250089> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Федеральный закон Российской Федерации от 02.04.1999 «Об охране озера Байкал» Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732256> (дата обращения: 30.10.2023).

Федеральной службы государственной статистики за 2022 г. Проведена оценка социально-экономической устойчивости СТ Республики Бурятия по авторской методике.

Результаты исследования и обсуждение

На территории Бурятии расположены 2 городских округа, 21 муниципальный район, 246 сельских поселений⁴, объединяющих 615 сельских населенных пунктов⁵, в том числе 10 с нулевым населением. В структуре сельских населенных пунктов преобладают малонаселенные пункты (26,2% с числом жителей менее 100 чел.; 24,9% – 201–500 чел.; 16,6% – 101–200 чел.; табл. 1). Более трети сельского населения проживает в населенных пунктах с числом жителей более 5000 чел., каждый пятый селянин проживает в населенных пунктах с числом жителей

от 501 до 3000 чел. В границах Баргузинского, Кабанского, Прибайкальского и Северо-Байкальского районов проходит Центральная экологическая зона Байкальской природной территории (далее – ЦЭЗ БПТ), в которой преобладают ограничения и повышенные экологические требования^{6, 7, 8}.

Проведена оценка социально-экономической устойчивости СТ Республики Бурятия по разработанной и апробированной методике, в основе которой лежит расчет интегральных индексов уровня социальной и экономической устойчивости. Определены 18 показателей, объединенные в 2 блока по составляющим экономической и социальной устойчивости. В таблице 2 приведены расчеты социально-экономической устойчивости СТ.

В целях достижения сопоставимости показателей в исследовании применен

Таблица 1

Группировка сельских населенных пунктов по численности населения

Республика Бурятия	Всего	Сельские населенные пункты с числом жителей, чел.							
		0	менее 100	101 – 200	201 – 500	501 – 1000	1001 – 3000	3001 – 5000	>5000
Число сельских населенных пунктов, ед.	615	10	161	102	153	115	46	12	16
Число сельских населенных пунктов, %	100	1,6	26,2	16,6	24,9	18,7	7,5	2,0	2,6
Численность населения, чел.	400074	0	6 914	15087	50683	83072	72088	51068	121162
Численность населения, %	100	0,0	1,7	3,8	12,7	20,8	18,0	12,8	30,3

Источник: рассчитано автором по данным: Росстат. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020>

⁴ Закон Республики Бурятия от 31.12.2004 № 985-III «Об установлении границ, образовании и наделении статусом муниципальных образований в Республике Бурятия» (с изменениями на 6 марта 2023 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802052258>

⁵ Группировка сельских населенных пунктов по численности населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020>

⁶ Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). URL: <https://base.garant.ru/12147594/> (дата обращения: 06.09.2023).

⁷ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2399 «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/400167820/> (дата обращения: 06.09.2023).

⁸ Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/2157025/> (дата обращения: 06.09.2023).

метод нормирования в интервале от 0 до 1, где 1 соответствует максимальному значению соответствующего показателя:

$N_{ij} = \frac{x_{ij} - \min(x_{ij})}{\max(x_{ij}) - \min(x_{ij})}$, где N_{ij} – нормированное значение j -го показателя, которым обладает i -й территория, $\max(x)_{ij}$ – максимальное значение (эталонное) j -го показателя среди территорий, $\min(x)_{ij}$ – минимальное значение j -го показателя среди территорий, i – номер территории, j – номер показателя; $N_{ij} = \frac{x_{ij} - \max(x_{ij})}{\min(x_{ij}) - \max(x_{ij})}$, где $\max(x)_{ij}$ – максимальное значение j -го показателя среди территорий, $\min(x)_{ij}$ – минимальное (эталонное) значение j -го показателя среди территорий, i – номер территории, j – номер показателя. Данная формула используется для показателя с отрицательной характеристикой (в данном случае – уровень безработицы СТ).

Формула расчета интегрального показателя устойчивости S_i : $S_i = \frac{N_{ij}}{n}$, где n – количество сельских территорий.

В исследовании к СТ, сельским населенным пунктам отнесены территории и населенные пункты в соответствии с Законом Республики Бурятия⁹. Существенными характеристиками сельских населенных пунктов являются проживание в них населения, занятого сельскохозяйственными видами производства и обслуживания.

В результате исследования проведена дифференциация СТ по уровню социально-экономической устойчивости. Сельские территории Окинського, Баунтовского эвенкийского, Муйского, Мухоршибирского, Закаменского, Кижингинского, Джидинского районов показали высокий уровень социально-экономической устойчивости. Основу данной группы составляют территории с эталонными показателями социальной устойчивости (рождаемости; обеспеченностью больничными койками; обеспеченностью врачами; обеспеченностью жильем; обеспеченностью детей дошкольными учреждениями); эталонными показателями экономической устойчивости (объема инвестиций; поголовья

крупного рогатого скота (КРС); оборота розничной торговли; средней заработной платы; числа субъектов малого и среднего предпринимательства; оборота общественного питания). В данную группу попали три приграничных района и территории с богатым минерально-сырьевым комплексом.

Еравнинский, Тункинский, Кяхтинский, Хоринский, Бичурский, Северо-Байкальский, Прибайкальский районы показали средний уровень социально-экономической устойчивости. В данную группу попали два приграничных района, два района, в границах которых проходит ЦЭЗ БПТ (Северо-Байкальский, Прибайкальский), территории с эталонными показателями урожайности картофеля, количества туристских прибытий.

Низкий уровень социально-экономической устойчивости демонстрируют СТ Заиграевского, Баргузинского, Курумканского, Селенгинского, Кабанского, Тарбагатайского, Иволгинского районов. В данной группе СТ отмечаются наименьшие показатели социальной устойчивости (рождаемость, обеспеченность больничными койками, обеспеченность врачами, обеспеченность жильем, обеспеченность детей дошкольными учреждениями, обеспеченность культурно-досуговыми учреждениями) и экономической устойчивости (объем инвестиций, оборот розничной торговли и общественного питания на душу населения). В эту группу вошли два района (Баргузинский, Кабанский), в границах которых проходит ЦЭЗ БПТ. Также в группу территорий с низким уровнем социально-экономической устойчивости попали пригородные районы (Заиграевский, Тарбагатайский, Иволгинский) с эталонными показателями миграционного и естественного прироста населения, в связи с чем, несмотря на позитивные сдвиги в повышении инфраструктурной обеспеченности благодаря Дальневосточной единой субсидии, социальная инфраструктура не успевает удовлетворить растущие в ней потребности.

В группу с высоким уровнем социально-экономической устойчивости не попали сельские территории, входя-

⁹ Закон Республики Бурятия от 10.09.2007 г №2433-III «Об административно-территориальном устройстве Республики Бурятия». URL: <https://docs.cntd.ru/document/819018210>

Таблица 2

Социально-экономическая устойчивость сельских территорий Республики Бурятия*

Сельские территории муниципальных образований	Социальная устойчивость										Экономическая устойчивость									
	Рождаемость	Обеспеченность больничными койками	Обеспеченность врачами	Миграционный прирост	Естественный прирост населения	Обеспеченность жильем	Обеспеченность детей ДОУ	Уровень безработицы	Обеспеченность КДУ	Объем инвестиций	Объем производства	Поголовье КРС	Урожайность картофеля в	Оборот розничной торговли	Средняя зарплата	Число МСП	Оборот общественного питания на душу населения	Количество тур-ристских прибы-тий	Интервальный уровень устойчивости	
Высокий интервальный уровень социально-экономической устойчивости																				
1. Окинский	0,863	1,000	1,000	0,937	0,991	0,531	0,662	0,451	0,905	0,217	0,317	0,313	0,000	0,711	0,456	0,333	0,913	0,035	10,635	
2. Баунтовский эвенкийский	0,288	0,907	0,853	0,346	0,861	0,531	0,851	0,708	0,787	1,000	0,000	0,036	0,374	0,522	0,665	0,684	0,255	0,032	9,700	
3. Муйский	0,311	0,631	0,527	0,522	0,000	1,000	0,673	0,759	0,241	0,133	0,459	0,000	0,429	0,371	1,000	1,000	1,000	0,144	9,200	
4. Мухоморинский	0,475	0,660	0,551	0,333	0,716	0,503	0,558	0,606	0,617	0,168	0,573	0,644	0,963	1,000	0,284	0,120	0,016	0,049	8,836	
5. Закаменский	0,838	0,543	0,371	0,459	0,811	0,402	1,000	0,867	0,484	0,001	0,612	0,890	0,453	0,231	0,000	0,145	0,003	0,062	8,183	
6. Кижингинский	0,763	0,649	0,465	0,358	0,849	0,726	0,813	0,490	1,000	0,001	0,355	0,524	0,426	0,172	0,000	0,29	0,017	0,004	7,902	
7. Джидинский	1,000	0,072	0,200	0,748	0,885	0,425	0,622	0,617	0,816	0,000	0,590	1,000	0,629	0,182	0,036	0,000	0,042	0,028	7,892	
Средний интервальный уровень социально-экономической устойчивости																				
8. Еравнинский	0,275	0,709	0,224	0,447	0,893	0,363	0,363	0,857	0,666	0,611	0,328	0,704	0,418	0,384	0,297	0,173	0,082	0,039	7,833	
9. Тункинский	0,313	0,552	0,526	0,321	0,734	0,598	0,607	0,455	0,494	0,002	0,283	0,397	1,000	0,300	0,057	0,170	0,023	1,000	7,832	
10. Кяхтинский	0,336	0,431	0,224	0,509	0,636	0,458	0,431	0,889	0,678	0,000	0,929	0,624	0,585	0,321	0,075	0,028	0,271	0,095	7,520	
11. Хоринский	0,675	0,628	0,514	0,553	0,790	0,318	0,544	0,746	0,830	0,000	0,234	0,387	0,397	0,368	0,028	0,235	0,018	0,000	7,465	
12. Бичурский	0,363	0,555	0,376	0,101	0,701	0,581	0,425	1,000	0,905	0,044	0,637	0,661	0,559	0,199	0,150	0,092	0,024	0,035	7,408	
13. Северо-Байкальский	0,000	0,931	0,539	0,126	0,808	0,709	0,820	0,116	0,580	0,096	0,294	0,012	0,410	0,491	0,590	0,506	0,081	0,201	7,310	
14. Прибайкальский	0,425	0,259	0,437	0,384	0,725	0,570	0,482	0,328	0,605	0,015	0,104	0,084	0,717	0,813	0,082	0,125	0,020	0,690	6,865	
Низкий интервальный уровень социально-экономической устойчивости																				
15. Заиграевский	0,550	0,447	0,176	0,465	0,840	0,637	0,473	0,707	0,229	0,038	1,000	0,235	0,573	0,081	0,133	0,055	0,060	0,030	6,729	
16. Баргузинский	0,525	0,527	0,249	0,333	0,672	0,453	0,263	0,569	0,758	0,008	0,278	0,321	0,579	0,262	0,108	0,298	0,022	0,467	6,692	
17. Курумканский	0,388	0,631	0,592	0,396	0,796	0,352	0,573	0,694	0,383	0,000	0,304	0,349	0,609	0,000	0,145	0,226	0,009	0,221	6,668	
18. Селенгинский	0,413	0,566	0,433	0,384	0,672	0,413	0,760	0,114	0,288	0,056	0,455	0,553	0,758	0,138	0,190	0,154	0,057	0,201	6,605	
19. Кабанский	0,150	0,509	0,339	0,000	0,580	0,631	0,365	0,000	0,349	0,030	0,399	0,401	0,831	0,679	0,096	0,207	0,048	0,761	6,375	
20. Тарбагатайский	0,688	0,261	0,000	0,711	0,882	0,000	0,000	0,771	0,325	0,002	0,440	0,141	0,566	0,361	0,066	0,140	0,008	0,013	5,375	
21. Иволгинский	0,788	0,000	0,114	1,000	1,000	0,229	0,104	0,553	0,000	0,003	0,028	0,257	0,978	0,007	0,089	0,004	0,000	0,009	5,163	

* используемые показатели: общий коэффициент рождаемости (число больших коек на 10 тыс. населения (обеспеченность больничными койками); численность врачей всех специальностей на 10 тыс. населения (обеспеченность врачами); миграционный прирост на 1000 чел. населения (миграционный прирост); естественный прирост населения на 1000 чел. населения (естественный прирост); площадь жилых помещений в среднем на 1 жителя (обеспеченность жильем); доля детей в возрасте 1-6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу в муниципальных образовательных учреждениях в общей численности детей в возрасте 1-6 лет (обеспеченность детей ДОУ); уровень безработицы; число культурно-досуговых учреждений на 1000 чел. населения (обеспеченность КДУ (объем инвестиций в основной капитал на 1 жителя СТ (объем инвестиций); объем производства продукции сельского хозяйства на 1 занятого (объем производства); поголовье КРС; урожайность картофеля в расчете на убранный площадь (урожайность картофеля); оборот розничной торговли на душу населения (оборот розничной торговли); среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2022 г. (средняя зарплата); число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения (число МСП); оборот общественного питания на душу населения (оборот общественного питания); количество туристских прибытий.

щие в ЦЭЗ БПТ. Как известно, начиная с 90-х гг. прошлого века, Россию охватил процесс депопуляции, наиболее сильно проявившись в Сибири и на Дальнем Востоке. Депопуляция также больно ударила по территориям Республики Бурятия, входящим в ЦЭЗ БПТ, сокращая население на локальном уровне почти на половину (например, в границах Северо-Байкальского района убыль населения составила 48,8%). После введения запрета на вылов омуля в 2017 г. были закрыты рыболовецкие предприятия, нарушен традиционный уклад жизни местного населения и усилился миграционный отток трудовых ресурсов [Иванова, Тулохонов, 2023. С. 65–66].

Заключение

Анализ показал, что в целом для сельских территорий в качестве приоритетов развития должно стать повышение качества жизни. Актуальна разработка социальных технологий, направленная

на повышение качества жизни населения и повышение качества человеческого капитала по направлениям: здоровье и качество медицины; работа и заработок, образование и развитие [Дагбаева, 2011, Иванова, 2021]. Очень важно обеспечить жителей сельских территорий Дальнего Востока социальными стандартами на уровне не ниже среднероссийских. На территориях с особым режимом природопользования целевые установки сохранения уникальной природной среды должны сопровождаться созданием условий для повышения качества жизни населения. По результатам работы даны рекомендации, которые могут быть использованы органами законодательной и исполнительной власти при совершенствовании системы комплексной оценки социально-экономической устойчивости и при разработке программ социально-экономического развития сельских территорий.

Список источников:

1. Багирова Е. В. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий как фактор развития сельского хозяйства // Вестник Кемеровского государственного сельскохозяйственного института. 2016. № 6. С. 127–131. EDN VWURVX.
2. Бондаренко Л. В. Стратегия и механизмы борьбы с бедностью на сельских территориях России // АПК: экономика, управление. 2023. № 4. С. 73–81. DOI 10.33305/234-73. EDN QVXCSI.
3. Гаврилюк М. Н., Ильичев К. С., Орлов С. А. и др. Пространственное развитие сельских территорий // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 5(395). С. 449–453. DOI 10.55186/25876740_2023_66_5_449. EDN ZBHKFU.
4. Дагбаева С. Д. Н. Социальные технологии в управлении качеством жизни // Вестник ВСГУ. 2011. № 3(34). С. 31. EDN OYMLXF.
5. Дагбаева С. Д. Н., Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б. Социальное измерение экономической политики // Научное обозрение. 2016. № 5. С. 83–86. EDN VXMVEN.
6. Дагбаева С. Д. Н., Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б. Проблемы социально-экономического развития приграничных территорий России в региональных исследованиях // Научное обозрение. 2015. № 24. С. 355–360. EDN VOGNFF.
7. Довготько Н. А., Андрущенко С. А., Чередниченко О. А., Скиперская Е. В. Опыт Европейского союза по реализации целей устойчивого развития в сельском хозяйстве и возможности его применения в России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 1(379). С. 74–80. DOI 10.24412/2587-6740-2021-1-74-80. EDN QDYNAT.
8. Едренкина Н. М., Лисицин А. Е. Научно-методические положения по повышению качества жизни сельского населения // АПК: экономика, управление. 2023. № 5. С. 105–113. DOI 10.33305/235-105. EDN RUCZPH.
9. Иванова С. Н. Пространственные аспекты развития сельских территорий Северной Азии // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 2(380). С. 30–34. DOI 10.24412/2587-6740-2021-2-30-34. EDN NIFJMK.
10. Иванова С. Н., Тулохонов А. К. Социальная устойчивость территорий Азиатской России // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14, № 5. С. 318–336. DOI 10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336. EDN TAPKIT.
11. Иванова, С. Н., Тулохонов А. К. Занятость как показатель устойчивого развития

сельских территорий в регионе Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3(104). С. 62–69. DOI 10.22394/1818-4049-2023-104-3-62-69. EDN DRVIVD.

12. Михеева А. С., Аюшеева С. Н. Исследование социально-экономической устойчивости сельских территорий Республики Бурятия // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 2(41). С. 92–98. EDN PZDLAZ.

13. Мотрич Е. А. Современные демографические процессы на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 4 (101). С. 59–68. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68>.

14. Найден С. Н., Грицко М. А., Буревая Н. С. Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2(91). С. 16–29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29. EDN CSCTFQ.

15. Петухова М. С. Сельские территории: стратегическое развитие и устойчивость // АПК: экономика, управление. 2022. № 1. С. 78–84. DOI 10.33305/221-78. EDN WKHGJH.

16. Скальная М. М. Доходы сельского населения как фактор социальной устойчивости сельских территорий // АПК: Экономика, управление. 2018. № 1. С. 62–71.

17. Сюпова М. С. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований как угроза экономической безопасности региона // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1(94). С. 70–79. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-70-79. EDN CJOCAD.

18. Тимофеева Н. С. Государственная политика в области устойчивого развития сельских территорий // Международный научный сельскохозяйственный журнал. 2018. Т. 1, № 2. С. 7–16. EDN VJZPEK.

19. Харитонов А. В., Бондарев Н. С., Бондарева Г. С. Теоретико-методологический анализ устойчивого развития сельских территорий. Воронеж. 2021. 258 с. ISBN 978-5-6045506-3-2. EDN LICDLL.

20. Шибаева Н. А. Комплексное развитие сельских территорий как основа устойчивого развития регионов России // Друкерровский вестник. 2023. № 2(52). С. 185–192. DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-185-192. EDN GGLEBE.

21. I Gusti Ayu Purnamawati, Gede Adi Yuniarta, Ferry Jie, Strengthening the role of corporate social responsibility in the dimensions of sustainable village economic development, Heliyon, Vol. 9. Is. 4. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844023023228>

22. Jingbo Yin, Dongyan Wang, Hong Li, Spatial optimization of rural settlements in ecologically fragile regions: Insights from a social-ecological system, Habitat International. Vol. 138. 2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2023.102854>.

23. Yan Hong, Han Du, Zhiyun Deng A framework of Economic-Social-Natural sustainability evaluation based on multidimensional land-use ecological niche theory. Ecological Indicators. 2023. Vol. 155. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2023.110967>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1470160X23011093>

24. Yiru Chen Sustainable development of the mining sector for achieving common prosperity in Chinese rural areas, Resources Policy. Vol. 87. Part A. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142072301036>

References:

1. Bagirova E. V. (2016) Ensuring sustainable development of rural areas as a factor in the development of agriculture *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo selskohozyajstvennogo instituta* [Bulletin of the Kemerovo State Agricultural Institute], 2016. No. 6: 127–131.
2. Bondarenko L. V. (2023) Strategy and mechanisms for combating poverty in rural areas of Russia *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: economics, management]. No. 4: 73–81. DOI 10.33305/234-73. EDN QBXCSI
3. Gavriluk M. N., Ilyichev K. S., Orlov S. A. and others. (2023) Spatial development of rural territories *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal* [International Agricultural Journal]. No. 5(395): 449–453. DOI 10.55186/25876740_2023_66_5_449. EDN ZBHKFU.

4. Dagbaeva S. D. N. (2011) Social technologies in quality of life management *Vestnik VSGTU* [Bulletin ESGTU]. No. 3(34): 31.
5. Dagbaeva S. D. N., Handazhapova L. M., Lubsanova N. B. (2016) Socialnoe izmenenie ekonomicheskoy politiki [Social dimension of economic policy] // *Nauchnoe obozrenie* [Scientific review]. No. 5: 83–86. EDN VXMVEN.
6. Dagbaeva S. D. N., Handazhapova L. M., Lubsanova N. B. (2015) Problems of socio-economic development of Russian border territories in regional studies *Nauchnoe obozrenie* [Scientific review]. No. 24: 355–360. EDN VOGNFF.
7. Dovgotko N. A., Andryushchenko S. A., Cherednichenko O. A., Skiperskaya E. V. (2021) Experience of the European Union in implementing sustainable development goals in agriculture and the possibility of its application in Russia *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal* [International Agricultural Journal]. No. 1(379): 74–80. EDN QDYNAT.
8. Edrenkina N. M., Lisicin A. E. (2023) Scientific and methodological provisions for improving the quality of life of the rural population *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: economics, management]. No. 5: 105–113. DOI 10.33305/235-105. EDN RUCZPH.
9. Ivanova S. N. (2021) Spatial aspects of the development of rural areas of Northern Asia *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal* [International Agricultural Journal]. No. 2(380): 30–34. DOI 10.24412/2587-6740-2021-2-30-34. EDN NIFJMK.
10. Ivanova S. N., Tulokhonov A. K. (2022) Social sustainability of the territories of Asian Russia *Sibirskiy zhurnal nauk o zhizni i sel'skogo khozyaystva* [Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture]. Vol. 14, No. 5: 318–336. DOI 10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336. EDN TAPKIT.
11. Ivanova S. N., Tulokhonov A. K. (2023) Employment as an indicator of sustainable development of rural areas in the Far East region with a special regime of environmental management (on the example of the Republic of Buryatia) *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 3(104): 62–69. DOI 10.22394/1818-4049-2023-104-3-62-69. EDN DRVIVD.
12. Miheeva A. S., Ayusheeva S. N. (2013) Study of the socio-economic sustainability of rural areas of the Republic of Buryatia *Vestnik VSGUTU* [Bulletin ESGTU]. No. 2(41): 92–98. EDN PZDLAZ.
13. Motrich E. L. (2022) Sovremennye demograficheskie processy na Dal'nem Vostoke Rossii [Modern demographic processes in the Russian Far East] // *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*. [Power and management in the East of Russia]. No. 4 (101): 59–68. DOI 10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68.
14. Najden S. N., Gricko M. A., Burevaya N. S. (2020) Development of social infrastructure as a condition for the growth of human capital *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 2(91): 16–29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29. EDN CSCTFQ.
15. Petuhova M. S. (2022) Rural territories: strategic development and sustainability *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: economics, management]. No. 1: 78–84. DOI 10.33305/221-78. EDN WKHGJH.
16. Skalnaya M. M. (2018) Income of the rural population as a factor in the social sustainability of rural areas *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: economics, management]. No. 1: 62–71.
17. Syupova M. S. (2021) Differentiation of socio-economic development of municipalities as a threat to the economic security of the region *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 1(94): 70–79. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-70-79. EDN CJOCAD.
18. Timofeeva N. S. (2018) State policy in the field of sustainable development of rural areas *Mezhdunarodnyj nauchnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal* [International scientific agricultural journal]. Vol. 1. No. 2: 7–16. EDN VJZPEK.
19. Kharitonov A. V., Bondarev N. S., Bondareva G. S. (2021) Theoretical and methodological analysis of sustainable development of rural areas. Voronezh. 258 p. ISBN 978-5-6045506-3-2. EDN LICDLL.
20. SHibaeva N. A. (2023) Integrated development of rural areas as the basis for sus-

tainable development of Russian regions *Drukerovskij vestnik* [Drucker Bulletin]. No. 2(52): 185–192. DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-185-192. EDN GGLEBE.

21. I Gusti Ayu Purnamawati, Gede Adi Yuniarta, Ferry Jie (2023) Strengthening the role of corporate social responsibility in the dimensions of sustainable village economic development, *Heliyon*. Vol. 9, Is. 4. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844023023228>

22. Jingbo Yin, Dongyan Wang, Hong Li (2023) Spatial optimization of rural settlements in ecologically fragile regions: Insights from a social-ecological system, *Habitat International*. Vol. 138. URL: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2023.102854>.

23. Yan Hong, Han Du, Zhiyun Deng (2023) A framework of Economic-Social-Natural sustainability evaluation based on multidimensional land-use ecological niche theory. *Ecological Indicators*. Vol. 155. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2023.110967>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1470160X23011093>

24. Yiru Chen (2023) Sustainable development of the mining sector for achieving common prosperity in Chinese rural areas, *Resources Policy*. Vol. 87. Part A. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142072301036>

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Информация об авторе

С. Н. Иванова – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт природопользования, Сибирское отделение Российской академии наук.

Information about the author

S. N. Ivanova – Doctor of Sociology, Associate Professor, senior researcher, the Laboratory of environmental economics, the Baikal institute of nature management, the Siberian branch of the RAS.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 332.12

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-87-99

Трансформация рисков в институциональных преобразованиях региона: предпосылки

Олег Маркович Рензин

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия

renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

Аннотация. Современный этап экономического развития вносит в традиционные интерпретации научных и практических проблем существенные дополнения и изменения. Они генерируются за счет внутриэкономических и внешних структурных и динамических перестроек, изменений в стратегии и тактике функционирования хозяйствующих агентов, геополитических трансформаций. Происходящие процессы затрагивают всю национальную и международную систему. Однако в наибольшей мере они влияют на пространственные структуры, в которых фокусируются комплексы ответных реакций на происходящие изменения. Для российской экономики одним из таких флагманских по чувствительности территориальных образований является Дальневосточный регион. С одной стороны, в нём в течение многих лет осуществляется активный национальный процесс стимулирования экономического развития, исполняемый в политически сформулированном долгосрочном варианте, что связано с активными инвестиционными и институциональными процессами. С другой стороны, он выполняет функции представления интересов России в реализации сотрудничества с исторически разноориентированными по потенциальному партнерству азиатскими государствами. В-третьих, это регион социально сложный по задачам формирования и закрепления постоянного населения, формирования здесь достаточного для экономического развития трудового потенциала. Каждая из этих функций в условиях возрастающей волатильности воздействий требует усиления качества оценок потенциального риска, совершенствования направлений минимизации их влияния. В статье рассмотрен генезис институционального инжиниринга для Дальневосточного региона в 1967–2000 гг., возникновение технологий формирования риск-профиля осуществляемых преобразований, потенциальные направления его реализации.

Ключевые слова: экономическое развитие, региональные реформы, Дальний Восток, институциональные задачи, факторы неопределенности

Для цитирования: Рензин О. М. Трансформация рисков в институциональных преобразованиях региона: предпосылки // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 87–99. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-87-99>

Transformation of risks in institutional transformations of the region: prerequisites

Oleg M. Renzin

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

Abstract. *The current stage of economic development introduces significant additions and changes to traditional interpretations of scientific and practical problems. They are generated due to internal economic and external structural and dynamic restructuring, changes in the strategy and tactics of the functioning of economic agents, and geopolitical transformations. The ongoing processes affect the entire national and international system. However, to the greatest extent they influence the spatial structures in which complexes of responses to ongoing changes are focused. For the Russian economy, one of such flagship territorial entities in terms of sensitivity is the Far Eastern region. On the one hand, for many years it has been carrying out an active national process of economic development stimulating, carried out in a politically formulated long-term version, which is associated with active investment and institutional processes. On the other hand, it performs the functions of representing Russia's interests in the implementation of cooperation with the Asian states that have historically had different orientations regarding potential partnerships. Thirdly, this is a region that is socially complex in terms of the tasks of forming and consolidating a permanent population, and the formation of labor potential here sufficient for economic development. Each of these functions, in conditions of increasing volatility, requires strengthening the quality of potential risk assessments and improving directions for minimizing their impact. The article examines the genesis of institutional engineering for the Far-Eastern region in 1967–2000, the emergence of technologies for forming the risk profile of ongoing transformations, and potential directions for its implementation.*

Keywords: *economic development, regional reforms, the Far East, institutional objectives, uncertainty factors*

For citation: Renzin O. M. Transformation of risks in institutional transformations of the region: prerequisites // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 87–99. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-87-99>

Введение

Исследование методических и прикладных вопросов перспективного развития региональных систем показывает необходимость постоянного учета нескольких важных внешних корректоров. Во-первых, это трансформация ориентиров национальной экономической и социальной политики. Во-вторых, изменение международной экономической системы, формирование или распад потенциальных контактных ареалов. В-третьих, формирование и реализация социальных паттернов (поведенческих шаблонов) населения по отношению к сформированному на территории условиям жизни и деятельности.

В каждой названной корректирующей системе существуют по несколько десятков инструментов, обеспечивающих, с одной стороны, достижение поставленных экономических целей, и, с другой стороны, необходимую их защиту от неблагоприятных воздействий. Первая из них традиционно отражает функциональные ориентиры участников регионального процесса (государственных организаций, корпораций, домохозяйств

и т. д.). Вторая – значительно сложнее, поскольку здесь регуляторным объектом является рассмотрение и минимизация возникающего (и непрерывно трансформирующегося) профиля рисков. При этом меняется не только количественная оценка известных неопределенностей, но, временами, происходит расширение их состава и модификация структуры.

В современной экономической системе взаимоотношения между этими составляющими – генерирующей развитие и защищающей его – стали активно изменяться.

На внутриэкономические процессы сильное трансформирующее влияние оказала глобальная антиковидная политика в 2020–2021 гг., которая вызвала сначала вынужденную физическую перестройку, а затем и институциональное изменение сложившихся технологий организации экономической деятельности. Практика сформировала реальную фундаментальную платформу для инициирования новых представлений о сложившихся ранее формах регуляtorики и последующей разработки соответствующих изменений в используемых режимах

развития. [Lee, 2021]

В международных отношениях одним из наиболее острых и активно прогрессирующих факторов, деформирующих сложившуюся ранее глобальную модель, стал геополитический коллапс. В 2010–2020-х гг. он постепенно начал превращаться из доктринального комплекса в систематически реализуемые межгосударственные конфликты. В разных регионах мира всё более острые формы стали принимать трансполитические ограничения, которые стали непосредственно влиять на экономическое поведение практически всех потенциальных агентов, внося в процессы их взаимодействия сильно искажающие дополнительные шоки.¹

В свою очередь, в социальной системе усиление потенциальной мобильности населения, ослабление традиционных режимов территориальной и функциональной его «закрепленности» значительно снизили региональную определенность в оценках используемого для развития трудового потенциала.

В результате комплекса названных внешних воздействий в сложившейся системе активно сработало несколько каналов передачи экономических шоков, которые генерировали шлейф производных экономических, финансовых и социальных рисков. Неопределенность становится всё более значимым фактором современного развития. Возникающие новые реалии определяют необходимость использования в дополнение к традиционным алгоритмам дополнительных оценочных систем для измерения и прогнозирования реальных эффектов пространственной реорганизации, отражающих значительное повышение номенклатуры и уровня рисков и необходимость поиска путей их минимизации.²

Однако для практического формирования системных реакций на складывающиеся внешние воздействия необходимым является учет дифференциации пространственной организации, реальной неоднородности функционирования социально-экономической среды.

Согласно современным оценкам, сложившаяся многоуровневость организации экономического пространства создает объективные предпосылки для выделения структур, в которых, с одной стороны, осуществляется накопление всех возникающих рисков, а с другой – появляется реальная возможность для разработки и практических испытания потенциальных решений [Альпидовская, 2023. С. 15]. В качестве представительных структур для этого, по мнению российских и зарубежных специалистов, могут активно рассматриваться относительно самостоятельные региональные экономические образования.³ При этом важно, что относительно малые по сравнению с национальными структуры дают широкую возможность не только для мониторинга текущих процессов, но и позволяют сформировать системное понимание эволюции происходящих изменений, генезиса социально-экономических рисков, факторов формирования регионального риск-профиля и основных направлений их преодоления.

Дальний Восток в системе институциональных трансформаций

Дальний Восток как экономически сложившаяся территория в силу своих географических размеров и геополитического положения, природно-ресурсного и транспортного потенциала является одной из региональных структур, наиболее чувствительных к институциональным изменениям.

Несмотря на исторически относительно короткий путь экономического развития Дальнего Востока России, институциональная комбинаторика, используемая для осуществления здесь региональных процессов, может рассматриваться как представительный исследовательский объект. Основными составляющими происходящей здесь сложной общественной трансформации были асимметричные пересечения фундаментальных национальных программ развития, различных оперативных способов решения особых локальных проблем на территории, вклю-

¹ По оценкам Международного института стратегических исследований (IISS), количество межрегиональных конфликтов в 2023 году составило более 180 – максимума за 30 лет. // www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-12-10/

² The Global Risks Report 18th Edition/ World Economic Forum 2023. 98 p. pp. 6–12.

³ Институциональные изменения в экономике российских регионов. М.: Проспект. 2017. 240 с. С.10.

чая их социальные аспекты, а также реакций на динамичное изменение взаимоотношений со странами азиатского окружения региона.

Именно интегральные механизмы, используемые в постановках задач для реализуемых проектов, формировании ресурсов, аккумулированных для их решения, обеспечения согласованности (или хотя бы непротиворечивости) рассматриваемых и реализуемых вариантов, дают отчетливое аналитическое представление об используемых в региональной политике институциональных структурах, их эффективности и перспективах дальнейшего применения.

Концептуальные решения проблем дальневосточного развития и в дореволюционной России, и в Советском Союзе, и в постсоциалистической России имели значительную идеологическую, техническую и практическую базу. Как охарактеризовал этот процесс Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая во Владивостоке на первом Восточном экономическом форуме в 2015 г., «развитие дальневосточных территорий – это исторически преемственный курс для России..., несмотря на смену эпох, политического строя, этот вектор развития остается неизменным».⁴

Однако в рамках этой, формально однозначной по направленности динамической цели регионального развития – постоянного усиления экономического потенциала, на различных этапах территориальной истории просматривается отчетливая мозаичность этого процесса, использование различных экономических комбинаций ресурсного обеспечения, моделей реализации и оценок достигнутого результата. Не случайно при крупном агрегировании этапов дальневосточного освоения исследователи выделяли качественно отличающиеся периоды, которые характеризовались как «военно-политическая колонизация», «экономическая автономизация», «национальное экономическое развитие», «встраивание в рынок СВА» и т. д. [Минакир, Прокопало, 2010. С. 240–244].

При более детальном рассмотрении можно отметить, что во все исторические

периоды развития Дальнего Востока реально существовали комбинации из потенциально возможных институциональных программ, которые получали разную акцентировку (иногда объективную, иногда субъективную), определяющую трансформационную идеологию и набор решаемых социально-экономических задач. Наибольшее внимание привлекает комбинаторика поставленных перед дальневосточным регионом задач в контексте изменения генеральных программ национального послевоенного развития СССР и России.

Остановимся на нескольких наиболее развёрнутых с институциональных позиций этапах осуществления восточного сдвига в рамках отдельных экономических циклов развития страны. На наш взгляд, важнейшее значение (если не реализованное, то отчетливо обозначенное) для дальневосточного развития имеют несколько проектов.

Первый из них – реализация государственного плана развития Дальнего Востока для усиления экономического потенциала страны, осуществленная под руководством Л. И. Брежнева в 1970-е гг. Второй – позднесоветская (конец 1980-х годов) перестройка М. И. Горбачева, «открытие» Дальнего Востока для мира. Третий – период радикальных постсоциалистических реформ Б. Н. Ельцина (1922–2000 гг.). Четвертый – начавшаяся в начале 2000-х гг. реализация концептуального проекта В. В. Путина «Движение на Восток» в рамках новой конструкции регионального общественно-экономического устройства, формирование долгосрочной «вековой» программы развития Дальнего Востока.

Во все рассматриваемые периоды активные позиции государства по отношению к целевому развитию восточного региона были обозначены, но по содержанию, по ресурсам, по инструментарию, по эффективности, по результатам они не были идентичными.

Несомненно, одним из определяющих перспективы развития Дальнего Востока в период социалистического управления страной был многодневный визит лидера Коммунистической партии СССР Л. И. Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку

⁴ Путин В. В. Выступление на пленарном заседании I Восточного экономического форума 4 сентября 2015 г. Цум. no <http://kremlin.ru/events/president/news/50232>

(март–апрель 1978 г.).⁵

Проведение больших инспекционных поездок руководителей страны непосредственно в регион в период реализации советского варианта государственной экономической политики являлось одним из имеющих исторически важное значение институциональных событий. С одной стороны, это представлялось как активная форма получения руководством страны непосредственной информации о деятельности от местных властей и населения и контроля над полученными результатами, и с другой – было важнейшим этапом официального оформления новых региональных задач. Именно в таких поездках формировался контур институциональной конструкции, на основе которой позже разрабатывались территориальные планы, программы, проекты.

Важнейший круг плановых задач для Дальневосточного региона был определен исходя из проблематики национального развития. Формирование и комплексное развитие краев и областей рассматривались через призму решений, определенных XXV съездом КПСС по комплексному освоению природных богатств и развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока, играющих возрастающую роль в экономике страны. Они включали, во-первых, формирование на территории активной производственной базы, во-вторых, значительное расширение производственной инфраструктуры, включая строительство Байкало-Амурской магистрали, и в-третьих, укрепление надежности оборонительной системы на восточных границах страны.

Первая задача имела традиционный характер решения. В качестве главной цели были названы планирование полного использования производственных мощностей, повышение коэффициента сменности, улучшение поставок комплектующих и сырья и т. д. Одновременно в качестве «узких мест» для исправления хозяйственной системы региона также были определены несколько позиций. Для Дальнего Востока во все предыдущие периоды развития они имели устойчивый истори-

ческий характер. Для производственного комплекса это были несвоевременный ввод промышленных предприятий и незавершенность строительства. В социальном секторе обращалось внимание на «вечнозеленые» региональные проблемы, связанные с привлечением и закреплением кадров. Как определил руководитель страны Л. И. Брежнев, «нам надо обдумать, как закреплять кадры на Дальнем Востоке». [Поездка..., 1978. С. 34]

Несколько по-иному, значительно более по-реформаторски рассматривался инфраструктурный блок задач. Они обсуждались на встрече делегации ЦК КПСС со строителями БАМа и руководством краев и областей, через которые проходила эта железная дорога. Этот мегапроект, начавшийся в 1974 г., надолго определил (и определяет) стратегические планы развития Дальнего Востока. Намеченная государством программа развития в этой сфере была сформулирована как создание в регионе нового, экономически мощного производственного пояса. Л. И. Брежнев заявил на проведенном совещании: «Пройдет немного времени, и в этих краях трудом человека будут созданы новые промышленные комплексы. БАМ поможет использовать богатейшую кладовую недр этого района, по-новому решить вопрос развития производительных сил. Это программа большого государственного значения». Кроме решения важной транспортной проблемы – создания дублирующего Транссибирскую магистраль железнодорожного пути – была создана новая ситуация в экономическом доступе к различным территориальным потенциалам развития: горнодобывающим, промышленным, энергетическим. Принципиально это означало начало перехода от хрестоматийной в предыдущие годы «очаговости» освоения Дальнего Востока к фронтальным проектам транспортно-взаимосвязанных территориально-производственных комплексов (далее –ТПК). Использованная успешно ранее в СССР урало-сибирская модель ТПК получила потенциальные возможности для реализации.

В международной составляющей поли-

⁵ Для анализа проведенной поездки здесь и далее использованы материалы, включенные в сборник *Поездка Леонида Ильича Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Март–апрель 1978 г. М.: Политиздат. 1978. 56 с.*

тика развития Дальнего Востока была значительно консервативнее. Модель развития Дальневосточного региона как военного форпоста страны постоянно входила в круг рассматриваемых национальных проблем. Противостояние и существование пограничных проблем практически со всеми сопредельными государствами диктовали необходимость системной организации оборонной структуры. Во время этой поездки отдельным блоком были рассмотрены вопросы состояния боевой и политической подготовки войск Забайкальского военного округа в Чите, военных частей Дальневосточного военного округа в Хабаровске, экипажей кораблей Краснознаменного Тихоокеанского флота во Владивостоке. Проблематика формирования в регионе эффективной армейской системы продолжала оставаться основной. Большая часть региона относилась к территориям, полностью закрытым для иностранцев. Имеющиеся с азиатским окружением экономические контакты имели локальный характер, они были очень небольшим дополнением к основной региональной стратегии, ориентированной на внутриэкономические взаимодействия.

Сформулированные по результатам этой многодневной серии встреч и совещаний рекомендации были, скорее, подтверждением ранее избранной стратегии регионального развития, чем формированием новых перспективных задач. Макроэкономические перспективы определялись обобщающей формулой как «развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока, играющих возрастающую роль в экономике страны». Уже осуществляемые производственные и транспортные проекты признавались важными и эффективными. Обращалось внимание на безусловное выполнение плановых заданий. Ставились задачи по более полному использованию природно-ресурсного потенциала. Они в явном виде не предполагали ни организационных, ни институциональных изменений.

Однако одновременно в преобладающем кругу позитивных оценок рассмотрению подлежали и важные стратегические проблемы регионального развития, которые в современной терминологии можно рассматривать как выявленные системные риски. Наряду с вопросами

идеологического и технологического обеспечения рассматриваемых проектов, которые в рамках общественной организации и планового хозяйства получали необходимый спектр решений, были определены некоторые институциональные сложности, которые не укладывались в традиционную схему управленческих решений. Они были связаны, во-первых, с необходимостью новой организации комплексного использования вводимой в зоне БАМа богатой базы по добыче и поставкам в экономику природных ресурсов, во-вторых, с реальной подготовленностью и дальнейшим расширением социальной инфраструктуры, в-третьих, с использованием потенциальных возможностей для активизации внешнеэкономической специализации региона.

Признавалось, что для их выполнения требовались новые, более эффективные механизмы. Однако их разработка и использование сдерживались существующими политическими и экономическими ограничениями. Формирование новых инструментов развития было определено как задача и для официальных структур – Госплана и Совета министров СССР, и для региональной науки. Привлечение к разработкам ученых созданного Дальневосточного центра АН СССР к региональным разработкам стало заметным институциональным расширением спектра предлагаемых решений. Так, обсуждая формирование новых работоспособных технологий территориального управления, директор ИЭИ ДВНЦ АН СССР Г. Тарасов писал о необходимости нетрадиционных управленческих решений: «Сложность проблемы, а также её важность для народного хозяйства делают обоснованной постановку вопроса о необходимости придания социально-экономическому развитию районов Дальнего Востока и комплексному освоению их природных ресурсов характера **целевой программы союзного значения** (выделено мной – О.Р.)».[Тарасов, 1978. С. 51]

Эта и другие идеи, связанные с радикальным совершенствованием механизмов развития, несмотря на традиционно торжественно-ритуальный характер поездки, реально определили новые тренды для институционального решения проблем развития Дальнего Востока: реализацию механизмов формирования

территориально-производственных комплексов, создание фронтальных структур освоения, использование макроэкономического программно-целевого подхода, разработку международного интеграционного инструментария.

Этот перечень можно было рассматривать и как потенциальный институциональный прорыв, и как список поставленных управленческих задач, и как начальную стадию создания эффективного механизма регионального развития. Однако, поскольку каждое такое решение сопровождалось появлением нового профиля рисков при одновременном отсутствии внутрисистемной технологии их учета и разрешения, рассмотрение выявленных проблем не получило профессионального масштаба. Но сам факт появления новых идей, начавшееся рассмотрение их форматов и эффектов стали активным потенциальным инструментом при регулировании экономики на более поздних этапах регионального развития.

Частичную институциональную реализацию этот комплекс идей получил в подготовке другой – концептуально расширенной и более сложной по целям и задачам – программе освоения Дальнего Востока. Она была сформирована в период позднесоветского развития, названный «перестройкой». Это был амбициозный и фундаментальный проект, осуществляемый под руководством Генерального секретаря ЦК КПСС М. И. Горбачева. Содержательно и организационно система предложений по институциональному пересмотру стратегии развития Дальнего Востока являлась региональным аспектом приложения сформированных в стране макроэкономических идей. Она была подробно обсуждена во время поездки лидера страны – М. С. Горбачева – на Дальний Восток в июле 1986 года.⁶

Уже в начале поездки, выступая во Владивостоке, М. С. Горбачев определил критическую государственную позицию по отношению к ранее сделанному в регионе: «Нельзя сказать, что развитию Дальнего Востока не уделялось внимания. Однако многое из намеченного, к сожалению, выполняется плохо». И одно-

временно как альтернатива была сформулирована новая генеральная задача: «Дальний Восток надо превратить в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс». [Перестройка, 1986. С. 8–9]

Для решения этой задачи в рамках перестроечной идеологии был использован комплекс идей, в т. ч. и сформулированных в предыдущие периоды развития. Во-первых, получила реальное организационное отражение идеология формирования целевой национальной программы по перспективному развитию Дальневосточного региона. Был официально сформулирован институциональный подход, предлагающий «выработку концепции долговременного развития».

Согласно сформированной правительством логике, она включала, с одной стороны, совершенствование использованного ранее потенциала регионального развития, и с другой стороны, реализацию новых для региона институциональных решений. К первому блоку относились традиционные механизмы, включая уже использовавшиеся в плановой стратегии 1976 г. Были подробно охарактеризованы важнейшие направления этой работы. Она состояла из нескольких известных народно-хозяйственных позиций: «комплексное использование богатейших природных ресурсов региона», «преодоление хронического отставания ТЭК», «опережающее развитие производственной инфраструктуры». Другие названные направления подразумевали акцентирование внимания на нескольких ранее не выделенных объектах, но уже имеющих определенные сферы реализации. В частности, фиксировалось, что «экономика страны широко вышла к Тихому океану», подчеркивался активный государственный курс на формирование здесь высокоразвитого комплекса отраслей, связанных с использованием океанических ресурсов.

Но самое большое внимание (как внутри страны, так и за её пределами) привлек второй блок «перестроечных» предложений, существовавших ранее в качестве локальных второстепенных задач, а теперь приобретающих уровень

⁶ Для анализа проведенной поездки здесь и далее использованы материалы, включенные в сборник *Поездка Леонида Ильича Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Март-апрель 1978 г. М.: Политиздат. 1978. 56 с.*

радикального концептуального поворота. В новой редакции стратегии развития произошло принципиальное изменение государственной позиции в отношении использования в регионе внешнеэкономических инструментов. Во время поездки на Дальний Восток руководителем страны было впервые заявлено, что «Советский Союз – тоже азиатская и тихоокеанская страна». [Перестройка..., 1986. С. 22] Этой фразой идеи о развитии в регионе активного международного сотрудничества, сформулированные за десять лет до этого, получили реальную институциональную поддержку. Это отразилось, прежде всего, в формулировке основных задач регионального развития. Речь пошла о создании здесь «высокоэффективного народнохозяйственного комплекса, органически включенного не только в систему общесоюзного, но и международного разделения труда». В соответствии с перспективными планами в обозримой перспективе предстояло в полной мере использовать возможности экспортной направленности развития дальневосточного хозяйства. Для этого необходимы были кардинальные изменения, новые подходы с тем, чтобы оживить прибрежную и приграничную торговлю, осваивать прогрессивные формы экономических взаимосвязей с зарубежными странами, в том числе производственную кооперацию, создавать совместные предприятия, специализированную экспортную базу. Это обозначало, что произошедшее в институциональной модели для Дальнего Востока изменение включило в перечень рассматриваемых задач ориентацию на активное участие в международных проектах, т. е. реально произошел идеологический поворот, который предлагался специалистами ранее как вариант снятия рисков изолированного развития. Международная инициатива получила активные положительные комментарии и от советских экспертов, и со стороны стран-потенциальных партнеров по региональному сотрудничеству. Как писал известный японский экономист К. Огава, «одной из причин повышенного внимания советского руководства к освоению дальневосточных районов является полное осознание того, что центр мировой экономики смещается в АТР, и что в будущем эта тенденция будет еще больше

набирать силу». [Огава, 1989. С. 100]

Третьей важной институциональной позицией руководства страны, кроме реализации планово-программного подхода и открытия внешнеэкономического потенциала, стало выдвижение новых организационных задач. Формулировалось это в следующем императивном формате: «Стратегический курс на ускорение социально-экономического развития требует осуществления и новой региональной политики». [Перестройка..., 1986. С. 9] С позиций реальной активизации интеллектуальной составляющей в государственном управлении это был важный тезис. Он был важной частью разворачивающейся в стране дискуссии о развитии научных исследований в организации региональной политики. В эти годы актуальным был вопрос о том, как используется российский научный потенциал для развития территорий. Прогрессивный экономический журнал этого времени писал: «Бытует еще мнение, что проблемы территориального, регионального социально-экономического развития не относятся к сфере «высокой» теории, а имеют лишь прикладное значение. Эта точка зрения существенно ограничивала фронт теоретических исследований, сводя их по сути к проблемам «точечной» экономики». Официальное обозначение государством необходимости решения такого круга задач, организация встречи лидера страны с учеными Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, специальное программное выделение «вопросов региональной научно-технической политики» вносило в систему действующих правил пространственного развития страны новые нетрадиционные элементы.

Новые институциональные идеи не только составили содержательную характеристику необходимых действий, но и определили новую структуру генерирования социально-экономических рисков. Одновременно с расширением понимания старых институциональных правил и формулировкой новых объектов их применения возникали системные ограничения в их применении. Во-первых, это было связано с сохранением накопленного экономического потенциала. Идеи, связанные с совершенствованием механизмов развития, ориентировались

на сохранение (или замещение) сложившихся форм государственной поддержки для работающих хозяйственных комплексов. Вопросы поддержания сложившейся экономической системы региона не были достаточно точно обозначены, что создавало неопределенности для их функционирования. Это были риски, связанные с хозяйственной реструктуризацией и повышением эффективности экономической деятельности предприятий на Дальнем Востоке. Во-вторых, это было связано с проектами по реализации возможностей ранее малодоступных, но потенциально привлекательных по эффективности секторов экономики, в частности, разработкой международного интеграционного инструментария. Оптимистические расчеты, связанные с ускоренным продвижением иностранных партнеров на Дальний Восток, были сильно ограничены имеющимся институциональным блокированием потенциальных контактов и проектов. Особо и впервые в рамках дальневосточной проблематики были официально рассмотрены вопросы активного участия до этого фактически закрытого для иностранцев региона в международном разделении труда. В ходе поездки прозвучали идеи, связанные с введением более либерального режима на Дальнем Востоке по отношению к иностранцам, решения вопросов о его открытии для посещения иностранцами. В-третьих, эта программа стало публичной демонстрацией важности учета в региональном проектировании временных рисков. Мощный организационный импульс в стимулировании программного развития дальневосточных территорий был организационно зафиксирован амбициозной комплексной программой, принятой в 1987 году. Однако, как показала практика, она не вписывалась в сложившуюся систему ресурсов и рисков, отпущенных действующей в этот период власти на её реализацию. Это отчетливо отразилось на дальнейшем развитии идей о факторах развития Дальнего Востока и сопровождающих этот процесс неопределенностей.

Важным и одновременно крайне сложным для России был период радикальных постсоциалистических реформ, возглавляемых президентом Б. Н. Ельциным. Этот период можно назвать особым эта-

пом в формировании регулятивной конструкции для Дальнего Востока.

С одной стороны, как и во все предыдущие периоды, в институциональной структуре проектов развития Дальневосточного региона были отчетливо видны комплексы идей, сформированных государством ранее. Главным элементом развития региона на национальном уровне признавали добывающие отрасли, и соответственно, основные действия правительства планировались в отношении поддержки этого сегмента территориальной экономической системы. С другой стороны, у новых российских властей появилась организационная возможность для принятия институциональных решений, ранее отложенных для реализации. Так, революционной новацией стало в 1992 г. реальное изменение режимов посещения территорий региона для российских граждан и иностранцев, в т. ч. отмена режима закрытого города во Владивостоке, активизация приграничной торговли с Китаем, Японией, Южной Кореей. В-третьих, в этот период фактически произошла реальная институциональная трансформация: в какой-то мере согласованно, в какой-то мере вынужденно изменился сложившийся ранее порядок реализации взаимоотношений национального правительства и территориальных структур страны – регионов. Он пришел на смену ранее традиционно используемым вертикальным иерархическим директивным конструкциям. Теперь значительное место в обсуждаемой (и, в определенной степени, реализуемой) политике заняли другие порядки выдвижения и принятия инициатив. Они генерировались не только на федеральном, но и непосредственно на региональном уровне.

С одной стороны, в новых неплановых условиях продолжались попытки федеральных органов власти воздействовать на сложившуюся к этому времени экономическую систему Дальнего Востока. В частности, такой организационный проект был разработан Советом по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству (СОПСИ-ЭС) и департаментом региональной политики Минэкономики России. В рамках реализации этой концептуальной схемы признавалось, что «Дальний Восток будет неизбежно ориентироваться в своем

развитии на сложившиеся отрасли специализации – горнодобывающий, лесной, океанический комплексы». В нём фиксировалась сложившаяся в регионе в этот период сложная позиция: «В условиях реформы экономических отношений отраслевая структура Дальнего Востока с гипертрофированной сырьевой направленностью стала фактором дестабилизации всей экономики региона».⁷

Основные факторы, которые определили активизацию этого негативного процесса, по мнению авторов концепции, были связаны с отказами в предоставлении инфраструктурных услуг. Прежде всего – энергетических («непокрываемый дефицит энергоёмностей создаёт угрозу остановки большинства предприятий») и транспортных («недопоставки на Дальний Восток топлива, продовольствия, стройматериалов и других жизненно важных грузов явились следствием как нарушения экономических связей между регионами, так и обострения транспортной проблемы»). Кроме того, признавалось отсутствие эффективных внешнеэкономических механизмов («можно констатировать, что либерализация внешнеэкономической деятельности в том виде, как она осуществляется, не обеспечила усиления влияния внешнеэкономических связей на решение социально-экономических проблем регионов Дальнего Востока»). В соответствии с переданным в Совет Министров материалом были предложены мероприятия, которые потенциально исправляли сложившиеся дисбалансы. Однако реальные причины разбалансировки региональной экономики Дальнего Востока были значительно сложнее, чем инфраструктурные сбои, хотя и они, безусловно, имели влияние. Коллапс в региональной экономике стал следствием окончательного разрушения работавшего, хотя и с перебоями, хозяйственного механизма и отсутствия заменяющего его нового, построенного на реализации рыночной регуляtorики. Поэтому разработанные рекомендации по управлению энергетическими и транспортными потоками были скорее умозрительными формулами, чем работоспособными идеями по формированию новой экономики

Дальнего Востока.

В условиях охватившего государство экономического кризиса, разрушения сложившихся производственных и транспортных связей, утери активного инструментария для решения сложившихся проблем инициативы в формировании системы институционального регулирования объективно перешли в руки региональных властей. В их арсенале был большой спектр возможных решений: от взаимной демократизации взаимоотношений «центр–периферия» до выдвижения радикальных программ по превращению отдельных территорий в самостоятельные государства, подобно «балканской» модели постсоциалистических преобразований.

Одним из наиболее активных регионов в этом отношении был Дальний Восток. По мнению аналитиков, это было, прежде всего, связано с тем, что здесь все национальные проблемы «сказывались в большей степени, нежели где-либо еще, на хозяйственной и социально-экономической обстановке Дальневосточного экономического района». [Воронцов, Мурадян, 1991. С. 21] Используемые ранее инструменты развития региона, связанные как с наращиванием на Дальнем Востоке экономического потенциала за счет макроэкономической поддержки, так и с созданием за счет выделяемых государственных средств объектов транспортной и социальной инфраструктуры, перестали действовать. Это, безусловно, вызывало большое недовольство и населения, и практикующей части хозяйственной системы, и региональных властных структур. В 1991 г. руководители дальневосточных регионов создали Экономическую ассоциацию краев и областей Дальнего Востока как орган, организующий и консолидирующий работу в совместном решении возникающих проблем. В оперативном режиме была разработана концепция выхода из кризиса и стимулирования социально-экономического развития Дальневосточного экономического региона и Забайкалья. Также были инициативно разработаны новые регуляторные инструменты развития – различные формы свободной экономической зоны

⁷ Концепция стабилизации экономического положения Дальнего Востока. 1 этап программы. М.: СОПСИЭС. 1994. С. 3.

(СОЗ), приобретения краями и областями региона большей самостоятельности в принятии решений, активизации международных проектов. Последнее становится одним из важнейших каналов претворения идей самостоятельной региональной экономической политики. Фактически в этот период проекты развития Дальнего Востока превратились в некоторый набор отдельных мероприятий, которые имели локальный «спасательный» характер и не создавали целостной государственной системы регулирования.

Однако реализация даже такого (спонтанного по происхождению), комплекса идей требовала как юридической, так и материальной поддержки. Как писал в книге «Особый район России» один из участников этого регуляторного процесса, руководитель Хабаровского края В. И. Ишаев, «что мы только не делали, чтобы привлечь внимание правительства, самого президента и его окружения. И вот свершилось – всех глав администраций Дальневосточного региона принял президент Ельцин, который дал поручение членам правительства с указанием конкретных сроков – решить фундаментальные проблемы дальневосточных территорий.[Ишаев, 1998. С. 3] Отмечу, что в дальнейшем это совещание с региональными лидерами постоянно фигурировало в списке документов Правительства РФ. Например, в Паспорте федеральной программы развития Дальнего Востока, составленной позже в соответствии с Указом Президента, в качестве источника обязательно указывалось «Поручение Президента РФ Б. Н. Ельцина по итогам встречи с группой глав администраций Дальневосточного региона 15 ноября 1994 года».

С учетом этих коллективных решений в Правительстве была подготовлена Президентская Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы».⁸ В профессиональной литературе этот документ часто критикуется. Справедливо указывается, что он фактически был оторван от реальности: у государства в этот период не было ни финансового, ни материального, ни

директивного влияния на региональную политику и экономику. Однако следует признать, что это был важнейший с управленческих позиций документ, в обсуждении которого впервые в программной истории России в явном порядке выделялись социально-экономические риски, связанные с реализацией проекта. В документах Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, который рассматривал подготовленный документ, указывалось, что достижение указанных в Программе целей предполагает решение срочных и неотложных задач. При этом при анализе рассматривалась существующая опасность экономического, а вслед за ним – иных форм обособления региона от Центральной России. Эксперты указывали, что ситуация еще более усугубляется близким соседством региона с динамично развивающимися странами АТР. Содержательно этот этап в региональной политике для Дальнего Востока стал переходным от длительного процесса формирования баланса идей о соотношении целей регионального развития и препятствиях (рисках) в их реализации к целенаправленной программной деятельности.

Заключение

Политика регионального и пространственного развития, которая сформировалась в Советском Союзе в довоенное время, а затем использовалась в территориальной организации сначала плановой, а затем и рыночной российской модели экономики, имела значительные отличия от накопленного в условиях мирового развития инструментария. Она изначально была более ориентирована на использование имеющихся механизмов, прежде всего для повышения эффективности производственной системы и в значительно меньшей степени учитывала ограничения и риски, формирующие локальные барьеры развития. Именно директивная составляющая традиционно формировала сильную зависимость регионального развития от той или иной структуры национальной экономической политики, включая внутриэкономические и внешнеэкономические процессы. Однако в процессе их реализации систе-

⁸ Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока на 1996–2005 годы. Утверждена Правительством РФ 11.04.1996.

ма директивных решений, предусматривающая единственно возможный режим отклонений – невыполнение производственного плана, стала приобретать более сложную структуру, учитывающую флуктуации временных, пространственных, социальных, отраслевых, финансовых и других характеристик развития. В случае проведения на такой методической основе дополнительного мониторинга происходящих процессов воздействия в исследуемых системах предоставляются информационные возможности для рассмотрения и учета макроэкономического риска. Кроме того, это позволяет провести сложные оценки как функционально-структурных, так и пространственных, и временных аспектов организации деятельности [Тавалян, 2019. С. 7–10]. Такой подход стал поэтапно реализовываться в региональной практике для Дальнево-

сточного региона после 2000 г., в период когда официально была сформулирована национальная задача «поворота на Восток». Одновременно происходящий институциональный процесс сопровождался усилением неопределенности в действии различных факторов развития, что оказывало всё более сильное (и возрастающее) влияние на происходящие региональные процессы. Понимание усложнения проблематики инициировало необходимость совершенствования инструментария для идентификации и оценки рисков территориального развития Дальнего Востока, активизации их использования в регуляторной практике, формирования новых задач по прогнозированию возникающих в перспективе сложностей и конструирования более сложных форм их преодоления, которые являются предметом рассмотрения в следующей статье.

Список источников:

1. Альпидовская М. А. и др. Предмет экономической теории в концепции исследования экономического пространства. М.: Прометей. 2023 104 с.
2. Воронцов В., Мурадян А. Дальневосточный регионализм // Проблемы Дальнего Востока № 6. 1991. С. 21–27.
3. Ишаев В. И. Особый район России // Тихоокеанская звезда 19 мая 1998 г. С. 3.
4. Минакир П. А., Прокопало О. М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск, ДВО РАН. 2010. 304 с.
5. Огава К. Бассейн Японского моря – зона советско-японского сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 5. С. 95–103.
6. Перестройка неотложна, она касается всех и во всём. Сборник материалов о поездке М.С. Горбачева на Дальний Восток 25–31 июля 1986 г. М.: Изд-во политической литературы. 1986. 95 с.
7. Поездка Леонида Ильича Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Март-апрель 1978 г. М.: Политиздат. 1978. 56 с.
8. Тавалян А. А. Полосы неопределенности и вариативность экономики. Флинта. 2019. 104 с.
9. Тарасов Г. Комплексное развитие Дальнего Востока // Плановое хозяйство 1978. № 11. С. 46–52.
10. Lee E. Evaluation for What? // Korea Institute for International Economic Policy Opinions. N 225. November 2021.

References:

1. Alpidovskaya M. L. et al. (2023) The subject of economic theory in the concept of studying economic space. M.: Prometheus. 104 p. (In Russ.)
2. Vorontsov V., Muradyan A. (1991) Far Eastern regionalism Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]. No. 6: 21–27. (In Russ.)
3. Ishaev V. I. (1998) Special region of Russia Tikhookeanskaya zvezda [Pacific Star]. May 19. P. 3. (In Russ.)
4. Minakir P. A., Prokopalo O. M. (2010) Regional economic dynamics. Far East. Khabarovsk, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 304 p. (In Russ.)
5. Ogawa K. (1989) The Sea of Japan basin is a zone of Soviet-Japanese cooperation Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]. No. 5: 95–103. (In Russ.)
6. Perestroika is urgent, it affects everyone and everything. Collection of materials about the trip of M.S. Gorbachev to the Far East July 25–31, 1986 M.: Publishing House of Political

Literature. 1986. 95 p. (In Russ.)

7. Leonid Ilyich Brezhnev's trip to Siberia and the Far East. March-April 1978 M.: Politizdat. 1978. 56 p. (In Russ.)

8. Tavalyan A. A. (2019) Bands of uncertainty and variability of the economy. Flint. 104 p. (In Russ.)

9. Tarasov G. (1978) Integrated development of the Far East Planovoye khozyaystvo [Planning Economy]. No. 11: 46–52. (In Russ.)

10. Lee E. (2021) Evaluation for What? Mneniya Koreyskogo instituta mezhdunarodnoy ekonomicheskoy politiki [Korea Institute for International Economic Policy Opinions]. N 225. November.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 23.11.2023.

The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 23.11.2023.

Информация об авторах

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник директора, Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, the Economic Research Institute the Far-Eastern branch the Russian Academy of Sciences.

Научная статья

УДК 332.2

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-100-110

Становление экосистемы технологического развития на национальном и региональном уровнях

Наталья Альбертовна Маслюк¹, Надежда Васильевна Медведева²¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления и практического анализа процессов технологизации российской экономики в контексте формирования экосистемы технологического развития. Трансформация инновационной экосистемы в экосистему технологического развития является объективной тенденцией, вызванной коренными изменениями условий внешней среды экономики России и необходимостью адаптации к ним. Целью исследования явилось выявление специфических черт и элементов экосистемы технологического развития, а также обзор некоторых лучших региональных практик в этом аспекте. Обзор научных источников, актуальных нормативных правовых актов и регионального опыта по вопросам технологического развития, проведенный авторами, представляет научный и практический интерес как для продолжения исследований данного вопроса, так и для внедрения наиболее успешных практик в деятельность региональных органов власти при формировании и реализации программ технологического развития регионов. Полученные авторами выводы подтверждают объективность и обусловленность процессов трансформации инновационных экосистем в экосистемы технологического развития.

Ключевые слова: экосистема технологического развития, технологии, технологический суверенитет, региональный опыт технологического развития

Для цитирования: Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Становление экосистемы технологического развития на национальном и региональном уровнях // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 100–110. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-100-110>

Formation of a technological development ecosystem at the national and regional levels

Nataliya A. Maslyuk¹, Nadezhda V. Medvedeva²¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPa, St. Petersburg, Russia¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Abstract. *The relevance of the study is due to the need for theoretical comprehension and practical analysis of the processes of technologization of the Russian economy in the context of the formation of the ecosystem of technological development. The transformation of the innovation ecosystem into the ecosystem of technological development is an objective trend caused by radical changes in the external environment of the Russian economy and the need to adapt to them. The purpose of the study was to identify specific features and elements of the technological development ecosystem, as well as to review some of the best regional practices in this aspect. The review by the authors of scientific sources, current regulations and regional experience on issues of technological development is of scientific and practical interest both for continuing research on this issue and for introducing the most successful practices into the activities of regional authorities in the formation and implementation of regional technological development programs. The conclusions obtained by the authors confirm the objectivity and conditionality of the processes of transformation of innovation ecosystem into the ecosystem of technological development.*

Keywords: *ecosystem of technological development, technology, technological sovereignty, regional experience of the technological development*

For citation: Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. Formation of a technological development ecosystem at the national and regional levels // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 100–110. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-100-110>

Введение

Предпосылками перевода российской экономики на новую технологическую основу выступает смещение акцента с исчерпавшей себя неравновесной модели мировой экономики в пользу новых центров экономического роста и геополитического влияния, а также пагубность технологической зависимости в условиях санкционной политики и острая необходимость обеспечения технологического суверенитета [Щурина, 2023. С. 120].

Ситуационность происходящих процессов в противовес эволюционному пути экономического развития задает тон ускорению процессов технологизации экономики и одновременно процессов решения научных задач и трансформации адекватных механизмов и инструментария управления. Становится объяснимой приоритизация технологического развития в системе национальной безопасности и сопутствующие этому процессы, что подтверждается принятием концепции технологического развития и ее нацеленностью на создание технологических условий для социально-экономического развития страны.

Многие, ставшие уже традиционными научные подходы к изучению социально-экономических систем, применяемые изолированно друг от друга, не позволяют учесть всей сложности системных

образований и взаимодействий в современной экономике. Применение в едином комплексе холистического, сетевого, кластерного и других подходов к развитию экономики возможно в рамках методологии экосистемного подхода [Третьякова, Фрейман, 2022. С. 10]. Выделяются предпринимательские, инновационные, промышленные, цифровые (платформенные) экосистемы, экосистемы городских сервисов и другие, рассматривается возможность дальнейшей интеграции экосистем в масштабах региональной экономики [Ушинский и др., 2021. С. 147; Audretsch, 2019. С. 313]. Объединяющим фактором экономических экосистем выступает способность к самоорганизации, саморазвитию, саморегулированию и высокая степень адаптации. Несмотря на присущие экономическим экосистемам горизонтальные связи вне единого начала, не отрицаются искусственно созданные экосистемы, основанные на горизонтальных и вертикальных связях и образуемых иерархических структурах. К числу последних предлагается отнести экосистему технологического развития [Маслюк, Медведева, 2020. С. 1907].

Результаты и их обсуждение

Концепт экосистемы технологического развития

Общее смысловое понимание экосистемы технологического развития со-

держится в концепции технологического развития. Так, под экосистемой технологического развития понимается «совокупность взаимосвязанных субъектов экономической и научно-образовательной деятельности, которые взаимодействуют на основе сетевых принципов, разрабатывают с использованием общего набора технологий, знаний или навыков совместно и на конкурентной основе инновационные продукты и сервисы, существенно влияющие на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки или способствуя формированию новых рынков»¹.

Четко прослеживается целевой характер экосистемы технологического развития в части получения результата и ограничения по времени. Фактор ограничения по времени функционирования экосистемы технологического развития («на период технологического развития») выступает возможным и особенным признаком экосистем, дополняющим методологию экосистемного подхода. Временной фактор ограничен необходимостью достижения к 2030 г. трех ключевых целей технологического развития (обеспечение технологического задела, переход к инновационно ориентированному экономическому росту, технологическое обеспечение устойчивого развития) [Дуненкова, Онищенко, 2023. С. 16]. Можно предположить, что достижение завершающей цели «технологического обеспечения устойчивого функционирования и развития производственных систем» обеспечит трансформацию экосистемы технологического развития в технологическую экосистему с декомпозицией на уровень регионов [Евсеева и др., 2021. С. 16].

Концептуально экосистема технологического развития определена в качестве модели технологического развития на основе заданных свойств при условии использования возможностей экосистемы для реализации мероприятий технологического развития и на основе поддержки роста экосистемы за счет реализации ряда адресных мер.

Соответствие экосистемы технологического развития признакам искусствен-

но созданных экосистем влечет определение системообразующего элемента как некоего центра, вокруг которого будет выстраиваться вся экосистема [Adner, 2017. С. 39]. В качестве такого центра выступает институциональная система управления технологическим развитием (государственная составляющая).

Совокупность заданных свойств технологического развития, определенных концепцией, типичные структуры известных экосистем позволяют выделить структурные компоненты экосистемы технологического развития. В первую очередь, состав компонентов экосистемы технологического развития определяется функциональной моделью управления технологическим развитием. Система управления должна обеспечивать интеграцию управления двумя мета-процессами – научно-исследовательской деятельностью и производственно-технологической деятельностью – с доминированием технологической составляющей на основе обеспечивающей роли научной составляющей. Одним из направлений преодоления недостаточности инновационных экосистем в части коммерциализации инноваций выступает развитие малых инновационных предприятий, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности. Еще одним отличающим признаком экосистемы технологического развития выступает широта и упорядоченность системы акторов научно-исследовательского характера, включающая инновационный научно-технологический центр, институты инновационного развития, передовую инженерную школу, центры компетенций, центры трансфера технологий. Аналогичным образом предусмотрены специальные акторы со стороны экономических агентов – компания-лидер, технологическая компания, малая технологическая компания. Задействованы и получают импульс развития применяемые механизмы и инструменты. В их числе национальная технологическая инициатива, известная с 2013 г., имеющая по-

¹ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 № 1315-р // Собр. законодательства. 2023. № 22. Ст. 3964.

тенциал в обеспечении технологического развития и поддержку, при этом результаты применения которой были недостаточными по причине накопившихся проблем, главным образом в части взаимодействия между наукой и бизнесом.

В равной мере экосистема технологического развития представлена компонентами новых продуктов, технологий, процессов (высокотехнологичная продукция, критические технологии, сквозные технологии, наилучшая доступная технология, локализация производства, собственная линия разработки технологии, стартап (технологический); таксономия проектов технологического суверенитета). Получают свое развитие венчурные инвестиции, технологические инновации.

В самом широком понимании экосистема технологического развития может включать в себя институциональную систему управления технологическим развитием, систему акторов научной составляющей и институтов развития, систему экономических агентов, систему правового регулирования и методического обеспечения, систему принципов, систему целей (и показателей достижения целей), задач и механизмов технологического развития, систему мероприятий, программ и проектов, систему инструментов взаимодействия. Компонентный состав экосистемы технологического развития соответствует признакам сетевого комплекса свободно взаимодействующих и взаимовлияющих элементов. При этом государственная составляющая экосистемы технологического развития, не нарушая логики экосистемного подхода, напротив, ускоряет процессы интеграции и взаимовыгодного сотрудничества, обеспечивая синергетический эффект сбалансированного функционирования экосистемы технологического развития.

Современный тренд последних пяти лет на технологический суверенитет Российской Федерации, а также усиление внешних и внутренних негативных факторов научно-технического и экономического развития страны обусловили появление значимого документа стратегического планирования – Концепции технологического развития на период до 2030 г. (далее – Концепция)¹. В документе определено понятие – экосистема технологи-

ческого развития, которая представляет собой симбиоз субъектов экономической и научно-образовательной деятельности с целью производства, продвижения и внедрения «инновационных продуктов и сервисов», способных менять действующие рынки или создавать новые.

В этой связи с целью теоретического осмысления данной научной категории важно сопоставить родственные, но всё же отличные друг от друга понятия: инновационная экосистема (концепция которой уже длительное время реализуется в Российской Федерации) и экосистема технологического развития. Понимание особенностей и отличий последней, на наш взгляд, позволит сформировать комплекс мероприятий на всех уровнях публичной власти, который будет направлен на успешное достижение целей Концепции.

Ранее авторы отмечали, что чёткость понимания и применения терминологии инновационного развития определяет формирование ясных и достижимых целей инновационной политики, что, безусловно, способствует выработке программных документов, способных активизировать протекающие в стране и регионах инновационные процессы. Также отмечалось, что «современные тенденции развития инновационных экосистем влияют на их характер в сторону растущей технологизации инновационных процессов, вследствие чего возникает потребность в изменении подходов к их регулированию» [Маслюк, Медведева, 2020. С. 1894].

Сегодня можно констатировать смену парадигмы инновационного развития на концепт технологического развития, который может быть реализован только в рамках экосистемы технологического развития. Это обусловлено тем, что, по устоявшемуся мнению, в инновационной экосистеме России процессы развития науки как сферы оборота новых научных знаний в форме результатов исследований и разработок и производства как сферы зарождения и обновления технологий протекают обособленно и абстрагированы друг от друга. Это приводит к технологическим «пробелам» в производственных цепочках в условиях «ухода» зарубежных высокотехнологичных компаний и запрета на использова-

ние импортных технологий ввиду западных санкций.

Переход от инновационной экосистемы к экосистеме технологического развития в Российской Федерации является поступательным и объективным и связан с изменением концепции, в которой приоритет исследовательского характера развития технологий сменяется приоритетом их получения и совершенствования в реальных производственных процессах.

Следует отметить, что поступательность и преемственность данного перехода обеспечена планомерными действиями государства, предшествовавшими разработке и принятию Концепции и сопровождавшими её.

Так, параллельно с принятием Концепции Правительством Российской Федерации утверждены мегапроекты и дорожные карты по 10 направлениям «сквозных технологий»², по которым уже есть заделы для практической реализации.

В это же время был расширен перечень получателей льготных кредитов по Программе льготного кредитования проектов цифровой трансформации на основе российских программных решений, которая была запущена ещё в декабре 2019 г.³

Также Правительством Российской Федерации был утверждён перечень приоритетных направлений проектов, реализация которых будет способствовать дости-

жению технологического суверенитета.⁴

Следом за принятием Концепции был принят Федеральный закон «О развитии технологических компаний в Российской Федерации».⁵ Именно они должны стать ядром экосистемы технологического развития. Особая роль отведена малым технологическим компаниям, наиболее восприимчивым к новым идеям и технологиям. В развитие указанного федерального закона с целью обеспечения доступа технологических стартапов к мерам государственной поддержки (в первую очередь финансовой) и участию в реализации мегапроектов к концу 2023 г. будет сформирован Реестр малых технологических компаний. Также он должен стать инструментом установления прямых связей между технологичным бизнесом и инвестором.

Очевидно, что в действиях государства прослеживается чёткая логика, системность, последовательность и поэтапность решений, а также направленность от создания элементов экосистемы к объединению их в единое целое. Это отличает Концепцию технологического развития от, например, Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., которая носила декларативный характер и не привела к ожидаемым в том периоде результатам.

Наиболее существенными отличиями экосистемы технологического развития

² Михаил Мишустин утвердил перечень мегапроектов, направленных на разработку и производство приоритетной высокотехнологичной продукции. URL: <http://government.ru/news/48571/>

³ О внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидий в целях обеспечения льготного кредитования проектов по цифровой трансформации, реализуемых на основе российских решений в сфере информационных технологий, и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации // Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2023 г. № 707. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305150008>

⁴ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации // Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304170025>

⁵ О развитии технологических компаний в Российской Федерации // Федеральный закон от 4 августа 2023 года № 478-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040087>

от инновационной экосистемы, на наш взгляд, являются:

1) приоритетность развития научной мысли в направлении технологических инноваций, т. е. в экосистеме технологического развития они становятся не «побочным» или «незапланированным» продуктом научного исследования, а самоцелью;

2) самостоятельность технологической политики от научно-технической и промышленной политик;

3) качественно новые субъекты технологического развития: технологические холдинги, исследовательские консорциумы, малые технологические компании, профессиональные технологические посредники;

4) новая институциональная среда, новые формы и новые инструменты технологического развития.

Первое отличие обусловлено трансформацией парадигмы инновационного развития в парадигму технологического развития, базирующегося на технологическом суверенитете. Целью такого развития является создание в России собственных критических и сквозных технологий «под национальным контролем». А это означает, что вектор научных исследований должен задаваться государством, исходя из приоритетов технологического развития.

Второе отличие связано с тем, что приоритеты технологического развития должны определяться не сферой науки и техники, где результаты научных исследований влекут за собой техническое обновление, что лишь может привести к появлению новых технологий. И не сферой промышленного производства, где прибыльность компаний определяется количеством и качеством применяемых технологий не зависимо от того, где эти технологии произведены (например, за рубежом), но эта взаимозависимость не обеспечивает технологическое развитие национальной экономики. Следовательно, технологическое развитие национальной экономики России, основанное на национальных технологических приоритетах, должно находиться в плоскости отдельного направления государственно-

го регулирования и сообщать импульсы научно-техническому и промышленному развитию.

Третье отличие определяется изменением целей и форматов, масштабов взаимодействия субъектов экосистемы. Так, в экосистеме технологического развития должны сформироваться новые типы организаций и в сфере науки и образования, и в сфере производства, и в сфере технологического посредничества. Причём эти типы организаций должны изначально (в стадии их формирования) отличаться комплексностью видов деятельности (например, проводить исследования, создавать стартапы и получать на выходе готовый высокотехнологичный продукт), крупномасштабностью (с использованием связей кооперации между участниками объединений и с привлечением внешнего финансирования под высокотехнологичные проекты), высокой степенью реагирования на потребности рынка и адаптации к ним (малые формы организации бизнеса), сетевым форматом взаимодействия (который может выстраиваться субъектами самостоятельно или при помощи профессиональных посредников – инжиниринговых компаний, центров трансфера технологий, организаций международного взаимодействия).

Сетевые связи между элементами экосистемы технологического развития трансформируются в процессы взаимовыгодного обмена результатами исследований, технологиями; коммерциализации идей и технологических стартапов.

Четвёртое отличие определено потребностью в новой институциональной надстройке, обеспечивающей более масштабную и объёмную поддержку со стороны государства.

При этом, как отмечается, роль государственного регулирования должна возрасти в части финансирования и измениться качественно в сторону повышения его прозрачности и стабильности.

Инструментами технологического развития должны стать индустриальные мегапроекты, соглашения между крупными технологическими компаниями и правительством, крупномасштабные исследовательские проекты по приоритетным на-

правлениям технологического суверенитета. Следует отметить, что предлагаемые инструменты направлены на создание благоприятной среды, которая обеспечит «выращивание» технологий в экосистеме технологического развития России.

Практика становления экосистемы технологического развития в регионах

Становление экосистемы технологического развития сопровождается формированием институциональных условий, обеспечивающих функционирование экосистемы на региональном уровне.

В части формирования регуляторной среды в субъектах Российской Федерации роль и функционал органов власти в регионах расширяются. Однако круг задач, описанный в Концепции, не является абсолютно новым. В большинстве регионов относительно стабильно и продолжительно функционируют инновационные кластеры, индустриальные парки, малые и средние инновационные предприятия, научно-производственные холдинги и научно-образовательные консорциумы, ведётся подготовка инженерных кадров. Важно понимать, что для достижения заявленных целей технологического развития необходимо изменить сущностное содержание прежних форм. Это касается и содержания программ инновационного развития регионов.

С 2022 г. в Российской Федерации формируется национальный рейтинг научно-технологического развития⁶. Среди 44 показателей, заявленных к оценке по итогам 2023 г. (изначально их было 33), присутствуют показатели, оценивающие деятельность органов власти субъектов Российской Федерации по созданию институциональной среды научно-технологического развития, включая наличие в субъекте Российской Федерации утвержденной региональной программы научно-технологического развития.

Для разработки комплексных государственных программ научно-технологического развития субъектов Российской Федерации были отобраны пилотные регионы – лидеры рейтинга, включая Москву, Санкт-Петербург, Томскую область, Республику Башкортостан, Республику Татарстан и др.⁷ Также в пилотных регионах и добавившихся к ним ещё 11 субъектах РФ будет апробирована методика внедрения и развития института региональных руководителей научно-технологического развития.

Видится, что тренд технологического развития сопровождается усиленной работой федерального центра и регионов по формированию благоприятных инвестиционных возможностей территорий [Маслюк, Медведева, 2023. С. 64].

Опыт Санкт-Петербурга

В Санкт-Петербурге формируются лучшие практики функционирования инновационной экосистемы, что обеспечивает ее трансформацию в экосистему технологического развития. Развитая технологическая инфраструктура и процессы цифровой трансформации ускоряют процессы становления экосистемы технологического развития. Обеспечена взаимосвязь концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г. и политики социально-экономического развития Санкт-Петербурга.⁸ Инфраструктура экосистемы представлена обширной научной и технологической составляющей и многочисленными институтами развития, обеспечено взаимодействие с Агентством технологического развития. К отдельным элементам экосистемы технологического развития относятся:

инновационно-промышленные парки и технологические парки (экопарки), в частности технопарк Санкт-Петербурга. Технопарк Санкт-Петербурга представляет собой целостную инновацион-

⁶ Национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D1%80%D0%B5%D0%B8%CC%86%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%D0%9D%D0%A2%D0%A0.pdf>

⁷ Расширен перечень пилотных субъектов для разработки региональных госпрограмм научно-технологического развития. URL: <http://government.ru/news/49694/>

⁸ Концепция научно-технологического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года (утв. 22 марта 2021 г.). URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2021/03/30/03/КНТР.pdf> (дата обращения 19 октября 2023).

ную экосистему, в которую входит ряд структурных подразделений: Бизнес-инкубатор «Ингрия», Центр прототипирования, Центр кластерного развития и региональные инжиниринговые центры в сферах радиоэлектроники, синтеза фармацевтических субстанций, информационной безопасности и ИТ-технологий. Наряду с указанными подразделениями в состав технопарка входят высшие учебные организации, партнеры, резиденты предприятия кластеров, включены виды услуг, проектов и меры поддержки⁹;

Фонд развития промышленности Санкт-Петербурга. Фонд развития промышленности Санкт-Петербурга обеспечивает организацию региональных программ и проектов, направленных на поддержку развития промышленности и инноваций в Санкт-Петербурге. Он реализует порядка 14 льготных программ финансирования (мер поддержки) проектов (проекты развития, проекты развития критически важных объектов инфраструктуры промышленных предприятий, проекты цифровизации для промышленных предприятий); на выдачу займов (займы для приобретения оборудования, в том числе в лизинг, займы на технологическое присоединение); на получение промышленной ипотеки. Процентная ставка составляет от 1% до 6%, срок займов от 1 года до 7 лет с учетом отдельных условий. По информации, представленной на сайте Фонда развития промышленности Санкт-Петербурга, фонд по состоянию на 17 октября 2023 г. досрочно выполнил на 110% утвержденный план по выдаче займов текущего года. Вместе с тем проблемы со становлением экосистемы технологического развития остаются, в том числе связанные с окупаемостью институтов развития;

Официальный портал Санкт-

Петербурга «Инновационный Санкт-Петербург». Основным источником информационного обеспечения экосистемы технологического развития выступает официальный портал Санкт-Петербурга «Инновационный Санкт-Петербург». Портал разработан как универсальный инструмент взаимодействия участников инновационной системы Санкт-Петербурга. Портал аккумулирует в себе ряд региональных и федеральных ресурсов, его рубрикатор дает представление о компонентах экосистемы (государственная информационная система поддержки промышленных предприятий, инфраструктура поддержки, карта объектов инновационной инфраструктуры, национальная технологическая инициатива, центр импортозамещения, продвижение и экспорт, поиск инвесторов, реестр инновационной продукции, др.).

Опыт Республики Татарстан

Анализ успешных практик формирования экосистемы технологического развития показал, что в регионах-лидерах рейтинга¹¹ уже сформированы и функционируют основные элементы экосистемы.

Так, в Республике Татарстан с января 2023 г. реализуется государственная программа «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан»¹² до 2030 г. В ней основной акцент сделан на развитие образования и подготовку научных кадров, создание научно-образовательного пространства, стимулирование научно-технологического развития, создание научно-технологического задела для формирования и развития отраслей новой экономики региона. Заявленный объем финансирования программы составит 7,6 млрд руб., из них 7 млрд – из республиканского бюджета. Однако, на наш взгляд, исходя из положений, установленных Концепцией технологического

⁹ Технопарк Санкт-Петербурга: официальный сайт. URL: <https://spbtech.ru/about-technopark/> (дата обращения 19 октября 2023 г.).

¹⁰ См., информация с сайта Фонда развития промышленности Санкт-Петербурга. URL: <https://www.frp.spb.ru/news/frp-spb-po-sostoyaniyu-na-17-10-23-dosrochno-vypolnil-na-110-utverzhdennyy-plan-po-vydache-zaymov-te/>

¹¹ Рейтинги российских регионов по научно-технологическому развитию. URL: <https://ria.ru/20221024/tekhnologii-1826145476.html>

¹² Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан» // Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 27 декабря 2022 г. № 1429. URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=1184046

развития на период до 2030 г., технологическая составляющая программы требует усиления и конкретизации.

В регионе с ноября 2012 г. успешно функционирует особая экономическая зона (далее – ОЭЗ) «Иннополис» технико-внедренческого типа. По результатам деятельности ОЭЗ в 2021 г. она признана эффективной на 100 процентов.¹³ Она может стать площадкой для создания новых типов промышленных предприятий и исследовательских организаций, а также их сетевого взаимодействия в направлениях технологического развития.

Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк» был создан в 2009 г., на сегодняшний день он обладает развитой современной инфраструктурой для создания и становления ИТ-компаний. В рамках его деятельности реализуются программы по содействию диверсификации, рекламе и продвижению российского программного обеспечения; поддержке малых предприятий в части льготного доступа к российскому программному обеспечению, для его разработчиков – в части компенсации недополученных доходов.

Министерством экономического развития Республики Татарстан реализуется комплекс мер поддержки, направленных на развитие студенческого предпринимательства, финансирование инновационных проектов и другие.

Среди образовательных организаций, которые могут трансформироваться в элемент экосистемы технологического развития и уже имеют его характерные черты (масштабность, многокомпонентность, мультифункциональность), можно выделить Казанский (Приволжский) федеральный университет, который обладает развитой инфраструктурой для создания и развития сквозных технологий, ведёт подготовку и переподготовку кадров в этом направлении, осуществляет содействие реализации студенческих технологических стартапов.

Инвестиционную составляющую экосистемы представляют Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан, Региональное представительство Фонда

содействия инновациям и другие фонды.

В процессе исследования регионального опыта формирования экосистемы технологического развития авторами был отмечен факт отсутствия субъектов Дальневосточного федерального округа в перечне пилотных регионов¹⁴, а также среди лидеров Национального рейтинга субъектов Российской Федерации по научно-технологическому развитию. При этом, неоднократно подтверждалось [Маслюк, Медведева, 2020. С. 1893–1910; Маслюк, Медведева, 2021. С. 597–612], что дальневосточные регионы обладают исторически сформированным потенциалом и экономическими предпосылками для активизации процессов технологического развития в сфере промышленного производства.

Резюмируя вышеизложенное, технологическое развитие будет более эффективным в рамках экосистемного подхода на основе интеграции, взаимоувязки, фокусировки всех мер на конкретных технологических приоритетах в рамках как традиционных, так и новых рынков технологий, что позволит за короткий срок обеспечить достижение целей Концепции технологического развития. При этом использован метод «быстрых шагов», что выражается в комплексном охвате, уточнении и использовании возможных мер поддержки, релевантных именно для сферы технологий.

Заключение

Проведённое авторами исследование явилось продолжением серии научных изысканий, посвященных вопросам трансформации современных инновационных экосистем страны и её регионов в экосистему технологического развития. Результаты исследования позволяют конкретизировать сущностное содержание, структурные элементы экосистемы технологического развития и их характеристики, а также выделить наиболее репрезентативные черты региональных экосистем технологического развития, которые уже сформированы или продолжают трансформацию. Практические результаты исследования выражены в выявлении

¹³ Минэкономразвития РФ опубликовало отчёт о работе ОЭЗ за 2021 год. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rf_opublikovalo_otchyot_o_rabote_oez_za_2021_god.html

¹⁴ Расширен перечень пилотных субъектов для разработки региональных госпрограмм научно-технологического развития. URL: <http://government.ru/news/49694/>

лучших региональных практик технологического развития, которые могут быть тиражированы и адаптированы во всех остальных субъектах Российской Федерации с учётом их специфики. При этом региональные власти должны осознать объективно возрастающее значение технологической составляющей в развитии экономики. Это потребует приложения со-

вместных усилий федерального центра и региональных властей, целью которых является активизация процессов создания и совершенствования российских технологий как по приоритетным направлениям проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России, так и исходя из локальных потребностей региональных экономик.

Список источников:

1. Дуненкова Е. Н., Онищенко С. И. Технологический суверенитет России: инновационное развитие // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 4. С. 15–18.
2. Евсеева М. В., Стариков Е. Н., Воронов М. П. Уровень технологического развития промышленных регионов: экосистемный подход // *Управленец*. 2021. Т. 12. № 3. С. 13–30. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-3-2
3. Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Инновационная экосистема: региональный аспект // *Вопросы инновационной экономики*. 2020. Том 10. № 4. С. 1893–1910. DOI: 10.18334/vinec.10.4.111175
4. Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Технологизация экономики региона как основа социально-экономического развития // *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Том 11. № 2. С. 597–612. DOI: 10.18334/vinec.11.2.112103.
5. Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Технологии бережливого производства как основа рационализации регионального инвестиционного стандарта // *Власть и управление на Востоке России*. 2023. № 1 (102). С. 59–69. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-59-69>
6. Третьякова Е. А., Фрейман Е. Н. Экосистемный подход в современных экономических исследованиях // *Вопросы управления*. 2022. № 1. С. 6–20.
7. Щурина С. В. Промышленная политика России в условиях структурной трансформации экономики в 2023 году и в среднесрочной перспективе. *Экономика. Налоги. Право*. 2023. № 16(1). С. 118–128. DOI: 10.26794/1999-849X.2023-16-1-118-128
8. Ушинский А. И., Тер-Григорьянц А. А., Деньщик М. Н. Формирование концептуальной основы экосистемного подхода к развитию социально-экономических систем // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2021. № 3 (84). С. 142–154. DOI 10.37493/2307-907X.2021.3.18.
9. Audretsch D. B., Cunningham J. A., Kuratko D. F. [et al.] Entrepreneurial ecosystems: economic, technological, and societal impacts // *The Journal of technology transfer*. 2019. Vol. 44. Pp. 313–325. DOI: 10.1007/s10961-018-9690-4.
10. Adner R. Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy / R. Adner // *Journal of management*. 2017. Vol. 43. No. 1. Pp. 39–58. DOI: 10.1177/0149206316678451.

References:

1. Dunenkova E. N., Onishchenko S. I. (2023) Technological sovereignty of Russia: innovative development *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments]. No. 4: 15–18. (In Russ.).
2. Evseeva M. V., Starikov E. N., Voronov M. P. (2021) Level of technological development of industrial regions: ecosystem approach *Upravlenets* [Manager]. Vol. 12. No. 3: 13–30. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-3-2(In Russ.).
3. Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. (2020) Innovation ecosystem: regional aspect *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of innovative economics]. Vol. 10. No. 4: 1893–1910. DOI: 10.18334/vinec.10.4.111175(In Russ.).
4. Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. (2021) Technologization of the regional economy as the basis of socio-economic development *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues

of innovative economics]. Vol. 11. No. 2: 597–612. DOI: 10.18334/vinec.11.2.112103. (In Russ.).

5. Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. (2023) Lean production technologies as the basis for the rationalization of the regional investment standard *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 1 (102): 59–69. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-59-69> (In Russ.).

6. Tretyakova E. A., Freiman E. N. (2022) Ecosystem approach in modern economic research *Voprosy upravleniya* [Management Issues]. No. 1: 6–20. (In Russ.).

7. Shchurina S. V. (2023) Industrial policy of Russia in the context of structural transformation of the economy in 2023 and in the medium term. *Economy. Taxes. Right*. No. 16(1): 118–128. DOI: 10.26794/1999-849X.2023-16-1-118-128 (In Russ.).

8. Ushinsky L. I., Ter-Grigoryants A. A., Denshchik M. N. (2021) Formation of a conceptual basis for an ecosystem approach to the development of socio-economic systems *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus Federal University]. No. 3 (84): 142–154. DOI 10.37493/2307-907X.2021.3.18. (In Russ.).

9. Audretsch D. B., Cunningham J. A., Kuratko D. F. [et al.] (2019) Entrepreneurial ecosystems: economic, technological, and societal impacts *The Zhurnal transfera tekhnologiy* [The Journal of technology transfer]. Vol. 44: 313–325. DOI: 10.1007/s10961-018-9690-4.

10. Adner R. (2017) Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy *Zhurnal menedzhmenta* [Journal of management]. Vol. 43. No. 1: 39–58. DOI: 10.1177/0149206316678451.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 22.11.2023.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 22.11.2023.

Информация об авторах

Н. А. Маслюк – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Н. В. Медведева – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. A. Maslyuk – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and public administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa;

N. V. Medvedeva – Candidate of Economics, Associate Professor, the public and municipal administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPa.

ДЕМОГРАФИЯ

Научная статья

УДК 314.143(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-111-123

Демографические потери Дальнего Востока: оценка экономического ущерба

Анна Васильевна Белоусова¹, Мария Анатольевна Грицко²

^{1,2} Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, Хабаровск, Россия

¹ belousova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146>

² gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Аннотация. В статье представлены оценки потенциального ущерба от демографических потерь в результате смертности и миграции населения для экономики Дальневосточного федерального округа в целом и входящих в его состав субъектов РФ. «Выбывающее» население рассматривалось как производитель регионального предложения (фактор производства) и производитель регионального спроса (потребитель конечной продукции). С использованием эконометрического анализа линеаризованной функции Кобба-Дугласа, построенной на основе панельной структуры данных, был проведен количественный анализ снижения валового регионального продукта при сокращении численности занятого населения в возрасте 15–72 лет за период 2017–2021 гг. Менее чувствительными к смертности населения оказались ресурсные регионы, специализированные виды экономической деятельности которых отличаются сравнительно высокой капиталоемкостью (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ). Потери регионального производства вследствие выбытия населения в результате миграции превысили потери от смертности по всем дальневосточным субъектам. Самый высокий потенциальный экономический ущерб был получен в Республике Бурятия, Забайкальском, Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области. С использованием метода товарных балансов с учетом встречных торговых потоков Т. Кроненберга и его последующей гибридизации были получены оценки уменьшения регионального выпуска в разрезе возрастных групп населения за 2019 г. и 2020 г. Основной вклад в совокупные потери регионального выпуска внесло население старше трудоспособного возраста (в случае смертности) и трудоспособного (в случае миграции).

Ключевые слова: смертность населения, миграция, экономическая динамика, экономически активное население, производственная функция, регионализация таблиц «затраты-выпуск», Дальневосточный федеральный округ, субъекты РФ

Для цитирования: Белоусова А. В., Грицко М. А. Демографические потери Дальнего Востока: оценка экономического ущерба // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 111–123. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-111-123>

Demographic losses of the Far East: assessment of economic damage

Anna V. Belousova¹, Mariya A. Gritsko²

^{1,2} The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ belousova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146>

² gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Abstract. *The article presents estimates of the potential damage from demographic losses as a result of mortality and population migration for the economy of the Far Eastern Federal District as a whole and its constituent entities of the Russian Federation. The “retiring” population was considered as a producer of regional supply (production factor) and a producer of regional demand (consumer of final products). Using econometric analysis of the linearized Cobb-Douglas function, built on the basis of a panel data structure, a quantitative analysis of the decline in GRP with a reduction in the number of employed population aged 15–72 years was carried out for the period 2017–2021. Less sensitive to population mortality were resource regions whose specialized types of economic activity are characterized by relatively high capital intensity (the Republic of Sakha (Yakutia), the Kamchatka territory, the Magadan and Sakhalin regions, the Chukotka autonomous region). Losses in regional production due to the population loss as a result of migration exceeded losses from mortality in the all Far-Eastern regions. The highest potential economic damage was received in the Republic of Buryatia, the Trans-Baikal, Primorskiy and Khabarovsk territories, and the Jewish autonomous region. Using the method of commodity balances, taking into account the counter trade flows by T. Cronenberg and its subsequent hybridization, estimates of decrease in the regional output by the age groups of population for 2019 and 2020 were obtained. The main contribution to the total loss of regional output was made by the population over working age (in case of mortality) and the able-bodied (in case of migration).*

Keywords: *mortality rate, migration, economic dynamics, economically active population, production function, regionalization of input-output tables, the Far-Eastern federal district, subjects of the Russian Federation*

For citation: Belousova A. V., Gritsko M. A. Demographic losses of the Far East: assessment of economic damage // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 111–123. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-111-123>

Введение

Дальневосточный макрорегион длительное время остается территорией стабильного сокращения демографического потенциала, продолжающегося уже более трех десятилетий подряд. Несмотря на снижение интенсивности убыли населения в результате естественного и миграционного движения по сравнению с масштабами, наблюдаемыми в 1990-е годы, их отрицательная результативность осталась неизменной. Более того, макрорегион продолжает терять население в условиях проводимой федеральной политики по его ускоренному социально-экономическому развитию, одним из ключевых направлений которой выступает стабилизация и дальнейшее увеличение численности населения макрорегиона за счет роста рождаемости, снижения смертности и повышения ожидаемой продолжительности жизни, сокращения миграционного оттока постоянного населения.

Население выступает важней-

шим ресурсом и фактором социально-экономического развития, сокращение которого несет негативные последствия для экономики. Исследованию экономических результатов, возникающих в результате смертности и миграции населения, посвящено немало число научных работ. При этом трудности идентификации количественных связей между демографическими потерями и результирующими показателями экономической деятельности обуславливают проведение преимущественно качественного анализа. Опыт научных исследований, сопровождающихся получением количественных оценок, демонстрирует приоритет методов, основанных на расчетах значений показателей, связывающих «объемы» смертности (численность умерших; суммарное количество лет, не дожитых до «естественной» границы продолжительности жизни; численность умерших в возрасте, не достигшем «естественной» границы продолжительности жизни (преждевременная

смертность)) и среднедушевую величину валового продукта, интерпретируемую в качестве стоимости жизни человека. Производство соответствующих показателей трактуется как ущерб (упущенная выгода) экономики от смертности населения [Козлова, Зубарев, 2020; Козлова, Нифантова, Макарова, 2017; Морев, Короленко, 2018; Шабунова, Дуганов, Калашников, 2012; Шабунова, Калашников, 2008]. Относительная простота соответствующих подходов, наряду с ограниченным числом используемых факторов, ставит под сомнение достоверность получаемых при этом результатов. Так, к примеру, вышеуказанный подход не исключает ситуацию роста объема ущерба для экономики при сокращении смертности населения. В этой связи количественная оценка экономических потерь региона в результате выбытия населения (по причине смертности и миграции), в условиях поставленной стратегической цели по увеличению темпов экономического роста в дальневосточных субъектах представляется актуальной задачей, решению которой посвящена данная работа.

Демографические потери дальневосточного макрорегиона

Население Дальнего Востока отличается более молодой возрастной структурой. Из общей численности, которая на начало 2023 г. составила 7903,9 тыс. человек, 58,6% относилось к категории трудоспособного возраста, что выше среднероссийского показателя на 1,6 п.п. Рост удельного веса населения наиболее активного возраста, который отмечался с 2019 г., был обусловлен повышением верхней границы трудоспособного возраста¹, и на Дальнем Востоке был несколько выше (на 1,7 п.п. в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) и на 1,6 в целом по России). Удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста составил 20,4%

против 18,5% в среднем по стране. Доля старшей возрастной группы, напротив, ниже среднероссийского уровня на 3,5 п.п. и составила 21%². По итогам 2022 г. численность экономически активного населения, принимающего участие в региональном производстве товаров и услуг, на Дальнем Востоке составила 4164,1 тыс. чел.³ и характеризовалась нисходящим трендом в период 2013–2022 гг. Относительно уровня 2013 г. численность населения в возрасте 15–72 года сократилась на 6%.

Отрицательная демографическая динамика в макрорегионе сформировалась вследствие естественной и миграционной убыли, при этом последняя сыграла ключевую роль, обеспечив более 90% общего сокращения населения (табл. 1). В регионах сырьевой специализации экономики (Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области) и Еврейской автономной области вклад миграции в общую убыль населения превысил 80%. В субъектах южной зоны с более благоприятными условиями проживания и диверсифицированной структурой экономики вклад миграционного фактора был ниже: в Амурской области – 61,3%, в Хабаровском крае – 58,5%, а в Приморском крае – чуть более 51%. В остальных регионах миграционное сальдо также было отрицательным, но при этом оно полностью или частично компенсировалось положительным естественным приростом населения.

Динамика потерь населения в результате смертности за последнее десятилетие носила волнообразный характер. До пандемии отмечалось ежегодное сокращение абсолютного числа смертей, которое было сопоставимо со среднероссийским показателем: относительно уровня 2013 г. он сократился на 4%. Масштабное и стремительное распространение пандемии новой коронави

¹ Как старение населения повлияет на экономику России. РБК: URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/10/2023/653654369a79474c35c944c6> (дата обращения: октябрь 2023 г.).

² Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения: октябрь 2023 г.).

³ Численность и состав рабочей силы в возрасте 15–72 лет. Данные Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: ноябрь 2023 г.).

Таблица 1

**Численность населения на начало года и компоненты ее изменения,
тыс. человек**

Территория	2013 г.	2023 г.	ОП	в т. ч. за счет		Изменение за период, тыс. чел.	
				ЕП	МД	2013– 2019 гг.	2020– 2022 гг.
Дальневосточный федеральный округ	8318,5	7903,9	-414,6	-27,0	-387,6	-149,3	-265,3
Республика Бурятия	971,8	974,6	2,8	29,5	-26,7	14,1	-11,3
Республика Саха (Якутия)	955,6	997,6	42,0	58,8	-16,8	16,4	25,6
Забайкальский край	1095,2	992,4	-102,7	5,2	-108,0	-35,5	-67,3
Камчатский край	320,5	288,7	-31,8	-1,0	-30,8	-7,5	-24,3
Приморский край	1947,3	1820,1	-127,2	-61,7	-65,5	-51,4	-75,8
Хабаровский край	1342,1	1284,1	-58,0	-24,1	-33,9	-26,4	-31,6
Амурская область	816,9	756,2	-60,7	-23,5	-37,2	-26,9	-33,8
Магаданская область	152,4	134,3	-18,0	-2,4	-15,7	-12,2	-5,8
Сахалинская область	493,3	460,5	-32,8	-3,9	-28,9	-5,0	-27,7
Еврейская автономная область	172,7	147,5	-25,2	-5,0	-20,2	-14,4	-10,8
Чукотский автономный округ	50,8	47,8	-2,9	1,0	-3,9	-0,5	-2,4

Примечание: ОП – общий прирост, ЕП – естественный прирост, МП – миграционный прирост.

Источник: составлено по данным ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/> (дата обращения: июль 2023 г.)

русской инфекции привело к резкому скачку смертности в 2020 г. Территориальная удаленность от центральных регионов страны, принявшим на себя первоначальный удар, способствовала более позднему приходу пандемии в макрорегион и меньшему по сравнению со среднероссийским приросту смертности: 13% против 19% [Грицко, 2021]. В 2021 г. рост смертности продолжился, и показатель по ДФО увеличился еще на 11,5% (на 14% в целом по стране). В постковидный 2022 г. уровень смертности сократился, но остался выше показателя 2019 г. (примерно на 5%).

На фоне положительной динамики общих показателей смертности в доковидный период на Дальнем Востоке сохранялся повышенный уровень смертности среди наиболее активной части населения. Более того, увеличивалось отклонение от среднероссийского показателя. Смертность экономически актив-

ного населения составила порядка 60% от общего числа умерших (табл. 2). По итогам 2022 г. в целом по макрорегиону в возрасте 15–72 года умерло 63601 чел. В региональном разрезе самый высокий удельный вес смертности экономически активного населения в общем числе смертей наблюдался в Чукотском автономном округе. В период 2017–2022 гг. доля варьировала от 83,3% до 87,0%. При этом в Приморском и Хабаровском краях смертность экономически активного населения занимала менее 60% от общего числа.

Среди факторов, обуславливающих демографические потери Дальнего Востока, основную роль занимает миграция. Исключение составил только период пандемии, в который впервые за постсоветскую историю развития Дальнего Востока миграция вышла на второй план. Интенсивность миграционных процессов на протяжении 2013–2022 гг.

Таблица 2

Смертность населения в возрасте 15–72 лет, в % от общего числа смертей

Территория	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Дальневосточный федеральный округ	59,8	60,4	60,7	59,4	59,1	60,3
Республика Бурятия	58,8	59,3	59,6	58,7	58,8	61,1
Республика Саха (Якутия)	67,2	67,3	66,4	66,4	65,0	66,2
Забайкальский край	59,1	60,6	62,7	61,5	60,2	63,1
Камчатский край	66,2	66,1	66,2	65,4	64,2	64,6
Приморский край	56,7	56,9	57,0	55,2	55,6	55,7
Хабаровский край	58,4	58,2	58,5	57,0	56,7	57,9
Амурская область	58,6	60,8	61,0	60,6	59,4	60,9
Магаданская область	73,9	72,6	73,3	72,1	70,1	72,4
Сахалинская область	64,0	64,4	63,7	61,9	62,6	62,0
Еврейская автономная область	59,4	59,4	60,4	60,1	59,1	62,3
Чукотский автономный округ	86,3	84,8	87,0	83,3	84,3	85,8

Источник: Число умерших по полу и 5-летним возрастным группам. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58775> (дата обращения: октябрь 2023 г.)

была неоднородной. До 2019 г. коэффициент миграционного прироста населения постепенно снижался и достиг -1,3 промилле.⁴ Такое низкое значение в целом по округу было получено за счет положительных и минимально отрицательных показателей в Республиках Бурятия (1,1) и Саха (Якутия) (-0,2), Приморском крае (0,4), Амурской области (0,0) и Чукотском автономном округе (11,1). С 2020 года результативность миграции ежегодно менялась: в 2020 г. сальдо миграционного движения было отрицательным, в 2021 г. – положительным и в 2022 г. – вновь отрицательным.

Существенную часть миграционного потока формирует экономически активное население. Миграционное сальдо в целом по макрорегиону оставалось отрицательным вплоть до 2020 г. В 2021 г. в результате ослабления ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции, входящий поток мигрантов продемонстрировал рост, при этом исходящий поток продолжил снижение, что обеспечило макрорегиону положительный миграционный прирост (табл. 3). На рост миграцион-

ного сальдо также повлияло изменение учета выбывших граждан. С середины 2021 г. Росстат не фиксировал выбытия по истечению срока регистрации по месту пребывания, т. к. сроки действия регистрации по месту пребывания приостанавливались. В результате выбытия во втором полугодии 2021 г. сократились почти на 90%.⁵

Методика исследования

Участие населения региона в его экономической деятельности характеризуется двумя направлениями: формированием регионального спроса и предложения. Объем конечного потребления (спроса) в регионе формирует население всех возрастов, выступающее потребителями товаров и услуг. При этом дети (население моложе трудоспособного возраста) и пенсионеры (население старше трудоспособного возраста) являются чистыми потребителями, поскольку не участвуют в производственном процессе (либо в случае осуществления трудовой деятельности потребляют больше, чем производят) [Калабихина, Казбекова, 2022]. В производстве регионального продукта (формировании регионального

⁴ Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. человек). ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43017> (дата обращения: сентябрь 2023 г.)

⁵ Щербакова Е. Миграция в России, предварительные итоги 2021 года. Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0937/barom01.php> (дата обращения: ноябрь 2023 г.).

Таблица 3

Результативность миграции экономически активного населения, чел.

Территория	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Дальневосточный федеральный округ	-23446	-26568	-5842	-32622	10871
Республика Бурятия	-2856	-3725	1259	-2991	-686
Республика Саха (Якутия)	-4039	-2288	254	3179	7900
Забайкальский край	-6182	-5553	-3962	-4233	-4183
Камчатский край	669	-376	-1325	-848	2388
Приморский край	-4599	-3842	1308	-9267	392
Хабаровский край	-3264	-4234	-2287	-8786	6351
Амурская область	-1755	-2835	489	-4315	-1680
Магаданская область	-1218	-2284	-662	-1000	-290
Сахалинская область	1884	-181	-762	-2453	1246
Еврейская автономная область	-1469	-1318	-710	-844	-1074
Чукотский автономный округ	-617	68	556	-1064	507

Источник: Распределение прибывших по возрастным группам. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37615> Распределение выбывших по возрастным группам. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37614> (дата обращения: октябрь 2023 г.).

предложения) задействовано население экономически активного возраста, выходящее рабочей силой⁶.

Вышесказанное постулирует факт о том, что выбытие населения, происходящее вследствие смертности и/или миграции, наносит ущерб экономике региона: снижение числа потребителей приводит к сокращению объема локального конечного спроса, а уменьшение численности рабочей силы обуславливает сокращение объема производимого в регионе продукта.

Для оценки влияния демографических потерь на результаты региональной экономической деятельности в рассмотренных выше проекциях использовались общеизвестные методы экономико-математического анализа. Так, для оценки региональных последствий сокращения занятого в экономике населения применялся эконометрический анализ производственной функции; для оцен-

ки сокращения объема конечного спроса ввиду уменьшения общей численности населения – межотраслевое балансовое моделирование. Получаемые при этом оценки «ценности» человека для экономики приравнивались к ее потерям в случае его смерти или миграции [Белоусова, Грицко, 2023. С. 34–44].

Важным условием проводимого количественного анализа являлся учет возрастной структуры «выбывающего» населения. Данное обстоятельство обуславливалось особенностями влияния каждой из возрастных групп населения региона (моложе трудоспособного возраста; трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста) на результаты его экономической деятельности (что уже было отмечено выше).

В качестве производственной функции использовалась двухфакторная функция Кобба-Дугласа (1):

$$Y = A K^{\alpha} L^{\beta}, \quad (1)$$

⁶ С 2017 г. Федеральная служба государственной статистики перешла на методологию Международной организации труда, убрав верхнюю границу экономически активного возраста. Согласно новой методологии население в возрасте от 15 лет и старше относится к экономически активному. В рамках данного исследования применялись прежние возрастные границы экономически активного населения (15–72 года), что связано с отсутствием в официальной статистике сведений о смертности занятого экономически активного населения в возрасте старше 72 лет, и использование общих данных о смертности населения в старших возрастах привело бы к получению завышенных оценок.

где Y – ВРП, L – численность занятого населения в возрасте 15–72 лет, K – инвестиции в основной капитал, α , β – оцениваемые коэффициенты: α , β – коэффициенты эластичности ВРП по инвестициям и занятым соответственно, A – совокупная факторная производительность.

Количественный анализ коэффициентов функции предваряла ее линеаризация, проводимая посредством процедуры логарифмирования. Расчетные процедуры осуществлялись с использованием специализированного программного обеспечения – пакета Eviews 8.0. Объектом исследования выступал Дальневосточный федеральный округ в составе 11 субъектов. Временной период, для которого производились расчеты, включал 2017–2021 гг., что было связано с наличием статистических данных о значениях ВРП исследуемых регионов и отсутствием изменений в методологии формирования показателей, включенных в модель. Соответствующая организация входящего массива данных определила его панельную структуру, позволив тем самым увеличить его размер до 55 наблюдений. Значения используемых показателей были переведены в сопоставимые цены, в качестве базового выступал 2021 г.

Оценка влияния демографических потерь на результаты региональной производственной деятельности связывалась с использованием оценки коэффициента эластичности ВРП по труду (β). Значение последнего позволило идентифицировать соотношение между единичным изменением численности занятых в дальневосточном субъекте РФ и изменением его ВРП в абсолютном выражении. Сопоставление полученных данных и статистики смертности и миграции населения экономически активного возраста позволило количественно идентифицировать ущерб экономики ДФО от соответствующих потерь населения за исследуемый период.

В качестве межотраслевой балансовой модели для получения оценок реакций экономики региона (изменений объемов выпуска продукции) вследствие демографических потерь, обуславливающих изменение конечного спроса, применялась мультипликативная матричная модель,

построенная на основе регионализированной таблицы «затраты–выпуск» (2):

$$Y = (E - A)^{-1} c x, \quad (2)$$

Огде Y – вектор-столбец выпусков продукции по видам экономической деятельности; x – общий объем конечного потребления домашних хозяйств; A – матрица коэффициентов прямых затрат (технических коэффициентов); E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат, c – вектор-столбец структуры конечного потребления домашних хозяйств по видам экономической деятельности.

Поскольку для уровня региона (субъекта РФ) таблицы «затраты–выпуск» Федеральной службой государственной статистики не разрабатываются, а для уровня страны разрабатываются один раз в пять лет (при этом последние доступные таблицы датируются 2016 г.), для формирования национальной симметричной таблицы использовались «крайние» имеющиеся в официальном доступе таблицы ресурсов и использования (за 2019 г., 2020 г.). Процесс трансформации последних в симметричную таблицу «затраты–выпуск» осуществлялся посредством применения метода ИТА (Industrial Technology Assumption) [Белоусова, 2022; Маслов, 2004]. Для регионализации национальной таблицы использовался метод, исключающий проведение первичных статистических обследований – метод товарных балансов с учетом встречных торговых потоков CHARM (Cross-Hauling Adjusted Regionalization Method) Т. Кроненберга [Kronenberg, 2009]. Выбор соответствующего метода определялся доказанностью получения на его основе наилучших, с точки зрения достоверности, результатов [Белоусова, Исаев, 2023]. При этом получаемые в рамках расчетных процедур промежуточные оценки элементов таблицы «затраты–выпуск» были уточнены фрагментированными фактическими данными, предоставляемыми территориальными органами государственной статистики дальневосточных субъектов РФ.

Вышеуказанное позволило сформировать таблицы «затраты–выпуск» для ДФО в целом и Хабаровского края в частно-

сти как модельного субъекта РФ Дальневосточного макрорегиона. Построенные таблицы охватывали 33 вида экономической деятельности.

Оценка влияния демографических потерь на результаты региональной экономической деятельности связывалась с оценкой мультипликаторов выпуска (3):

$$M = (E - A)^{-1} c \quad (3).$$

Мультипликатор выпуска показывает влияние единичного изменения конечного спроса домашних хозяйств на валовый региональный выпуск.

Оценка совокупного конечного потребления в регионе была получена в рамках метода Т. Кроненберга (показатель являлся суммарным по 33 видам экономической деятельности: по каждому из производств значение регионализировалось по данным национальной таблицы «затраты–выпуск» пропорционально соотношению показателей общей занятости в регионе и в стране [Белоусова, Исаев, 2023], с учетом корректировки полученных значений на основе фрагментарных фактических статистических данных, находящихся в официальном доступе). С использованием найденной оценки и показателя численности населения региона рассчитывался объем душевого конечного потребления. Сопоставление последнего с данными о региональной смертности и миграции населения в разрезе отдельных возрастных

групп и последующее использование значений мультипликаторов позволили оценить ущерб для экономики в контексте изменений объемов регионального выпуска, обусловленных произошедшими демографическими потерями. Регионализированное значение валового выпуска, полученное в рамках метода Т. Кроненберга из национальной таблицы «затраты–выпуск» с использованием соотношения объемов отраслевой занятости в регионе и стране, уточненное на основе данных о величине региональных материальных затрат [Белоусова, Исаев, 2023], позволило «перевести» абсолютный объем ущерба в относительный, измеряемый в процентах от валового регионального выпуска.

Результаты исследования

Количественный анализ производственной функции (1) позволил определить потенциальное снижение объемов производства ВРП дальневосточных субъектов РФ в ответ на соответствующее изменение численности занятого населения в результате смертности и миграционного оттока (табл. 4).

Согласно данным таблицы 4, менее чувствительной к смертности населения оказывается экономика ресурсных регионов, специализированные виды экономической деятельности которой отличаются сравнительно высокой капиталоемкостью (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ).

Таблица 4

Динамика ущерба экономики дальневосточных субъектов РФ в результате смертности / миграции занятого населения (% от ВРП)

Территория	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Республика Бурятия	0,78 / 4,35	0,76 / 4,33	0,76 / 3,89	0,81 / 3,60	0,89 / 3,60
Республика Саха (Якутия)	0,14 / 1,02	0,13 / 0,98	0,12 / 0,88	0,16 / 0,93	0,16 / 0,91
Забайкальский край	0,68 / 2,68	0,72 / 2,66	0,72 / 2,45	0,74 / 1,92	0,78 / 1,85
Камчатский край	0,30 / 1,44	0,29 / 1,60	0,28 / 1,62	0,32 / 1,38	0,33 / 1,11
Приморский край	0,49 / 2,27	0,48 / 2,24	0,46 / 2,04	0,51 / 1,83	0,52 / 1,59
Хабаровский край	0,42 / 2,11	0,41 / 1,99	0,42 / 1,84	0,47 / 1,56	0,48 / 1,41
Амурская область	0,58 / 2,40	0,59 / 2,45	0,54 / 1,92	0,60 / 1,79	0,61 / 1,40
Магаданская область	0,19 / 1,21	0,17 / 1,21	0,16 / 1,00	0,16 / 0,82	0,18 / 0,72
Сахалинская область	0,12 / 0,60	0,12 / 0,61	0,12 / 0,54	0,13 / 0,54	0,15 / 0,43
Еврейская автономная область	0,68 / 2,75	0,68 / 2,27	0,72 / 2,29	0,77 / 1,87	0,80 / 1,98
Чукотский автономный округ	0,13 / 1,43	0,14 / 1,37	0,12 / 1,36	0,13 / 1,38	0,13 / 1,11

Источник: расчеты авторов.

Превышение объема демографических потерь в результате миграции населения над объемом демографических потерь в результате смертности населения (что является закономерным обстоятельством для экономически активного населения) обусловило аналогичные соотношения между потерями регионального продукта, обусловленными соответствующими факторами. При этом самый большой потенциальный экономический ущерб зафиксирован для Республики Бурятия, Забайкальского, Приморского и Хабаровского краев, а также Еврейской автономной области.

Результаты количественного анализа влияния сокращения объема конечного потребления в регионе (вследствие смертности и миграции населения) на динамику валового выпуска ДФО, полученные с использованием модели межотраслевого баланса, представлены в таблице 5.

Сокращение выпуска продукции ДФО

(Хабаровского края) в результате смертности населения в 2019 г. составило 0,44% (0,43%), в 2020 г. увеличилось до 0,46% (0,46%). Наибольший вклад в потерю регионального выпуска внесла возрастная группа старше трудоспособного населения, поскольку, несмотря на меньший объем конечного потребления относительно трудоспособного населения, численность умерших в данной возрастной группе объективно выше. Увеличение в 2020 г. потенциальных потерь выпуска относительно предшествующего года стало следствием высокого прироста смертности в первый год пандемии коронавирусной инфекции среди лиц старшей возрастной группы [Липатова, 2023].

Схожесть распределения потерь выпуска ДФО и Хабаровского края вследствие смертности населения обусловлена тождественностью структур последней для соответствующих регионов: значения индексов Рябцева⁷ принадлежат перво-

Таблица 5

**Оценка влияния демографических потерь на валовой выпуск
ДФО / Хабаровского края**

Показатель		2019 г.			2020 г.		
		моложе	трудосп.	старше	моложе	трудосп.	старше
Смертность, чел.		1472 / 387	27380 / 4520	71075 / 12644	1126 / 250	30462 / 5103	81394 / 15095
Потери регионального выпуска продукции	сопост. цены 2019 г., млн руб.	754,15 / 221,99	14027,64 / 2592,77	36413,98 / 7253	563,072 / 130,13	15232,95 / 2656,29	40702,2 / 7857
	%	0,01 / 0,01	0,12 / 0,11	0,31 / 0,31	0,005 / 0,01	0,12 / 0,12	0,33 / 0,34
Миграция (исходящие потоки), чел.		60085 / 8768	246884 / 40103	34678 / 5164	54677 / 7362	224230 / 34449	30342 / 4593
Потери регионального выпуска продукции	сопост. цены 2019 г., млн руб.	30783,46 / 5029,52	126486,5 / 23003,95	17766,64 / 2962,18	27341,99 / 3832,18	112129,3 / 17931,92	15172,94 / 2390,82
	%	0,26 / 0,22	1,08 / 1,00	0,15 / 0,13	0,22 / 0,17	0,91 / 0,78	0,12 / 0,10

Источник: расчеты авторов.

⁷ Индекс Рябцева используется для оценки степени структурных различий: $J_R^j = \sqrt{\frac{\sum (a_2 - a_1)^2}{\sum (a_2 + a_1)^2}}$,

где a – удельные значения градаций двух структур в текущем (2) и базовом (1) годах. Шкала оценок мер существенности различий структур по значению J_R : 0,000 – 0,030 – тождественность структур; 0,031 – 0,070 – весьма низкий уровень различий; 0,071 – 0,150 – низкий уровень различий; 0,151 – 0,300 – существенный уровень различий; 0,301 – 0,500 – значительный уровень различий; 0,501 – 0,700 – весьма значительный уровень различий; 0,701 – 0,900 – противоположный тип структур; 0,901 и выше – полная противоположность структур.

му интервалу в шкале оценок мер существенности различий структур 0,000 – 0,030 (2019 г. – 0,013; 2020 г. – 0,017).

Как и в случае производственной функции, сокращение регионального выпуска в результате миграционного оттока для ДФО и Хабаровского края превысило потери выпуска по причине смертности населения. При этом основная часть потерь валового выпуска была сформирована за счет убыли населения трудоспособного возраста, составляющего большую часть исходящего миграционного потока. В 2020 г. соответствующие потери выпуска для обоих регионов сократились. Данное обстоятельство было связано с введенными ограничениями мобильности населения вследствие его вынужденной самоизоляции как меры, препятствующей распространению новой коронавирусной инфекции.

Сравнительный анализ относительных потерь выпуска ДФО и Хабаровского края показывает «преимущества» последнего, что обусловлено структурными особенностями субъекта РФ. В 2019 г. значение индекса Рябцева 0,044, рас-

считанного для структур миграционных потоков ДФО и Хабаровского края, принадлежало второму интервалу в шкале оценок мер существенности различий структур 0,031 – 0,070, идентифицирующему весьма низкий уровень различий структур. А в 2020 г. значение индекса Рябцева 0,086, принадлежало третьему интервалу 0,071 – 0,150, выявляющему низкий уровень различий структур.

Совокупные демографические потери ДФО и Хабаровского края вследствие смертности и миграции обусловили сокращение выпуска продукции в 2019 г. на 1,94% и на 1,78%, в 2020 г. – на 1,72% и на 1,52% соответственно.

В разрезе видов экономической деятельности ДФО и Хабаровского края наибольшие потенциальные потери валового выпуска как вследствие миграции, так и смертности для обоих регионов были характерны для производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака, оптовой и розничной торговли и деятельности по операциям с недвижимым имуществом (табл. 6).

Представленные в таблице 6 результа-

Таблица 6

Потери выпуска продукции ДФО и Хабаровского края в разрезе видов экономической деятельности вследствие смертности/миграции населения регионов, % от валового выпуска

Показатель	2019 г.			2020 г.		
	моложе	трудосп.	старше	моложе	трудосп.	старше
	ДФО					
Производство продуктов, включая напитки, и табака	0,001 / 0,03	0,013 / 0,12	0,034 / 0,02	0,001 / 0,02	0,014 / 0,10	0,037 / 0,01
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,001 / 0,05	0,023 / 0,20	0,059 / 0,03	0,001 / 0,04	0,023 / 0,17	0,062 / 0,02
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,001 / 0,04	0,017 / 0,15	0,043 / 0,02	0,001 / 0,03	0,018 / 0,14	0,049 / 0,02
	Хабаровский край					
	моложе	трудосп.	старше	моложе	трудосп.	старше
Производство продуктов, включая напитки, и табака	0,001 / 0,03	0,013 / 0,11	0,036 / 0,02	0,001 / 0,02	0,014 / 0,09	0,042 / 0,01
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,002 / 0,04	0,022 / 0,02	0,061 / 0,03	0,001 / 0,03	0,023 / 0,15	0,069 / 0,02
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,001 / 0,03	0,016 0,14	0,044 / 0,02	0,001 / 0,03	0,018 / 0,12	0,054 / 0,02

Источник: расчеты авторов.

ты относительно идентификации видов экономической деятельности, характеризующихся наибольшими потерями выпуска вследствие демографических потерь исследуемых регионов, являлись отчасти ожидаемыми. К соответствующим видам деятельности отнесены продукция (услуги) повседневного спроса (производство продуктов, включая напитки, и табака; оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования) и те, услуги которых отличаются наибольшей стоимостью (деятельность по операциям с недвижимым имуществом).

Заключение

Результаты количественной идентификации реакций экономики на сокращение численности населения Дальневосточного макрорегиона в результате смертности и миграции при отождест-

влении экономически активного населения с фактором регионального производства и населения в целом (с производителем потребительского спроса) связываются с расширением возможностей для обеспечения устойчивой региональной динамики. Знания об изменении результатов экономической деятельности региона при тех или иных параметрах его демографических потерь могут служить платформой для формирования и реализации мер государственной политики, направленных на компенсацию (nivelirovanie) негативных эффектов (экономического ущерба). В случае Дальневосточного макрорегиона и входящих в его состав субъектов РФ, для которых демографические потери на протяжении длительного периода являются одним из условий функционирования экономики, получение подобных оценок приобретает особую значимость.

Список источников:

1. Белоусова А. В., Грицко М. А. Количественная оценка влияния смертности населения на экономику дальневосточных субъектов Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 34–44. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-34-44>
2. Белоусова А. В. Оценка эффектов межотраслевых взаимодействий в экономике Хабаровского края с использованием структурной балансовой модели // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 2. С. 5–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.2.5>;
3. Белоусова А. В., Исаев А. Г. Регионализация элементов национальных таблиц «затраты – выпуск»: сравнительная апробация подходов (на примере Хабаровского края) // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 1. С. 21–33. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.1.21>.
4. Грицко М. А. Демографическая динамика в дальневосточных субъектах РФ в 2013–2022 гг. // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 4. С. 7–28.
5. Грицко М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI: [10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46).
6. Калабихина И. Е., Казбекова З. Г. Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 81–100. DOI: [10.31737/2221-2264-2022-55-3-5](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-5)
7. Козлова О. А., Зубарев Н. Ю. Комплексная оценка экономических потерь региона от преждевременной смертности населения // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 3. С. 845–858. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-13>.
8. Козлова О. А., Нифантова Р. В., Макарова М. Н. Методические вопросы оценки экономического ущерба от смертности населения, занятого в экономике региона // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 2. С. 511–523.
9. Липатова Л. Н. Пандемия COVID-19 в России: статистическая оценка прямых и косвенных демографических потерь // Регионология. 2023. Т. 31, № 1. С. 107–122. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122>
10. Маслов А. Ю. Построение системы симметричных таблиц «затраты-выпуск»

// Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2004. Т. 2. С. 77–92.

11. Морев М. В., Короленко А. В. Оценка демографических и социально-экономических потерь вследствие преждевременной смертности населения России и Вологодской области // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2 (167). С. 110–123.

12. Шабунова А. А., Дуганов М. Д., Калашников К. Н. Преждевременная смертность как причина экономических потерь региона // Здравоохранение Российской Федерации. 2012. № 3. С. 26–30.

13. Шабунова А. А., Калашников К. Н. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 4(4). С. 53–61.

14. Kronenberg T. Construction of Regional Input-Output Tables Using Nonsurvey Methods. The Role of Cross-Hauling // International Regional Science Review. 2009. Vol. 32 (1). Pp. 40–64.

References:

1. Belousova A. V., Gritsko M. A. (2023) Population mortality: quantitative assessment of the impact on the economy of the Far-Eastern subjects of the Russian Federation *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* Power and Administration in the East of Russia. No. 1 (102): 34–44. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-34-44> (In Russ.)

2. Belousova A. V. (2022) Assessment of Effects of Interindustry Interactions in the Economy of the Khabarovsk Territory with the Use Structural Balance Model. *Regionalistica* [Regionalistics]. Vol. 9. No. 2: 5–25. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.2.5> (In Russ.)

3. Belousova A. V., Isaev A. G. (2023) Regionalization of the Elements of National Input-Output Tables: Comparative Testing of Approaches (On the Example of the Khabarovsk Territory) *Regionalistica* [Regionalistics]. Vol. 10. No. 1: 21–33. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.1.21> (In Russ.)

4. Gritsko M. A. (2023) Demographic Dynamics in the Far Eastern Subjects of the Russian Federation in 2013– 2022 *Regionalistica* [Regionalistics]. Vol. 10. No. 4: 7–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.4.7> (In Russ.)

5. Gritsko M. A. (2021) Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* Power and Administration in the East of Russia. No. 2 (95): 36–46. DOI 10.22394/1818-4049- 2021-95-2-36-46 (In Russ.)

6. Kalabikhina I. E., Kazbekova Z. G. (2022). The impact of the first demographic dividend on economic growth considering human capital *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* Journal of the New Economic Association. No. 3 (55): 81–100. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-5 (In Russ.)

7. Kozlova, O. A. & Zubarev, N. Yu. (2020). Comprehensive Assessment of Economic Losses from Premature Mortality of the Population in the Region. *Ekonomika regiona* [Economy of region]. No. 16(3): 845–858. [https://doi.org/ ekon.reg.10.17059/2020-3-13](https://doi.org/ekon.reg.10.17059/2020-3-13) (In Russ.)

8. Kozlova, O. A., Nifantova, R. V. & Makarova, M. N. (2017). Methodological Issues of Assessment of Economic Losses Caused by Mortality of the Population Employed in Regional Economy *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. No. 13(2): 511–523 (In Russ.)

9. Lipatova L. N. (2023) COVID-19 Pandemic in Russia: Statistical Assessment of Direct and Indirect Demographic Losses *Rossiyskiy regional'nyy zhurnal* Russian Journal of Regional Studies. No. 31(1):107–122. doi: [https:// doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122](https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122) (In Russ.)

10. Maslov A. Yu. (2004) Symmetric Input-Output Tables System Construction *Nauchnyye stat'i – Institut ekonomicheskogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences]. Vol. 2: 77–92. (In Russ.)

11. Morev M. V., Korolenko A. V. (2018) Assessment of demographic and socio-economic losses due to premature mortality of the population of Russia and the Vologda region *Prob-*

lemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]. No. 2 (167): 110–123. (In Russ.)

12. Shabunova A. A., Duganov M. D., Kalashnikov K. N. (2012) Premature mortality as a cause of economic losses in the region *Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii* [Healthcare of the Russian Federation]. No. 3: 26–30. (In Russ.)

13. Shabunova A. A., Kalashnikov K. N. [2008] Economic assessment of the losses of the labor potential of the population *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. No. 4(4): 53–61. (In Russ.)

14. Kronenberg T. (2009) Construction of Regional Input-Output Tables Using Non-survey Methods. The Role of Cross-Hauling. *Mezhdunarodnyy regional'nyy nauchnyy obzor* [International Regional Science Review]. Vol. 32 (1): 40–64.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Информация об авторах

А. В. Белоусова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, отдел регионального моделирования, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН;

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник, отдел социального развития, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the authors

A. V. Belousova – Candidate of Economics, senior research fellow, the department of regional modeling, forecasting and foreign economic relations, the Economic Research Institute of FEB RAS;

M. A. Gritsko – Candidate of Economics, scientific secretary, senior research fellow, the department of social Development, the Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья

УДК 314.8(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-124-137

Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (2019–2022 гг.)

Екатерина Леонидовна Мотрич

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия
motrich@ecrin.ru

Аннотация. Целью исследования является анализ демографических и миграционных процессов на Дальнем Востоке России (в составе 11 регионов) в условиях негативного влияния внешних факторов в 2019–2022 гг. В качестве задач исследования выступают: анализ общей численности и естественного движения населения Дальнего Востока и оценка миграционной динамики макрорегиона в 2019–2022 гг. На основе данных официальной российской статистики показано, что Дальний Восток вступил в сложный демографический период, поскольку в макрорегионе отмечалось снижение численности населения в виду сокращения его естественного прироста и отрицательного сальдо миграции. Определено, что естественная убыль населения Дальнего Востока стала наблюдаться с 2019 г., что было связано с его старением и последствиями пандемии КОВИД-19 при снижении рождаемости. Выявлено, что после пандемии, вызванной КОВИД-19, из Дальнего Востока стало уезжать еще больше населения в другие регионы России. В результате превышение выбывших из макрорегиона над прибывшими на Дальний Восток составило более 11%. Показано, что миграционное взаимодействие Дальнего Востока с представителями стран СНГ и дальнего зарубежья в целом характеризовалось к 2022 г. отрицательным сальдо. Выявлено, что сдерживающее воздействие на миграцию из зарубежных стран оказали ограничения, связанные с пандемией, а также санкции к экономике России. Предполагается, что для привлечения населения на Дальний Восток необходимо экономическое развитие макрорегиона, способное увеличить среднедушевые доходы, сопоставимые с другими более успешными федеральными округами. При прочих равных условиях главной текущей задачей становится обеспечение поддержания социально-экономической системы Дальнего Востока, соответствующей низкому уровню населенности макрорегиона.

Ключевые слова: население, демографическая ситуация, рождаемость, смертность, миграция, пандемия, макрорегион, Россия, Дальний Восток

Для цитирования: Мотрич Е. А. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (2019–2022 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 124–137. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-124-137>

Demographic and migration processes in the Russian Far East (2019–2022)

Ekaterina L. Motrich

The Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of RAS, Khabarovsk, Russia
motrich@ecrin.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze demographic and migration processes in the Russian Far East (consisting of 11 regions) under the negative influence of external factors in 2019–2022. The research algorithm includes: analysis of the total number and natural movement of the Far Eastern population; assessment of the migration dynamics of the Russian Far East in 2019–2022. It is shown that the Far East exists in a difficult

demographic state, since the macro-region has seen a decrease in population due to a reduction in its natural growth and a negative balance of migration. It was determined that natural decline in the population of the Far East began to be observed in 2019, which was associated with its aging and the consequences of the COVID-19 pandemic with a decrease in the birth rate. It was revealed that after the pandemic caused by COVID-19, even more people began to leave the Far East for other regions of Russia. As a result, the excess of the population leaving the macro-region over the arriving population in the Far East was more than 11%. It is shown that by 2022, migration interaction between the Far East and foreign countries was generally characterized by a negative balance. It was revealed that restrictions related to the pandemic, as well as sanctions on the Russian economy, had a negative impact on the entry of people into the Far East from the foreign countries. The author suggests that in order to attract people to the Far East, economic development of the macro-region is necessary, capable of increasing per capita incomes comparable to other more successful federal districts. All other things being equal, the main current goal is to ensure the maintenance of socio-economic system of the Far East, corresponding to the low population level of macro-region.

Keywords: *population, demographic situation, fertility, mortality, migration, pandemic, macro-region, Russia, the Far East*

For citation: Motrich E. L. Demographic and migration processes in the Russian Far East (2019–2022) // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 4 (101). Pp. 124–137. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-124-137>

Введение

Экономическое пространство России за последние три с половиной десятилетия подвергалось различным трансформациям [Минакир, Демьяненко, 2014. С. 228]. Наряду с фундаментальными демографическими закономерностями, которые наблюдались в переходе к городскому типу воспроизводства населения, проявляющемуся в долгосрочном снижении уровня рождаемости, и, соответственно, нарастающей естественной убылью его численности [Мотрич, 2006], подобного рода трансформации наиболее остро отразились для Дальнего Востока России¹, важной чертой которого является наиболее поздний период заселения, удаленность от западных регионов страны и сложность хозяйственного освоения.

Ключевой проблемой российского Дальнего Востока всегда были и остаются значительные диспропорции между территориальными и демографическими характеристиками. В настоящее время Дальний Восток занимает 40,6% территории России, а сосредоточивает всего 5,4% ее населения. Являясь крупнейшим по территории макрорегионом России,

Дальневосточный федеральный округ (далее – ДФО) располагает самой низкой в стране плотностью населения – 1,1 чел./кв. км, колеблющейся по дальневосточным регионам от 0,1 до 11,1 чел./кв. км, при среднем показателе по стране – 8,6 чел./кв. км.

Демографическая ситуация в макрорегионе является сложной, в нем происходит абсолютное сокращение численности населения. Между тем увеличение численности населения Дальнего Востока является одним из важнейших направлений демографической политики государства, и в том числе для этих целей были образованы специализированные федеральные органы власти и управления [Мотрич, Изотов, 2018].

Численность населения Дальнего Востока, как и любой другой открытой социально-экономической территориальной системы, формируется за счет двух компонент – естественного движения и миграции. Фундаментальные проблемы естественного движения и миграции, а также их роль в формировании демографического потенциала страны рассматривались в работах известных демогра-

¹ Дальний Восток, Дальневосточный федеральный округ (ДФО) или макрорегион рассматривается в настоящем исследовании в составе 11 субъектов Федерации (регионов).

фов России [Рыбаковский, 2023; Хорев, Чапек, 1978; Методология..., 2007]. В настоящее время наряду с имеющимися исследованиями естественного движения населения особое развитие получил анализ миграционных процессов в России с точки зрения определения центров притяжения внутренних мигрантов [Рязанцев, Брагин, 2023; Мкртчян, Гильманов, 2023], выявления особенностей миграции в пространстве страны [Мкртчян, 2023] и изучения миграционных потоков с учетом демографических характеристик мигрантов [Карачурина, Мкртчян, 2023].

Следует заметить, что в начале 2020-х гг. Россия столкнулась с двумя крупными экзогенными вызовами. Во-первых, пандемия, вызванная распространением COVID-19 в 2020–2021 гг., крайне негативно сказалась на демографических процессах в стране с точки зрения повышенной смертности населения. Во-вторых, широкомасштабные санкции к российской экономике со стороны западных стран в 2022 г. значительно усложнили приток зарубежных мигрантов. Безусловно, данные процессы коснулись и Дальнего Востока. Поэтому целью настоящего исследования является анализ демографических и миграционных процессов на Дальнем Востоке России в условиях негативного влияния внешних факторов в 2019–2022 гг.

Алгоритм исследования предполагал решение следующих задач: 1) анализ общей численности и естественного движения населения Дальнего Востока в 2019–2022 гг.; 2) оценка миграционной динамики макрорегиона в 2019–2022 гг. В данной статье при анализе естественной динамики, а также миграционной составляющей в формировании населения макрорегиона использованы методики, разработанные как в советский период, так и в современной России.

Общая численность и естественное движение населения Дальнего Востока

Республика Бурятия и Забайкальский край включены в состав ДФО в конце 2018 г. Поэтому целесообразно рассматривать демографическую ситуацию макрорегиона с 2019 г. По состоянию на 1

января 2019 г. на Дальнем Востоке проживало 8188,6 тыс. чел. К 1 января 2023 г. этот показатель опустился до 7903,9 тыс. чел., т. е. за четыре года (2019–2022 гг.) население Дальнего Востока уменьшилось на 284,7 тыс. чел. или на 3,5% (против 0,2% для России в целом) (табл. 1).

Исходя из приведенных данных, можно сказать, что Дальний Восток вступил в сложный демографический период. Ситуацию с численностью населения в макрорегионе нельзя назвать благоприятной, а складывающиеся тенденции в демографическом развитии – обнадеживающими. Наиболее заметно за последнее время естественная убыль населения стала наблюдаться с 2019 г., что было связано с его старением и последствиями COVID-19. Приведенные данные свидетельствуют, что в общероссийском снижении численности населения за период 2019–2022 гг. на Дальний Восток приходится 85,4%.

Как явствует из приведенных данных (табл. 1), демографическая ситуация и демографические тенденции существенно различаются по субъектам макрорегиона, имея территориальные различия по удельному весу уменьшения числа жителей. Население Дальнего Востока за 2019–2022 гг., как указывалось выше, сократилось на 3,5%, в то время как динамика снижения данного показателя по отдельным субъектам макрорегиона колебалась от -0,9% до -8,3% (табл.1). Максимальное сокращение (-7,8%) наблюдалось для Еврейской автономной области (ЕАО). Одновременно в Республике Саха (Якутия) зафиксирован за эти годы незначительный прирост числа жителей, составивший +3,2%.

Социальный аспект демографического развития во многом характеризуется изменением численности населения, обусловленным его естественным и миграционным движением. В исследуемый промежуток времени (2019–2022 гг.) в ДФО отмечена преимущественно отрицательная динамика в этих показателях: сокращение естественного прироста, отрицательное сальдо миграции (в подавляющем большинстве субъектов макрорегиона) и, как следствие, сокращение численности населения.

Таблица 1

Население ДФО на 1 января соответствующего года, тыс. чел.

Территория	2019	2023	уменьшение / прирост	2023 / 2019, %
Российская Федерация	146780,7	146447,4	-333,3	99,8
ДФО	8188,6	7903,9	-284,7	96,5
Республика Бурятия	983,3	974,6	-8,7	99,1
Республика Саха (Якутия)	967,0	997,6	+30,6	103,2
Забайкальский край	1065,8	992,4	-73,4	93,1
Камчатский край	314,7	288,7	-26,0	91,7
Приморский край	1902,7	1820,1	-82,6	95,7
Хабаровский край	1321,5	1284,1	-37,4	97,2
Амурская область	793,2	756,2	-37,0	95,3
Магаданская область	141,2	134,3	-6,9	95,1
Сахалинская область	489,6	460,5	-29,1	94,1
Еврейская автономная область	159,9	147,5	-12,4	92,2
Чукотский автономный округ	49,7	47,8	-1,9	96,2

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) России.

Особую остроту приобретает проблема низкой рождаемости, современные параметры которой меньше требуемого для замещения поколения почти в 2 раза. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за свою жизнь) в большинстве субъектов макрорегиона снизился до уровня, не обеспечивающего ни в настоящем и ни в будущем времени даже простого возобновления поколений. Ожидаемое число детей в семьях, как правило, порядка 2-х, тогда как для обеспечения в перспективе даже простого замещения поколений этого явно недостаточно, поскольку суммарный коэффициент рождаемости меньше 2,15 считается низким [Демографический..., 1985. С. 5]. Следует заметить, что процесс сокращения рождаемости на Дальнем Востоке происходит более высокими темпами, чем в целом по стране.

На одиннадцать субъектов, входящих в состав ДФО, в 2022 г. приходилось 4,3% естественной общероссийской убыли населения (табл. 2). При этом самая существенная убыль в региональном естественном движении приходилась на Приморский и Хабаровский края и Амурскую область – 84,9% от общего макрорегионального показателя 2022 г.; в 2021 г. он был ниже – 75,0% (табл. 2).

Положительный естественный прирост (1505 чел.) в 2022 г. наблюдался только в Республике Саха (Якутия). Более того, там он оказался ниже уровня 2021 г., составив 1709 чел. В 2022 г. в Чукотском автономном округе (ЧАО) наблюдался положительный естественный прирост, но в очень минимальных размерах – всего 2 чел.

Вместе с тем, на основе приведенных данных можно заметить, что в ДФО в ситуации повсеместного сокращения отрицательных значений естественного прироста в 2022 г. относительно 2021 г. очень слабо, но наблюдается уменьшение смертности относительно рождаемости. В 2021 г. этот показатель был 146,5%, в 2022 г. – 131,8% соответственно, что способствовало сокращению значений естественного сокращения числа жителей в макрорегионе. Однако эта ситуация еще не может свидетельствовать о некотором решении проблем в рождаемости и смертности. Также пока трудно говорить о тенденции начавшегося прогресса в естественном процессе воспроизводства населения, поскольку он во всех субъектах макрорегиона, кроме Республики Саха (Якутия), характеризуется, как указывалось выше, отрицательными значениями (табл. 3).

Таблица 2

Естественное движение населения в субъектах Дальнего Востока, чел.

Территория	2021			2022		
	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
Российская Федерация, тыс.чел.	1402,8	2445,5	-1042,7	1306,2	1905,8	-599,6
ДФО	86168	126222	-40054	80530	106109	-25579
Республика Бурятия	12063	13539	-1476	10985	11979	-994
Республика Саха (Якутия)	12309	10600	+1709	11824	8319	+1505
Забайкальский край	11983	16492	-4509	11135	13801	-2666
Камчатский край	3080	4489	-1409	2992	3845	-853
Приморский край	17408	31904	-14496	16150	27690	-11540
Хабаровский край	13273	21904	-8631	12404	18209	-5805
Амурская область	7343	14298	-6955	6967	11346	-4379
Магаданская область	1195	2076-	-881	1174	1709	-535
Сахалинская область	5442	7590	-2148	4972	6444	-1472
Еврейская автономная область	1551	2790	-1239	1430	2272	-842
Чукотский автономный округ	521	540	-19	497	495	+2

Источник: данные ФСГС России.

Таблица 3

Соотношение процессов естественного движения населения в ДФО, %

Территория	число умерших / число родившихся		2022 / 2021
	2021	2022	
Российская Федерация	174,3	145,9	57,5
ДФО	146,5	131,8	63,9
Республика Бурятия	112,2	109,0	67,4
Республика Саха (Якутия)	86,1	70,4	88,1
Забайкальский край	137,6	123,9	59,1
Камчатский край	145,9	128,5	60,5
Приморский край	183,3	171,5	79,6
Хабаровский край	161,0	146,8	67,3
Амурская область	194,7	162,9	63,0
Магаданская область	173,7	145,6	60,7
Сахалинская область	139,5	129,6	68,5
Еврейская автономная область	179,9	158,9	68,0
Чукотский автономный округ	103,6	99,6	105,2

Источник: рассчитано по данным ФСГС России.

Приведенные данные свидетельствуют, что результативность динамики естественного прироста является низкой при очень незначительно снижающихся показателях смертности, хотя макрорегиональный показатель естественного прироста в 2022 г. относительно 2021 г. несколько превысил общероссийский. Следует признать, что главные направления в современной демографической политике в макрорегионе должны связываться с естественным движением населения, с формированием более благоприятного режима его воспроизводства. Однако, как явствует из приведенных данных, рождаемость снижается. Этому способствует многообразие причин, главная из которых – изменение типа репродуктивного поведения, вызванного появлением социальных норм потребности семей в детях.

Миграционная динамика Дальнего Востока

Другим демографическим компонентом, влияющим на воспроизводство населения в макрорегионе и на его динамику, является миграция как процесс территориального перемещения населения. Миграция – это социальное явление, формирующееся в процессе реализации людьми своих намерений. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке всегда в значительной степени определялась миграционными процессами, которые прежде были источником формирования численности и состава его населения. Но, оставаясь территорией России с самой интенсивной миграцией, макрорегион потерял свою привлекательность. Миграционные потоки из фактора количественного увеличения численности населения превратились в фактор его уменьшения, имея устойчивое отрицательное сальдо. Между тем особенностью формирования демографического потенциала всех субъектов ДФО остается чрезвычайно важное участие миграционных процессов в его развитии. Тем не менее ситуация здесь тоже неудовлетворительная, их значение и объем в формировании населения – отрицательные. По всей видимости, складывающиеся в последнее

время масштабы и направления миграции на Дальнем Востоке все в большей степени отклоняются от оптимальных, необходимых для эффективного демографического развития макрорегиона.

Валовая миграция населения, ориентированная на Дальний Восток и из него, чрезвычайно велика и отличается нарастающим значением. Если в 2021 г. она составляла 616,3 тыс. чел в год, то в 2022 г. – 664,7 тыс. чел. Но при этом, если в целом по макрорегиону миграционный прирост в 2021 г. имел минимальное положительное значение (7,4 тыс. чел.), то в 2022 г. – довольно значительное для Дальнего Востока отрицательное значение (-37,9 тыс. чел.) (табл. 4).

Таким образом, картина территориального движения населения изменилась коренным образом, прервав движение населения на Восток страны. Расчеты показывают, что превышение выбывших над прибывшими в макрорегион в 2022 г. составило порядка 11,3%, что, безусловно, приводит к сокращению его демографического потенциала.

Более наглядно отрицательное значение миграции в динамике населения можно увидеть, если рассматривать миграционную составляющую в расчете на 1000 чел. В 2022 г. коэффициент миграционного прироста населения в таком расчете в макрорегионе отрицательный (-4,7%). В Российской Федерации в целом он, хотя и в минимальных размерах, но положительный (0,4%). Более высокий отрицательный показатель – в Камчатском крае (-10,2%), в Сахалинской области и ЕАО (-8,7%), Магаданской области (-7,7%). В целом по Дальнему Востоку только за 2021–2022 гг. число прибывших было на 30,5 тыс. чел. меньше числа выбывших.

В миграционных потоках ДФО, влияющих на формирование демографического потенциала в отдельных его субъектах, определенную роль играют внутрирегиональные, межрегиональные и внешние миграционные потоки со странами СНГ и дальним зарубежьем. При этом объемы отдельных видов миграции вносят вклад в формирование миграционного демографического потенциала.

Таблица 4

Миграция населения в/из ДФО, чел.

Территория	2021			2022		
	прибыло	выбыло	миграционный прирост (убыль)	прибыло	выбыло	миграционный прирост (убыль)
Российская Федерация	4277442	3847540	-429902	4168475	4133580	+34895
ДФО	311864	304419	+7445	303369	341296	-37927
Республика Бурятия	42032	43336	-1304	39467	41768	-2301
Республика Саха (Якутия)	56166	47659	+8507	53948	57914	-3966
Забайкальский край	24225	29715	-5490	23277	28755	-5478
Камчатский край	14410	11981	+2429	12920	15913	-2993
Приморский край	67999	68309	-310	64483	75041	-10558
Хабаровский край	51883	45382	+6501	50820	53862	-3042
Амурская область	22027	24371	-2344	24587	27657	-1070
Магаданская область	6735	7125	-390	6632	7719	-1087
Сахалинская область	17515	16810	+705	18072	22112	-4040
Еврейская автономная область	3536	4946	-1410	3650	4937	-1287
Чукотский автономный округ	5336	4385	+551	5513	5618	-105

Источник: рассчитано по данным ФСГС России.

Дальний Восток теряет население, являясь по существу донором практически для всех других территорий России. Так, к примеру, в 2021 г. из общего числа всех прибывших на Дальний Восток общероссийских мигрантов на долю внутримакрорегиональных пришлось 62,7%, а на долю выбывших из макрорегиона в общероссийском миграционном потоке – 56,7%. Разница между двумя показателями обусловлена тем, что в целом общероссийская миграция по числу выбывших в субъекты страны оказалась в исследуемый промежуток времени выше на 10,5%. Влияние внутримакрорегиональной миграции на динамику населения ограничивается сугубо межпоселенными изменениями. В этом показателе фиксируется преимущественно отток населения из северных субъектов макрорегиона в его южные территории. Существенная роль в этих миграционных потоках принадлежит Приморскому краю, на долю которого, к примеру, в 2021 г., пришлось 26,0% от общего числа прибывших в макрорегион.

Основные миграционные потоки фокусируются внутри регионов Дальнего Востока, что занимает более 80% миграции внутри ДФО, которая колеблется на уровне 150–200 тыс. чел. За последние несколько десятилетий миграционная активность населения внутри Дальнего Востока интенсифицируется за счет перемещения населения из малых городов в крупнейшие региональные агломерации и передвижения населения в города из сельской местности. Иначе говоря, агломерационный процесс является главным источником внутрорегиональной миграции на Дальнем Востоке. В некоторых регионах данные потоки стали сокращаться, что было вызвано истощением миграционного потенциала сельских территорий, запуская тем самым негативные процессы для сельской экономики, которые свойственны в целом для страны: низкие доходы – высокая безработица – низкая доступность объектов социальной инфраструктуры [Бобков, Долгушкин, Одинцова, 2021]. С другой стороны, проявляется также в явном виде разная эффектив-

ность расселения в пространстве макро-региона, а именно в северной и южной зонах Дальнего Востока. Данное обстоятельство предполагает создание условий для перехода в северной зоне Дальнего Востока к вахтовому освоению [Минакир, 2006. С. 262], что позволило бы увеличить экономическую эффективность освоения территории, одновременно снизив социальную нагрузку на южную зону как более интегрированную с точки зрения миграционного взаимодействия населения и его трудовой части [Экономическая..., 2004. С. 131].

Для миграционного обмена ДФО с другими федеральными округами характерно существенное различие потоков по субъектам по числу прибывших и в обратном направлении. По имеющимся данным на 01.01.2022 г., превышение выбывших из макрорегиона в другие федеральные округа России над прибывшим из них составило 28,2%. В общем, Дальний Восток длительное время характеризуется отрицательным сальдо в миграционном взаимодействии с другими федеральными округами России. Каждый год макрорегион теряет в среднем около 28 тыс. чел. Что касается декомпозиции миграционного сальдо населения из Дальнего Востока в другие макрорегионы страны, то наибольшие масштабы миграционного оттока за пределы ДФО были традиционно направлены в Южный, Центральный, Северо-Западный федеральные округа. Данные федеральные округа превратились в основные центры притяжения для выезжающих за пределы Дальнего Востока. При этом следует заметить, что мигранты из Дальнего Востока в новых местах проживания сталкиваются с рядом проблем, такими как низкие номинальные заработные платы и недостаточная поддержка предпринимательства [Рязанцев, Брагин, 2023], а одним из главных «генераторов» такой миграции является преимущественно население в студенческих и молодых трудоспособных возрастах [Мкртчян, 2023].

После пандемии, вызванной COVID-19, результативность миграционного взаимодействия Дальнего Востока с фе-

деральными округами повысилась, т. е. из макрорегиона стало уезжать еще больше населения. Включение Бурятии и Забайкалья в состав Дальнего Востока немного скорректировало общую картину, поскольку в число заметных центров притяжения населения попал Сибирский федеральный округ, что было связано с миграцией из Читы и отчасти из Улан-Удэ в сибирские города Иркутск, Новосибирск, Красноярск для учебы, работы и т. д. При этом можно утверждать, что в целом «западный дрейф» внутри российской миграции, безусловно, сохранится в сложившихся социально-экономических условиях между территориями. Об этом можно судить на основе неравномерного распределения субъектов макрорегиона по рангам коэффициентов миграционного прироста среди всех субъектов Российской Федерации (табл. 5).

Анализ свидетельствует, что причинами и условиями миграции является социально-экономическая сфера. Каждая конкретная территория характеризуется присущим ей набором параметров этой сферы, воздействие которой формирует миграционные потоки входа в макрорегион и выхода из него. Поэтому наличие и учет этих особенностей служит важным условием для эффективности миграционной политики в макрорегионе. В субъектах Дальнего Востока существует множество факторов, которые противодействуют притоку и закреплению миграционных потоков. Поэтому характер, объем и направления потоков существенным образом изменяют демографическую ситуацию в макрорегионе.

Следует заметить, что приток населения из стран СНГ несколько смягчал процесс сокращения численности населения на Дальнем Востоке. В 2019 г. данный приток восполнил 48,3% межрегионального оттока; в 2021 г. его позитивное влияние увеличилось, превысив межрегиональный отток в другие макрорегионы Российской Федерации на 87,3%. Однако в 2022 г. ситуация кардинально изменилась: миграция за счет представителей стран СНГ в целом по макрорегиону (кроме Хабаровского края) стала отрицательной (табл. 6).

Таблица 5

Распределение субъектов Дальнего Востока по рангам коэффициентов миграционного прироста в 2022 г.

Территория	Коэффициент миграционного прироста на 1000 чел.	Среди всех субъектов Российской Федерации	Среди субъектов ДФО
Российская Федерация	0,4	-	-
ДФО	-4,7	8	-
Республика Бурятия	-2,3	50	3
Республика Саха (Якутия)	-3,8	62	4
Забайкальский край	-5,5	74	6
Камчатский край	-10,2	85	11
Приморский край	-5,7	75	7
Хабаровский край	-2,3	49	2
Амурская область	-4,0	63	5
Магаданская область	-7,7	82	8
Сахалинская область	-8,7	84	10
Еврейская автономная область	-8,7	83	9
Чукотский автономный округ	-7,8	42	1

Источник: рассчитано по данным ФСГС России.

Таблица 6

Миграционное партнерство Дальнего Востока со странами СНГ, чел.

Территория	2021			2022.		
	прибыло	выбыло	миграционный прирост (убыль)	прибыло	выбыло	миграционный прирост (убыль)
ДФО	47 714	16 498	31 216	46 852	57 551	-10 699
Республика Бурятия	1 808	797	1 011	1 630	1 973	-343
Республика Саха (Якутия)	16 214	4 750	11 464	15 769	16 618	- 849
Забайкальский край	437	269	168	624	756	-132
Камчатский край	4 109	1 329	2 780	3 246	5 655	-2 409
Приморский край	7 250	3 970	3 280	6 535	10 813	- 4 278
Хабаровский край	9 466	2 255	7 151	10 101	9 948	+ 153
Амурская область	1 490	688	802	1 493	2 223	- 730
Магаданская область	1 080	464	616	1 223	1 454	- 231
Сахалинская область	5 192	1 731	3 461	5 702	7 198	- 1 496
Еврейская автономная область	37	37	-	28	72	- 44
Чукотский автономный округ	691	203	488	501	841	- 340

Источник: рассчитано по данным ФСГС России.

К 2022 г. в условиях новых внешнеполитических и экономических реалий стал наблюдаться заметный отток данного населения из Дальнего Востока. В связи с ухудшением экономических показателей, проявляющимся в спаде деловой активности, почти двукратным снижении курса национальной валюты, проблемами свободной конвертации рубля и видимом сокращении реальных доходов населения, а также изменении правил получения разрешения на работу, стало наблюдаться сокращение численности иностранных

работников в отечественной экономике в целом и в дальневосточной в частности. В перспективе миграционное взаимодействие Дальнего Востока со странами СНГ может иметь тенденцию к понижению, поскольку происходит трансформация в соотношении числа выбывших к прибывшим.

Что касается миграционного взаимодействия ДФО со странами дальнего зарубежья, то и здесь сложилась в 2022 г. аналогичная ситуация: отрицательное сальдо международной миграции харак-

терно для всех субъектов макрорегиона (за исключением Республики Бурятия и ЧАО). Разница обусловлена масштабами численности участников этих движений. Число прибывших из стран дальнего зарубежья в 2022 г. составляет всего 12,6% в сравнении с числом прибывших из стран СНГ. Число выбывших в аналогичном сравнении составляет 15,1%. Безусловно, сопоставление этих данных свидетельствует о масштабах соответствующих передвижений населения и их результативности (табл. 7).

Сдерживающее воздействие на миграцию из стран дальнего зарубежья оказали следующие процессы: в 2020–2021 гг. – ограничения, связанные с КОВИД-19, в 2022 г. – санкции к экономике России, что способствовало пересмотру ранее запланированных инвестиционных проектов в расчете на широкое международное сотрудничество. При этом следует понимать, что функционирование технологически сложной производственной

инфраструктуры Дальнего Востока [Изо-тов, 2018], связанной с выпуском углеводородного сырья, а также драгоценных и цветных металлов, зависит от высококвалифицированной рабочей силы [Изо-тов, 2020] преимущественно из западных стран. С этой точки зрения важным значением является сохранение или постепенное замещение данной рабочей силы ввиду ее необходимости для поддержания функционирования ряда традиционных отраслей дальневосточной экономики. Но в целом потенциал мигрантов для макрорегиона является высоким [Экономическое..., 2007. С. 41], несмотря на имеющиеся внешние ограничения.

Анализ всей совокупности миграционных перемещений населения в макрорегионе, безусловно, свидетельствует, что все их виды относятся к числу наиболее масштабных социально-экономических явлений, от результативности которых зависит формирование демографического потенциала в ДФО. Проблема от-

Таблица 7

Миграционное партнерство Дальнего Востока со странами дальнего зарубежья, чел.

Территория	2021			2022		
	прибыло	выбыло	миграционный прирост (убыль)	прибыло	выбыло	миграционный прирост (убыль)
ДФО	5 481	2016	3465	5 893	8 689	- 2 796
Республика Бурятия	393	156	237	489	450	39
Республика Саха (Якутия)	457	108	349	434	523	-89
Забайкальский край	25	25	-	40	75	-35
Камчатский край	146	14	132	51	152	-101
Приморский край	1097	488	609	1306	3 023	-1717
Хабаровский край	2426	838	1588	2 941	3 003	-62
Амурская область	82	128	-46	58	259	-201
Магаданская область	6	12	-6	6	15	-9
Сахалинская область	759	227	632	375	1 074	-699
Еврейская автономная область	3	19	-16	2	40	-38
Чукотский автономный округ	87	1	86	191	75	116

Источник: рассчитано по данным ФСГС России.

тока населения из макрорегиона чревата неблагоприятной демографической ситуацией. В условиях сложившейся в макрорегионе ситуации с отрицательным характером естественного воспроизводства и миграционным движением численность населения на Дальнем Востоке к 2030 г. может оказаться ниже уровня, сложившегося к началу 2023 г.

Заключение

Дальний Восток вступил в сложный демографический период. В 2019–2022 гг. в макрорегионе отмечалось снижение численности населения в виду сокращения его естественного прироста и отрицательного сальдо миграции. Естественная убыль населения макрорегиона стала наблюдаться в явном виде с 2019 г., что было связано с его старением и последствиями пандемии при снижении рождаемости. После пандемии, вызванной КОВИД-19, из Дальнего Востока стало уезжать еще больше населения в другие регионы России: превышение выбывших из макрорегиона над прибывшими на Дальний Восток составило более 11%. Миграционное взаимодействие Дальнего Востока с представителями стран СНГ и дальнего зарубежья в целом характеризовалось к 2022 г. отрицательным сальдо. Сдерживающее воздействие на миграцию из зарубежных стран оказали ограничения, связанные с пандемией, а также санкции к экономике России.

Естественное воспроизводство и миграционное перераспределение населения зависят в первую очередь от территориальной дифференциации условий жизни. Иными словами – в основе лежит ориентация на определенный образ жизни, предполагающий и конкретное поведение. Поэтому целенаправленные изменения соотношений условий жизни населения являются главным и единственно надежным в современных условиях путем улучшения его воспроизводства на Дальнем Востоке. Становится очевидным, что тенденция сокращения населения не случайна, она приобретает характер стабильного процесса, что может в конечном итоге негативно сказаться на демографическом и экономическом развитии макрорегиона. С этой точки зрения социально-экономическое развитие Дальнего Востока должно опи-

раться на меры по закреплению населения, формированию его постоянной численности в макрорегионе.

Озабоченность по поводу сокращения населения в ДФО в настоящее время присутствует не только на региональном уровне. Происходящие миграционные процессы в пространстве страны в условиях социально-экономического отставания одних регионов от других и несущественного привлечения мигрантов из-за рубежа являются мотивом для создания различного рода программ, целью которых является привлечение и закрепление населения. На федеральном уровне реализуются стратегические инициативы для обеспечения роста численности населения Дальнего Востока, предполагающие сосредоточение усилий для повышения качества жизни населения, создания комфортной и безопасной среды, а также возможностей для образования, трудоустройства и самореализации граждан. Исходя из этого, для привлечения населения на Дальний Восток необходимо экономическое развитие макрорегиона, способное увеличить среднедушевые доходы, сопоставимые с другими более успешными федеральными округами.

Однако следует осознавать, что Дальний Восток, как и Россия в целом, находится в завершающей стадии демографического перехода. Привлечение иностранной рабочей силы в экономику Дальнего Востока было и остается естественным процессом, исходя из имеющихся в макрорегионе факторов производства и возможностей развития базовых отраслей, связанных преимущественно с производством сырьевых товаров, которые, в свою очередь, экспортируются при помощи модернизирующейся транспортной инфраструктуры. Однако анализ по всем трендам миграционных потоков свидетельствует о нарастающем ограничении в численном приросте населения в макрорегионе за счет миграции. Но ни одна из программ, которая была реализована за последние два десятилетия, по вполне объективным причинам не смогла ни остановить, ни сгладить процесс сокращения численности населения на Дальнем Востоке. На негативные моменты в рамках миграци-

онного процесса накладываются ухудшающиеся показатели естественного воспроизводства населения. Поэтому главной текущей задачей становится обеспечение

поддержания социально-экономической системы Дальнего Востока, соответствующей низкому уровню населенности макрорегиона.

Список источников

1. Бобков В. Н., Долгушкин Н. К., Одинцова Е. В. Особенности жилищной обеспеченности сельского и городского населения // Вестник Российской академии наук. 2021. Том 91. № 8. С. 745–754. DOI: 10.31857/S0869587321080053
2. Демографический энциклопедический словарь // под ред. Д. И. Валентя. Москва: «Советская энциклопедия», 1985. 608 с.
3. Изотов Д. А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153
4. Изотов Д. А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. 368 с.
5. Карачурина А. Б., Мкртчян Н. В. Дальность миграции населения в России с учетом демографических характеристик мигрантов // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 2. С. 4–22. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-2-1.
6. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.
7. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А. Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 848 с.
8. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
9. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. 2023. Том 10. № 3. С. 21–42. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17968
10. Мкртчян Н. В., Гильманов Р. И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Том 68. №1. С. 44–63. DOI: 10.21638/spbu07.2023.103.
11. Мотрич Е. А. Население Дальнего Востока России / Е. А. Мотрич; отв. ред. П. А. Минакир; Рос. акад. наук; Дальневосточное отделение, Ин-т экон. исследований. Владивосток – Хабаровск: ДВО РАН. 2006. 224 с.
12. Мотрич Е. А., Изотов Д. А. Современные тенденции и проблемы миграции в приграничном регионе России: Дальний Восток // Проблемы прогнозирования. 2018. №3. С. 28–37.
13. Рыбаковский А. А. Миграция населения: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 480 с.
14. Рязанцев С. В., Брагин А. Д. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения внутрироссийских мигрантов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 7–17. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-7-17.
15. Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П. А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 352 с.
16. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П. А. Минакир; Институт экономических

исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.

References

1. Bobkov V. N., Dolgushkin N. K., Odintsova E. V. (2021) Features of housing provision of the rural and urban population *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 91. No. 8: 745–754. DOI: 10.31857/S0869587321080053 (In Russ.)
2. Demographic encyclopedic dictionary. Moscow: “Soviet Encyclopedia”, 1985. 608 p. (In Russ.)
3. Izotov D. A. (2018) Investment cooperation of the Russian Far East with subglobal economic structures in conditions of recession of the national economy *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. No. 1: 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153 (In Russ.)
4. Izotov D. A. (2020) Economic integration of Russia with the Asia-Pacific countries: problems and prospects / edited by. ed. P.A. Minakira; Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: IEI FEB RAS. 368 p. (In Russ.)
5. Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V. (2023) Distance of population migration in Russia taking into account the demographic characteristics of migrants Baltiyskiy region [Baltic region]. Vol. 15. No. 2: 4–22. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-2-1 (In Russ.)
6. Methodology and methods for studying migration processes: an interdisciplinary textbook / ed. Zh. Zayonchkovskaya, I. Molodikova, V. Mukomel. M.: Center for Migration Research, 2007. 370 p. (In Russ.)
7. Minakir P. A. (2006) Regional economics. Far East / resp. ed. A. G. Granberg; Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. M.: ZAO Publishing House “Economy”. 848 p. (In Russ.)
8. Minakir P. A., Demyanenko A. N. (2014) Essays on spatial economics. Khabarovsk: IEI FEB RAS. 272 p. (In Russ.)
9. Mkrtchyan N. V. (2023) Internal migration in Russia in the 2010s. – macro-regional features *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. Vol. 10. No. 3: 21–42. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17968 (In Russ.)
10. Mkrtchyan N. V., Gilmanov R. I. Large cities of Russia and their suburbs as centers of attraction for internal migrants *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle* [Bulletin of St. Petersburg University. Geosciences]. 2023. Vol. 68. No. 1: 44–63. DOI: 10.21638/spbu07.2023.103. (In Russ.)
11. Motrich E. L. (2006) Population of the Russian Far East / E. L. Motrich; resp. ed. P. A. Minakir; Ross. acad. sciences; Far Eastern Department, Institute of Economics. research. Vladivostok – Khabarovsk: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 224 p. (In Russ.)
12. Motrich E. L., Izotov D. A. (2018) Modern trends and problems of migration in the border region of Russia: Far East *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems]. No. 3: 28–37. (In Russ.)
13. Rybakovsky L. L. (2023) Migration of the population: a textbook for universities. M.: Yurayt Publishing House. 480 p. (In Russ.)
14. Ryazantsev S. V., Bragin A. D. (2023) Moscow and St. Petersburg as centers of attraction for internal Russian migrants *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial’no-ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]. Vol. 16. No. 2: 7–17. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-7-17. (In Russ.)
15. Economic integration: spatial aspect / general. ed. P. A. Minakira. Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. M.: ZAO Publishing House “Economy”, 2004. 352 p. (In Russ.)
16. Economic cooperation between the Russian Far East and the countries of the

Asia-Pacific region / resp. ed. P. A. Minakir; Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; Sasakawa Peace Foundation. Khabarovsk: RIOTIP, 2007. 208 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Информация об авторе

Е. А. Мотрич – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук.

Information about the author

E. L. Motrich – Doctor of Economics, Leading Researcher, the Economic Research Institute of FEB RAS.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 352.075(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150

Территориальное общественное самоуправление как инструмент вовлечения населения в решение вопросов местного значения (на примере г. Хабаровска)

Юрий Владимирович Березутский¹, Денис Викторович Митрофанов²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Администрация г. Хабаровска, Хабаровск, Россия

¹ berezutskiy-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2930-8765>

² d.v.mitrofanov@adm.khv.ru

Аннотация. Развитие территориального общественного самоуправления (далее – ТОС) в городе Хабаровске имеет достаточно высокие темпы: город Хабаровск по количеству ТОС лидирует среди муниципальных образований края; выросло число информированных хабаровчан о возможностях ТОС; выросло число хабаровчан, вовлеченных в деятельность ТОС; ТОС города характеризуется ежегодным ростом реализованных инициативных социально значимых проектов и ежегодным существенным ростом объемов как привлекаемых бюджетных средств, так и собственных средств граждан на условиях софинансирования. В то же время потенциал развития ТОС в Хабаровске существует и связан, прежде всего, с дальнейшим развитием информирования населения, увеличением муниципального бюджетного финансирования программы развития ТОС в городе, созданием «Школы ТОС» в качестве эффективной образовательной площадки обмена опытом и подготовки успешных социально значимых проектов. В целом следует отметить, что программы поддержки ТОС являются одним из самых успешных инструментов вовлечения горожан в решение вопросов местного значения. Развитие 500 ТОС к 2025 г. является стратегической задачей администрации города Хабаровска в рамках реализации Концепции «Развитие территориального общественного самоуправления в городском округе «Город Хабаровск» до 2025 года».

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, социальная активность, вопросы местного значения, социальное партнерство, местное самоуправление, город Хабаровск

Благодарность: работа выполнена в рамках исследования «Вовлечение населения в ТОС как ресурс развития местного сообщества г. Хабаровска», выполненного АНО «Дальневосточные социологические исследования» в рамках муниципального гранта, реализованного в соответствии с Постановлением администрации г. Хабаровска от 13 мая 2021 г. №1804 «О предоставлении на конкурсной основе грантовой поддержки программ и проектов социально ориентированных некоммерческих организаций».

Для цитирования: Березутский Ю. В., Митрофанов Д. В. Территориальное общественное самоуправление как инструмент вовлечения населения в решение вопросов местного значения // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 138–150. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150>

Territorial public self-government as a tool for involving the population in solving issues of local importance (on the example of Khabarovsk)

Yuriy V. Berezutskiy¹, Denis V. Mitrofanov²

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia

² Khabarovsk Administration, Khabarovsk, Russia

¹ berezutskiy-yv@ranepa.ru

² d.v.mitrofanov@adm.khv.ru

Abstract. *Development of the territorial public self-government (TPS) in the city of Khabarovsk testifies to the quite high rates: the city of Khabarovsk is the leader in terms of the number of TPS among the municipalities of the region; the number of informed Khabarovsk residents about the possibilities of TPS has increased; the number of Khabarovsk residents involved in TPS activities has increased; TPS of the city is characterized by the annual growth of implemented initiative socially significant projects; annual and significant growth in the volume of both attracted budget funds and the investment of citizens' own funds on the co-financing terms. At the same time, the potential for development of TPS in Khabarovsk is significant and is connected, first of all, with the further development of informing the population, increase in the municipal budget financing of the TPS development program in the city, creation of the TPS School as an effective educational platform for the experience exchange and preparation of the successful socially significant projects. In general, it should be noted that the TOS support programs are one of the most successful tools for involving citizens in solving issues of the local importance. Development of 500 TPS by 2025 is a strategic task of the Khabarovsk city administration as a part of implementation of the Concept «Development of territorial public self-government in Khabarovsk until 2025».*

Keywords: *territorial public self-government, social activity, local issues, social partnership, local self-government, Khabarovsk*

Acknowledgments: this publication was carried out as part of the study «Involvement of population in the TPS as a resource for development of the local community of Khabarovsk,» carried out by the Far-Eastern sociological research autonomous non-profit organization within the framework of municipal grant implemented in accordance with the Decree of the Khabarovsk administration of May 13, 2021 No. 1804 «On the provision of grant support for the programs and projects of socially oriented non-profit organizations on a competitive basis».

For citation: Berezutskiy Yu. V., Mitrofanov D. V. Territorial public self-government as a tool for involving the population in solving issues of local importance (on the example of Khabarovsk) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 138–150. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150>

Введение

В городе Хабаровске фиксируется определенное развитие социальной активности различных социальных групп и слоев населения, проявляемой в отстаивании своих законных прав и свобод, объединение совместных возможностей для решения наиболее значимых про-

блем жизнедеятельности (среди которых благоустройство дворовых территорий, создание детских и спортивных дворовых площадок и др.).

Органами местного самоуправления ведется планомерная работа по созданию условий (информационных, имущественных, финансовых) для развития

институтов гражданского общества (общественная палата города, общественные и некоммерческие объединения и организации, добровольческие объединения и т. д.). В городе создаются условия и возможности для организации и проведения различных благотворительных акций и инициатив, сбора финансовых средств или вещей нуждающимся в помощи (малообеспеченные, многодетные, люди с ограниченными возможностями, участники СВО и их семьи и др.). Одной из форм вовлечения жителей города в решение вопросов местного значения является активное развитие территориального общественного самоуправления. В городе Хабаровске это направление стало активно развиваться только последние 3 года, но уже продемонстрировало свою высокую эффективность и результативность.

Сплоченное и активное городское сообщество имеет возможность решать многие социально-экономические и социально-политические проблемы, повышать качество принимаемых органами местного самоуправления управленческих решений, а также влиять на эффективность расходования бюджетных средств за счет реализации системы общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления, что в конечном счете окажет положительное влияние на имидж территории, снизит миграционный потенциал населения.

Самостоятельная деятельность граждан, объединенных в ТОС и её результаты позволяют сделать вывод о том, что ТОС выступает не только инструментом для повышения гражданской активности населения, но также позволяет решать локальные проблемы посредством привлечения бюджетных и личных средств жителей, а также развития городского активизма на добровольной основе.

Методология и эмпирическая база исследования

Проблематика развития ТОС достаточно широко освещена в теоретическом и прикладном аспекте. Вместе с тем анализ и применение ТОС имеет определенную специфику реализации в конкретных социальных, экономических, культурных и политических условиях конкретной тер-

ритории. Проведенный анализ позволил нам сформировать три ключевых направления особенностей рассмотрения ТОС, применение которых на практике позволит внести определенный вклад в развитие ТОС в городском округе «Город Хабаровск».

Одни авторы рассматривают ТОС как эффективный инструмент взаимодействия органов местного самоуправления с жителями: Гордеева И. В. [Гордеева, 2023. С. 72–77], Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. [Медведева, Фролова, Рогач, 2021. С. 72–82], Мятишкин Ю. В. [Мятишкин, 2023. С. 358–367], Симонова О. С. [Симонова, 2023. С. 240–248] и др.

Другие авторы рассматривают практику развития ТОС в субъектах РФ, отдельных муниципальных образованиях: Буланова М.А. [Буланова, 2023. С. 111–124], Галсанов А.С. [Галсанов, 2023. С. 443–449], Князева Е.В. [Князева, 2022. С. 107–111], Южакова Т.А. [Южакова, 2023. 127–132] и др.

И некоторые авторы рассматривают ТОС как успешный механизм решения актуальных проблем жизнедеятельности граждан: Кошкидько В.Г. [Кошкидько, 2022. С. 225–234], Малышкина Д.А. [Малышкина, 2023. С. 41–46], Михайлов С.Е. [Михайлов, 2023. С. 110–113], Субботина А.А. [Субботина, 2023. С. 793–798] и др.

Эмпирической основой работы послужили социологические исследования:

1. Исследование «Состояние и перспективы социальной активности в оценках жителей города Хабаровска», проведенное социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС под научным руководством кандидата социологических наук, доцента Ю. В. Березутского с применением методики анкетного опроса, 2020–2022 г. Объектом исследования выступали жители г. Хабаровска в возрасте от 18 лет и старше. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и району проживания хабаровчан. В опросе приняло участие 600 жителей. Ошибка выборки не превышает 5%.

2. Исследование «Состояние и перспективы социальной активности хабаровчан в оценках экспертов», проведенное социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС

под научным руководством кандидата социологических наук, доцента Ю. В. Березутского с применением методики анкетного опроса, 2022 г. В качестве объекта исследования выступали 3 группы экспертов: руководители и активисты общественных организаций и объединений; представители органов государственной власти и местного самоуправления; представителями профессорско-преподавательского состава вузов г. Хабаровска.

3. Исследование «Вовлечение населения в ТОС как ресурс развития местного сообщества г. Хабаровска», проведенное АНО «Дальневосточные социологические исследования» под научным руководством кандидата социологических наук, доцента Ю. В. Березутского с применением методики фокус-группового исследования, 2023 г. В качестве объекта исследования выступали руководители ТОС всех пяти районов г. Хабаровска (всего проведено 5 фокус-групп).

Территориальное общественное самоуправление как успешная форма участия и вовлечения населения в местное самоуправление. Под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.¹

ТОС осуществляется населением самостоятельно посредством организации и проведения собраний и конференций жителей, а также через создание руководящих органов территориального общественного самоуправления.

Одна из наиболее эффективных и распространенных форм вовлечения жителей в решение различных вопросов мест-

ного значения – территориальное общественное самоуправление. Жители районов и микрорайонов, взаимодействуя с органами местного самоуправления города, участвуют в развитии своего муниципального образования, совместно решая актуальные социально-экономические проблемы территории проживания.

ТОС – это особая форма общественного самоуправления, которая включает в себя участие и вовлечение населения в осуществление местного управления. Это субъективное право граждан на обеспечение участия в развитии своих территорий как субъектов процесса осуществления муниципальной власти.

В целях развития ТОС в городе Хабаровске в 2020 г. администрацией городского округа «Город Хабаровск» совместно с АНО «Дальневосточные социологические исследования», Дальневосточным институтом управления – филиалом РАН-ХиГС и Общественной палатой г. Хабаровска по поручению Мэра города Хабаровска была разработана Концепция развития территориального общественного самоуправления (ТОС) в городе Хабаровске до 2025 г. [Байков, Березутский, Митрофанов, Юревич, 2020].

Концепция представляет собой систему взглядов на создание организационно-правовых и социально-экономических условий для образования и развития ТОС в городском округе как утвержденную действующим законодательством РФ форму вовлечения населения в решение вопросов местного значения в деятельности местного самоуправления и запросов гражданского общества городского округа. В настоящее время реализация концепции в середине пути, и важно оценить предварительные итоги функционирования ТОС в г. Хабаровске и выработать меры по его развитию.

Территориальное общественное самоуправление по месту жительства. Жители недостаточно владеют информацией о развитии ТОС по месту своего проживания, что обуславливает необходимость наращивания их информирова-

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Информационно-правовая система Консультант плюс (дата обращения 08 ноября 2023 г.).

ния посредством разнообразных каналов (телевидение, радио, газеты, социальные сети, социальная реклама). Так, практически половина опрошенных (47%) «в первый раз слышат» о ТОС и его возможностях. В то же время почти половина опрошенных «что-то слышали об этом» (45%). Только десятая часть опрошенных знает о ТОС по месту своего жительства.

Мэр г. Хабаровска С. А. Кравчук нормативно закрепил выделение 10 млн руб. из городского бюджета на финансовую поддержку инициатив ТОС, начиная с 2021 г.² Средства на 1 проект могут составлять не более 500 тыс. руб. Готовность участвовать в конкурсе и вместе с другими жителями подготавливать необходимый социально значимый проект по благоустройству дома или двора выразила четвертая часть опрошенных (24%). Более половины (55%) опрошенных не смогли дать четкого ответа на вопрос о готовности принимать в этом участие, а каждый пятый затруднился с ответом.

При ответе на вопрос: «Есть вероятность, что при благоустройстве и организации территории Вашего двора придется прибегнуть к затратам определенных ресурсов? Готовы ли Вы сами или Ваши родственники приложить свои способности (ресурсы) для улучшения условий проживания в районе?», пятеро из десяти жителей выразили свою готовность участвовать во всевозможных видах социальной включенности. Часть опрошенных готова принять участие в работе своими силами (27%). Зато меньше всего люди готовы внести вклад «идеями, подготовкой проекта для конкурса» (9%), деньгами и материальными ресурсами (стройматериалы, краска) (3%).

Таким образом, результаты проведенного социологического опроса жителей города Хабаровска демонстрируют как проблемы, так и потенциал наращивания в городском округе социальной активности, выступающей надежным фунда-

ментом развития ТОС. Важная управленческая цель по развитию ТОС связана с трансформацией общественного мнения горожан о роли жителей и их сплоченности в решении проблем и задач благоустройства и развития территории своего проживания. Для достижения данной цели целесообразно развернуть активную информационную кампанию по программе развития ТОС в городе, тиражировать положительные практики реализации проектов ТОС, организовывать и проводить образовательные мероприятия с лидерами и активистами движения ТОС, а также выделять дополнительное и значительное бюджетное финансирование инициативных проектов ТОС хабаровчан.

Промежуточные итоги реализации Концепции развития территориального общественного самоуправления в г. Хабаровске. Как уже отмечалось выше, Концепция развития ТОС в городе Хабаровске реализуется с 2000 г. по 2025 г. И уже сегодня можно подвести промежуточные итоги, которые позволяют определить как положительные тенденции и существенные результаты, так и направления корректировки и совершенствования настоящей Концепции.

Деятельность граждан, объединенных в ТОС, показывает, что оно является инструментом как для повышения гражданской активности и самосознания населения, так и для решения прикладных проблем конкретных территорий через привлечение бюджетных и внебюджетных ресурсов.

Следует отметить, что с января 2020 г. в г. Хабаровске стало активно развиваться территориальное общественное самоуправление (в Хабаровском крае развитие ТОС началось в начале 2015 г.). В настоящее время:

- разработано Положение о территориальном общественном самоуправлении в г. Хабаровске;
- организация и проведение конкурса социально значимых инициатив (проект-

² Постановление Администрации города Хабаровска от 31.08.2018 № 3046 (ред. от 02.03.2023) «Об утверждении муниципальной программы городского округа «Город Хабаровск» «Развитие гражданского общества в городском округе «Город Хабаровск» на 2021–2030 годы. URL: <https://khv27.ru/administration/structural-units/youth/programma-razvitie-grazhdanskogo-obshchestva/> (дата обращения 10 ноября 2023 г.).

тов) среди ТОС внесены в муниципальную программу «Развитие гражданского общества в городском округе «Город Хабаровск» на 2021–2030 гг.» (мэром города было принято решение о внесении бюджетных ассигнований, начиная с 2021 г. в размере 10 млн руб. ежегодно на проведение городского конкурса);

- разработано Положение о городском конкурсе социально значимых инициатив среди ТОС;

- разработана и реализуется Концепция «Развитие территориального общественного самоуправления в городском округе «Город Хабаровск» до 2025 г.»;

- первой на Дальнем Востоке была разработана и запущена «Цифровая карта ТОС»,³ в которой содержится вся информация о действующих в Хабаровске ТОС – адреса, границы, реализованные проекты, контактная информация и др.

Как отмечалось выше, ежегодно в бюджете города предусмотрено выделение 10 млн руб. на реализацию на конкурсной основе проектов ТОС. Выделение бюджетных ассигнований дает возможность воплотить в жизнь проекты, которые будут направлены на решения конкретных задач на территории ТОС по следующим направлениям: благоустройство территории ТОС; удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих в границах территории, на которой осуществляется ТОС.

Кроме муниципальной поддержки деятельности ТОС, в Хабаровском крае существует краевая поддержка реализации проектов ТОС. Конкурс проектов ТОС на территории Хабаровского края проводится в соответствии с постановлением

Правительства края⁴. Если в 2023 г. из краевого бюджета была выделена общая сумма финансирования проектов ТОС в размере 250 млн руб., то на поддержку ТОС на 2024 г. бюджетом края предусмотрено 310 млн руб.⁵

С 2021 г. поддержка ТОС закреплена в региональном проекте «Мой Хабаровский край», который Губернатор Хабаровского края представил в рамках флагманской инициативы «Край комфортного проживания», вошедшей в Стратегию развития региона до 2026 г., итогом которой станет финансирование проектов ТОС к 2026 г. в объеме 500 млн руб.⁶

В настоящее время в Хабаровском крае осуществляют деятельность 1471 ТОС во всех районах и городских округах (из них 8 ТОС зарегистрированы в качестве юридического лица). Лидером по количеству ТОС является г. Хабаровск (табл. 1).

Анализ деятельности ТОС в г. Хабаровске показывает высокий уровень результативности и эффективности. Так, за три последних года своего активного развития ТОС города подготовили и представили на оба конкурса (городской и краевой) 534 проекта по развитию своих территорий, из которых 168 проектов получили финансирование (каждый третий проект выиграл) и были реализованы. Лидером среди районов города по подготовленным и выигранным проектам является Индустриальный район⁷ (табл. 2).

Эффективность деятельности ТОС можно оценить не только по количеству реализованных социальных проектов, но и по объему привлеченных финансовых средств на их реализацию. В целом ТОС города за последние 3 года (2021–

³ Цифровая карта ТОС. URL: <https://khv27.ru/projects/territorialnoe-obshchestvennoe-samoupravlenie/karta-tos> (дата обращения 09 ноября 2023 г.).

⁴ Постановление Правительства края от 24 июня 2016 г. № 199-пр «Об утверждении Положения о предоставлении грантов в форме иных межбюджетных трансфертов из краевого бюджета бюджетам муниципальных образований Хабаровского края в целях поддержки проектов, иницируемых муниципальными образованиями края по развитию территориального общественного самоуправления» (в редакции от 15.09.2023 № 423-пр). URL: <https://docs.cntd.ru/document/465333864> (дата обращения 10 ноября 2023 г.).

⁵ Конкурс проектов территориальных общественных самоуправлений на 2024 год. URL: <https://givr.khabkrai.ru/Deyatelnost/TOS/Konkurs-proektov-TOS> (дата обращения 10 ноября 2023 г.).

⁶ До полумиллиарда рублей увеличат поддержку гражданских инициатив краевые власти к 2026 году. URL: <https://invest.khv.gov.ru/ru/o-regione/novosti/497> (дата обращения 10 ноября 2023 г.).

⁷ Материалы по запросу для настоящего исследования предоставлены Управлением по связям с общественностью и работе с молодежью администрации г. Хабаровска.

Таблица 1

**Распределение ТОС по территории Хабаровского края
(по состоянию на август 2023 г.)**

Муниципальные районы и городские округа	Количество ТОС, ед.
г. Хабаровск	277
Хабаровский район	243
Район имени Лазо	232
Комсомольский район	96
Советско-Гаванский район	91
г. Комсомольск-на-Амуре	86
Амурский район	75
Ванинский район	60
Верхнебуреинский район	65
Бикинский район	48
Вяземский район	41
Солнечный район	40
Николаевский район	31
Нанайский район	23
Район им. П. Осипенко	18
Ульчский район	17
Аяно-Майский район	11
Охотский район	9
Тугуро-Чумиканский район	8
Итого	1471

Источник: материалы раздела «Развитие территориального общественного самоуправления в Хабаровском крае» Комитета по внутренней политике Правительства Хабаровского края // URL: <https://guvp.khabkrai.ru/Deyatelnost/TOS/Obschaya-informaciya-i-normativnye-pravovye-akty> (дата обращения 10 ноября 2023 г.).

Таблица 2

**Результативность ТОС города Хабаровска по участию
в городском и краевом конкурсах за период 2021–2023 гг.**

Районы города	Количество ТОС, ед.	Количество поданных заявок на все конкурсы за 3 года (2021–2023), ед.		Количество выигранных заявок по всем конкурсам за 3 года (2021–2023), ед.	
		край	город	край	город
Индустриальный	74	86	81	29	27
Краснофлотский	56	44	46	18	13
Железнодорожный	53	59	57	18	19
Центральный	50	48	42	12	11
Кировский	44	37	34	12	9
Всего:	277	274	260	89	79

Источник: составлено автором на основе материалов, предоставленных по запросу для настоящего исследования Управлением по связям с общественностью и работе с молодежью администрации г. Хабаровска.

2023 гг.) на реализацию своих социально-значимых проектов привлекли из городского и краевого бюджетов чуть более 90

млн руб. и вложили собственных средств 39,1 млн руб. (табл. 3).

В основном проекты ТОС направле-

Таблица 3

**Результативность ТОС города Хабаровска по участию
в городском и краевом конкурсах за период 2021–2023 гг.**

Районы города	Количество ТОС, ед.	Кол-во выигранных проектов, ед.	Объем привлеченных средств, млн руб.	Объем вложенных собственных средств, млн руб.
Индустриальный	74	56	30,9	8,3
Краснофлотский	56	31	15,3	8,2
Железнодорожный	53	37	20,5	9,5
Центральный	50	23	14,1	7,8
Кировский	44	21	9,8	5,3
Всего:	277	168	90,6	39,1

Источник: составлено автором на основе материалов, предоставленных по запросу для настоящего исследования Управлением по связям с общественностью и работе с молодежью администрации г. Хабаровска.

ны на установку детских и спортивных площадок, малых архитектурных форм, уличного освещения, контейнеров для мусора, памятных знаков, скважин, сцен, ограждений, средств видеонаблюдения и связи, благоустройство дорожек (тротуаров), парков, скверов и зон отдыха, автомобильных парковок; приобретение сценического оборудования, спортивного инвентаря и др.

Территориальное общественное самоуправление в оценках руководителей ТОС. С точки зрения оценок руководителей ТОС, на сегодня дворовые территории города нуждаются в создании и совершенствовании социальной инфраструктуры. Особая нуждаемость жителей связана с созданием детских и спортивных площадок, контейнерных площадок для сбора мусора, систем видеонаблюдения дворовых территорий и парковок для автотранспорта: «в первую очередь – детскую площадку, чтобы она была как для маленьких детей, так и для взрослых», «нам нужна спортивная площадка», «в первую очередь, если мы выиграем конкурс, нам нужно сделать спортивную площадку, потом нам нужно место, для проведения каких-нибудь мероприятий», «мне кажется, все проходят одинаковый путь – благоустройство детской площадки, спортивной площадки, тротуары и дорожки», «контейнерная площадка тоже неблагоустроенная, все никак не выиграем; в том году тоже

подавали – выиграли детскую площадку», «одна из основных проблем – отсутствие парковки», «нам нужна детская площадка», «хотелось бы сделать отдельную спортивную площадку», «сейчас приоритет – озеленение и мусорные баки, капсульные», «детская площадка сейчас на первом месте, потом спортивная на следующий год и видеонаблюдение».

Руководители ТОС отмечают, что жители в большей степени пассивные, не особо готовы включаться в реализацию проектов, но становятся более вовлеченными и равнодушными тогда, когда получили первый опыт привлечения финансирования на реализацию социально значимого проекта своей дворовой территории: «жители пассивные, тяжело кого-то поднять, надеюсь, если выиграем грант, люди немножечко оживут», «все стали вступать в домовую чат, задавать вопросы: «а как?», а «а что?», но раньше никто ни в каких проектах не участвовал; люди поняли, что за софинансирование можно делать благое дело», «в основном, проявляют себя бывшие комсомольцы, те, кто ещё СССР-овского воспитания, они могут предложить что-то», «на собрании приходит мало людей, не более 10 человек со всего дома, в котором более 1000 человек проживает», «меньшая часть активна, основная часть остается в стороне», «конечно, меньшая часть участвует».

При этом опытные руководители ТОС

подчеркивают, что многолетняя работа с жильцами и опыт совместной реализации социально значимых проектов вселяют в жителей уверенность в возможности улучшения своих дворовых территорий и значительно повышают их вовлеченность и активность: «обычно на собрание приходило около 15–20 человек и было удивлением, что потом начали собираться до 70 человек», «больше людей стало собираться на лавочках во дворе, познакомились многие; то есть, ТОС и новое руководство объединило людей, в перспективе все надеются на дальнейшее участие в конкурсах и выигрывах, потому что люди поверили», «на самом деле, я поражаюсь – до вступления в ТОС мне казалось что дом очень разрозненный, что всем на все наплевать, а когда люди начали выходить, я прям удивился – количество людей растёт и растёт», «в нас вообще никто не верил, пока мы ТОС не организовали и не выиграли первый грант».

Руководители ТОС достаточно высоко оценивают эффективность городской программы развития ТОС с точки зрения ее влияния на вовлечение жителей в решение вопросов местного значения и решение жителями актуальных проблем жизнедеятельности своих дворовых территорий: «самой программе оценка 5», «вообще по работе ТОС – прям на 5, очень мощная помощь идет», «в общем-то да, те программы, которые реализует край и город – они полноценные», «программа прекрасная, я ее оцениваю на 10 из 10 баллов, потому что если бы не было этой программы, у нас никогда бы не появилась детская площадка».

При этом руководители ТОС положительно оценивают информационную и консультационную помощь и поддержку специалистов городского ресурсного центра в подготовке заявок ТОС для участия в конкурсе: «очень сильно помогают работники администрации города», «я раньше не понимал, как в эту программу вступать, спасибо специалистам ресурсного городского центра – они все подскажут, вес расскажут».

Важно отметить, что опытные ТОС стараются принимать активное участие и в городском, и в краевом конкурсах ТОС,

что позволяет им иметь больше возможностей привлечения финансирования под свои социально-значимые проекты: «мы вообще не пропускаем ни городских, ни краевых конкурсов; порядка 6-7 проектов выиграли», «участвуем во всех конкурсах, уже сделали детскую площадку, спортивную площадку, установили видеонаблюдение, вот сейчас мы выиграли грант – асфальт, лавочки поставили, урны новые; в общем, все есть у нас».

В то же время руководители ТОС выделили и ряд существенных проблем, которые ограничивают возможности успешной реализации конкретных ТОС и в целом влияют на развитие ТОС в городе. Обобщение высказываний и мнений активистов позволили нам сделать ряд предложений, способных улучшить эффективность реализации проектов в рамках существующей городской программы развития ТОС:

- снижение доли софинансирования проектов со стороны жителей ТОС в зависимости от количества квартир в доме, состава его жителей (платежеспособности населения): «но я вижу минус в том, что софинансирование очень большое, не все ТОСы смогут потянуть 30%», «нужно просто уменьшить проценты, это не подъемно», «софинансирование – это, конечно, да, тяжело», «нужно софинансирование снизить»;

- ежегодное увеличение размера финансирования проектов ТОС ввиду инфляции и снижения из-за нее реальной стоимости проектов: «из-за инфляции, хорошо было бы, если бы увеличили суммы софинансирования», «инфляция влияет на удорожание стоимости проекта – по одной сумме рассчитывали стоимость проекта, а по другой уже закупает оборудование»; «есть одна большая сложность – должно пройти большое количество времени между подачей заявки и реализацией, почти год. И за этот год происходят большие изменения. Инфляция, изменения стоимости оборудования, возможность его приобретения и т. д.»;

- существенное увеличение объема грантового городского фонда ввиду ежегодного роста количества ТОС и высокой степени востребованности проектов: «10

миллионов – это мало для Хабаровска; получается, что у нас планируется 500 ТОСов создать к 2025 г., а сейчас около 300 ТОСов, которые борются всего за реализацию порядка 20 проектов по 500 тыс. руб. ТОСов станет больше, выигрывать станут меньше – интерес и доверие упадут»;

– увеличение размера одного гранта ввиду проблемности реализовать значимый инфраструктурный проект за сумму гранта в 500 тыс. руб.: *«сумма гранта в 500.000 рублей небольшая, большой какой-то объект не реализуешь»;*

– выделение отдельного финансирования масштабных инфраструктурных совместных проектов, значимых одновременно для нескольких ТОС, находящихся в едином территориальном пространстве: *«для одного ТОС, например, тяжело сделать хоккейную площадку, это ж сколько туда денег надо. А если бы мы имели возможность подать совместную заявку на реализацию значимого для нас всех проекта и запросить большую сумму, чем сегодня предполагает программа, было бы отлично»;*

– дифференциация конкурсов в зависимости от количества квартир и жильцов в домах (малоквартирные и многоквартирные дома): *«мне кажется, что в этой программе должно быть 2 класса проектов: 1 класс – многоквартирные дома и 2 класс – малоквартирные дома. И конкурс должен проводиться в своих категориях, а то это как балерина выйдет с сумоистом бороться»;* *«надо как-то дифференцированно подходить к этому вопросу, надо обращать внимание на маленькие ТОСы»;*

– создание постоянно действующей «Школы ТОС», в рамках которой проходило бы не только общение и обучение, но и обмен опытом, лучшими практиками: *«большая была бы помощь, если бы подборка была какая-то, куда и к кому лучше обратиться по тому или иному вопросу, где лучше найти подрядчика»;* *«было бы важно слышать людей, которые бы рассказали о своих проблемах, через которые они прошли»;* *«нам помогают, когда мы подаем заявки, но никто не объясняет, почему заявка не прохо-*

дит»; *«нужна помощь для руководителей для повышения активности и вовлеченности жителей».*

Заключение. Таким образом, результаты нашего научного исследования состояния и развития территориального общественного самоуправления демонстрируют как выявленные проблемы, так и потенциал наращивания в городском округе социальной активности, выступающей надежным фундаментом развития ТОС.

Важная управленческая цель по развитию ТОС связана с трансформацией общественного мнения горожан о роли жителей и их сплоченности в решении проблем и задач благоустройства и развития территории своего проживания. В основе достижения данной цели целесообразно продолжать активную информационную кампанию по программе развития ТОС в городе, тиражировать положительные практики реализации проектов ТОС, организовывать и проводить образовательные мероприятия с лидерами и активистами движения ТОС, а также выделять дополнительное и значительное бюджетное финансирование инициативных проектов ТОС хабаровчан.

Результаты исследований свидетельствуют о наличии определенных проблем, связанных с состоянием социальной активности хабаровчан; их представлениями о возможностях влияния на положение дел в своем доме, дворе, городе; их готовности взаимодействовать с органами местного самоуправления по решению актуальных и значимых проблем благоустройства территории; их осознания ответственности за то, что происходит в обществе.

При этом полученные результаты показали, что социальная активность развивается, что гражданское общество наращивает свой потенциал, что трансформируется качество взаимодействия органов местного самоуправления с городским сообществом, направленного на сплоченность и вовлеченность жителей в решение вопросов местного значения.

Однако наращивание потенциала городского активизма требует дальнейшего развития организационных, информационных и финансовых условий, пре-

доставляемых городскому сообществу, прежде всего органами местного самоуправления. Именно от этого в конечном счете и будет зависеть степень развитости территориального общественного самоуправления, а следовательно и уровень, и качество жизни хабаровчан.

Промежуточные итоги развития территориального общественного самоуправления в городе Хабаровске свидетельствуют о достаточно высоких темпах: город Хабаровск по количеству ТОС лидирует среди муниципальных образований края; значительно выросло число информированных хабаровчан о возможностях ТОС, число хабаровчан, вовлеченных в деятельность ТОС; ТОС города характеризуются ежегодным ростом реализованных инициативных социально значимых проектов и ежегодным ростом объемов, как привлекаемых бюджетных средств, так и собственных средств граждан. В то же время потенциал развития ТОС в

г. Хабаровске существенен и связан прежде всего с дальнейшим развитием информирования населения, проведением адресных образовательных семинаров для активных жителей конкретных домов, увеличением муниципального бюджетного финансирования программы развития ТОС в городе.

В целом следует отметить, что программы поддержки ТОС являются одним из самых успешных инструментов вовлечения горожан в решение вопросов местного значения. На сегодняшний день более 53 тыс. хабаровчан вовлечены в деятельность ТОС, что составляет практически 9% общей численности горожан⁸. Развитие ТОС является и стратегической задачей администрации города Хабаровска, определенной Концепцией «Развитие территориального общественного самоуправления в городском округе «Город Хабаровск» до 2025 года» – создание в г. Хабаровске 500 ТОС к 2025 г.

Список источников:

1. Байков Н. М., Березутский Ю. В., Митрофанов Д. В., Юревич Е. Ю. Городской активизм как основа развития территориального общественного самоуправления. Научные и методические материалы. – Хабаровск: Изд-во: «Ка-Принт», 2020. – 98 с.
2. Буланова М.А. Взаимодействие органов местного самоуправления с городским сообществом Хабаровска: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 111–124. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-111-124>
3. Галсанов А. С. Роль территориального общественного самоуправления в развитии муниципального образования (на примере г. Улан-Удэ) // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 2. С. 443–449.
4. Гордеева И. В. Направления совершенствования территориального общественного самоуправления как формы участия населения в осуществлении публично-властных полномочий. В сборнике: Наука и инновации XXI века. Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. В 4-х томах. Сургут, 2023. С. 72–77.
5. Князева Е. В. Деятельность органов территориального общественного самоуправления в Воронежской области: проблемы, перспективы // Менеджер года – 2022. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2022. С. 107–111.
6. Кошкидько В. Г. Участие населения в осуществлении местного самоуправления: современные практики в регионах России // Трефолевские чтения. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2022. С. 225–234.
7. Малышкина Д. А. Вопросы информированности населения о деятельности ТОС в решении вопросов благоустройства городской среды // Урбанистика. 2023. № 1.

⁸ Сергей Кравчук: «Увеличим фонд поддержки ТОС до 20 миллионов рублей». URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27540/4806523> (дата обращения 20 октября 2023 г.).

С. 41–46. DOI: 10.7256/2310-8673.2023.1.39184

8. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5

9. Михайлов С. Е. Актуальный взгляд на территориальное общественное самоуправление // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2 (52). С. 110–113.

10. Мятишкин Ю. В. Базовые принципы местного самоуправления и общественно-государственного партнерства // Актуальные проблемы развития экономики и управления в условиях новой реальности. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 358–367.

11. Симонова О. С. Проблемы взаимодействия граждан с местными органами власти // Искусство управления: тренды, технологии, эффективность. Сборник статей Научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией С.А. Литвиновой, М.А. Овакимяна, Д.С. Труханович, М.Н. Ашировой. Ростов-на-Дону, 2023. С. 240–248.

12. Субботина А. А. Территориальное общественное самоуправление как актор политики по реализации целей устойчивого развития в РФ // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2023. С. 793–798.

13. Южакова Т. А. Территориальное общественное самоуправление в Краснодарском крае: ориентиры и пути развития в условиях вызовов современности // Основные проблемы сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в системе российского образования. Коллективная монография. Воронеж, 2023. С. 127–132.

References:

1. Baykov N. M., Berezutsky Yu. V., Mitrofanov D. V., Yurevich E. Yu. (2020) Urban activism as the basis for the development of territorial public self-government. Scientific and methodological materials. Khabarovsk: Publishing house: "Ka-Print". 98 p. (In Russ.)

2. Bulanova M. A. (2023) Interaction of local government bodies with the urban community of Khabarovsk: sociological analysis *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 1 (102): 111–124. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-111-124> (In Russ.)

3. Galsanov A. S. (2023) The role of territorial public self-government in the development of municipal formation (on the example of Ulan-Ude) *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki* [Current issues of modern economics]. No. 2: 443–449. (In Russ.)

4. Gordeeva I. V. (2023) Directions for improving territorial public self-government as a form of population participation in the exercise of public authority. In the collection: Science and innovation of the 21st century. Collection of articles based on the materials of the IX All-Russian Conference of Young Scientists. In 4 volumes. Surgut. Pp. 72–77. (In Russ.)

5. Knyazeva E. V. (2022) Activities of territorial public self-government bodies in the Voronezh region: problems, prospects. In the collection: Manager of the Year – 2022. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh. Pp. 107–111. (In Russ.)

6. Koshkidko V. G. (2022) Participation of the population in the implementation of local self-government: modern practices in the regions of Russia. Trefolevskie readings. Collection of materials from the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Yaroslavl. Pp. 225–234. (In Russ.)

7. Malyshkina D. A. (2023) Issues of awareness of the population about the activities of TOS in addressing issues of improvement of the urban environment *Urbanistika* [Urban-

istics]. No. 1: 41–46. DOI: 10.7256/2310-8673.2023.1.39184 (In Russ.)

8. Medvedeva N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. (2021) Interaction and prospects for partnership of territorial public self-government with local authorities *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. No. 10: 72–82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5 (In Russ.)

9. Mikhailov S. E. (2023) Current view of territorial public self-government *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii* [Bulletin of the Russian University of Cooperation]. No. 2 (52): 110–113. (In Russ.)

10. Myatishkin Yu. V. (2023) Basic principles of local self-government and public-state partnership. In the collection: Current problems of economic development and management in the new reality. Materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference. Moscow. Pp. 358–367. (In Russ.)

11. Simonova O. S. (2023) Problems of interaction between citizens and local authorities. Art of management: trends, technologies, efficiency. Collection of articles of the Scientific and Practical Conference with international participation. Edited by S. A. Litvinova, M. A. Hovakimyan, D. S. Trukhanovich, M. N. Ashirova. Rostov-on-Don. Pp. 240–248. (In Russ.)

12. Subbotina A. A. (2023) Territorial public self-government as a policy actor for the implementation of sustainable development goals in the Russian Federation. In the collection: Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda. Pp. 793–798. (In Russ.)

13. Yuzhakova T. L. (2023) Territorial public self-government in the Krasnodar region: guidelines and development paths in the face of modern challenges. Main problems of preserving and strengthening traditional spiritual and moral values in the Russian education system. Collective monograph. Voronezh. Pp. 127–132. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Информация об авторах

Ю. В. Березутский – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Д. В. Митрофанов – заместитель мэра города Хабаровска по связям с общественностью и средствами массовой информации.

Information about the authors

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate Professor, deputy director for scientific and educational work, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa;

D. V. Mitrofanov – Deputy Mayor of the city of Khabarovsk for public relations and mass media.

Научная статья

УДК 378.1

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-151-165

Подходы к определению значимости и результата согласованности интересов сторон в системе высшего образования

Александр Вячеславович Назаров¹, Руслан Алексеевич Долженко²

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ nasarow.aw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2587-6618>

² rad@usue.ru <https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>

Аннотация. Образовательные организации высшего образования все меньше могут полагаться на образование и науку как миссии, в отрыве от согласования их с конкретными потребностями окружения и формирования программируемого вклада в развитие общества. Обретает важность социально-экономическая миссия образовательной организации. Взаимодействие с кругом заинтересованных сторон для университета должно иметь эффект, значимый на уровне вопросов поддержки развития и безопасности региона, учитывать цели и ценности взаимодействия в научно-образовательном процессе. В статье актуализирован блок параметров университета в обеспечении социально-экономического развития региона на примере содействия трудоустройству выпускников; представлена модель формирования и реализации программы взаимодействия, направленной на стратегическое содействие трудоустройству выпускников на вакантные позиции региональных работодателей с сохранением таким образом выпускников в регионе; представлен подход к определению интегрального результата согласованности интересов заинтересованных сторон в рамках программы.

Ключевые слова: образовательные организации высшего образования, стейкхолдеры университета, кадровая безопасность, содействие трудоустройству

Для цитирования: Назаров А. В., Долженко Р. А. Подходы к определению значимости и результата согласованности интересов сторон в системе высшего образования // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 151–165. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-151-165>

Approach to determining significance and result of consistency of the interests of the higher education organizations' stakeholders

Aleksandr V. Nazarov¹, Ruslan A. Dolzhenko²

^{1,2} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹ nasarow.aw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2587-6618>

² rad@usue.ru <https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>

Abstract. Organizations of higher education cannot only rely on education and science as missions in isolation from their alignment with the specific needs of the environment and the formation of a programmable contribution to the development of society. The socio-economic mission of an educational organization is gaining importance. Interaction with a range of stakeholders for the university should have an effect significant at the level of issues of support for the development and security

of the region, take into account the goals and values of interaction in the scientific and educational process. The article actualizes the block of university parameters in ensuring the socio-economic development of the region by the example of promoting the employment of graduates, presents a model for the formation and implementation of an interaction program aimed at strategically promoting the employment of graduates to vacant positions of regional employers, thus preserving graduates in the region, presents an approach to determining the integral result of the coherence of the interests of stakeholders within the framework of programs.

Keywords: organization of higher education, university stakeholders, personnel security, employment promotion

For citation: Nazarov A. V., Dolzhenko R. A. Approach to determining significance and result of consistency of the interests of the higher education organizations' stakeholders // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 151–165. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-151-165>

Введение

Образовательные организации высшего образования (далее – ООВО), особенно региональные, переходят в систему социально-экономических координат, в которой, помимо исполнения собственно образовательной и научной функций, для обеспечения конкурентоспособности и укрепления бренда организации необходим отклик на среду запросов широкого круга заинтересованных сторон с формированием долгосрочной системы согласования интересов, т. е. включение в собственные планы стратегического развития и практику работы способствующих этому направлений, проектов и программ. Общественно значимую роль, или «третью миссию», в данном прочтении обуславливают параметры регионально-общественно-политического и экономического устройства, организационных принципов высшего образования, а также более абстрактные параметры: степень гистерезиса социально-экономической системы и менталитет граждан. Отметим, что для российской модели третьей миссии ключевым участником процессов коммуникации и координации является государство и отдельные его органы управления, вместе с этим совмещающие роль требовательного стейкхолдера (в т. ч. и ввиду статуса учредителя для образовательных организаций).

Именно государство определяет одним из существенных показателей деятельности ООВО инновационную активность, однако третья миссия должна включать

в себя и некоммерческую работу, направленную на пользу общества [Зиневич, Балмасова, 2015]. Отечественные ученые подвергают критике практику взаимодействия российских университетов с обществом за определенную узость рамок и самоограничение [Видревич, Первухина, 2018; Кудряшова, Сорокин, Бугаенко, 2020; Сорокин, 2020]: сотрудничество может быть направлено на решение задач повышения качества образовательных и исследовательских услуг, синхронизации с запросами рынка труда, однако темы некоммерческой социальной вовлеченности могут выпадать из повестки развития взаимоотношений, при этом сами отношения ориентированы по краткосрочным целям, в частности по финансовым.

Однако в отношении региональных ООВО исследователи (например, В. А. Смирнов) делают предостережение от опоры только на третью (социальную) функцию [Смирнов, 2014] ввиду того прочтения, что это возможность презентации ООВО образовательных и научных продуктов региональным сообществам, т. е. ООВО предстает платформой формирования научной составляющей для роли драйвера развития региональной инновационной экономики и системы формирования и развития площадок реализации эффективных образовательных технологий [Островкин, Сандлер, 2021].

Таким образом, формируются контуры пересечения интересов ООВО и региона, регионального сообщества.

Включение образовательных организаций в региональную повестку, притом с позиций различных стейкхолдеров образования, рассмотрено, к примеру, А.А. Андреевым [Андреев, 2013], Е.А. Морозовой [Морозова, 2014], Л.Д. Масловым и Е.Б. Гаффоровой [Маслов, Гаффорова, 2012], М.Н. Овчинниковым [Овчинников, 2013], В.А. Смирновым [Смирнов, 2014], А.А. Спиридоновой и Е.Г. Хомутовой [Спиридонова, Хомутова, 2012], Х.Г. Тхагапсоевым [Тхагапсоев, 2014] и др. Однако подходы не вносят единого концептуального представления по системам показателей, что является принципиальным для формирования общерегиональной системы анализа согласования интересов, способной иметь черты бенчмаркинга.

Целью работы является попытка разработать подход к определению интегрального результата согласованности интересов по конкретному участку – содействию трудоустройству выпускников – в общем потенциально возможном комплексе показателей.

Дискуссионным остается вопрос, является ли содействие трудоустройству ключевым направлением, однако к настоящему моменту оно становится одной из приоритетных тем в контексте взаимодействия учредителей образовательных организаций, государственных органов (могут совпадать с учредителем), сообществ и образовательных организаций. С 2022 г. доля трудоустроенных выпускников включается в число аккредитационных показателей ООВО¹ и ранее – в иные документы по планам развития образовательной системы. Более того, тема трудоустройства выпускников с поиском инструментов их сохранения в регионе прямым образом связана с вопросами обеспечения кадровой безопасности региона (далее – КБ).

Содействие трудоустройству выпускников в системе кадровой безопасности региона

В долгосрочной перспективе КБ

определяется как важный интеллектуальный и профессиональный ресурс, обеспечивающий эффективное социально-экономическое развитие и конкурентоспособность в международной системе разделения труда [Астахова, Ларионова, Панькова, Чупрова, 2018], тем более при наличии сдерживающих социально-экономическое развитие общества факторов и необходимости поиска реализаций переориентирования интеллектуально-экономических систем [Долженко, Назаров, 2023].

Выход на позитивную динамику показателей КБ территории может рассматриваться в качестве меры согласованности усилий заинтересованных сторон благодаря содействию в сохранении выпускников ООВО (или привлечении их в регионе) образовательных организаций в регионе и наращивания инвестиций либо иной вовлеченности в поддержку и целевое развитие региональных ООВО. Каждый выпускник, желающий сохраниться в профессии согласно полученному образованию, помимо личной воли демонстрирует эффективность сообщения ООВО, предоставивших возможности профессионального развития и вовлечения с микросредой.

Перечень показателей кадровой безопасности региона представили, например, Н.В. Боровских и Е.А. Кипервар [Боровских, Кипервар, 2018]. В рамках него прямо или косвенно ООВО своими действиями и параметрами (характеристиками) может влиять на:

- индекс производительности труда – путем содействия внедрению практик научной организации труда, разработке и внедрению технических и управленческих инноваций;
- индекс человеческого развития – путем популяризации и предоставления инструментов, развивающих способность получать знания и достигать достойного их уровня;
- удельный вес занятых с высшим образованием в экономике региона – путем

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 25 ноября 2021 г. № 1094 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111290001> (дата обращения: 25.10.2023)

развития партнерских программ с работодателями и общественными организациями;

- сокращение доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума через мотивацию к обретению новых навыков и знаний, переквалификации;

- выход миграционного сальдо на положительное значение (либо сдерживание отрицательного тренда) – путем сохранения выпускников вузов в регионе и привлечения в регион высококвалифицированных кадров содействием их квалификационному развитию, в т. ч. продолжающих образование в региональных вузах.

Сконцентрируемся на последнем пункте. В рамках методического обеспечения исследования влияния ООВО на кадровую безопасность региона нас в общих миграционных потоках интересует возможность получения статистики по выпускникам.

Платформа «Факультетус»² обрабатывает базы данных «Работы России» и предоставляет интерфейс для получения статистической информации о количестве трудоустроенных выпускников в общем выпуске в разрезе образовательных организаций, регионов, отраслей, являясь единственным источником подобной информации.

В таблицах 1 и 2 в сокращенном виде представлено сопоставление зафиксированных государственными базами потоков выпускников в разрезе регионов выбытия и прибытия по отношению к Свердловской области.

В таблице 1 не показаны единичные перемещения из Тамбовской области, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа, Ненецкого автономного округа. В таблице 2 показаны топ-20 регионов, в которые мигрируют выпускники.

Представленные данные демонстрируют общий порядок миграционных показателей среди выпускников. Вывод о сокращении количества выпускников ООВО, участвующих в процессах межрегиональной трудовой миграции, теряет в корректности вне учета накопительного

эффекта за каждый последующий год после выпуска. Это не отменяет общей ситуации: сальдо по выпускникам отрицательное, что продемонстрировано в таблице 3, при этом учтено общее сокращение численности выпускников.

Некоторый тренд на сокращение выбывающих из региона выпускников ООВО с определенной долей уверенности может быть выявлен: доля выбывших в общем объеме выпуска может стать менее 14% для выпусков 2022 г. и последующих, но вновь отметим, что все еще может не быть исчерпан миграционный потенциал выпускников до 2021 г. Впрочем, представленное в таблице 4 исследование миграционных темпов сообщает, что около 90% выбывших выпускников могли принять миграционное решение в течение первого года после выпуска.

Отдельный методический интерес может представлять сопоставление разнобразия регионов-поставщиков и регионов-доноров в целях выявления комбинаций регионов с устойчиво проявляемым обменом.

В настоящий момент можно заключить, что свердловские выпускники в определенной степени обладают трудовой мобильностью, однако сама область все еще скорее является поставщиком кадров без восполнения баланса трудовых высококвалифицированных и обладающих высоким потенциалом трудовых ресурсов извне. Безработица не может быть объяснением отрицательного миграционного сальдо, т.к. согласно данным Росстата уровень безработицы в регионе является низким: 2019 г. – 4,2%, 2020 г. – 5,8%, 2021 г. – 4,1%. Нельзя исключать несоответствие структуры спроса и предложения, недостатка способных заинтересовать молодежь вакансий.

Последнее авторское исследование спроса и предложения, проведенное на примере сектора управления персоналом [Долженко, Назаров, 2023] (является релевантным для текущего исследования ввиду того, что в ООВО Свердловской области расположены наиболее крупные кафедры, производящие подготовку в сфере управления персоналом и эконо-

² Статистический модуль загрузки данных «Работа в России» // Сайт «Факультетус». URL: <https://facultetus.ru/trudvsemmonitoring> (дата обращения: 25.10.2023)

Таблица 1

**Распределение регионов, чьи выпускники ООВО мигрировали
в Свердловскую область (прибывшие) в 2019–2022 гг.**

Миграция	Из выпуска 2019 г.		Из выпуска 2020 г.		Из выпуска 2021 г.		Из выпуска 2022 г.	
	2019 чел.	2019 доля, %	2020 чел.	2020 доля, %	2021 чел.	2021 доля, %	2022 чел.	2022 доля, %
Свердловская область	3058	87,7	2756	87,19	2582	87,64	2163	86,8
Москва	269	7,71	241	7,62	232	7,88	196	7,87
Санкт-Петербург	75	2,15	84	2,66	71	2,41	62	2,49
Челябинская область	31	0,89	30	0,95	17	0,58	33	1,32
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	18	0,52	17	0,54	14	0,48	11	0,44
Тюменская область	12	0,34	2	0,06	8	0,27	8	0,32
Томская область	5	0,14	4	0,13	3	0,1	4	0,16
Ярославская область	4	0,11	4	0,13	1	0,03	3	0,12
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	0,11	3	0,09	7	0,24	–	–
Республика Крым	3	0,09	2	0,06	3	0,1	–	–
Смоленская область	2	0,06	2	0,06	1	0,03	1	0,04
Тульская область	2	0,06	1	0,03	3	0,1	1	0,04
Ульяновская область	2	0,06	4	0,13	–	–	5	0,2
Тверская область	1	0,03	3	0,09	1	0,03	1	0,04
Севастополь	–	–	4	0,13	2	0,07	–	–
Забайкальский край	–	–	2	0,06	–	–	2	0,08
<...>	<...>	<...>	<...>	<...>	<...>	<...>	<...>	<...>
Всего	3487		3161		2946		2492	

Примечание: в отношении Свердловской области демонстрируется внутрирегиональная мобильность.

Источник: составлено авторами по данным статмодуля платформы «Факультетус».

мики труда, их можно считать одной из визитных карточек ООВО Свердловской области), показывает, что Урал занимает второе-третье место по количеству публикуемых вакансий на крупнейшем рабочем портале, и направление «Управления персоналом» является не единственным востребованным с позиции работодателей.

Отметим, что по данным Росстата не сегментирующего вакансии (в частности для старта карьеры, для лиц с минимумом или отсутствием опыта работы), наблюдается устойчивый тренд на увеличение темпов роста начисленной заработной платы, что показано на рисунке 1.

Впрочем, при сопоставлении динамики указанных уровней зарплат по региону с отраженными зарплатами конкретно выпускников ООВО (рис. 2) становится заметным соотношение, указывающее на определенную смену поведения выпускников, выражающееся в сокращении влияния уровня заработной платы на миграционное решение. Можно увидеть, что зарплатное предложение чаще не превышает среднего значения для региона или существенно от него отстает.

Как упоминалось ранее, по периоду 2021–2022 гг. результаты носят характер окончательных, вместе с тем и сами выпускники ввиду последующего развития

Таблица 2

**Распределение регионов трудоустройства выпускников ООВО
Свердловской области (выбывшие) в 2019–2022 гг.**

Миграция	Из выпуска 2019 г.		Из выпуска 2020 г.		Из выпуска 2021 г.		Из выпуска 2022 г.	
	2019 чел.	2019 доля, %	2020 чел.	2020 доля, %	2021 чел.	2021 доля, %	2022 чел.	2022 доля, %
Москва	1922	44,82	1587	42,66	1402	42,8	716	36,68
Санкт-Петербург	504	11,75	420	11,29	324	9,89	176	9,02
Пермский край	270	6,3	277	7,45	273	8,33	180	9,22
Свердловская область	174	4,06	160	4,3	178	5,43	109	5,58
Московская область	151	3,52	121	3,25	105	3,21	58	2,97
Республика Башкортостан	132	3,08	117	3,15	116	3,54	103	5,28
Краснодарский край	109	2,54	103	2,77	88	2,69	60	3,07
Кемеровская область	72	1,68	87	2,34	52	1,59	23	1,18
Омская область	67	1,56	68	1,83	26	0,79	42	2,15
Новосибирская область	52	1,21	62	1,67	45	1,37	27	1,38
Оренбургская область	79	1,84	61	1,64	70	2,14	65	3,33
Республика Тыва	39	0,91	52	1,4	51	1,56	28	1,43
Нижегородская область	24	0,56	46	1,24	32	0,98	32	1,64
Удмуртская Республика	53	1,24	41	1,1	33	1,01	19	0,97
Республика Татарстан	49	1,14	40	1,08	27	0,82	21	1,08
Республика Саха (Якутия)	36	0,84	37	0,99	28	0,85	15	0,77
Красноярский край	76	1,77	30	0,81	46	1,4	34	1,74
Кировская область	15	0,35	23	0,62	14	0,43	13	0,67
Самарская область	43	1	21	0,56	18	0,55	13	0,67
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	34	0,79	21	0,56	17	0,52	13	0,67
<...>	<...>	<...>	<...>	<...>	<...>	<...>	<...>	<...>
Всего	4288		3720		3276		1952	

Примечание: в отношении Свердловской области демонстрируется внутрирегиональная мобильность.

Источник: составлено авторами по данным статмодуля платформы «Факультетус».

Таблица 3

**Сальдо миграции выпускников ООВО в Свердловской области
в 2019–2022 гг.**

Год	Прибывшие, чел.	Выбывшие, чел.	Сальдо, чел.	Всего выпускников ООВО (округ.), чел.	Доля выбывших в общем объеме выпуска, %
2019	429	4114	-3685	28000	14,7
2020	405	3560	-3155	25500	14,0
2021	364	3098	-2734	23900	13,0
2022	329	1843	-1514	23500	7,8

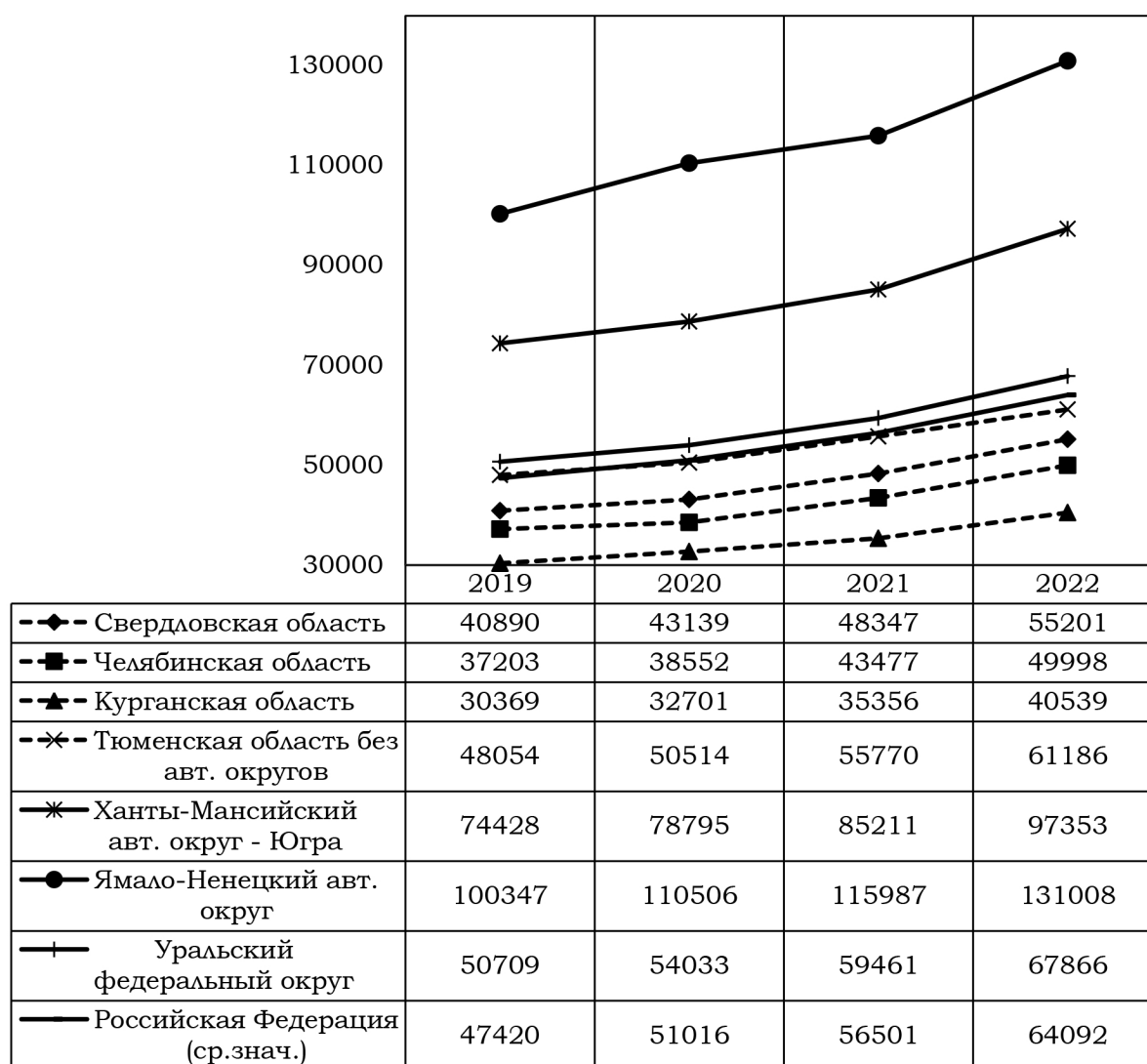
Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Динамика миграционных темпов в Свердловской области в 2019–2022 гг.

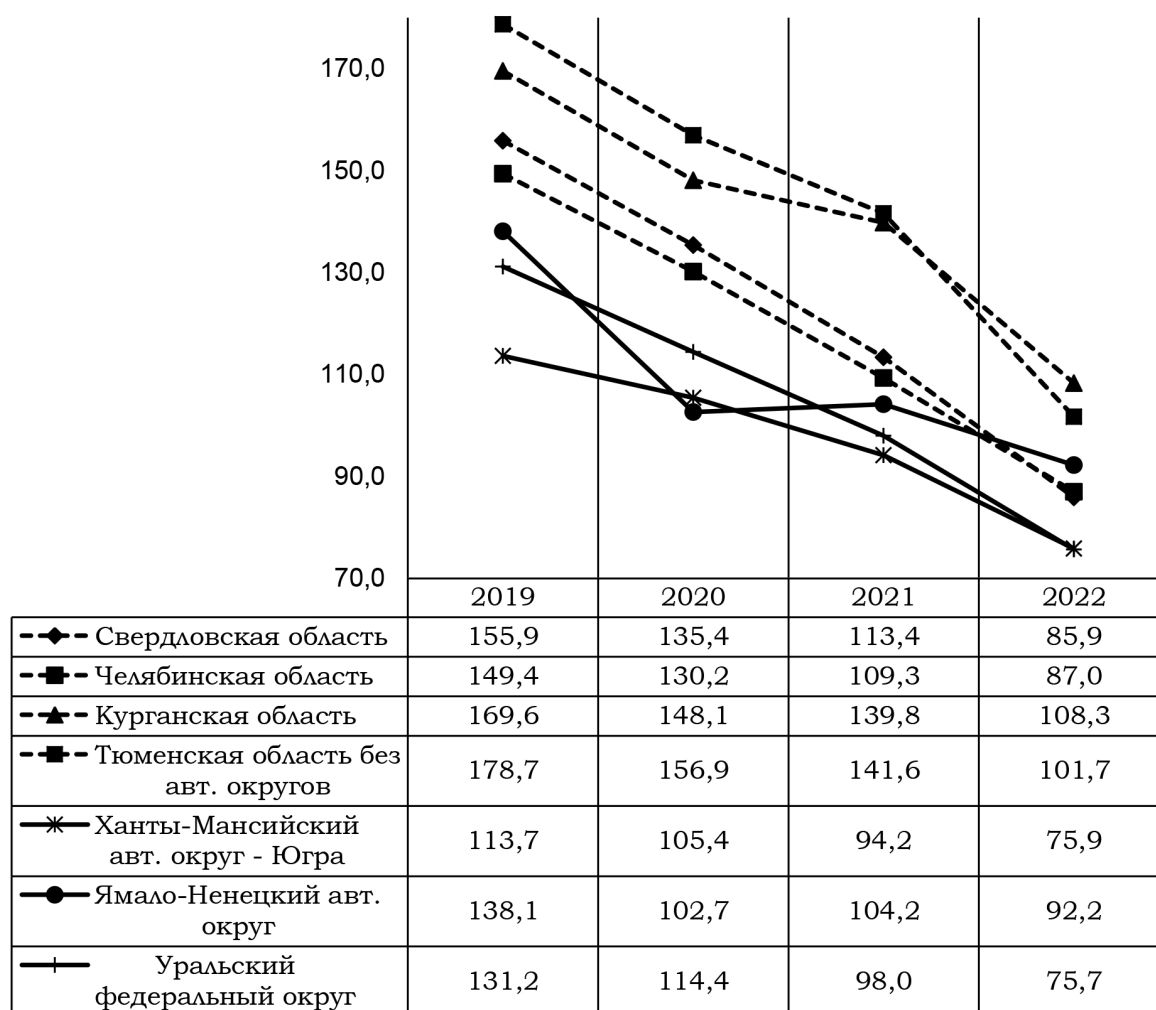
Периоды	Прибывшие, %.	Выбывшие, %.	Сальдо, %.	Всего выпускников ООВО (округа.), %	Доля выбывших в общем объеме выпуска, %
2020 к 2019	0,94	0,87	0,86	0,91	0,95
2021 к 2020	0,90	0,87	0,87	0,94	0,93
2022 к 2021	0,90	0,59	0,55	0,98	0,61

Источник: составлено авторами.

Источник: составлено авторами по данным статмодуля платформы «Факультетус».

Рис. 1. Динамика среднего уровня среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций Уральского федерального округа в 2019–2022 гг., руб.

Источник: составлено авторами по данным статмодуля платформы «Факультетус».

Рис. 2. Соотношение средних уровней начисленных заработных плат выпускников ООВО к средним уровням заработных плат по региону в 2019–2022 гг., %

профессиональных компетенций способны претендовать на более высокооплачиваемые карьерные предложения. Однако представленные материалы указывают, что в течение как минимум первого года после выпуска при межрегиональной миграции имеет значимость не только вопрос материальной мотивации, присутствуют и другие факторы, на часть из которых может повлиять ООВО и ее кадровые партнеры в целях сохранения выпускника в регионе.

Модель разработки и реализации программы

В. А. Смирнов отмечает, что для преодоления ключевых факторов риска

включения ООВО в региональный рынок возможны две стратегии:

- максимально широкое открытие пространства ООВО сообществам региона;

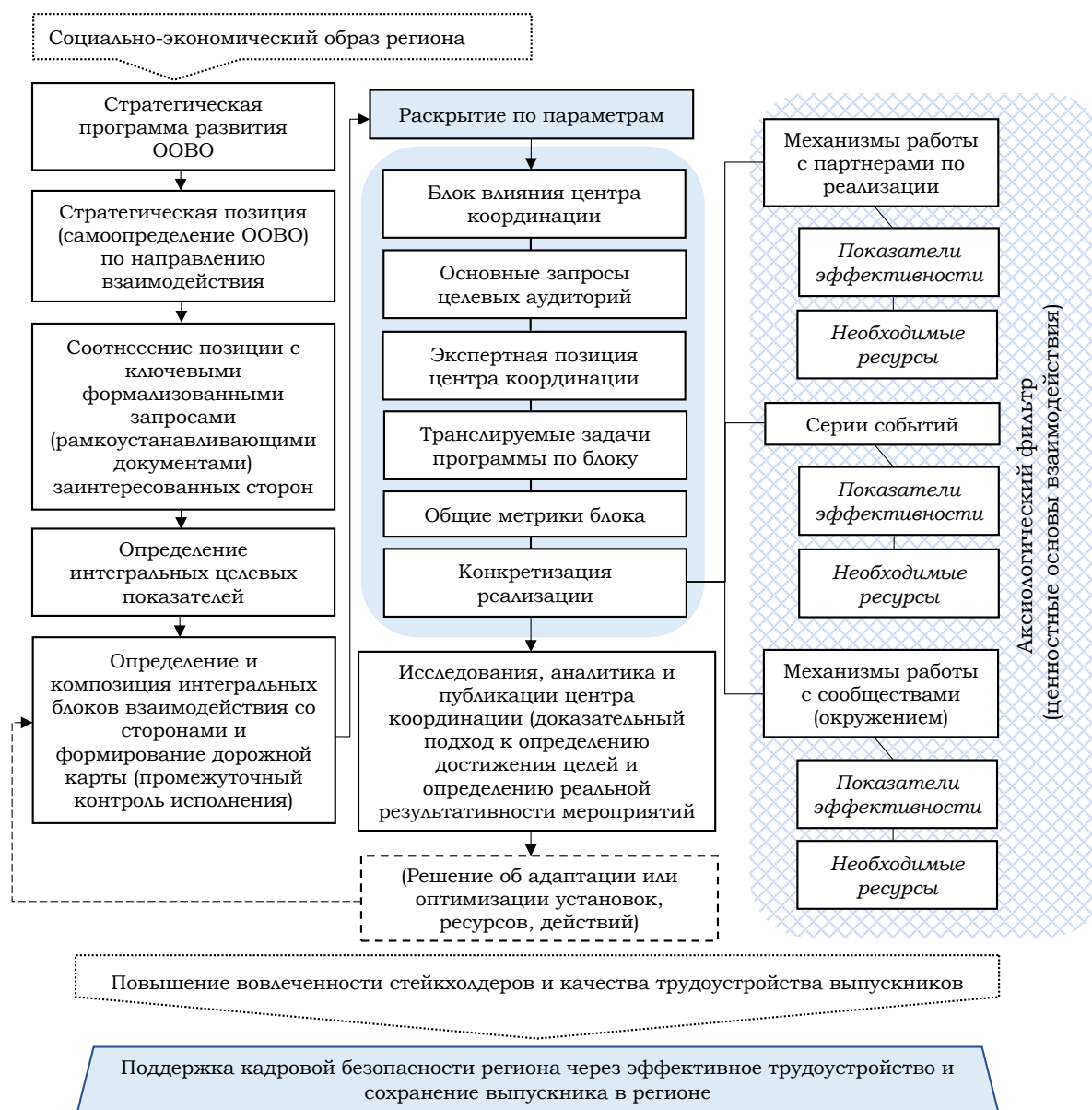
- производство событий, не реализуемых другими социальными институтами региона [Смирнов, 2014].

По нашему мнению, скорее это два стратегических проекта вовлечения ООВО в региональную повестку и придания динамики развитию конкретных запросов, поскольку открытие пространства ООВО (не только физической территории) может иметь реализацию именно в виде уникальных мероприятий, «упа-

кованных» в программу развития взаимоотношений, способную привести к повышению согласованности общих усилий. При этом в реализации учитываться должны и целевые, и ценностные ожидания и эффекты взаимодействия заинтересованных сторон, при этом согласуясь со стратегическими позициями и планами ООВО (а может быть, и корректируя их). Раскрытие модели реализации и адаптации подобной стратегической программы, ориентированной на генерацию событий по содействию трудоу-

стройству, представлено на рисунке 3.

Программа сфокусирована на удовлетворении потребностей в замещении вакантных должностей молодых специалистов на предприятиях и организациях региона – кадровых партнерах ООВО привлечением к трудоустройству выпускников конкретной ООВО согласно направленности (профилю) подготовки с минимизацией сроков ожидания (отклика сторон). Объемность и разнообразие содержания преследует задачу диверсификации и синергии методов внушения

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Модель реализации ценностно-целевой стратегической программы

получателю программы осознанности в профессиональном, компетентностном измерении во время обучения; вовлечения в осознанное построение индивидуальной траектории развития в целях фасилитации процесса выхода на рынок труда.

При этом при подготовке к формированию и реализации программы центр координации ее исполнения в своей деятельности учитывает:

- планы социально-экономического развития региона (и муниципалитетов – при востребованности);
- наличие перечня направлений (сфер), поддержка кадровой обеспеченности которых является приоритетной согласно официальным документам и запросам федеральной и региональной власти;
- оценку удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников по направлениям подготовки;
- стратегические позиции, ресурсы и практики структурной коммуникации ООВО;
- на основе внутренней аналитики – по опросам, статистическим данным и пр. – текущую ситуацию по диспропорциям в занятости (или потенциальной занятости) в разрезе направлений подготовки, самостоятельной активности выпускников (будущих выпускников) на рынке труда для определения направлений, требующих поддержки ввиду ограниченности спроса или иных факторов;
- оценку удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников по направлениям подготовки;
- формы и условия направления инвестиций в ООВО со стороны работодателей-партнеров;
- аксиологические основы взаимодействия заинтересованных сторон, в т. ч. для поиска и обоснования нефинансовых вариантов и повышения отклика конкретной стороны на процессы и результаты взаимодействия по программе.

Определение интегрального результата

В целом исследователями в различных соотношениях и построениях отмечают три вектора влияния ООВО в отношении региона [Беляков, Краснова, 2016; Болгова, 2019; Каменских, 2014; Курбатова, Каган, 2017; Кушников, Хаджинов, 2022; Огурцова, Перфильева, Фирсова, 2017]:

- его инновационное развитие, с

одной стороны, понимаемое как коммерциализация разработок, технологий, знаний, а с другой – производство самого знания, т. е. научные публикации и цитирования по ним в научных базах данных;

- развитие человеческого капитала ввиду подготовки высококвалифицированных кадров с ожиданием получения ими уровня заработной платы не меньшего, чем у не имеющих статус выпускника ООВО;

– непосредственно экономическое развитие – через налоговые отчисления, генерацию доходов от инфраструктуры (кампуса) и пр., а также соотношение средней зарплаты работников ООВО к средней зарплате в регионе.

В частности, опираясь исключительно на уровень зарплаты работников ООВО, их стаж и коэффициент увеличения доходов, определяют общий вклад образования С.А. Беляков и Г.А. Краснова [Беляков, Краснова, 2016]. Наиболее же полный перечень входных ресурсов и выходных показателей результативности, по нашему мнению, представлен Е.В. Огурцовой, О.В. Перфильевой, А.А. Фирсовой [Огурцова, Перфильева, Фирсова, 2017], впрочем, в дальнейшем желательно продолжение исследований в виде формирования объединенной модели учета (к примеру, системы сбалансированных показателей).

Авторский же подход к определению интегрального показателя результативности взаимодействия ООВО с внешней средой в контексте направленности на содействие трудоустройству как важному для кадровой безопасности региона фактору опирается на принятие результативности трудоустройства выпускников, а точнее – на динамику скорости трудоустройства с ориентиром на соответствие места трудоустройства (должности, характера деятельности) направлению (профилю) подготовки и сохранение кадров в регионе по получении образования. Конкретное цифровое значение существенно зависит от обладания ООВО (его координатным центром по стейкхолдерской программе) фактическими, а не расчетными данными. Однако даже с опорой на средние значения из открытой статистики возможно построение и получение ожидаемого предельного результата, который предлагается выразить следующей

функцией (формула 1)

$$FPc = f_a \left(Rg_a, \downarrow_{n \rightarrow 0} Le_a, Se_a, Te_a, Is_a \right) - f_d(Rg_d, Le_d, Se_d, Te_d, Is_d), \quad (1)$$

где Pc – результативность согласованности;

f_a – функция согласованности (при управляющем воздействии);

f_d – функция несогласованности (вне воздействия);

Rg – количество выпускников, оставшихся в регионе (согласно используемому срезу по уровням квалификации и формам обучения, если не рассматривается выпуск целиком);

Le – распределение выпускников по времени ожидания их трудоустройства (накопительно, в пределе до 100% от выпуска);

$\downarrow_{n \rightarrow 0} Le_a$ – ожидание минимизации периода поиска и выхода на место трудоустройства максимально возможного количества выпускников (вследствие отклика по мероприятиям в рамках программы);

Se – средний уровень заработной платы в регионе, применяемый при невозможности оперировать фактическими данными по каждому выпускнику; при наличии фактических данных подменяется на $\sum_{i=1}^n Se$, или сумму фактических заработных плат выпускников;

Te – доля налоговых отчислений, которая при наличии фактических данных может быть заменена на $\sum_{i=1}^n Te$, или сумму фактических налоговых отчислений, что заодно могло бы продемонстрировать доли лиц с различными налоговыми статусами (ИП, самозанятый, нерезидент, пребывание в теневом секторе экономики и пр.);

Is – дополнительный параметр учета (при наличии) инвестиций партнеров программы в ее реализацию, либо в целом в ООВО в целях развития сотрудничества по направлению содействия трудоустройству, а также профильных грантов и иных мер государственной и частной поддержки.

Для демонстрации примерного предполагаемого экономического результата (при введении программы) без указания объема инвестиций автором была использована внутренняя отчетность под-

разделения ООВО, курирующего вопросы трудоустройства выпускников за период 2020–2022 гг. В таблице 5 отображены только выпускники по очной форме (иные, на основе опыта прошлых лет, существенного вклада не вносят ввиду совмещения работы и обучения).

По представленным данным заметно, что существенная часть выпускников трудоустраивается в течение года после выпуска – в том числе и в пандемийное время. В рамках данных заметна следующая тенденция: к 2022 г. 86,8% выпускников были трудоустроены уже в течение 6 месяцев после выпуска.

Гипотетическое сокращение скорости нахождения студентом места работы вдвое как вполне адекватный результат согласования интересов в рамках стратегической программы в таком случае будет в скорости начала формирования и в размере налоговых отчислений по заработной плате в бюджет, ориентировочные расчеты в отношении чего представлены на в таблице 6.

Таким образом, при ускорении в два раза, т. е. при трудоустройстве 371 выпускника 2022 г. по очной форме обучения за 6 месяцев вместо 12 месяцев, с привязкой к средней начисленной заработной плате более 15 млн руб. могли быть дополнительно получены бюджетом России. Для региона же результат выражается в самом закрытии вакантных позиций у локальных работодателей и расходовании полученных молодым специалистом зарплатных средств также на местном рынке товаров и услуг, что обеспечивает и сохранение выпускников в регионе.

Заметим, что продемонстрирован потенциальный результат работы только одной ООВО, в то время как в Свердловской области функционирует 31 ООВО: часть из них являются ведомственными или специализированными, в связи с чем потенциал трудоустройства в момент окончания обучения ими во многом уже раскрыт и дополнительный потенциал они несут в меньшей степени.

Выводы

В результате проведенной работы актуализирована значимость ООВО в обеспечении социально-экономического развития региона, сформирована модель формирования и реализации программы взаимодействия, направленной на стра-

Таблица 5

Динамика скорости трудоустройства выпускников ООВО по очной форме за 2020–2022 гг.

Выпуск по очной форме бакалавриата и магистратуры	Выпуск 2020 г., чел. от общего выпуска	Выпуск 2020 г., % от общего выпуска	Выпуск 2021 г., чел. от общего выпуска	Выпуск 2021 г., % от общего выпуска	Выпуск 2022 г., чел. от общего выпуска	Выпуск 2022 г., % от общего выпуска
На момент выпуска, чел.	482	56,1	587	69,8	412	46
К 3-му месяцу, чел.	547	63,7	642	76,4	766	85,5
К 6-му месяцу, чел.	554	64,5	699	83,2	777	86,8
К 12-му месяцу после выпуска, чел.	725	84,4	783	93,2	783	89
Отклонение 3 мес. / на момент выпуска, абс.	65	7,6	55	6,6	354	39,5
Отклонение 6 мес. / 3 мес., абс.	7	0,8	57	6,8	11	1,3
Отклонение 12 мес. / 6 мес., абс.	171	19,9	84	10	6	2,2

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Объем налоговых отчислений за счет двукратного сокращения выпускниками времени выхода на работу ввиду отклика на предложения кадровых партнеров ООВО

Выпуск по очной форме бакалавриата и магистратуры	Выпуск 2020 г., чел. от общего выпуска	Выпуск 2021 г., чел. от общего выпуска	Выпуск 2022 г., чел. от общего выпуска
На момент выпуска	482	587	412
К 6-му месяцу	725	783	783
Отклонение 6 мес. / 3 мес.	243	196	371
Средняя заработная плата по региону (по данным Росстата), руб.	43 256	48 590	53 198
Возможная усредненная суммарная начисленная заработная плата за полгода с привязкой к средней заработной плате по региону, руб.	63 067 248	57 141 840	118 418 748
Возможные суммарные усредненные налоговые отчисления по НДФЛ (13%) с начисленной заработной платы с привязкой к средней заработной плате по региону, руб.	8 198 742,24	7 428 439,20	15 394 437,24

Источник: составлено авторами.

тегическое содействие этому, представлен подход к определению интегрального результата согласованности интересов в отношении содействия трудоустройству для удержания выпускников и удовлетворения потребностей работодателей в общем комплексе показателей развития и

безопасности региона.

Безусловно, содействие трудоустройству является дискуссионным направлением для определения его в качестве ключевого при оценке результативности работы ООВО, ее влияния и включенности в региональную повестку, равно как

и привлечение инвестиций партнеров может сигнализировать о востребованности ООВО и корректности, эффективности ее взаимодействий с заинтересованными сторонами, но не гарантировать обеспечение стратегических общественно значимых интересов.

В связи с этим дальнейшие исследования могут быть направлены на формирование объединенной модели комплексного учета и планирования участия ООВО в системе региональных показателей, а также формирование моделей публичных и ориентированных на контролирующие

органы дашбордов мониторинга влияния ООВО на социально-экономическое развитие и преобразование региона.

Вместе с этим дальнейшие исследования могут быть развернуты в отношении развития инструментов выявления и использования мотивов заинтересованных сторон научно-образовательного процесса в целях стратегического управления, особенно – участвующих в миграции выпускников, поскольку материальное вознаграждение, вероятно, не может самостоятельно объяснить всю наблюдаемую динамику.

Список источников:

1. Андреев А. Л. Университеты в контексте социальной истории: от «обучения культуре» к формированию креативных интеллектуальных сред // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 116–127.
2. Астахова Е. А., Ларионова Н. А., Панькова Л. Н., Чупрова Д. Б. Анализ современного состояния научных исследований в сфере кадровой безопасности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 5(68). С. 31–39.
3. Беляков С. А., Краснова Г. А. Оценка вклада системы образования в социально-экономическое развитие региона: международные тенденции и Российский опыт // Университетское управление: практика и анализ. 2016. №3 (103). С. 8–15. <https://doi.org/10.15826/umj.2016.103.011>
4. Болгова Е. В. Экономическое влияние университетов на региональный рост: современные инструменты анализа // Проблемы предприятий: теория и практика. 2019. № 1–1. С. 42–47.
5. Боровских Н. В., Кипервар Е. А. Кадровая безопасность как элемент экономической безопасности региона // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2018. №2. С. 122–126. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2018-2-122-127>
6. Видревич М. Б., Первухина И. В. Особенности формирования университетов третьего поколения в России // Казанский педагогический журнал. 2018. № 5 (130). С. 46–50.
7. Долженко Р. А., Назаров А. В. Социально-экономическое развитие страны в контексте санкционного давления // Экономическое развитие России. 2023. № 5. С. 8–18.
8. Зиневич О. В., Балмасова Т. А. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов: к постановке проблемы // Власть. 2015. № 6. С. 67–72.
9. Каменских М. А. Исследование влияния университетов на региональное экономическое развитие // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 42. С. 12–20.
10. Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э., Бугаенко О. Д. Взаимодействие университетов со сферой производства как элемент реализации «Третьей миссии» // Высшее образование в России. 2020. № 5. С. 9–21.
11. Курбатова М. В., Каган Е. С. Роль университетов в формировании научно-технического потенциала и в развитии регионов Российской Федерации // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 5. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/viewFile/123/124> (дата обращения: 25.10.2023)
12. Кушников Е. И., Хаджинов А. В. Некоторые аспекты оценки влияния образования на экономический рост // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 1. С. 535–550. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114061>
13. Маслов А. Д., Гаффорова Е. Б. Стратегическое управление вузами: анализ тре-

бований заинтересованных сторон // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 5. С. 53–60.

14. Морозова Е. А. Совершенствование управления вузами региона на основе анализа мнения студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 6 (94). С. 102–109.

15. Овчинников М. Н. Изменения в системе российского высшего профессионального образования в свете глобальных социальных и управленческих трендов // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 6. С. 19–26.

16. Огурцова Е. В., Перфильева О. В., Фирсова А. А. Показатели оценки вклада университета в инновационное развитие региона // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 4 (110). С. 53–62.

17. Островкин Д. Л., Сандлер Д. Г. Стратегическое управления в вузе: современный взгляд российских авторов // АЛЬМАНАХ КРЫМ. 2021. № 28. С. 69–87. EDN: NCEGYQ

18. Смирнов В. А. Интеграция университета в региональные процессы: возможные стратегии и ключевые факторы риска // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 6 (94). С. 57–68.

19. Сорокин С. Э. Либеральный и утилитарный подходы в эволюции представлений о миссии университетов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 3. С. 91–99.

20. Спиридонова А. А., Хомутова Е. Г. Исследование удовлетворенности студентов: подход, ориентированный на запросы потребителей // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 3. С. 91–96.

21. Тхагапсоев Х. Г. Региональный вуз выпадает из стратегии развития отечественного образования // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 38–42.

References:

1. Andreev A. L. (2013) Universities in the context of social history: from «teaching culture» to the formation of creative intellectual environments *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. No. 6: 116–127.

2. Astakhova E. A., Larionova N. A., Pankova L. N., Chuprova D. B. (2018) Analysis of the current state of scientific research in the field of personnel security *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus Federal University]. No. 5: 31–39.

3. Belyakov S. A., Krasnova G. A. (2016) Assessment of the contribution of the education system to the socio-economic development of the region: international trends and Russian experience *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No.3 (103): 8–15. <https://doi.org/10.15826/umj.2016.103.011>

4. Bolgova E. V. (2019) The economic impact of universities on regional growth: modern tools of analysis *Problemy predpriyatij: teoriya i praktika* [Problems of enterprises: theory and practice]. No. 1–1: 42–47.

5. Borovskikh N. V., Kipervar E. A. (2018) Personnel security as an element of economic security of the region *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'»* [Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. Story. Modernity”]. No. 2: 122–126. . <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2018-2-122-127>

6. Vidrevich M. B., Pervukhina I. V. (2018) Features of the formation of third-generation universities in Russia *Kazanskiy pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. No.5 (130): 46–50.

7. Dolzhenko R. A., Nazarov A. V. (2023) Socio-economic development of the country in the context of sanctions pressure *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia]. No. 5: 8–18.

8. Zinevich O. V., Balmasova T. A. (2015) The «third mission» and the social involvement of universities: towards the formulation of the problem *Vlast'* [Power]. No. 6: 67–72.

9. Kamenskikh M. A. (2014) Research of the influence of universities on regional economic development *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice]. No. 42: 12–20.

10. Kudryashova E. V., Sorokin S. E., Bugayenko O. D. (2020) Interaction of universities with the sphere of production as an element of the implementation of the «third mission» *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. No. 5: 9–21.
11. Kurbatova M. V., Kagan E. S. (2017) The role of universities in the formation of scientific and technical potential and in the development of the regions of the Russian Federation *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. Vol. 21. No. 5. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/viewFile/123/124>
12. Kushnikov E. I., Khadzhinov L. V. (2022) Some aspects of assessing the impact of education on economic growth *Voprosy innovacionnoj ekonomiki* [Issues of innovative economics]. Vol. 12. No. 1: 535–550 <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114061>
13. Maslov L. D., Gafforova E. B. (2012) Strategic management of universities: analysis of the requirements of stakeholders *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 5: 53–60.
14. Morozova E. A. (2014) Improving the management of universities in the region based on the analysis of students' opinions *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 6 (94): 102–109.
15. Ovchinnikov M. N. (2013) Changes in the system of Russian higher professional education in the light of global social and managerial trends *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 6: 19–26.
16. Ogurtsova E. V., Perfilieva O. V., Firsova A. A. (2017) Indicators for assessing the contribution of the university to the innovative development of the region *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 4 (110): 53–62.
17. Ostrovkin D. L., Sandler D. G. (2021) Strategic management in higher education: a modern view of Russian authors *AL'MANAH KRYM* [ALMANAC CRIMEA]. No. 28: 69–87. EDN: NCEGYQ
18. Smirnov V. A. (2014) University integration into regional processes: possible strategies and key risk factors *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 6 (94): 57–68.
19. Sorokin S. E. (2020) Liberal and utilitarian approaches in the evolution of ideas about the mission of universities *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) federal university. Series: Humanities and Social Sciences]. 2020. No. 3: 91–99.
20. Spiridonova A. A., Khomutova E. G. (2012) Student satisfaction research: a consumer-oriented approach *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 3: 91–96.
21. Tkhagapsoev H. G. (2014) Regional'nyj vuz vypadaet iz strategii razvitiya otechestvennogo obrazovaniya *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2014. No. 2: 38–42.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 27.11.2023.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 27.11.2023.

Информация об авторах

А. В. Назаров – старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет;

Р. А. Долженко – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет.

Information about the authors

A.V. Nazarov – lecturer of the Labour Economics and Human Resources Management Faculty, Ural State University of Economics

R.A. Dolzhenko – Doctor of Science (Economics), professor of the Labour Economics and Human Resources Management Faculty, Ural State University of Economics

Научная статья

УДК 378.126:316.4

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-166-176

К вопросу о новых подходах к подготовке педагога: социологический аспект

Марина Александровна Черевко^{1,2}¹ Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Россия² Дальневосточный филиал Российский государственный университет правосудия, Хабаровск, Россия

Bugoenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации, связанной с выработкой и применением новых подходов к подготовке педагогического корпуса и решению проблем дефицита работников в школах. В соответствии с докладом заместителя председателя Правительства Российской Федерации по вопросам социальной политики Татьяны Голиковой, нехватка учителей на 1 октября 2023 г. составила около 11 тыс. чел., что требует усиленных мер по наращиванию кадрового потенциала в школах на всей территории и особенно в отдаленных местностях¹. С позиции социологического ракурса автор иллюстрирует двусторонний взгляд на обозначенную проблематику. С одной стороны, интерес представляет анализ нормативного правового регулирования подготовки специалистов для системы основного общего образования, с другой стороны, отношение общества и основных заказчиков образовательных услуг к заданным государственным векторам. Приведенные в статье эмпирические данные противоречат гибким образовательным траекториям, выработанным государством при формировании новых педагогических компетенций у будущих педагогов. Серьезным основанием, неблагоприятно влияющим на развитие педагогического образования, является нынешнее состояние педагогических кадров на всех уровнях. Статья иллюстрирует взгляд респондентов-родителей (заказчиков образовательной услуги) на новые подходы, положенные в основу современной подготовки школьных учителей. Вместе с тем новые векторы решения кадровых потребностей в школах отягощены как существующим возрастным, так и гендерным дисбалансом. В статье приведены качественные и количественные данные, свидетельствующие о медленном обновлении педагогического корпуса. Также раскрывается отношение родительского сообщества к педагогам-практикам и анализируются проблемы молодых специалистов, пришедших в школу без базового педагогического образования. Автор расставляет акценты целесообразности методологического обоснования содержания педагогической подготовки специалистов, не имеющих базового психолого-педагогического образования. Отмечена перспективность научного осмысления данной проблематики наряду с ростом интереса к качеству подготовки педагогов, сделаны основные выводы и изложены рекомендации.

Ключевые слова: социологические исследования, родительская общественность, молодые учителя, педагог-практик, педагогическое образование, профессиональная адаптация, педагогическая деятельность

Для цитирования: Черевко М. А. К вопросу о новых подходах к подготовке педагога: социологический аспект // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 166–176. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-166-176>

¹ В России не хватает 11 тысяч учителей, заявили в Совфеде. URL: <https://47news.ru/articles/239506/>

On the issue of new approaches to teacher training: sociological aspect

Marina A. Cherevko^{1, 2}

¹ The Far-Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia

² The Far-Eastern branch of the Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia, Bugoenko@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of situation related to the development and application of new approaches to the training of the teaching staff and solving the problems of shortage of workers in schools. In accordance with the report of the Deputy Prime Minister of the Russian Federation on social policy Tatyana Golikova, the shortage of teachers as of October 1, 2023 amounted to about 11 thousand people, which requires enhanced measures to build personnel capacity in schools throughout the territory and, especially, in the remote areas. From a sociological perspective, the author illustrates two-sided view of the identified issues. On the one hand, it is of interest to analyze the legal regulation of the training of specialists for the system of basic general education, and on the other hand, the attitude of society and the main customers of educational services to given government vectors. The empirical data presented in the article contradict the flexible educational trajectories developed by the state in the formation of new pedagogical competencies among the future teachers. A serious reason that adversely affects the development of teacher education is the current state of teaching staff at all levels. The article illustrates the view of parent respondents (customers of educational services) on new approaches that form the basis of modern training of school teachers. At the same time, new vectors for solving staffing needs in schools are burdened by both the existing age and gender imbalances. The article provides qualitative and quantitative data indicating the slow renewal of teaching staff. The article reveals the attitude of parent community towards practicing teachers and analyzes the problems of young specialists who came to school without basic pedagogical education. The author emphasizes feasibility of methodological substantiation of the content of pedagogical training of specialists who do not have a basic psychological and pedagogical education. The promise of scientific understanding of this issue along with the growing interest in the quality of teacher training is noted, the main conclusions are drawn and recommendations are outlined.*

Keywords: *teacher-practitioner, additional professional education, professional self-determination, professional plans, teacher education, professional adaptation, professional motivation, pedagogical activity*

For citation: Cherevko M. A. On the issue of new approaches to teacher training: sociological aspect // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 166–176. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-166-176>

Введение

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» статья 46 закона предоставляет право на занятие педагогической деятельностью лицам, имеющим среднее профессиональное или высшее образование и отвечающим квалификационным

требованиям, указанным в квалификационных справочниках или профессиональном стандарте.²

В свою очередь, Министерство просвещения Российской Федерации, раскрывая вопрос о применении требований профессионального стандарта педагога к уровню образования учителей,

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). URL: <https://www.consultant.ru>.

дает разъяснения о том, что учителю при наличии среднего профессионального или высшего образования в своей предметной области не обязательно иметь диплом педагога. Согласно действующему Профстандарту педагога учителями могут работать люди с профильным высшим образованием, с образованием по профильному предмету, а также студенты педагогических вузов старше третьего курса. Кандидат на должность учителя должен иметь высшее образование или среднее профессиональное образование в области, которая соответствует преподаваемому предмету, без предъявления требований к стажу работы по педагогической деятельности. Согласно разъяснениям Министерства образования и науки Российской Федерации дополнительное профессиональное образование должно быть получено по дополнительной профессиональной программе в области образования и педагогики.³ Следовательно, на сегодняшний день специализация по направлению подготовки «Образование и педагогические науки» не является обязательным условием при приеме на должность учителя.

Вместе с тем не стоит забывать, что профессия учителя относится к социальным профессиям, с вытекающим отсюда мышлением, сознанием поведением, самобытной культурой. Формирование данных компонентов происходит в период получения образования. Социально-экономический вид профессии соотносится с личным профилем человека, наделяя его при этом определенными индивидуально-личностными качествами (готовность к самореализации и самосовершенствованию, способность самостоятельно организовывать свою работу и работу других, доброжелательность к людям, умение слушать и слышать, способность к эмпатийному общению). В деятельности помогающих профессий основными моральными принципами являются негласные этические нормы, которые не зафиксированы ни в одном документе, но реально существуют и предъявляются работнику его клиентами. В силу этого невозможной представляется

успешная самореализация в профессии без наличия таких характерных черт как уважение к другим, доброжелательность и терпимость, интерес к окружающему миру, любовь к людям, способность к рефлексии, толерантность. Следовательно, грамотный инженер, маркетолог или геолог, осуществивший повторный профессиональный выбор в пользу педагогической деятельности, может быть и не наделен данными личностно важными качествами, так как в силу его базового профессионального ракурса они не являлись сопутствующими.

Анализируя роль и место базовой профессии в жизни человека, П. Сорокин характеризует ее следующим образом: «... она механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом – всю его природу, какова профессия человека, такова его психология и идеология» [Сорокин, 1993. С. 189] Базовая профессиональная деятельность выступает направляющим вектором жизнедеятельности человека, индивиды, имеющие сходные профессии, при всех их различиях будут иметь ряд общих интересов, профессионально-ценностных установок, обусловленных сходством выделенной сферы деятельности.

Статистические данные, взятые из сборника НИУ ВШЭ «Образование в цифрах», свидетельствуют о том, что в 2021–2022 учебном году каждый шестой учитель в российских школах не имел высшего педагогического образования (15,9% от общего числа, или 172 300 чел.). Большинство же учителей имеют высшее педагогическое образование – 84,1% от общего числа (911 100 чел.). Общероссийская тенденция с педагогическими кадрами далека, к сожалению, от оптимистического прогноза. Так, на сегодняшний день на территории Российской Федерации трудится около 1 млн 200 тыс. учителей, из которых 85% составляют женщины; долю молодых учителей в возрасте до 30 лет составляет 6%; учителей старше 50 лет – 70% учительского корпуса; 24% составляют

³ Письмо Минобрнауки России от 25.08.2015 № АК-2453/06. URL: <https://www.consultant.ru>.

остальные педагогические работники. Дефицитность учительского корпуса составляет 240 тыс. чел. [Гохберг, Кузьмичева, 2022. С. 54].

По данным Министерства образования и науки Хабаровского края по состоянию на 2022 год в крае было задействовано 9 тыс. учителей, средний возраст составлял 48 лет. Вместе с тем эмпирические данные свидетельствуют о том, что на этапе получения высшего педагогического образования будущие учителя рассматривают обучение в педагогических вузах как полноценную возможность получения достойного высшего образования и как путь в педагогическую профессию (табл. 1). Студенты демонстрируют профессиональную готовность к выполнению профессиональных функций по выбранной сфере деятельности.

Вместе с тем, несмотря на сформированную готовность к педагогической работе, только 25% выпускников педагогических вузов идут работать в школы. Как показывает реальная картина, все попытки государственной поддержки молодых учителей в формате увеличения заработной платы, реализации программы «Земский учитель» и ряда других социальных программ незначительно изменили общий проблемный фон. На конец

2022 г. в стране насчитывается 1,08 млн учителей, данная тенденция является неизменной с 2018 г. [Гохберг, Кузьмичева, 2022. С. 72].

Вместе с тем ряд проблем, с которыми сталкиваются молодые педагоги в первые годы педагогической деятельности, создают подходящие условия для трансформации профессиональных мотивов и, как следствие, изменений профессиональных траекторий. Среди причин, влияющих на полноценное становление молодого учителя, сами респонденты отмечают такие причины, как «дефицит опыта в преподавании предмета», «дефицит опыта в планировании своего рабочего времени», «дефицит времени общения с близкими и родными», «дефицит опыта в работе с родителями». Безусловно, решение данного рода проблем требует системного введения в школах института наставничества, основанного на полноценном финансовом и методологическом обеспечении.⁴ Мероприятия, связанные с декларативными подходами в решении данного рода проблем, оказываются непродуктивными.

В свете существующих проблем, государство отказывается от системной работы по введению полноценного института наставничества с целью перспективного

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какими мотивами был определен ваш выбор трудовой деятельности?» (в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Работа в школе – временное место работы для формирования первичного социально-трудового опыта	6,0
Я всегда хотел работать по выбранной специальности в школе	54,5
Я не планировал работать в школе, этому способствовало стечение обстоятельств	36,6
Пришло осознание выбранной профессиональной сферы деятельности	2,9

Источник: составлено автором на основе опроса «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства»⁴.

⁴ Результаты опроса по теме «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства» с 20 ноября 2021 года по 30 февраля 2022 года. Методом случайного отбора опрошено 237 молодых учителей, имеющих стаж педагогической деятельности в школе от 1 года до 5 лет. В опросе приняли участие респонденты из Хабаровского края, Приморского края, Сахалинской области, Амурской области Республики Саха (Якутия). Руководитель исследования: канд. социол. наук, доцент М. А. Черевко.

закрепления молодых педагогов в школах и поиску новых подходов. В июне 2023 г. руководитель Министерства просвещения Российской Федерации Сергей Сергеевич Кравцов выступил с инициативой о подготовке педагогов для средней школы (с 5-го по 9-й класс) в системе среднего профессионального образования (далее – СПО). Он охарактеризовал подходы, связанные с разработкой проекта федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования, по подготовке учителей-предметников для основной школы. Целесообразно отметить, что на сегодняшний день в рамках среднего профессионального образования идет обучение специалистов для дошкольных образовательных организаций и начальных школ⁵.

В контексте заявленных проблем интерес представляет анализ выступления учителя физико-математического лицея «Вторая школа» Леонида Перлова, прокомментировавшего ситуацию с предложенными изменениями в сфере подготовки учителей: «Преподавать в школе – это не просто учить детей математике или географии, это в первую очередь педагогика, это сложное искусство. Человеческий

век с СПО слишком молод для преподавания в средней школе, а также у него нет достаточного жизненного опыта, что может негативно сказываться на отношениях как с учениками, так и с их родителями»⁶. Следует отметить, что сейчас в рамках СПО готовят лишь специалистов для детских садов и начальных школ, а учителя-предметники обязаны заканчивать педагогический вуз.

Результаты исследования

В рамках преобразований в системе подготовки учительских кадров и трансформации системы педагогического образования было проведено исследование, направленное на выявление отношения основных заказчиков школьной образовательной услуги – родительского сообщества к изучаемой проблематике.⁷ Распределение ответов на вопрос: «Вам известно, что на сегодняшний день работать учителем в школе может специалист-практик, не имеющий высшего педагогического образования, прошедший только профессиональную переподготовку по психолого-педагогическому направлению?» свидетельствует, что три четверти опрошенных, независимо от информированности, ответили отрицательно (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Вам известно, что на сегодняшний день работать учителем в школе может специалист-практик, не имеющий высшего педагогического образования, прошедший только профессиональную переподготовку по психолого-педагогическому направлению?» (в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Да, известно, я поддерживаю этот подход	13,0
Нет, не известно, я против данного подхода	53,0
Да, известно, я против данного подхода	22,0
Нет, не известно, но я поддерживаю этот подход	12,0

Источник: составлено автором на основе опроса «Подготовка учительского корпуса в условиях современных образовательных реформ»⁷.

⁵ Сергей Кравцов: в колледжах начнут готовить учителей для основной школы. URL: <https://rg.ru/2023/06/16/sergej-kravcov-v-kolledzhah-nachnut-gotovit-uchitelej-dlia-osnovnoj-shkoly.html>

⁶ Каждый шестой учитель в России не имеет высшего педагогического образования. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/24/991626-kazhdii-shestoi-uchitel-v-rossii-ne-imeet-visshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya>

⁷ Результаты опроса по теме «Подготовка учительского корпуса в условиях современных образовательных реформ» с 1 февраля 2023 года по 1 сентября 2023 года. Методом случайного отбора опрошено 263 респондента. В опросе приняли участие респонденты из Хабаровского края, Приморского края, Сахалинской области, Амурской области. Руководитель исследования: канд. социол. наук, доцент М. А. Черевко.

Следовательно, в экстренных мерах по решению кадрового дефицита школьных учителей мнению родительского сообщества не уделяется в основное внимание при разработке новых образовательных стандартов и внесении изменений в законодательные акты. При этом целесообразно отметить, что ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» достаточно аргументированно предоставляет право родителям (законным представителям) участвовать в мероприятиях, связанных с оценкой и качеством как предоставляемых образовательных услуг, так и нормативных правовых документов, регулирующих данного вида услуги.

Вместе с тем обязательная программа по дополнительной профессиональной переподготовке по психолого-педагогическому направлению наделяет специалиста-практика лишь базовыми компетенциями, формируя поверхностные педагогическим векторы работы с детьми. Отсутствие всех видов педагогической практики, фундаментальных знаний возрастной психологии, педагогики, создают, по отзывам респондентов, проблемы межкуммуникационного спектра в системе координат учащийся – учитель. В данном контексте интерес представляет анализ позиций оргсекретаря профсоюза «Учитель» Ольги Мирясовой. По ее мнению, для учителей нужно высшее образование, «по крайней мере – бакалавриат». В свою очередь, сопредседатель профсоюза «Учитель», преподаватель русского языка

и литературы Всеволод Луховицкий выражает сомнения по поводу того, что преподаватели из колледжей и специалисты-практики обеспечат приток кадров в школы в ближайшей перспективе. Как видно из результатов опроса, отсутствие базового педагогического образования рассматривается родителями как преграда на пути к формированию полноценного образовательного пространства для учащихся (табл. 3). Очевидно, что для осуществления своей деятельности учителю необходимо обладать готовностью к решению профессиональных и педагогических задач, иметь базовый уровень профессиональной педагогической компетентности. Однако требования, предъявляемые к современному педагогу, отраженные в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», не предусматривают дифференциацию на педагогов имеющих и не имеющих педагогическое образование. В целом, проанализировав содержание профессионального стандарта педагога и существующие нормативные правовые документы по данному вопросу, можно резюмировать, что педагог-специалист, приступивший к работе в образовательной организации, имеет уровень квалификации, достаточный для ее осуществления. Интерес, на наш взгляд, представляет определение «достаточный уровень квалификации», его критерии и основные содержательные элементы.

Основная часть респондентов справедливо полагают, что отсутствие фун-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считает, отсутствие высшего педагогического образования влияет на качество преподаваемого предмета в школе?» (в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Нет, не влияет. Считаю, что профильному предмету должен обучать специалист-практик и знание психологии и педагогики не так значимо	0
Да, влияет. Учитель должен обладать полноценными психолого-педагогическими знаниями для работы в школе	58,0
Нет не влияет. Считаю, что профильному предмету должен обучать специалист-практик, но отсутствие фундаментальных знаний по педагогике и психологии может создавать конфликтные ситуации с обучающимися и их родителями	13,0
Нет, не влияет. Все зависит от личности учителя, его уважения к детям и желания работать с детьми	29.0

Источник: составлено автором на основе опроса «Подготовка учительского корпуса в условиях современных образовательных реформ»⁷.

даментальных знаний у учителей по педагогике и психологии может создавать конфликтные ситуации с обучающимися и их родителями. Следует отметить, что до недавнего времени в основе реформирования педагогического образования и понимания вопроса компетентности современного педагога лежала модель, основанная на понимании того, что содержание работы и опыт учителя следует анализировать с позиции применения компетентностного подхода (качество знаний, педагогический опыт). Согласно идеи компетентностного подхода, учителю важно создавать такие условия в образовательном пространстве, чтобы обучаемый мог самостоятельно решать учебные и познавательные задачи, сформировать универсальные способы деятельности, применимые в различных жизненных ситуациях. Следует отметить, что для профессиональной педагогической деятельности базовыми представляются компетенции, необходимые для «построения» работы учителя в контексте требований к системе современного школьного образования [Лаптева, Тряпицина, 2002. С. 68].

На фоне острого кадрового дефицита и привлечения к педагогической работе специалистов, не имеющих базового педагогического образования, с одной стороны, несоответствия методологической и философской позиции учителя актуальной действительности, запросов к результатам труда реальным условиям ра-

боты педагога (большая документальная загруженность, большая наполняемость классов и др.), с другой стороны, педагогам все чаще бывают свойственны такие качества, как пассивность, безынициативность, ригидность, неспособность к мобильности, отсутствие интереса к выполняемой деятельности. Вместе с тем, родительское сообщество желает видеть в каждом учителе выраженную способность мотивировать учащихся к получению знаний и создавать условия для их эмоционального благополучия (табл. 4).

Совершенно справедлива в данном контексте позиция Э. Эриксона, который выделяет 4 основных условия для эмоционального благополучия личности: развитое чувство индивидуальности, умение общаться, умение создавать близкие отношения, умение проявлять активность. Профессиональная способность учителя заключается в формировании у обучающихся готовности к осуществлению успешной учебной деятельности и выстраиванию конструктивных взаимоотношений как со сверстниками, так и с педагогическим составом образовательной организации [Эриксон, 2000. С. 207].

Как справедливо отмечают респонденты, система профессионального педагогического самосознания, формирующаяся исключительно в процессе получения базового педагогического образования, создает предпосылки для будущего профессионального становления учителя,

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: Какими профессионально-личностными качествами, на Ваш взгляд, должен, в первую очередь, обладать учитель для продуктивной работы с современным ребенком?
(в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Эмпатия	0
Любовь к детям	4,0
Принципиальность	0
Компетентность	14,0
Уважение	2,0
Эмоциональное благополучие	22,0
Способность увлечь и заинтересовать обучающегося	58,0
Строгость	0

Источник: составлено автором на основе опроса «Подготовка учительского корпуса в условиях современных образовательных реформ»⁷.

понимания его причастности к педагогическому сообществу, отличающемуся особой системой ценностей и установок. Весь путь получения педагогического образования пронизан формированием у студентов профессионально-личностных целей и качеств (табл. 5). В процессе профессионализации профессиональное самосознание динамично изменяется и совершенствуется, выражается в профессиональной мотивационной направленности. Как иллюстрируют результаты исследования, современное общество (в лице родительского сообщества) основными критериями оценки эффективности педагогической деятельности выделяет наличие профессионально-личностных качеств и стремление к личностному и профессиональному росту. Как считают респонденты, отсутствие полноценного базового педагогического образования может создавать риски непонимания учителем индивидуальных особенностей учеников, причин и проблем в обучении и воспитании учащихся. Учитель-практик не сможет в полной мере задействовать свой личностный ресурс и ориентироваться на собственный педагогический опыт в силу отсутствия такого. В свою очередь, вероятность ригидной установки учителя на ситуацию может привести, как правило, к не конструктивному разрешению педагогических трудностей.

Интерес представляет мнение педагогов Н. И. Медведевой и И. А. Усачевой на предмет формирования профессионально-личностных качеств будущего учителя в части рефлексивных процессов. Они отмечают, что степень эффективности разрешения проблемных ситуаций требует от учителя сформированных компетенций по формированию эффективных путей

решения на основе грамотного анализа себя и других участников образовательного процесса посредством осознания и прогноза педагогических действий без потери авторитета у учеников, коллег и родителей. Именно уровень рефлексивных умений, сформированный на этапе получения базового педагогического образования, в большей степени зависит от педагогического мастерства, что дает возможность развивать рефлексивные умения в студенческом возрасте [Медведева, Усачева, 2012. С. 186].

Анализируя государственные идеи, направленные на повышение качества школьного образования, с одной стороны и решения вопроса кадрового голода - с другой, интерес представляет ситуация, связанная с осмыслением вариантов респондентов по возможной подготовке учителей в системе среднего профессионального образования (табл. 6). Как иллюстрируют результаты опроса, эффективным сценарием, по мнению респондентов, должны стать дополнительные финансовые вливания в уже существующую систему с целью ее упрочения и поддержания на более качественном уровне. Как отмечают эксперты, инициатива создания нового образовательного стандарта должна пройти серьезное обсуждение с профессиональным сообществом (директорами школ, родительским сообществом, работодателями, учебно-методическими объединениями).

Заключение

Важной особенностью в вопросах подготовки учительских кадров является системность и последовательность проводимых мероприятий в рамках одной и той же образовательной концепции. Только согласованность мер и стандартов в подготовке

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Профессионально-личностные качества учителя, отмеченные Вами, формируются в каких условиях, на Ваш взгляд?» (в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	%
В процессе общей социализации личности и квалификация образования не имеет к этому прямого отношения	32,0
Именно в процессе получения высшего педагогического образования	68,0

Источник: составлено автором на основе опроса «Подготовка учительского корпуса в условиях современных образовательных реформ»⁷.

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к проекту по введению федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по подготовке учителей-предметников для средней школы (с 5-го по 9-й класс)?»
(в % от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	%
Данный проект не будет поддержан профессиональным сообществом и реализован в перспективе	6,0
По программам СПО следует обучать специалистов для детских садов и начальной школы, учителям-предметникам необходимо окончить педагогический вуз	24,0
Вариант, при котором в средней школе будут преподавать учителя без высшего образования, можно рассматривать только как временную меру	2,0
Существующий кадровый голод в школах данный проект не решит, выпускники колледжей также не придут работать в существующие условия труда	16,0
Приход в среднюю школу учителей с СПО значительно снизит качественный уровень учительского сообщества	10,0
Денежные средства на реализацию нового проекта целесообразнее пустить на мероприятия по улучшению существующих условий труда в школах	42,0

Источник: составлено автором на основе опроса «Подготовка учительского корпуса в условиях современных образовательных реформ»⁷.

педагогов смогут стать залогом стабильности в долгосрочной перспективе.

В рамках анализа новых подходов к подготовке современного учителя сформировалось два основных сценария. Один из них связан с привлечением в педагогическое сообщество специалистов-практиков, не имеющих высшего педагогического образования, но имеющих мотивированную готовность к школьному обучению с долгосрочной перспективой. Родительское сообщество не в полной мере поддерживает данный вариант решения проблем кадрового голода в школах. По результатам исследования, со стороны респондентов существуют серьезные опасения из-за возможных рисков непонимания учителями индивидуальных особенностей учеников, причин и проблем в обучении и воспитании учащихся. Представляется целесообразным, что дополнительные профессиональные образовательные программы, направленные на переподготовку лиц, не имеющих базового педагогического образования, следует выстраивать в формате накопительной

системы обучения в зависимости от уровня образования, стажа профессиональной деятельности, этапа переподготовки или повышения квалификации. Следовательно, для каждой категории лиц, не имеющих базового педагогического образования, должны быть свои индивидуальные образовательные программы и маршруты. Систему аттестации и оплаты труда учителей целесообразно ориентировать на повышение качества преподавания, непрерывное профессиональное развитие и обеспечение карьерного роста.

Анализ второго сценария, основанного на привлечении в систему школьного образования «недоученных учителей», рассматривается профессиональным и родительским сообществом как нецелесообразный и исключительно как временная мера решения кадрового голода.

Таким образом, проблемные аспекты в подготовке школьного учителя в современных реалиях требуют детальной и системной проработки, основанной на авторитетных мнениях экспертного, родительского и учительского сообществ.

Список источников:

1. Булынин А. М. Профессиональное становление личности: ценностный подход. – Комсомольск-на-Амуре: изд-во гос. пед. ин-та, 1996. 243 с.
2. Медведева Н. И., Усачева И. А. Диагностика профессиональных деформаций личности учителя общеобразовательной школы // Мир образования – образование в мире. 2012. № 1 (45). С. 184–189.
3. Модернизация общего образования: оценка образовательных результатов: книга для учителя / под ред.: В. В. Лаптева, А. П. Тряпициной. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2002. 112 с.
4. Гохберг Л. М., Кузьмичева Л. Б., Озерова О. К. и др. Образование в цифрах: 2022 год: краткий статистический сборник. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. 132 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2694-1>
5. Сафин В. Ф. Психология самоопределения личности. Свердловск: Свердлов. пед. ин-т, 1986. 176 с.
6. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. 688 с.
7. Титма М. Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975. 198 с.
8. Черевко М. А. Профессиональное самоопределение студентов педагогических вузов как социальная проблема // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2011. № 2(21). С. 249–256.
9. Черевко М. А. Профессиональные планы выпускников вузов (на примере социэкономических профессий) // Власть и Управление на Востоке России. №4 (93). 2020. С. 191–197. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-191-197>
10. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Лет. сад, 2000. – 415 с.

References:

1. Bulynin A. M. (1996) Professional development of personality: a value-based approach. – Komsomolsk-on-Amur: state publishing house. ped. Institute. P. 243. (In Russ.)
2. Medvedeva N. I., Usacheva I. A. (2012) Diagnosis of professional deformations of the personality of a secondary school teacher *Mir obrazovaniya – obrazovaniye v mire* [The world of education is education in the world]. No. 1 (45): 184–189. (In Russ.)
3. Modernization of general education: assessment of educational results: a book for teachers / edited by V. V. Laptev, A. P. Tryapitsina. St. Petersburg: Publishing house «SOYUZ», 2002. 112 p. (In Russ.)
4. Gokhberg L. M., Kuzmicheva L. B., Ozerova O. K. et al. (2022) Education in numbers: 2022: a brief statistical collection. National research University “Higher School of Economics”. M.: National Research University Higher School of Economics. P. 132. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2694-1> (In Russ.)
5. Safin V. F. (1986) Psychology of self-determination of personality. Sverdlovsk: Sverd. ped. Institute. P. 176. (In Russ.)
6. Sorokin P. A. (1993) System of sociology. T. 2. Social analytics: the doctrine of the structure of complex social aggregates. M.: Nauka, 688 p. (In Russ.)
7. Titma M. Kh. (1975) Choice of profession as a social problem. M.: Mysl. 198 p. (In Russ.)
8. Cherevko M. A. (2011) Professional self-determination of students of pedagogical universities as a social problem *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pacific State University]. No. 2(21): 249–256. (In Russ.)
9. Cherevko M. A. (2020) Professional plans of university graduates (on the example of socionomic professions) *Vlast' i Upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (93): 191–197. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-191-197> (In Russ.)
10. Erickson E. (2000) Childhood and society. SPb.: Years. garden. 415 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 02.11.2023.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 02.11.2023.

Информация об авторах

М. А. Черевко – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры сестринского дела с курсом социальных дисциплин, Дальневосточный государственный медицинский университет; декан повышения квалификации судей и госслужащих судов, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

M. A. Cherevko – Candidate of Sociology, Associate professor, the chair of nursing with a course in social disciplines, the Far-Eastern State Medical University; Candidate of Sociology, Associate professor, dean of the advanced training of judges and civil servants of Courts, the Far-Eastern branch of the Russian State University of Justice.

Научная статья

УДК 37.047:316.4(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-177-195

Профессиональное самоопределение школьников Хабаровского края: социологический анализ

Евгений Алексеевич Клеймёнов¹, Ангелина Евгеньевна Шелковникова²

^{1, 2} Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия

¹ yevgeni-k1@yandex.ru

² anhelza@mail.ru

Аннотация. В статье на основе результатов массового опроса школьников Хабаровского края проанализированы отдельные аспекты профессионального самоопределения школьников региона. Авторы показывают, какие факторы оказывают наибольшее влияние на профессиональное самоопределение обучающихся. Главными из них являются уровень заработной платы и стереотипы о престиже и доходности отдельных профессий в российском обществе. Авторы приходят к выводу, что профессиональная ориентация учащихся школ тесно связана с их ценностным набором. Исследование позволило установить, что в целом установки опрошенных отвечают тем требованиям, которые государство и общество предъявляют соответствующим профессиям. В свою очередь, опрошенные ищут те сферы занятости, которые действительно способны соответствовать их ожиданиям от профессии. В статье также обозначены ключевые направления повышения эффективности профориентационной работы в крае, к которым опрошенные относят прежде всего развитие предметно-практических форм такой работы.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональная ориентация, школьники, Хабаровский край, ценности

Для цитирования: Клеймёнов Е. А., Шелковникова А.Е. Профессиональное самоопределение школьников Хабаровского края: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 177–195. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-177-195>

Professional self-determination of schoolchildren of the Khabarovsk territory: sociological analysis

Evgeniy A. Kleymyonov¹, Angelina E. Shelkovnikova²

^{1, 2} The Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia

¹ yevgeni-k1@yandex.ru

² anhelza@mail.ru

Abstract. The article analyzes certain aspects of professional self-determination of schoolchildren in the region based on the results of mass survey of schoolchildren in the Khabarovsk territory. The authors show which factors have the greatest impact on the professional self-determination of students. The main ones are the level of wages and stereotypes about the prestige and profitability of certain professions in the Russian society. The authors conclude that professional orientation of school students is closely related to their value set. This study allowed us to establish that, in

general, the attitude of respondents meet the requirements that the state and society impose on the relevant professions. In turn, respondents are looking for those areas of employment that are really able to meet their expectations from the profession. The article also identifies key areas for improving the effectiveness of career guidance in the region, which the respondents include, first of all, development of the subject-practical forms of such work.

Keywords: professional self-determination, professional orientation, schoolchildren, the Khabarovsk territory, values

For citation: Kleymyonov E. A., Shelkovnikova A. E. Professional self-determination of schoolchildren of the Khabarovsk territory: sociological analysis // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 177–195. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-177-195>

Введение

Развитие социально-экономической сферы России во многом зависит от представлений молодежи о том, к чему они призваны в профессиональном отношении, и чего они хотят от будущей профессии, поскольку очевидно, что чем больше степень соответствия таких представлений запросам рынка труда, тем более мотивированно, с большим интересом и удовлетворенностью потенциальные работники будут выполнять свои трудовые (служебные) обязанности, следовательно, тем более эффективно будет эволюционировать социально-хозяйственная сфера государства.

Факторами, предопределяющими такие представления, являются, с одной стороны, предложения рынка труда (запрос системы хозяйства на кадры, трудовые ресурсы определенного типа), с другой стороны – работа по формированию профессиональной ориентации молодежи. С учетом изложенного становится очевидной необходимость научно обоснованного рассмотрения вопросов профессиональной ориентации молодежи.

Теоретические и эмпирические аспекты исследования. Теоретическое изучение вопросов профессионального самоопределения школьников общирно

представлено в отечественной психологии [Гуревич, 1998; Левитов, 2000; Климов, 2004], педагогике [Попович, 2011; Халикова, 2019; Чистякова, 2014] и социологии.

Уровень эмпирической социологии широко раскрывается во многих региональных прикладных исследованиях, в том числе на уровне отдельных образовательных организаций [Федорова, 2014; Истомина, Конышева, 2019; Свадьбина, Ретивина, 2019]. Не является в этом смысле исключением и наш регион. Вместе с тем комплексного научно обоснованного социологического изучения обозначенного вопроса в Хабаровском крае не проводилось.

Для восполнения данного гносеологического пробела нами были проанализированы вторичные количественные данные, полученные в рамках массового опроса школьников Хабаровского края в 2022 г. (далее – Исследование).¹

Анализ результатов и обсуждение. Исследование показало, что более половины школьников края (53,0%) определились со своей будущей профессией. Они желают стать врачами (18,0%*), работниками образования (12,1%*), IT-специалистами/программистами (9,6%*), сотрудниками правоохранительных органов (9,4%*), юристами (ад-

¹ Социологический опрос по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению» проведено социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС совместно со специалистами Хабаровского краевого института развития образования. Опрошено 6649 школьников 8–11 классов всех 19 муниципальных образований Хабаровского края. Опрос проведен в мае 2022 года. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский.

* От числа тех, кто определился со своей будущей профессией.

вокат, судья) (5,4%*).

Эти же профессии возглавляют рейтинг наиболее престижных профессий, представленных в коллективном сознании опрошенных (табл. 1), что, на наш взгляд, означает, что установки школьников о престиже профессии влияют на их профессиональные предпочтения.

Чем же, в свою очередь, предопределяется престиж профессии, а в конечном итоге и её выбор? Опрошенные учащиеся школ региона полагают, что, прежде всего, уровнем оплаты труда, востребованностью на рынке труда и возможностью построения карьеры и лишь затем – уважением и доверием к профессии со стороны общества, значимостью профессии для общества, края, города (рис. 1).

Социологическая доктрина несколько иначе смотрит на причины, приоритетно предопределяющие престиж профессии. Так, классик теории стратификации П. А. Сорокин утверждает, что престиж про-

фессии складывается из двух групп обстоятельств: 1) важность занятия (профессии) для выживания и функционирования группы в целом; 2) уровень интеллекта, необходимый для успешного выполнения профессиональных обязанностей. Причем, важность профессии усматривается П. А. Сорокиным, прежде всего, в функциях организации и контроля группы, то есть в степени обладания властными, руководящими полномочиями в социальной общности. Уровень же оплаты труда по отношению к значимости профессии и её интеллектуальной основе рассматривается П. А. Сорокиным в качестве вторичного, производного от такой значимости явления [Сорокин, 1992].

В коллективном же сознании школьников, как видим, денежная, утилитарная составляющая имеет первостепенное значение, что, на наш взгляд, является закономерным следствием укоренения и воспроизводства в последние десяти-

Таблица 1

Наиболее престижные профессии в коллективном сознании школьников Хабаровского края (в % от числа опрошенных, определившихся с профессией)

Вариант ответа	%
1. Медицина	36,1
2. IT-специалист/программист	29,9
3. Юриспруденция	18,3
4. Силловые структуры	15,6
5. Образование	11,1
6. Индивидуальный предприниматель	9,8
7. Инженер	7,0
8. Техническая сфера	7,0
9. Госслужба	6,3
10. Творческие специальности	5,7

Источник: составлено авторами по результатам Исследования.

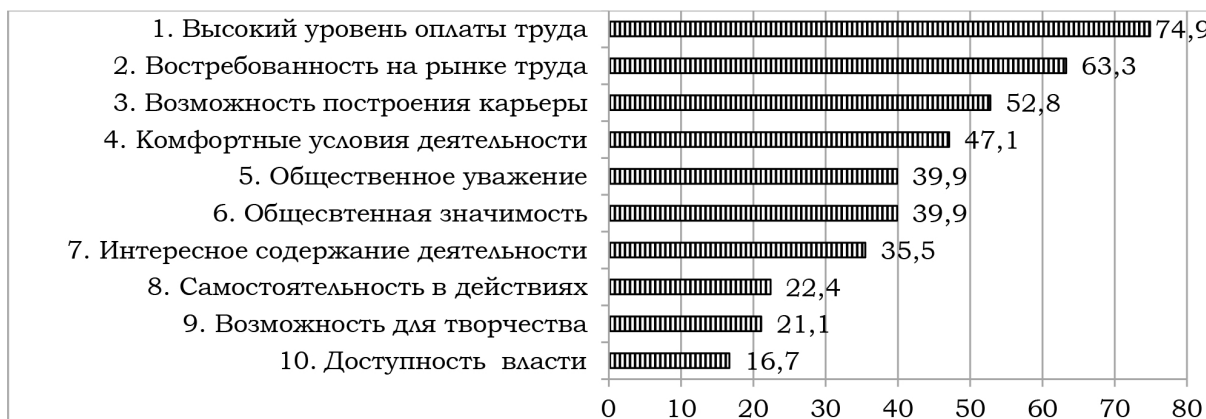

Рис. 1. Представления школьников о факторах, предопределяющих престиж профессии (в %)

летия в массовом сознании и практиках поведения россиян идеологии потребления [Воробьев, Кумыков, Пусько, Агапова, 2019], принципов рыночных отношений, идеи индивидуального обогащения [Кох, Орлов, 2020].

Исходя из изложенного, из общей логики опрошенных должно следовать, что наиболее доходными профессиями являются профессии врача, специалиста в области информационных технологий, педагога, юриста и сотрудника силовых

структур. Вместе с тем данные Росстата показывают, что самые высокооплачиваемые профессии в нашей стране в целом³ и в Хабаровском крае⁴ в частности в 2022 г., за исключением IT-специалиста, представлены совершенно иными видами экономической деятельности, большинство из которых относятся к добывающей и обрабатывающей промышленности, то есть к технической сфере (табл. 2). О высокой прибыльности в технической сфере, а также в сфере информацион-

Таблица 2

Виды экономической деятельности, которые по данным Росстата в России и в Хабаровском крае являются наиболее доходными (в руб.)

Вид экономической деятельности	Россия, уровень дохода	Вид экономической деятельности	Хабаровский край, уровень дохода
1. Добыча нефти и природного газа	165624	1. Рыболовство и рыбоводство	165651
2. Деятельность финансовая и страховая	146637	2. Производство нефтепродуктов	126468
3. Производство табачных изделий	126446	3. Добыча полезных ископаемых	119443
4. Рыболовство и рыбоводство	121726	4. Деятельность воздушного транспорта	108983
5. Деятельность в области информации и связи	121262	5. Деятельность финансовая и страховая	102728
6. Добыча металлических руд	108317	6. Деятельность сухопутного и трубопроводного транспорта	88097
7. Научные исследования и разработки	108102	7. Складское хозяйство и вспомогательная транспортная деятельность	88051
8. Производство кокса и нефтепродуктов	97720	8. Производство прочих транспортных средств и оборудования	84964
9. Добыча угля	90717	9. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	81801
10. Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	87532	10. Деятельность профессиональная, научная и техническая	78386

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

³ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по видам экономической деятельности (в соответствии с оквэд2) в Российской Федерации в 2022 году. Сайт Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4-zpl_2022.xlsx.

⁴ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по видам экономической деятельности в Хабаровском крае в 2022 году. Сайт Хабаровскстата. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Среднемесячная%20начисленная%20номинальная%20заработная%20плата.pdf>.

ных технологий свидетельствует и мониторинг самых высокооплачиваемых профессий, проведенный исследовательским центром одного из самых известных в России сервисов по поиску работы и подбору сотрудников «Superjob.ru».⁵

Вторым по значимости фактором, предопределившим престиж профессии, как было показано выше, является её востребованность на рынке труда, которая может быть вызвана как бурным развитием отдельной отрасли экономики или социальной сферы, сопровождаемым созданием привлекательных условий труда и его оплаты, так и, напротив, упадком соответствующей отрасли, сопряженным с вымыванием кадров, предопределенным ухудшением условий труда и вознаграждения за него.

Исследование показало, что, по мне-

нию опрошенных, в наибольшей степени край нуждается в профессиях врача, педагога, специалиста технической и информационной сферы, то есть в тех самых профессиях, которые молодые люди видят в качестве наиболее престижных.

Наряду с этим сопоставление наиболее престижных и наиболее востребованных профессий в общественном мнении опрошенных позволило выявить своеобразные «ножницы»: школьники признают, что край остро нуждается в педагогах и специалистах в технической сфере, но уровень престижа этих направлений деятельности существенно не дотягивает до осмысленного уровня их дефицита в регионе, программисты и юристы более престижны в российском обществе, нежели востребованы в экономике региона (рис. 2). При этом, как мы отмечали

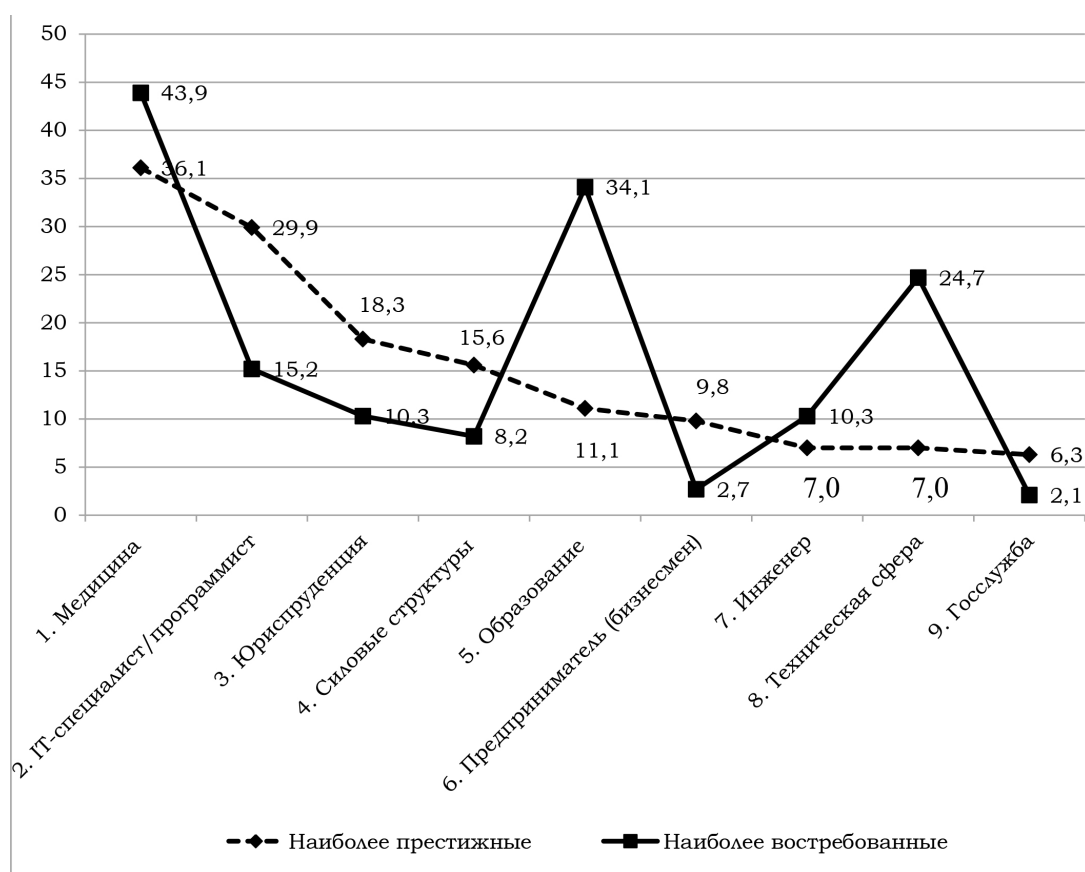

Рис. 2. Оценки школьниками степени востребованности отдельных профессий в Хабаровском крае и их престижа (в % от числа тех, кто дал ответ на открытый вопрос анкеты)

⁵ Лучшие вакансии августа 2023 года. Сайт сервиса по поиску работы и подбору сотрудников «Superjob.ru». URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114190/luchshie-vakansii-avgusta-2023-goda/?ysclid=lmfwme544m457495842>.

ранее, специалисты технической сферы являются не только одними из самых востребованных, но и наиболее оплачиваемыми в Хабаровском крае, чего нельзя сказать ни о специалистах в области юриспруденции, ни тем более о педагогах региона.

Чем же вызваны выявленные смысловые диссонансы в общественном мнении опрошенных?

Первый разрыв, представленный разницей между престижем профессии и уровнем её оплаты, а также субъективным взглядом опрошенных о спросе на профессию на рынке труда касается юристов. Его существование, на наш взгляд, объясняется, прежде всего, высоким уровнем стереотипизации массового сознания в отношении данной профессии в российском обществе. Основу кристаллизации представлений о юридическом ремесле положило, как нам кажется, формирование правового государства в России по западному образцу. Оно декларировало не только верховенство права и равенство всех перед законом, но и примат юридических начал над началами этическими, а значит, и необходимость правовой регламентации широкого круга общественных отношений. В свою очередь, предполагалось формирование значительного слоя знатоков права, способных разобраться в перипетиях законодательства и защитить интересы субъектов правоотношений за соответствующую плату. Сформировавшийся в 90-х годах прошлого столетия в общественном мнении россиян стереотип о высоком престиже профессии юриста сегодня транслируется в сознание новых поколений россиян. Так, студенты юридических специальностей чаще всего в качестве социальных стереотипов о своей будущей профессии указывают на образ юриста, который ассоциируется с серьезностью, солидностью и определенной сте-

пенью влияния в обществе, а также на то, что юристам легко устроиться на работу, так как в любой сфере деятельности необходимо качественное юридическое сопровождение. Вместе с тем уже не первый год статистические данные показывают, что современный рынок труда переполнен специалистами с юридическим образованием [Шацилло, 2022].

Тезис о влиянии старших поколений на умы молодежи в части профессиональной ориентации подкрепляется результатами исследования. Так, абсолютное большинство опрошенных, во многом отрицая влияние какого-либо социального окружения, утверждают, что сами определились с выбором профессии (79,1%), вместе с тем каждый четвертый респондент (28,1%) констатирует социальный факт (по Дюркгейму): с выбором профессии ему помогли ключевые субъекты его первичной социализации – его родители.

Еще одним подтверждением родительского предопределения профессиональных предпочтений опрошенных, в том числе по линии трансляции престижа профессий гуманитарного профиля, могут служить результаты региональных исследований [Кох, Орлов, 2020; Рассадина, 2022] и социологические измерения всероссийских социологических центров. Так, согласно данным исследовательского холдинга «Ромир» (2019 г.), каждый пятый россиянин (18%⁶) хотел бы, чтобы его дети стали юристами, адвокатами.⁷ Идентичные данные сохраняются в результатах исследования Левада-Центра (опрос проведен в 2018 году): юристы, экономисты, финансисты, программисты и предприниматели в рейтинге родительской популярности профессий занимают второе место, уступая только врачам.⁸

Второй зафиксированный разлом между престижем технических профес-

⁶ Данный удельный вес занимает второе место в списке ответов о профессиях, которые россияне видят для своих детей наиболее предпочтительными.

⁷ Родители выбирают для своих детей медицину и юриспруденцию. Сайт исследовательского холдинга «Ромир». URL: <https://romir.ru/studies/roditeli-schitayut-professiyu-vracha-naibolee-podhodyashchey-dlya-svoih-detey>.

⁸ Рейтинги профессий и школьных предметов. Сайт аналитического центра Юрия Левады «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». URL: <https://www.levada.ru/2018/08/10/rejting-professij-i-shkolnyh-predmetov>

сий и уровнем их оплаты объясняется, на наш взгляд, также стереотипизацией массового сознания, только уже в отношении специалистов технической сферы. Так, в коллективном сознании россиян по-прежнему не деконструирован примат специальностей гуманитарного профиля (юристы, экономисты, психологи, финансисты, экономисты, предприниматели) над профессиями профиля технического (инженеры, строители, слесари, квалифицированные рабочие, водители транспортных средств). С другой стороны, сравнительно невысокий уровень престижа технических специальностей обусловлен отсутствием достаточного знания об уровне оплаты труда указанных специалистов. По данным опроса ВЦИОМ (2023 г.) россияне воспринимают в качестве высокодоходных, прежде всего, область компьютерных технологий (IT-технологии, защита информации, интернет), военную службу (в т.ч. полицию, МЧС, ВПК и др.), медицинскую и политическую сферу, предпринимательство, банковскую и управленческую среду, юриспруденцию. Только после перечисленного в списке наиболее доходных профессий следует нефтегазовая отрасль и строительство. Рабочие профессии и инженерное дело не вошли в список десяти наиболее оплачиваемых специальностей.⁹

Расхождение между высоким уровнем престижа профессии программиста в России и её востребованностью в Хабаровском крае в коллективном сознательном школьников во многом обусловлено, на наш взгляд, сохранением догоняющей модели развития регионов Дальнего Востока [Писарева, 2013], в том числе в информационно-технологическом отношении. Другими словами, школьники, бу-

дучи в значительной степени погруженными в информационную реальность, понимая значимость специалистов в области информационных технологий в России в целом, не видят соответствующего спроса на данных специалистов в нашем регионе, в том числе, возможно, в связи с недостаточно высоким уровнем развития информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.¹⁰

Косвенно данный вывод подтверждается результатами изучения перечня вакансий, представленного на одном из самых популярных сайтов по поиску работы и сотрудников в России «HeadHunter» в разрезе ряда крупнейших городов России¹¹. Анализ представленных вакансий во взаимосопоставлении с уровнем научно-технологического развития регионов России¹² позволил выявить общую тенденцию: удельный вес предложений работодателей, занимающихся поиском программистов, в общем списке вакансий тем выше, чем более высоко развит регион в научно-технологическом отношении (табл. 3).

Вышеобозначенная доминантная ориентация опрошенных школьников на финансовую составляющую при восприятии престижа профессии обнаруживается и в факторах, предопределяющих личный выбор респондентами конкретного места работы: школьники ради большой заработной платы готовы поступиться не только социальным пакетом, социальными гарантиями (местом в детском саду для детей, санаторно-курортным лечением, оплатой больничного листа и т. п.), что может в будущем являться почвой для продолжения существования в нашей стране практик теневой экономики в трудовой сфере (выплаты серой заработной платы, уклонения от уплаты

⁹ Профессии в России: престиж, доходность, востребованность. Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovanost>.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

¹¹ Работа в России, поиск персонала и публикация вакансий. Сайт по поиску работы и сотрудников в России «HeadHunter». URL: <https://hh.ru>.

¹² Рейтинг российских регионов по научно-технологическому развитию, составленный РИА Новости в 2022 году. Сайт сетевого издания РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221024/tekhnologii-1826145476.html?in=t>.

Таблица 3

Удельный вес запросов работодателей на программистов в зависимости от уровня научно-технологического развития городов

Город	Всего вакансий*	Удельный вес предложений работодателей, занимающихся поиском программистов (в %)	Место в рейтинге научно-технологического развития регионов ¹¹
Москва	421080	4,9	1
Санкт-Петербург	169112	3,8	2
Казань	58848	2,8	3
Екатеринбург	38813	2,8	10
Хабаровск	13392	1,2	27

* Данные приведены по состоянию на 21 сентября 2023 года.

Источник: Работа в России, поиск персонала и публикация вакансий. Сайт по поиску работы и сотрудников в России «HeadHunter». URL: <https://hh.ru>

налогов, иных обязательных платежей и другого), но и интересом к профессии, увлеченностью своим делом (рис. 3).

Столь акцентированное значение материальной составляющей при выборе профессии, как нам представляется, покоится на ценностном базисе опрошенных. Для его изучения была использована методика М. Рокича, предполагающая деление ценностей на терминальные (ценности-цели, ценности конечного состояния человеческих стремлений, определяющие смысл жизни человека) и инструментальные (ценности-средства – те инструменты, при помощи которых можно выстраивать индивидуальное поведение для достижения терминальных ценностей) [Буреева, Кулакова, 2013].

Результаты исследования ожидаемо, с учетом данных, представленных выше (рис. 1), показали, что ценность интересной работы уступает по своей значимости материально обеспеченной жизни. Вме-

сте с тем последняя, к сожалению, имеет приоритет и перед такими фундаментальными для любого общества ценностями как любовь, счастливая семейная жизнь и жизненная мудрость (рис. 4).

М. Рокич предлагает классификацию терминальных ценностей по различным основаниям. Применительно к нашей теме исследования наибольший интерес вызывает типология, представленная ценностями личной жизни и профессиональной ориентации [Мохаммад, 2010]. Ранжирование терминальных ценностей в рамках данной классификации свидетельствует, что ценности личной жизни для опрошенных выглядят более предпочтительными нежели ценности профессиональной самореализации (рис. 5). При этом первые из обозначенных ценностей характерны в равной степени для всех старшеклас- сников, в том числе для обучающихся выпускных (одиннадцатых) классов.

Это, с одной стороны, может сви-

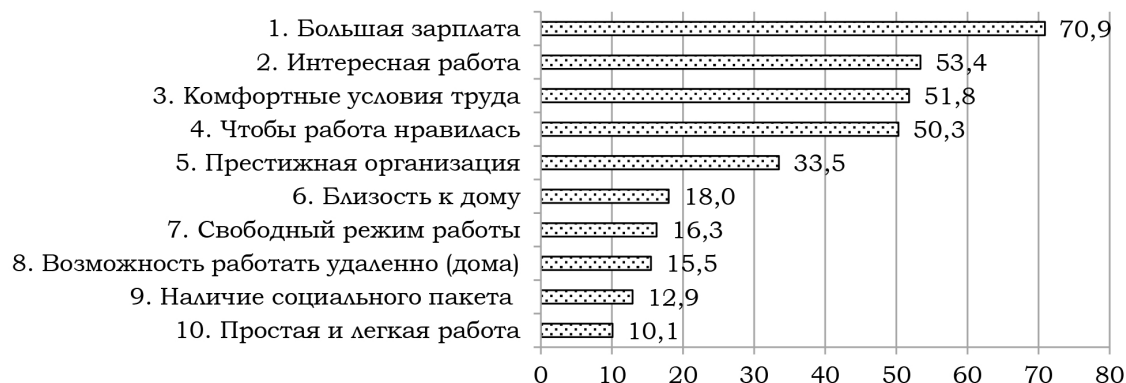

Рис. 3. Распределение ответов школьников на вопрос: «Что для Вас является решающим при выборе места работы?» (в %)

Рис. 4. Терминальные ценности в коллективном сознании школьников Хабаровского края (в %)

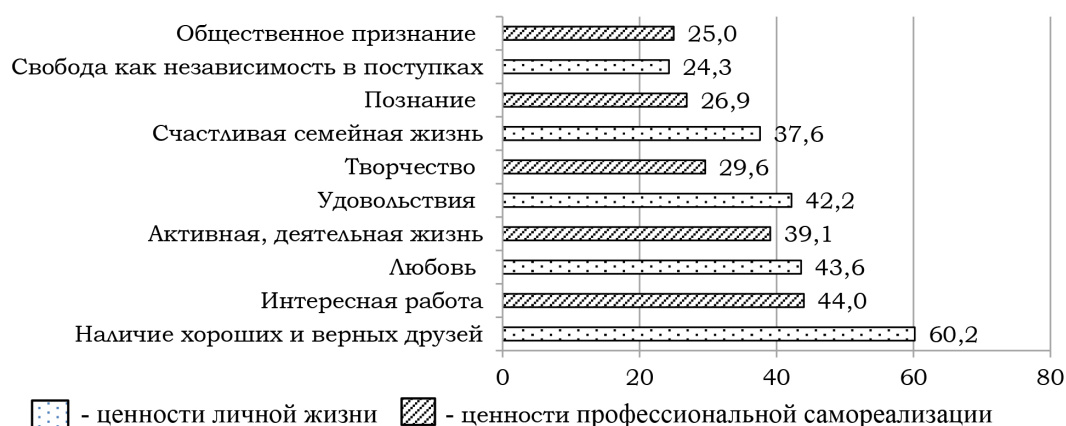

Рис. 5. Значимость ценностей личной жизни и ценностей профессионального самоопределения в коллективном сознании школьников Хабаровского края (в %)

детельствовать о недостаточно зрелом уровне осмысления профессиональных предпочтений. Справедливость данного вывода может подтверждаться не только ранее выявленным приматом материального начала в профессиональном самоопределении опрошенных (рис. 1, рис. 2), но и стратификацией инструментальных ценностей в коллективном сознании опрошенных.

Так, лидирующие позиции в списке таких ценностей занимают ценности общения и этические ценности. Ценности дела, в наибольшей степени соответствующие профессиональной реализации, в данном перечне находятся на срединных и замыкающих местах (рис. 6).

Другими словами, опрошенные в большей степени ориентированы на социальную коммуникацию, соблюдение нравственных предписаний, чем на предметно-практическую деятельность,

требующую не только определенного уровня квалификации, компетентности, но и известного уровня подчинения руководству, исполнительности.

Об этом же может говорить и ранжирование групп инструментальных ценностей школьников, поделенных по критерию социальной ориентации [Рисмен, 1993] на конформистские, индивидуалистические и альтруистические, предполагающее соответственно ориентацию на традицию, на себя и восприимчивость к ожиданиям и предпочтениям других (рис. 7). Представленная вертикаль ценностей показывает, что рационализм, понятый как независимость и необходимость разума в любых возможных обстоятельствах [Яскевич, 2017], в том числе и как условие эффективного решения профессиональной задачи, в значительной мере уступает конформистским ценностям воспитанности и самодисциплины.

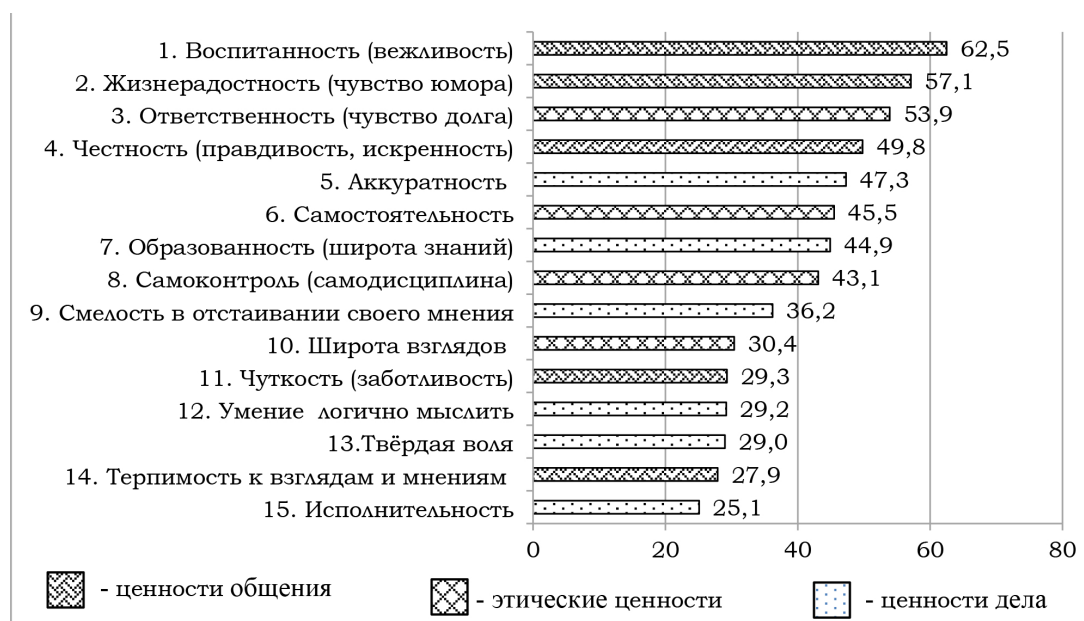

Рис. 6. Значимость инструментальных ценностей (общения, дела и этических ценностей) в коллективном сознании школьников Хабаровского края (в %)

Рис. 7. Значимость конформистских, индивидуалистических, альтруистических и инструментальных ценностей в коллективном сознании школьников Хабаровского края (в %)

Обозначенная иерархия терминальных (рис. 5) и инструментальных (рис. 6, 7) ценностей может свидетельствовать о нормальных в общечеловеческом смысле установках школьников, понимающих особую важность таких социально-образующих взаимодействий между

людьми как дружба, любовь, семейные отношения, о преобладании этического начала над началом рациональным, предметно-деятельностным, в чем, на наш взгляд, обнаруживается отпечаток российской цивилизационной идентичности и ее отличие от идентичности за-

падной, европейской [Черепанова, 1999].

Представление о ценностях школьников имеет особое значение в разрезе их профессиональных предпочтений, которые отражаются, в том числе, в выборе учащимися образовательной организации для освоения профессии.

В связи с тем, что многие образовательные организации могут одновременно вести подготовку как по техническим, так и по гуманитарным (юридическим, педагогическим, психологическим) специальностям¹³, для анализа сопряжения ценностей и профессиональных ориентаций нами были выбраны образовательные организации высшего образования (далее – вузы), которые, во-первых, преимущественно ориентированы на подготовку специалистов одного направления (гуманитарного, технического или медицинского), а, во-вторых, востребованы в большей мере, чем аналогичные вузы в крае.¹⁴

Анализ распределения ценностей среди потенциальных абитуриентов вузов Хабаровского края показал, что в целом установки опрошенных отвечают тем требованиям, которые государство и общество предъявляют соответствующим профессиям.¹⁵ Так, ценности ответственности (чувства долга), и воспитанности (вежливости) в наибольшей степени

развиты у школьников, планирующих связать свою карьеру с государственной гражданской и правоохранительной службой – у потенциальных обучающихся Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС (62,2%, и 66,3% соответственно) и ДВЮИ МВД России (60,0%, и 69,0% соответственно). Наибольший интерес к образованности проявляется также у потенциальных чиновников и сотрудников органов внутренних дел (рис. 7). У последних также в наибольшей степени выражена ценность здоровья (74,9%) и честности (правдивости) (58,3%).

Между тем чуткость (заботливость) в большей мере свойственна будущим врачам (28,7%), активная деятельная жизнь – школьникам, выбравшим для обучения образовательной организации физической культуры (70,3%), а творчество, красота природы и искусства – ожидаемо абитуриентам института культуры (ХГИК) (46,6% и 41,1% соответственно).

Наряду с этим ценность интересной работы наиболее заметно представлена в общественном мнении опрошенных, формирующих свои профессиональные стратегии вокруг сферы железнодорожного транспорта (53,6%). В то же время в наименьшей степени, к сожалению, данная ценность представлена среди школьников, избравших профессиональную

¹³ В Хабаровском крае к ним среди образовательных организаций высшего образования можно отнести ФГБОУ ВО ТОГУ, в котором одновременно ведут подготовку по педагогическим, техническим, юридическим и другим специальностям и направлениям.

¹⁴ В обозначенную выборку попали ДВГУПС, ФГБОУ ВО ДВГАФК (далее – ДВГАФК, ДВЮИ МВД России, ФГБОУ ВО ДВГМУ Минздрава России (далее – ДВГМУ), ФГБОУ ВО АмГПУ (далее – Амурский педагогический институт), Хабаровский государственный институт культуры (далее – ХГИК), Дальневосточный филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (далее – РГУП).

¹⁵ См.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте России по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // Справочная правовая система «Консультант Плюс»; Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», // Справочная правовая система «Консультант Плюс»; Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (утв. приказом МВД России от 26.06.2020 № 460) // Справочная правовая система «Консультант Плюс»; Письмо Минпросвещения России, Профсоюза работников народного образования и науки России от 20.08.2019 № ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников» // Справочная правовая система «Консультант Плюс»; Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 5 октября 2012 года) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

роль учителя и планирующих поступать в педагогический институт (39,5%). У потенциальных педагогов в наименьшей мере выражена ценность эффективности в делах (трудолюбие, продуктивность в работе) (16,1%). Только у каждого третьего из них в сознании как ценность отражена смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов (30,9%). Образованность (широта знаний) у будущих учителей, как ни парадоксально, также не ценится высоко и соответствует общекраевому показателю (рис. 8).

Почему приходится говорить о коллективных установках возможных педагогов с сожалением? Дело в том, что общепризнано и подтверждено классиками педагогики, что именно профессия учителя является фундаментальной в деле воспитания и обучения детей и подростков, а значит, и строительства будущего государства. Так, В.А. Сухомлинский подчеркивал, что «Учитель – совесть народа», что государству и обществу «бороться надо за настоящего учителя, за настоящую личность педагога – думающего, просвещенного преисполненного достоинства и гордости за свой труд, не допускающего и мысли о том, чтобы на белое сказать черное» [Ахияров, 2014]. Мы же видим, что

планирующие стать учителями школьники в своем ценностном основании по ряду значимых параметров уступают своим сверстникам, избравшим иной профессиональный путь: сравнительно невысоко ценят трудолюбие, образованность, интересную работу в том числе и потому, что, возможно, не считают профессию учителя интересной, и во многом не готовы отстаивать свое мнение.

В связи с этим мы можем говорить о своеобразном ценностном рассогласовании – ситуации, когда типично сложившиеся, устойчивые ожидания общества¹⁶ от ценностного ряда учителя не совпадают с соответствующими установками вероятных педагогов. Это далеко не случайно, так как снижение престижа профессии учителя, неудовлетворенность уровнем заработной платы, потребительское отношение со стороны родителей и социально-правовую незащищенность педагога можно обнаружить и у представителей академической науки [Профессиональные группы..., 2018], и у ученых-педагогов высшей школы [Преснякова, Анкудинова, Непочатых, 2019; Сыманюк, Печеркина, Борисов, 2020], и в экспертных оценках¹⁷, и в результатах социологических опросов.¹⁸

Рис. 8. Ценности образованности (широты знаний, высокой общей культуры) в коллективном сознании школьников в зависимости от выбора вуза для получения профессии (в % от числа опрошенных, собирающихся поступать в соответствующие вузы Хабаровского края)

¹⁶ О школьном образовании и учителях (Результаты ФОМнибуса – еженедельного всероссийского поквартального опроса. 29 сентября – 1 октября 2023 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Стат-погрешность не превышает 3,6%). Сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14933>.

¹⁷ «Хорошее образование базируется на преподавании» (С.А. Михеев в эфире программы «Железная логика» на радио «ВестиФМ» высказался о причинах дефицита учителей) // Платформа СМОТРИМ. URL: <https://smotrim.ru/audio/2731782>.

¹⁸ Профессия: учитель! (Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», n=1600, 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitelja-prestizhnost-dokhodnost-pri-vlekatelnost?ysclid=lp1v06km54855614198>.

Утверждения о том, что школьники выбирают профессию педагога по остаточному принципу, стали уже стереотипом в педагогическом сообществе. В связи с этим неудивительно, что профессию учителя выбирают школьники не с самым образцовым ценностным наполнением. С учетом изложенного закономерно, что последние при выборе места работы не ориентируются ни на высокую заработную плату, ни на высокий престиж организации (школы), где им предстоит трудиться (рис. 9).

Вместе с тем, как показано на рисунке 8, денежное содержание при выборе места работы в наибольшей степени важно для потенциальных госслужащих (чиновников и правоохранителей) и железнодорожников. Эти же категории опрошенных – школьники с ориентацией на работу в сфере железнодорожного транспорта и государственную службу (выбравшие для поступления РАНХиГС, РГУП и ДВЮИ МВД России) в большей мере мотивированы престижем организации. Они также в наибольшей степени при определении места работы уделяют внимание социальному пакету (месту в детском саду, санаторно-курортному лечению, оплате больничного листа): каждый пятый выбравший для поступления РАНХиГС и РГУП и каждый четвертый, желающий стать сотрудником органов внутренних дел. Последнее вполне объяснимо, так как обозначенный социальный пакет нематериальных благ традиционно в нашем обществе приоритетно предоставляется

представителям этих профессий.

В то же самое время интересная работа при выборе места трудовой деятельности в почете, прежде всего, у будущих деятелей культуры, а также у потенциальных медиков, правоохранителей и работников сферы железнодорожного транспорта, а работа простая и легкая – у школьников, избравших область физической культуры и спорта в качестве профессиональной стези.

Наиболее выраженные узкопрофессиональные установки, четкое, неабстрактное, понимание того, кем хотят стать школьники, содержатся в коллективном сознании потенциальных работников сферы здравоохранения и правоохранительной системы – вероятных абитуриентов ДВГМУ и ДВЮИ МВД России, что, на наш взгляд, во многом предопределено широтой перечня сфер профессионального применения, в которых можно обрести себя как на этапе выбора соответствующего вуза, так и в момент его окончания (рис. 10).

Так, из рисунка 10 следует, что в целом, чем выше уровень профессионализации вуза, то есть чем меньше пестрота специальностей (направлений подготовки), по которым проходят обучение студенты, тем сильнее обучающиеся нацелены на получение конкретной профессии. Действительно, по окончании ДВГМУ можно стать либо врачом (медицинской сестрой, специалистом в области лечебной физической культуры), либо фармацевтом,

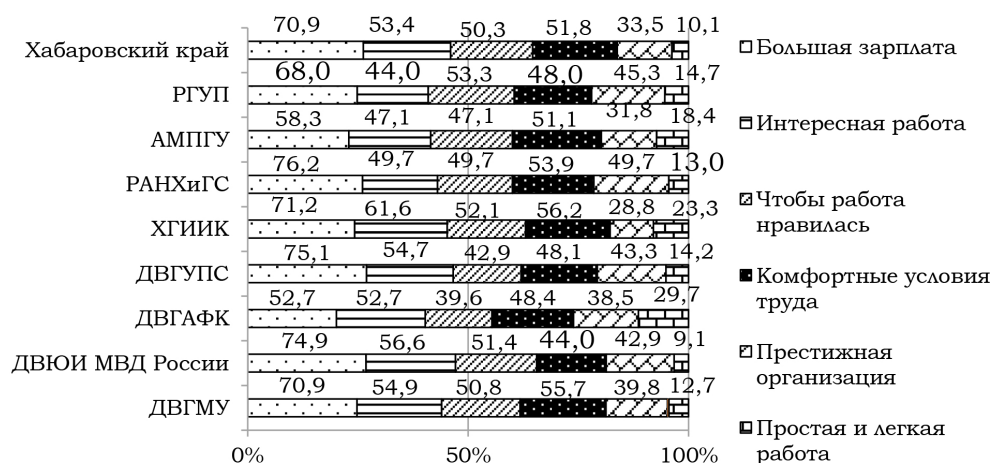

Рис. 9. Факторы, предопределяющие выбор места работы школьниками Хабаровского края (в % от числа опрошенных, собирающихся поступать в соответствующие вузы Хабаровского края)

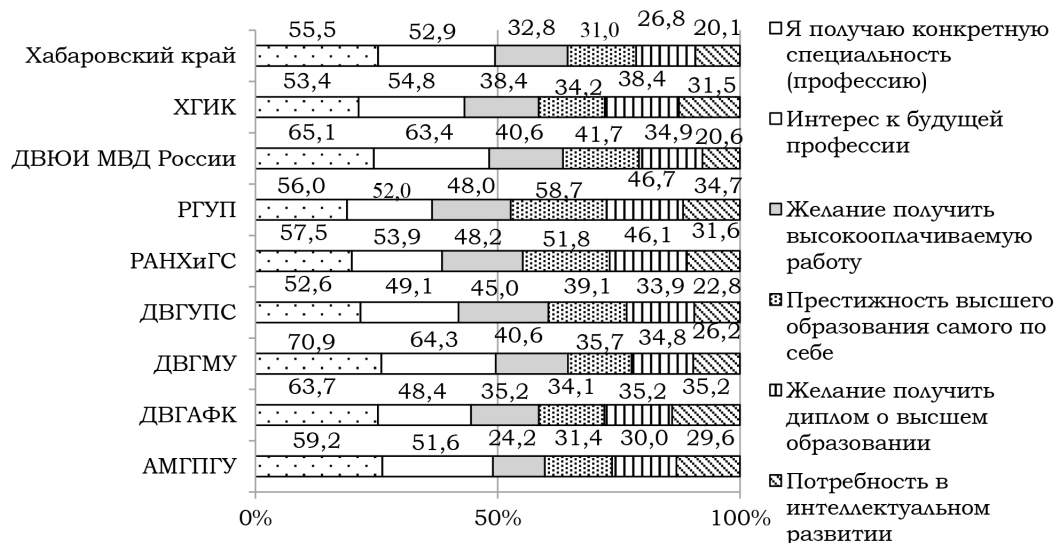

Рис. 10. Распределение мотивов поступления в вузы Хабаровского края среди школьников региона (в % от числа опрошенных, собирающих поступать в соответствующие вузы Хабаровского края)

либо социальным работником.¹⁹ Одновременно с этим обучение в ДВГУПС хотя и предполагает профессиональную связь с железнодорожным транспортом, сопряжено с гораздо большим спектром специальностей (направлений подготовки) – от строительства железных дорог, математического моделирования и вычислительной математики до юриспруденции, психологии, финансов и кредита.²⁰

Вместе с тем, как видим, запрос на высшее образование, обусловленный интересом к профессии, потребностью глубокого погружения в неё, представлен, прежде всего, у будущих медиков и правоохранителей, а убежденность в том, что высшее образование может стать залогом безбедной жизни – у школьников, намеревающихся стать чиновниками, сотрудниками судебной системы и работниками железнодорожного транспорта.

Наряду с этим анализ результатов исследования показал, что доля опрошенных, планирующих поступить в вуз Хабаровского края, практически равна числу тех, кто собирается поступать в образовательные организации среднего профес-

сионального образования региона: 25,9% и 23,8% соответственно. Данный факт подтверждает общероссийский характер трансформаций в образовательных траекториях школьников нашей страны: рост популярности среднего профессионального образования при параллельном снижении престижа образования высшего [Константиновский, Попова, 2022].

Представленные данные позволяют подтвердить тезис о том, что ядра ценностей школьников, определившихся с профессиональными предпочтениями, во многом коррелируют с теми ожиданиями, которые государство и общество отсылают к соответствующим направлениям профессиональной деятельности в российском обществе. Вместе с тем такие данные также позволяют утверждать, что выбор профессии школьниками с конкретными ценностными установками и более того сами эти установки во многом через влияние общественного мнения, средств массовой информации, сети Интернет, иных социальных факторов (по Э. Дюркгейму) предопределены современным статусным состоянием со-

¹⁹ Профессии, специальности, направления подготовки, научной специальности, по которым осуществляется подготовка в ДВГМУ. Сайт ДВГМУ. URL: <http://www.fesmu.ru/sveden/education/index.html>.

²⁰ Специальности и направления, реализуемые в ДВГУПС на основе федеральных государственных образовательных стандартов. Сайт ДВГУПС. URL: <https://dvgup.ru/studtopmenu/study/study-programs-contents>.

ответствующих профессий, условиями труда по соответствующим специальностям. Так, повышенное стремление к творчеству, пристальное внимание к красоте природы и искусства как неразрывно присущие ценности личности, выявленные у части школьников, «разворачивают» их профессиональные предпочтения к поступлению в институт культуры (ХГИК). Одновременно с этим, достаточно высокий уровень престижа профессии юриста, сотрудника силовых структур, государственной службы в целом (табл. 1) как социальный факт предопределяет, на наш взгляд, желание школьников, придающих особое значение престижу организации при выборе места работы, поступить в юридические вузы и образовательные организации, осуществляющие подготовку кадров для органов власти и управления.

Завершая содержательную часть настоящей публикации, полагаем практически полезным обратиться к тем направлениям профессиональной ориентационной работы, применение которых, по мнению опрошенных, требует корректировки.

Исследование показало, что опрошенные чувствуют избыточность профессионального анкетирования (тестирования), и признают дефицит предметно-практических форм профориентацион-

ной работы: мастер-классов, тренингов (в том числе с участием работодателей) по развитию компетенций, профессиональных проб, выездных мероприятий (в том числе дней открытых дверей, экскурсий в вузы). Кроме того, опрошенные школьники испытывают потребность в индивидуальных и групповых консультациях, выездных мероприятиях (в том числе в днях открытых дверей, экскурсиях в техникумы/колледжи) (табл. 4).

Заключение. Исследование показало, что главным фактором, определяющим выбор опрошенными школьниками места работы, является уровень заработной платы. Ради большой заработной платы они готовы поступиться не только социальным пакетом, социальными гарантиями, но и интересом к профессии, увлеченностью своим делом.

Вместе с тем профессиональное самоопределение школьников региона находится под воздействием высокого уровня стереотипизации представлений о престиже и доходности отдельных профессий в российском обществе, что не позволяет опрошенным адекватно оценивать привлекательность таких профессий.

Профессиональная ориентация опрошенных школьников тесно связана с ценностным набором обучающихся. В нем, к сожалению, материально обеспеченная жизнь доминирует над ценностью

Таблица 4

Фактически используемые и желаемые формы профориентационной работы, проводимой с опрошенными школьниками (в%)

Варианты ответа	Фактически используемые формы	Желаемые формы
1. Профориентационное анкетирование (тестирование)	56,8	34,2
2. Индивидуальные и групповые консультации	20,0	26,9
3. Мастер-классы, тренинги (в том числе с участием работодателей) по развитию компетенций	12,3	29,9
4. Профессиональные пробы	6,4	25,1
5. Встречи с представителями разных профессий	20,2	33,5
6. Выездные мероприятия (в том числе дни открытых дверей, экскурсии) в техникумы/колледжи	22,6	27,4
7. Выездные мероприятия (в том числе дни открытых дверей, экскурсии) в вузы	13,2	28,5

Источник: составлено авторами по результатам Исследования.

интересной работы, а также над такими фундаментальными для любого общества ценностями, как любовь, счастливая семейная жизнь и жизненная мудрость.

Несмотря на это, анализ представлений школьников показал, что в целом их ценностно-мотивационные установки отвечают тем требованиям, которые государство и общество предъявляют соответствующим профессиям. В свою очередь, школьники ищут те сферы занятости, которые действительно спо-

собны удовлетворить их ожидания от профессии.

Повышение эффективности проведения профориентационной работы в крае должно проводиться, в том числе, в оптике представлений школьников, которые связывают такое повышение с развитием предметно-практических форм профориентационной работы: мастер-классов, тренингов (возможно с участием работодателей) по развитию компетенций, профессиональных проб.

Список источников:

1. Ахияров К. Ш. В. А. Сухомлинский и современные проблемы педагогического образования будущего учителя // Образование: традиции и инновации. 2014. № 4.
2. Буреева М. А., Кулакова И. А. Ценностные ориентации студентов колледжа и вуза // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2013. Ч. 4. С. 101–103.
3. Воробьев Г. А., Кумыков А. М., Пусько В. С., Агапова Е. А. Идеология и практика демонстративного потребления в России в условиях архаизации массового сознания // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8. № 4. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.10>
4. Истомина В. В., Конышева Н. А. Пути повышения уровня профессионального самоопределения учащихся общеобразовательных школ // Инновационное развитие профессионального образования. 2019. № 3. С. 91–97.
5. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. Учеб. Пособие. М.: Академия, 2004.
6. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодёжи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М. : Новый Хронограф, 2022. DOI: 10.19181/ezheg.2022.14
7. Кох И. А., Орлов В. А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи // Образование и наука. 2020. Том 22. № 2. DOI:10.17853/1994-5639-2020-2-143-170
8. Левитов Н. Д. Детская и педагогическая психология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
9. Мохаммад Н. Е. Статус и динамика терминальных ценностей студентов педагогических вузов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 121. С. 132–135.
10. Писарева К. ДФО пойдет на обгон // Коммерсантъ (Владивосток). 2013. № 16.
11. Попович А. Э. Основные направления развития профессионального самоопределения выпускников общеобразовательной школы: монография. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011.
12. Преснякова Т. Н., Анкудинова С. А., Непочатых И. А. Проблема сознательного выбора профессии педагога // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 209–216. DOI 10.24411/2073-3305-2019-10116
13. Профессиональные группы в модернизирующемся российском обществе: монография / А. С. Голубева и др.; отв. ред. В. А. Мансуров; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН, 2018.
14. Рассадина Т. А. Профессиональные намерения старшеклассников Ульяновской области // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 19–37. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-2
15. Рисмен Д. Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические ис-

следования. 1993. № 3.

16. Свадьбина Т. В., Ретивина В.В. Профессиональный выбор школьников (по материалам социологического исследования) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2. С. 215–217. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0050

17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.

18. Сыманюк Э. Э., Печеркина А.А., Борисов Г.И. Кризис утраты профессии учителя: анализ теоретических исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020 № 5.

19. Фёдорова Л. Д. Профессиональное самоопределение школьников // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2014. № 3.

20. Халикова Ф. Д. Надежность выпускника как результат профильного обучения одаренных обучающихся в системе непрерывного образования // Теория и методика современного российского образования: монография / под редакцией доктора педагогических наук, профессора РАЕ Камалеевой А.Р. Казань: Отечество, 2019.

21. Черепанова Р. С. «Русская идея» как форма национального самосознания: попытка структурного анализа // Вестник Челябинского университета. Сер.1. История. 1999. № 2.

22. Чистякова С. Н. Теоретические и методические проблемы профессионального самоопределения обучающихся // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: III Междунар. науч.-практич. конф. : Санкт-Петербург, 30 мая – 1 июня 2014. Спб., 2014.

23. Чуркина Н. И. Профессиональное самоопределение обучающихся: пространство взаимодействия школы и родителей // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5. С 94–98.

24. Шаццло В. А. Роль социальных стереотипов в процессе профессионального самоопределения молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С.48–57. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-4

25. Яскевич Я. С. Рациональность, нравственность и модели управления в бизнесе и политике // Век глобализации. 2017. № 3.

References:

1. Akhiyarov K. Sh. (2014) V.A. Sukhomlinsky and modern problems of pedagogical education of a future teacher *Obrazovaniye: traditsii i innovatsii* [Education: traditions and innovations]. No. 4. (In Russ.)

2. Bureeva M. A., Kulakova I. A. (2013) Value orientations of college and university students *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii* [Problems and prospects for the development of education in Russia]. Vol. 4: 101–103. (In Russ.)

3. Vorobyov G. A., Kумыков A. M., Pusko V. S., Agapova E. A. (2019) Ideology and practice of conspicuous consumption in Russia in the conditions of the archaization of mass consciousness *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. Vol. 8. No. 4. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.10> (In Russ.)

4. Istomina V. V., Konysheva N. A. (2019) Ways to increase the level of professional self-determination of students in secondary schools *Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya* [Innovative development of professional education]. No. 3: 91–97. (In Russ.)

5. Klimov E. A. (2004) Psychology of professional self-determination. Textbook Benefit. M.: Academy. (In Russ.)

6. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2022) New character of educational and professional trajectories of youth *Rossiya reformiruyushchayasya: yezhegodnik: vyp. 20* [Reforming Russia: Yearbook: vol. 20]. M.: New Chronograph. DOI: 10.19181/ezheg.2022.14 (In Russ.)

7. Kokh I. A., Orlov V. A. (2020) Values and professional self-determination of student youth *Obrazovaniye i nauka* [Education and Science]. Vol. 22. No. 2. DOI: 10.17853/1994-

5639-2020-2-143-170 (In Russ.)

8. Levitov N. D. (2000) Child and educational psychology. M.: UNI-TI-DANA. (In Russ.)
9. Mohammad N. E. (2010) Status and dynamics of terminal values of students of pedagogical universities *Status i dinamika terminal'nykh tsennostey studentov pedagogicheskikh vuzov* [News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen]. 2010. No. 121: 132–135. (In Russ.)
10. Pisareva K. (2013) Far Eastern Federal District will overtake *Kommersant*” (*Vladivostok*) [Kommersant (Vladivostok)]. No. 16. (In Russ.)
11. Popovich A. E. (2011) Main directions of development of professional self-determination of secondary school graduates: monograph. M.: MGGU im. M.A. Sholokhova. (In Russ.)
12. Presnyakova T. N., Ankudinova S. A., Nepochatykh I. A. (2019) The problem of conscious choice of the teaching profession *Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry* [Education. The science. Scientific personnel]. No. 2: 209–216. DOI 10.24411/2073-3305-2019-10116 (In Russ.)
13. Professional groups in a modernizing Russian society: monograph / A. S. Golubeva et al.; resp. ed. V. A. Mansurov; FNISC RAS. Moscow: FNISC RAS, 2018. (In Russ.)
14. Rassadina T. A. (2022) Professional intentions of high school students in the Ulyanovsk region *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences]. No. 4: 19–37. DOI 10.21685/2072-3016-2022-4-2 (In Russ.)
15. Rismen D. D. (1993) Some types of character and society *Sotsiolo-gicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. No. 3. (In Russ.)
16. Svadbina T. V., Retivina V. V. (2019) Professional choice of schoolchildren (based on sociological research) *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. Vol. 8. No. 2: 215–217. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0050 (In Russ.)
17. Sorokin P. A. (1992) Man. Civilization. Society. M.: Politiz-dat. (In Russ.)
18. Symanyuk E. E., Pecherkina A. A., Borisov G. I. (2020) The crisis of the loss of the teaching profession: analysis of theoretical research *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology]. No. 5. (In Russ.)
19. Fedorova L. D. (2014) Professional self-determination of schoolchildren *Munitsipal'noye obrazovaniye: innovatsii i eksperiment* [Municipal education: innovations and experiment]. No. 3. (In Russ.)
20. Khalikova F. D. (2019) Graduate reliability as a result of specialized training of gifted students in the system of continuous education // Theory and methodology of modern Russian education: monograph / edited by Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of RAE Kamaleeva A.R. Kazan: Fatherland. (In Russ.)
21. Cherepanova R. S. (1999) “Russian idea” as a form of national self-consciousness: an attempt at structural analysis *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Ser.1. Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk University. Ser.1. Story]. No. 2. (In Russ.)
22. Chistyakova S. N. (2014) Theoretical and methodological problems of professional self-determination of students. Education throughout life: continuous education in the interests of sustainable development: III International. scientific-practical conf. : St. Petersburg, May 30 – June 1, 2014. St. Petersburg. (In Russ.)
23. Churkina N. I. (2018) Professional self-determination of students: the space of interaction between school and parents *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. No. 5: 94–98. (In Russ.)
24. Shatsillo V. A. (2022) The role of social stereotypes in the process of professional self-determination of youth *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences]. No. 4: 48–57. DOI 10.21685/2072-3016-2022-4-4 (In Russ.)
25. Yaskevich Ya. S. (2017) Rationality, morality and management models in business and politics *Vek globalizatsii* [Century of Globalization]. No. 3. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Информация об авторах

Е. А. Клеймёнов – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России;

А. Е. Шелковникова – преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России.

Information about the authors

E. A. Kleymyonov – Candidate of Sociology, Associate professor, Head of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A. E. Shelkovnikova – lecturer, Head of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 332.1:614(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-196-208

Здоровьесберегающее городское пространство: вернакулярный аспект (на примере города Хабаровска)

Ирина Анатольевна Гареева¹, Анастасия Филипповна Гарнага²^{1,2} Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,¹ 003991@pnu.edu.ru² 007711@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ включенности здоровьесберегающих пространств в городскую среду. Основываясь на анализе основных теорий и концепций, являющихся теоретическим основанием заявленной проблемы, авторы пытаются выяснить вернакулярные представления горожан о роли и предназначении тех пространств, в которых они проживают, работают, отдыхают. Выявлена взаимосвязь между наличием или близостью размещения здоровьесберегающих пространств относительно вернакулярных районов и оценкой уровня «благополучности» таких районов. Для подтверждения своей гипотезы авторы привлекают социологические исследования. В заключении делаются выводы, что ментальное восприятие жителей города Хабаровска не формирует у них четкого представления о здоровьесберегающем городском пространстве. Вместе с этим паттерны здоровьесберегающего поведения горожан в зависимости от преимущественного нахождения в разных районах города Хабаровска отличаются.

Ключевые слова: здоровьесбережение, «здоровый город», городское пространство, вернакулярные районы

Для цитирования: Гареева И. А., Гарнага А. Ф. Здоровьесберегающее городское пространство: вернакулярный аспект (на примере города Хабаровска) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 196–208. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-196-208>

Health-saving urban space (vernacular aspect)

Irina A. Gareeva¹, Anastasiya F. Garnaga²^{1,2} The Pacific State University, Khabarovsk, Russia,¹ 003991@pnu.edu.ru² 007711@pnu.edu.ru

Abstract. The article presents analysis of inclusion of the health-saving spaces in the urban environment. Based on the analysis of the main theories and concepts that are the theoretical basis of the stated problem, the authors try to find out the vernacular ideas of citizens about the role and purpose of the spaces in which they live, work, and rest. A relationship has been identified between the presence or proximity of health-preserving spaces relative to vernacular areas and the assessment of the level of “well-being” of such areas. To confirm their hypothesis, the authors use sociological research. In conclusion, it is concluded that the mental perception of residents of the city of Khabarovsk does not form a clear idea of a health-saving urban space. At the same time, patterns of health-saving behavior among city residents differ depending on their predominant location in different areas of the city of Khabarovsk.

Keywords: *health care, Urban Health, urban space, vernacular areas*

For citation: Gareeva I. A., Garnaga A. F. Health-saving urban space (vernacular aspect) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 196–208. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-196-208>

Введение

Идеи здоровьесбережения в пространстве современного города имеют особую актуальность, а здоровье населения приобретает особую ценность. Все больше жителей планеты проживают в городах, отдельные из которых становятся мегаполисами – Токио, Дели, Сан-Паулу, Нью-Йорк, Дакка, Буэнос-Айрес, Манила, Каир, Москва, Париж. Наиболее частые проблемы современных городов и особенно мегаполисов – это шум и визуальное загрязнение, распространение респираторных и аллергических заболеваний, отсутствие элементарной санитарии для населения, проблемы с водоснабжением и энергией. И здесь уместно вспомнить историю организации античных городов-полисов, ориентированных на комфорт и удобство жителей.

Пережитый опыт COVID-19 позволяет утверждать, что здоровьесбережение как на индивидуальном, так и популяционном уровне приобретает все большее значение, и особенно в условиях городских пространств. Урбанизационные процессы стремительны, значительно растет численность населения городов, а сам город, становится очевидной угрозой для здоровья населения.

В связи с этим формирование комфортной городской среды, призванное реализовать новый облик города, создающего атмосферу комфорта и безопасности, в котором людям разного возраста одинаково удобно жить, работать и активно отдыхать, приобретает актуальное значение. Общественное пространство нового формата помогает сформировать в условиях города новый культурный и социальный уровень жизни жителей города.

Теоретическое и правовое обоснование темы

В качестве методологического обоснования мы привлекли общие теоретические концепции с целью выполнения ими некой прогностической функции в обо-

сновании формирования оптимальных моделей здоровьесбережения и моделей социального поведения в сохранении здоровья, разработке мер, направленных на оптимизацию воздействия социальных условий здоровьесбережения населения. Обращение к этим теориям позволили оценить роль и влияние разных факторов на систему здоровьесбережения, состояние здоровья населения в городском пространстве и его обусловленность.

Теория географического детерминизма, позволяющая рассматривать взаимодействие физической среды и социальных процессов, обуславливающее развитие (изменение) общества, нашла отражение в трудах Ж. Бодена, Ж.-Б. Дюбо, Ш. Монтескье и др. Эти теоретики важным фактором изменений в обществе видели природную (физическую, климатическую, географическую) среду. Экономисты и историки XIX–XX вв. (Э. Хантингтон, Х. Маккиндер и др.) рассматривали природные факторы как основные в культурном, экономическом и политическом развитии.

Постулат о болезнях и вырождении членов общества как прямом результате увеличения его численности выше критической отметки нашел отражение в теории географического детерминизма Т. Мальтуса, а в последующем – у неомальтузианцев. В широкое научное рассмотрение этот круг проблем ввели В. И. Вернадский, Ле Руа и Тейяр де Шарден. Рост численности городского населения при низких показателях рождаемости в условиях города будет способствовать увеличению доли людей пенсионного возраста в структуре общества, а состояние их здоровья будет влиять на возможности здравоохранения, так как именно эта социальная группа является одной из основных потребителей услуг здравоохранения. С такими тенденциями уже столкнулись многие европейские города.

Теория этологии (К. Лоренц) переносит

законы биологических сообществ на общественную жизнь в вопросе о причинах и характере заболеваний. Так, К. Лоренц выделяет основные тенденции, отличающие индустриальное общество от традиционного и делающие его неустойчивым и противоестественным для жизни человека. К ним относятся: перенаселение, опустошение жизненного пространства, высокий темп жизни, навязанный всеобщей конкуренцией; возрастание нетерпимости к дискомфорту, генетическое вырождение. Лоренц указывает на то, что человек, приспособленный эволюцией для выживания в небольшом коллективе, в условиях мегаполиса не может сдерживать свою природную агрессивность. В качестве примера двух крайностей приводится гостеприимность людей, живущих вдали от городов, и взрывоопасная нервозность концлагерей, где неосторожный взгляд может привести к драке. Концентрация людей в городах обычно сопряжена с уничтожением природы, что приводит к эстетической и этической деградации жителей. А аэрофотоснимок города К. Лоренц внешне сравнивает с гистологической картиной раковой клетки, свидетельствующей об утрате разнообразия в обеих системах. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что важную роль в здоровом сообществе играет благоприятное социальное окружение и комфортное пространство [Лоренц, 1994].

Теория «болезней цивилизации и социальной дезадаптации» описывает механизмы цивилизации, влияющие на здоровье общества. Исследование, проведенное Э. Гюаном и А. Дюссером и представленное в книге «Болезни нашего общества», является теоретическим обобщением влияния цивилизации на здоровье населения. Авторы рассматривают и обосновывают общий механизм возникновения и развития современной патологии в цивилизованном обществе. Развитие цивилизации сопровождалось срывом для многих членов общества, реакциями приспособления к природным и особенно социальным факторам, что проявлялось в массовых нарушениях здоровья. Однако, по мнению авторов, социальная дезадаптация приводит

к устранению здоровых и сохранению больных членов общества. Таким образом, процесс социальной дезадаптации создает механизм приспособления для больных [Huant, Dussert, 1961].

Мысль о срывах социальной адаптации продолжается в трудах О. Тоффлера. Автор утверждает, что развитие цивилизации достигло непомерно высоких темпов и социальная адаптация также находится на пределе. Но развитие цивилизации остановить невозможно, как бы пагубно оно не влияло на здоровье. Если это развитие остановить, то неизбежен крах адаптации, ее срыв, который вызовет массовые заболевания, депрессии, шок. В результате срыва адаптации возникает массовая враждебность, депрессия, тревога, акты насилия и другие проявления социальной дезадаптации [Тоффлер, 1999].

По мнению Р. Дюбо, наиболее острая причина возникновения социальной дезадаптации – это среда, искусственно созданная человеком. Современная среда отличается быстрыми и зачастую непривычными ритмами для жизни, регулярными или постоянно действующими психоэмоциональными стрессами, шумами, и все выше перечисленное усиливает процессы дезадаптации. Для выхода из состояния социальной дезадаптации Р. Дюбо предлагает целую систему профилактических мер. Профилактика по предложению Р. Дюбо должна начинаться «с улавливания и мониторинга вредных факторов окружающей среды», в том числе и не столь заметных, незначительных, но продолжительно действующих негативно на человека. Возможность приспособиться, позволяет человеку успешно переносить воздействие некоторых факторов, которые первоначально для него были неприятными и травмирующими. Но существует группа факторов, к которым человек никогда не сможет приспособиться. К таким агрессивным факторам Р. Дюбо относит алкоголизм, наркоманию, стрессы и гиподинамию. По мнению Р. Дюбо воздействие таких факторов необходимо исключить из жизни человека [Дюбо, 1980].

Обреченность человечества на вы-

рождение и вымирание вследствие нарастающей урбанизации обосновывает концепция П. Тейлора. Автор описывает современный город как замкнутое пространство, в котором присутствует и неуклонно нарастает стрессорное состояние, что будет способствовать сокращению рождаемости, депопуляции, возрастающей смертности и другим, негативным медико-демографическим явлениям. Приведенный анализ основных теоретических взглядов по проблемам здоровьесбережения в современных городских пространствах подтверждает нашу гипотезу взаимосвязи возможностей здоровьесбережения с комфортным устройством городской среды [Тейлор, 2004].

Правительства разных уровней стремятся воплотить в жизнь идею комфортного города. Современная концепция Urban Health (дословно – здоровый город) в последнее время получила широкое распространение и востребованность. Так, опыт использования этой концепции в различных городах мира свидетельствует об успешном развитии городских территорий, отвечающих принципам устойчивого развития в условиях городской среды: решению проблем социокультурного развития; достижению гармонизации различных пространств; реализации здоровьесберегающих технологий.

В настоящее время архитекторы, урбанисты и люди различных профессий, заинтересованные в распространении, использовании и закреплении здоровьесберегающих практик в городском пространстве, не ограничиваются только концепцией Urban Health. Так, концепция ВОЗ «Здоровые города» ставит своей целью создание более здоровых городских условий, которые способны поддерживать здоровье и благополучие людей, выдвигая здоровье на первое место¹. В

Концепции сформулированы основные принципы достижения здоровья:

- повышение справедливости в отношении здоровья и в реализации принципов достижения здоровья;
- обеспечение согласованности и продвижения приоритетов общественного здравоохранения в социальной и политической повестке городов;
- содействие оптимальному управлению и интегративному планированию в интересах здоровья.

Подход «Здоровые города» создан для организации и поддержания общественного движения, направленного на воздействие на детерминанты здоровья².

В материалах документа «Загребская декларация по здоровым городам. Учет интересов здоровья и справедливости в отношении здоровья во всех местных стратегиях (2009 г.)» было отмечено, что здоровье не является продуктом деятельности здравоохранения, а во многом определяется стратегиями, программами и действиями вне сектора здравоохранения, и в этом контексте на передний план выдвигаются окружающая среда и дизайн городов, благоприятные для здоровья³.

С 2010 г. в Российской Федерации в целях устойчивого развития и укрепления общественного здоровья в движение «Здоровые города» включилось 500 российских городов, в том числе и город Хабаровск. Данная программа получила название «Здоровые города, районы и поселки». В российский компонент этой программы включены следующие направления:

- здоровье в пожилом возрасте;
- здоровое городское планирование;
- оценка воздействия на здоровье;
- активный образ жизни.

Российское движение «Здоровые горо-

¹ Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/europe/groups/who-european-healthy-cities-network> (дата обращения 29.09.2023).

² Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://who-sandbox.squiz.cloud/en/health-topics/environment-and-health/urban-health/publications/2009/zagreb-declaration-for-healthy-cities> (дата обращения 03.10.2023).

³ Загребская декларация по здоровым городам. Учет интересов здоровья и справедливости в отношении здоровья во всех местных стратегиях (2009 г.). URL: <https://who-sandbox.squiz.cloud/en/health-topics/environment-and-health/urban-health/publications/2009/zagreb-declaration-for-healthy-cities> (дата обращения 03.10.2023).

да» призвано объединить усилия и ресурсы для создания условий улучшения здоровья и качества жизни населения; создания площадок для обмена опытом лучших практик укрепления общественного здоровья; создания здоровьесберегающего и единого профилактического пространств; создания здоровой городской среды; формирования здорового образа жизни. В 2019 г. г. Хабаровск стал принимающей площадкой в движении «Здоровые города, районы и поселки» для обмена опытом здоровьесберегающих практик.

На реализацию этих мероприятий ориентированы федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», государственная программа «1000 дворов» и др. Проект «Формирование комфортной городской среды», в котором участвуют 82 субъекта РФ, призван повысить качество городских пространств, с которыми на ежедневной основе контактирует горожанин. В первую очередь программа призвана выявить и ликвидировать слабые фрагменты городской среды с позиции благоустройства, функциональной организации пространства, грамотного зонирования. Важным фактором программы является обеспечение непрерывной доступности среды для маломобильных граждан. Элементами такой среды выступают сооружения аппарелей, пандусов, ассистивных устройств и функциональных элементов, к которым предъявляются особые требования, направленные на устранение пространственно-средовых барьеров, а также на усиление и поддержку конкретных или совокупных дефектов здоровья инвалидов, лиц с ограниченной двигательной активностью, горожан с детскими колясками и других.

Программа «1000 дворов» направлена на обновление городской инфраструктуры, создание пространств для отдыха, повышение индекса качества городской среды, обустройство площадок для игр и спорта. В рамках этой программы предполагается создание 82 проектов, 32 из которых уже одобрены и реализуются.

В Хабаровском крае в программе «1000 дворов» участвовали 160 дворов в 2022 г. и 83 двора в 2023 г. Реализация проекта позволит создать новые доступные пространства для отдыха, приведет к улучшению уровня жизни населения, повысит качество городской среды⁴.

Реализация данных проектов позволит трансформировать городскую среду, которая имеет возможность стать человекоориентированной, благоприятной и в целом отвечающей направлению Urban Health.

Анализируя представленные программы и концепции, можно сделать предварительный вывод, что все они направлены на решения о развитии политик различных уровней, ориентированных на приоритизацию аспектов здоровья и благополучия населения.

Обсуждение темы

Современная урбанизация подтверждает теорию «болезней цивилизации». Жители городов страдают аллергическими заболеваниями, болезнями суставов, диабетом, ожирением. Многие исследователи (Вершинина И. А., Абрамова С. В., Лефевр А.) находят зависимость между устройством городской среды (хорошо развитое транспортное сообщение, достаточное количество и разнообразие общественного транспорта, достаточный сервис такси, развитая инфраструктура с большим количеством мест общепита и др.) и болезнями городского населения. Таким образом, назревают вопросы: как совместить включение практик здоровьесбережения в городское пространство, каким образом выстроить современный дизайн городской среды с целью улучшения детерминантов здоровья в ней?

При проведении исследования компания ARUP обнаружила пятьдесят причин, устранение которых сделало бы улицы города удобными для горожанина-пешехода, двадцать причин касались непосредственно здоровья и благополучия человека [Александр, Хэллоуз, 2023]. Нейроурбанист Колин Эллерд работает над проблемой городского пространства,

⁴ 1000 дворов. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/na_dalnem_vostoke_nachalas_realizatsiya_programmy_1000_dvorov/ (дата обращения 03.08.2023)

которое способно вызывать определенные эмоции [Колин, 2018]. Ян Гейл, развивая мысль об эмоциях, в своем исследовании утверждает, что хороший город должен иметь пешеходные пространства, по которым пешеход может двигаться со скоростью 5 км/ч и каждые пять секунд встречать новое для себя интересное место [Гейл, 2012].

Мазда Адли в книге «Стресс в большом городе», рассматривая эффективные стратегии профилактики заболеваний, отмечает, что в большом городе невозможно снизить уровень стресса и устранить источники стресса. По мнению автора, единственный способ снижения уровня стресса в большом городе – это повышение социальной сплоченности, а городские пространства должны сами по себе мотивировать горожан чаще бывать вне дома, в общественных местах, на площадях, в парках и пр. [Адли, 2019].

И в таком ключе, мы считаем, большую роль играют особенности восприятия разных пространств и районов города горожанами, которые формируются на ментальном, вернакулярном уровне – уровне восприятия непосредственно городского пространства гражданами определенной территории. При таком восприятии имеет место вернакулярное районирование как процесс условного разграничения городских районов согласно границам, маркируемым жителями этих районов и горожан в целом. Такие вернакулярные районы существуют в сознании горожан, и стереотипы, которые вокруг них складываются, напрямую влияют на паттерны повседневного поведения горожан, их предпочтения в местах проживания, работы и отдыха, самоидентификации. Все эти факторы необходимо учитывать одновременно для каждого конкретного вернакулярного района.

Все городские районы, пространства и города в целом отличаются по множеству факторов, каждый уникален. Однако горожане одинаково характеризуют потребность в определении границ пространств, районов, их характеристик. Важным показателем считается признание пространства своим или чужим, «другом или врагом» [Карлова, 2015]. При

этом и в условиях нахождения в ограниченном пространстве горожане не теряют необходимости в его идентификации и ментальной демаркации. Такая необходимость приводит к появлению интрацитов [Короткова, 2015], характеризующихся тем, что их жители по отношению к месту пребывания чувствуют местный патриотизм.

Одним из важных аспектов формирования территориальной структуры города сегодня является осознание горожанином своей принадлежности к конкретной территории. В научной литературе этот процесс обозначен как территориальная идентичность [Мирошниченко, 2013]. Идентичность основывается на совокупности идей (какой этот мир, чем он отличается от других, какое мое место в этом мире и др.), определяющих понимание вопроса «Кто я?». Среди приведенных идей важную роль играет идея истории места, где индивидум проживает [Казаков, Харченко, Чернышев, 2015].

Идея истории места важна для определения городской идентичности. Имеет значение конкретный временной период истории, которую город и его пространство будут воспринимать как «свою». История оказывает воздействие на социокультурное городское пространство как изнутри (в форме памятников, рекламы, здоровьесберегающих объектов, туристических маршрутов, культурных объектов и пр.), так и за его пределами – в таком случае формируется комплекс стереотипов относительно городского района или города в целом, такой район может восприниматься, как промышленный, культурный, маргинальный, спортивный и здоровьесберегающий, туристический и пр.

Вернакулярные регионы являются одной из форм пространственной самоорганизации общества, проявляющейся при изучении пространственных представлений (к примеру, по моделям Й. Тюнена и В. Кристаллера [Казакова, 2017]). Вернакулярные районы современного города имеют практическое значение, их характеристики оказывают влияние на городское сообщество. Уилбер Зелинский, представивший одну из самых из-

вестных работ по культурному и географическому делению США, в последней четверти прошлого века определил «повседневные» области, которые не были связаны с проблемами формирования территориальных сообществ людей, локальных культурных различий, географии населения, административными ограничениями или хозяйственной деятельностью [Павлюк, 2015].

Такие повседневные области, пространства, с которыми горожанин контактирует на ежедневной основе, и формируют отчасти образ жизни в этом районе, а значит, и уровень здоровья как физического, так и ментального. На эмоциональном уровне горожане отмечают такие особенности, чему свидетельствуют, к примеру, нежелание приобретать жилье, расположенное с подветренной стороны относительно источника загрязнения воздуха, промышленного предприятия или, напротив, высокая ликвидность квартир в домах на прибрежных территориях, близ парков, с высоким уровнем благоустройства, наличием искусственных водоемов, спортивных сооружений.

Для вернакулярного района характерны признаки, присущие самому сообществу, самим жителям этих районов, а не только пространственные, архитектурные и прочие особенности района. Жители формируют ментальное представление о территории, на основе которого и строят свое поведение. Вернакулярная территория – эта та территория, которая выделена самими горожанами. На основе их представлений формируется образ как совокупность когнитивного (психического), аффективного (эмоционального, нервного) и ценностного компонентов [Казакова, 2017].

Результаты исследований

Для изучения вопроса здоровьесбережения в городском пространстве мы привлекли исследование НАФИ «Новая нормальность: образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии» проведенное в июне 2020 г.

В аналитической справке исследова-

ния указывается, что общество вошло в период «новой нормальности», которые определяются социальными последствиями пандемии COVID-19, в жизнедеятельности человека появились повседневные практики, которые в доковидный период были ненормальными, а сейчас стали обыденными. Общество пришло к пониманию того, что необходимо скорректировать свои привычки и модели социального взаимодействия.

Однако результаты исследования НАФИ продемонстрировали, что независимо от возраста люди стали отмечать важность для поддержания здоровья таких составляющих как психическое благополучие (66%), хорошее самочувствие (61%), поддержание хорошей физической формы (57%)⁵.

В таблице 1 представлены данные Росстата о доле граждан, ведущих здоровый образ жизни в РФ.

По данным, указанным в таблице, видно, что доля граждан, проживающих в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), и ведущих здоровый образ жизни значительно ниже (в 2021 г. – 4,1), чем в Российской Федерации в целом (в 2021 г. – 7,3), и ДФО находится на последнем месте среди представленных федеральных округов. Можно предположить, что по каким-либо причинам у жителей ДФО отсутствует или находится на крайне низком уровне мотивация к сохранению здоровья, поддержанию здорового образа жизни, занятием спортом.

Проведенное нами исследование, с августа по октябрь 2023 г. в 2 городских округах и 17 муниципальных районах Хабаровского края, направленное на выявление уровней гражданской идентичности жителей Хабаровского края, включающее массовый анкетный опрос населения (выборка составила 3 385 респондентов) и экспертный опрос работников муниципалитетов по социальным вопросам (19 человек), подтверждает заявленные положения.

Жители Хабаровского края формируют тот самый образ комфортного райо-

⁵ Новая нормальность: образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии. НАФИ, июнь 2020 г. URL: <https://nafir.ru/> (дата обращения 17.08.2023).

Таблица 1

Доля людей, ведущих здоровый образ жизни в РФ (в %)

Регион	2020 г	2021г.	2022г
РФ	12,0	9,1	7,3
ЦФО	11,1	7,6	6,4
СЗФО	10,9	10,7	8,8
ЮФО	17,2	12,1	13,4
СКФО	14,9	14,7	8,5
ПФО	14,9	9,5	7,0
УФО	8,7	7,7	6,0
СФО	8,2	6,9	4,4
ДФО	6,5	5,6	4,1

Источник: составлено по данным: «Росстат впервые назвал число ведущих здоровый образ жизни россиян». URL: <https://www.rbc.ru/society/08/11/2019/5dc41d349a7947456b9d9bca?from=copyhttps://www.rbc.ru/society/08/11/2019/5dc41d349a7947456b9d9bca>

на проживания по критериям (индикаторам), далеко не характеризующим их здоровьесберегающие настроения в пространстве города. Так на вопрос «Как вы считаете, насколько большую проблему представляют сейчас для Хабаровского края..?» респонденты выбрали «как очень большую» следующие варианты ответов: алкоголизм и пьянство – 25,6%; благоустройство улиц и дворов – 20,9%; жилищная проблема – 23,5%; качество здравоохранения – 21,6%; материальное положение населения – 22,9%; неустроенность детского и молодежного досуга – 18,1%; отсутствие перспектив для молодежи – 20,0%; отток населения – 22%; снижение уровня жизни людей – 21, 0% (табл. 2). Имеющиеся проблемы вытесняют или замещают в сознании граждан проблемы здоровьесбережения, отводят их на второй план.

Графическим способом в программе Archicad нами были маркированы расположения воркаут-площадок в г. Хабаровске, которые в своем исследовании мы склонны рассматривать, как городские пространства, призванные реализовывать потребность городского населения в здоровьесберегающих практиках. Однако, нам не удалось установить какие-либо закономерности их размещения в городе и загруженность (постоянное использование жителями района для здоровьесберегающих практик). Наибольшее сосредоточение воркаут-площадок мы обнаружили в южных и наименьшее в центральных вернакулярных районах города.

В 2023 г. авторами был проведен мас-

совый социологический опрос жителей города Хабаровска в возрасте от 18 лет. Выборочная совокупность составила 800 человек, репрезентативная структура выборки посчитана в соответствии с половозрастным составом населения города, опрос проведен в пяти административных районах Хабаровска посредством анкетирования, анализ результатов произведен в программе SPSS. Южная часть города (Южный микрорайон) всегда представлялась в восприятии жителей, как промышленная, с рабочими районами для проживания населения. В последние десятилетия эта часть города стала интенсивно застраиваться жилыми кварталами, развивалась инфраструктура, однако количество спортивных сооружений не соответствовало запросам населения, проживающего в этих районах.

Воркаут-площадки достаточно доступны финансово для бюджета города, универсальны, быстро сооружаемы, доступны для всех групп населения. Устройство и расположение воркаут-площадок города соответствует типовым требованиям: расположение в непосредственной близости от места жительства (радиус доступности не более 400 м) и с наполнением не менее 5 элементов на одну площадку. Мы допускаем, что это переходные варианты здоровьесберегающего городского пространства, которое способно обеспечивать регулярное воздействие на человека в отношении спорта и здоровьесбережения.

Собственные наблюдения использования воркаут-площадок в северной части города (Северный микрорайон) дали сле-

Таблица 2

Оценка текущего состояния проблем в Хабаровском крае

Проблемы	Очень большая	Довольно большая	Небольшая	Никакой проблемы	Затрудняюсь ответить
... алкоголизм, пьянство	25,6	19,2	45,8	4,4	5,1
... бездомные животные	18,3	26,6	44,3	5,4	5,4
... благоустройство дворов, улиц (вывоз мусора, устранение последствий от осадков)	20,9	31,6	35,6	8,2	3,7
... взаимоотношения между коренным населением и иностранными гражданами	13,3	33,9	30,9	16,2	5,7
... взаимоотношения между людьми разной национальности	15,1	28,5	37,8	13,5	5,0
... взаимоотношения между различными религиозными течениями	11,6	27,1	36,5	16,3	8,5
... жилищная проблема (высокие цены на покупку/аренду жилья, его ветхость и изношенность)	23,5	24,7	32,7	13,7	5,5
... западные санкции в отношении России	20,4	26,7	32,5	14,1	6,2
... качество здравоохранения	21,6	24,8	32,1	15,5	6,1
... качество получаемого высшего образования	18,7	22,4	35,3	15,8	7,8
... качество получаемого среднего образования	15,4	22,8	38,1	15,7	8,0
... коррупция, кумовство во власти, произвол чиновников	16,8	29,5	31,7	14,0	8,0
... материальное положение, низкие заработки	22,9	30,0	28,0	13,6	5,6
... наркомания	16,8	29,3	28,9	16,5	8,5
... неустроенность детского и молодежного досуга	18,1	26,8	31,3	17,8	6,0
... общественная безопасность	15,8	28,6	31,5	17,2	6,9
... отсутствие перспектив для молодежи	20,0	29,0	26,0	18,3	6,8
... отток населения из Хабаровского края	22,0	24,2	30,0	16,9	6,8
... оформление собственности, в т. ч. на землю	16,0	20,6	33,4	18,1	12,0
... преступность и правонарушения	15,0	27,0	32,1	18,3	7,7
... работа общественного транспорта	16,2	27,2	31,6	19,9	5,0
... рост безработицы	14,0	26,1	31,8	19,5	8,6
... рост цен на товары и услуги	23,3	23,8	30,3	18,3	4,3
... снижение уровня жизни людей	21,5	25,7	29,2	17,9	5,7
... состояние общей культуры и нравственности населения	17,5	23,1	33,2	18,6	7,6
... состояние экологии	17,3	24,5	32,2	18,8	7,3
... уличные «пробки»	22,5	15,7	36,4	16,1	9,2

Источник: исследование по теме «Уровни гражданской идентичности жителей Хабаровского края». Использованы случайная выборка, репрезентирующая население Хабаровского края (n=3 385 респондентов) и экспертный опрос (19 человек) в 19 муниципальных образованиях края (17 муниципальных районах и 2 городских, с августа по октябрь 2023 г. Тихоокеанский государственный университет).

дующие результаты: воркаут-площадки используются только в теплый период времени, так как в зимний период площадка не очищается от снега, механизмы при отрицательных температурах малоподвижны и трудны в использовании;

климатические условия города Хабаровска не позволяют находиться на такой площадке продолжительный период времени.

Таким образом, воркаут-площадки, в холодный период времени исключаются из вернакулярных представлений населения в формировании здоровьесбере-

гающего пространства.

Вместе с тем оценка уровня благополучности разных вернакулярных районов Хабаровска коррелирует с числом здоровьесберегающих объектов внутри района или в непосредственной близости к нему (табл.3, *ответ от 1 до 5, 1 – благополучный район, 5 – неблагополучный район*).

Такая особенность не является прямой зависимостью. Скорее, горожане воспринимают районы, в которых имеются объекты здоровьесбережения, как наиболее благоустроенные. Эту же мысль подтверждает включение детских и

Таблица 3

Оценка уровня «благополучности» вернакулярных районов Хабаровска

Вернакулярный район	Наличие и близость здоровьесберегающих пространств (ед.)	Степень благополучности (в % от числа опрошенных)				
		1	2	3	4	5
База КАФ	2	14,38	24,88	45,38	13,00	2,38
Северный микрорайон	6	3,38	7,50	31,75	42,38	15,00
Березовка	2	22,75	38,50	33,13	4,63	1,00
Район улицы Шелеста	1	25,13	28,88	28,63	14,88	2,50
Район Автовокзала	-	20,88	29,13	39,25	8,63	2,13
Район улицы Джамбула (НПЗ)	1	15,38	24,75	43,00	14,50	2,38
Авиагородок	1	8,25	22,00	44,0	23,25	2,50
Район улицы Выборгской	1	18,63	28,75	40,00	10,88	1,75
Центральная часть города	45	2,50	2,25	10,00	43,00	42,25
Поселок им. Горького	3	14,88	28,13	37,88	16,00	3,13
Хабаровск 2		19,75	30,50	39,88	9,25	0,63
Микрорайон «Строитель»	8	10,50	14,75	42,00	23,25	9,50
Рабочий городок	7	7,38	14,75	32,38	30,75	14,75
Южный микрорайон	4	9,25	12,13	34,75	38,88	5,00
Пятая площадка	2	41,38	35,13	18,75	3,25	1,50
Первый микрорайон	1	19,00	22,88	43,00	14,88	0,25
Красная речка	1	28,00	37,13	29,25	1,38	1,38

Источник: Массовый социологический опрос (анкетирование) жителей города Хабаровска в возрасте от 18 лет. Выборочная совокупность составила 800 человек, репрезентативная структура выборки посчитана в соответствии с половозрастным составом населения города. Опрос проведен в 2023 г. Тихоокеанский государственный университет.

спортивных площадок в проекты благоустройства дворов и общественных пространств в рамках приведенных нами проекта «Формирование комфортной городской среды» и программы «1000 дворов». На наш взгляд, эти площадки не формируют на ментальном, вернакулярном уровне горожан восприятия их как городского пространства здоровьесбережения. Основные доминирующие проблемы повседневной жизни граждан (материальные, социальные и др.) вытесняют не менее значимые проблемы здоровьесбережения и формируют вернакулярный образ горожан пространств города, как недостаточно комфортное и привлекательное.

Таким образом, ментальное восприятие жителей города Хабаровска не формирует у них четкого представления о здоровьесберегающем городском пространстве. Вместе с этим паттерны здоровьесберегающего поведения горожан в зависимости от преимущественного нахождения в разных районах города Хабаровска отличаются.

Заключение

Результаты исследований подтверж-

дают значимость включения здоровьесберегающих пространств в городскую среду Хабаровска. Различные исследования подтверждают влияние элементов инфраструктуры современного города на здоровье населения. Формирование городской здоровьесберегающей среды современного города должно основываться на городском планировании, способствующем укреплению здоровья населения. Однако отсутствие действенных механизмов территориального управления поведением населения в сфере здоровья и здоровьесбережения может свести усилия национальных, региональных и муниципальных политик к нулю. Для формирования вернакулярного представления у населения здоровьесберегающих пространств в условиях города требуется создание социальной модели поведения горожан в интересах здоровьесбережения, включающей здоровый образ жизни, устранение неравных возможностей в сфере здравоохранения, изменение структуры социальных ценностей, вовлечения всех заинтересованных сторон в устройство пространства здоровьесбережения.

Список источников:

1. Адли М. Стресс в большом городе. Moscow Urban Forum. Издательство «Точка». 2019. 392 с.
2. Александр Р., Хэллоуз М. Проектирование устойчивых городов в ArcGIS с использованием геопространственных возможностей Amazon SageMaker. 2023. URL: <https://deeptech.net.io/archives/2968> (дата обращения 24.08.2023)
3. Гейл Ян Города для людей. Москва. 2012. 276 с.
4. Дюбо Рене Ж. Ухаживание за Землей. Нью-Йорк: Скрибнер. 1980. 165 с.
5. Новолодская Е. Г. Развитие здравотворческих идей в Древней Руси и Московском государстве // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2012. URL: emissia.org/offline/20 (дата обращения 03.10.2023).
6. Казаков С. Г., Харченко А. О., Чернышев А. А. Вернакулярное районирование как основа геодемографических и геомаркетинговых исследований (на примере г. Курска). 2015. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_23292438_37171609.pdf (дата обращения 03.10.2023).
7. Казакова Г. М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65.
8. Карлова Е. В. Территориальная идентичность населения в Центральной России: автореф. дисс. канд. географ. наук. М., 2015. С. 25. URL: <http://www.dslib.net/econom-geografia/territorialnaja-identichnost-naselenija-v-centralnoj-rossii.html> (дата обращения 03.05.2019).
9. Колин Эл. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. 2018. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001844739-sreda-obitaniya->

kak-arhitektura-vliyaet-na-nashe-povedenie-i-samochuvstvie-kolin-ellard (дата обращения 02.10.2023)

10. Короткова С. Г. Ментальная структура города как основа городской эстетики // Искусство и художественное образование в контексте межкультурного взаимодействия: Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2015. С. 237–243.

11. Лоренц К. Агрессия. М., Прогресс. 1994. 130 с.

12. Мирошниченко В. В. Вернакулярные районы города Харькова // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 61–69. ID: 33834560

13. Павлюк С. Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США) // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 26–36.

14. Сорокина Т. С. История медицины М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 560 с.

15. Тоффлер О. Третья волна. Москва, 1999. 795 с.

16. Huan E., Dussert A. Les maladies de notre societe. Paris, 1961.

17. Taylor P. The New Geography of Global Civil Society: NGOs in the World City Network // GaWC Research Bulletin. 2004. № 144.

References:

1. Adli M. (2019) Stress in the big city. Moscow Urban Forum. Publishing house "Tochka". 392 p. (In Russ.).

2. Alexander R., Hallows M. (2023) Designing sustainable cities in Arup using the geospatial capabilities of Amazon SageMaker. URL: <https://deeptech.net.io/archives/2968> (accessed 08/24/2023) (In Russ.).

3. Gail Yang (2012) Cities for people. Moscow. 276 p. (In Russ.).

4. Dubos, Rene J. (1980) Courting the Earth. New York: Scribner. 165 p.

5. Novolodskaya E. G. (2012) Development of health-creative ideas in Ancient Rus' and the Muscovite state *Pis'ma v Emissiya. Offlayn* [Letters to Emission. Offline]. URL: emissia.org/offline/20 (accessed 10/03/2023). (In Russ.).

6. Kazakov S. G., Kharchenko A. O., Chernyshev A. A. (2015) Vernacular zoning as the basis of geodemographic and geomarketing research (on the example of Kursk). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23292438_37171609.pdf (access date 10/23/2023). (In Russ.).

7. Kazakova G. M. (2017) "Vernacular region" as a condition for the intensification of social processes *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research]. No. 9: 57–65. (In Russ.).

8. Karlova E. V. (2015) Territorial identity of the population in Central Russia: abstract. diss. Ph.D. geographer. Sci. M. P. 25. (In Russ.).

9. Colin El. (2018) Habitat. How architecture influences our behavior and well-being. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001844739-sreda-obitaniya-kak-arhitektura-vliyaet-na-nashe-povedenie-i-samochuvstvie-kolin-ellard> (access date 10/20/2023) (In Russ.).

10. Korotkova S. G. (2015) The mental structure of the city as the basis of urban aesthetics in Art and art education in the context of intercultural interaction: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. pp. 237–243. (In Russ.).

11. Lorenz K. (1994) Aggression. M., Progress. 130 p. (In Russ.).

12. Miroshnichenko V. V. (2013) Vernacular areas of the city of Kharkov *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov regional journal]. No. 16: 61–69. ID: 33834560 (In Russ.).

13. Pavlyuk S. G. (2015) Methods of differentiation of urban space (on the examples of cities in Russia, Western Europe and the USA) *Regional'nyye issledovaniya* [Regional studies]. No. 2: 26–36. (In Russ.).

14. Sorokina T. S. (2008) History of medicine M.: Publishing center "Academy". 560 p. (In Russ.).
15. Toffler O. (1999) The Third Wave. Moscow. 795 p. (In Russ.).
16. Huant E., Dussert A. (1961) Les maladies de notre societe. Paris.
17. Taylor P. (2004) The New Geography of Global Civil Society: NGOs in the World City Network *Issledovatel'skiy byulleten' GaWC* [GaWC Research Bulletin]. No. 144

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 03.11.2023.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 03.11.2023.

Информация об авторе

И. А. Гареева – доктор социологических наук, доцент, профессор Высшей школы социальных и политических наук, Институт социально-политических технологий коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет;

А. Ф. Гарнага – магистр архитектуры, кандидат социологических наук, доцент Высшей школы архитектуры и градостроительства, Институт архитектуры, строительства и дизайна, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

I. A. Gareeva – Doctor of Sociology, Professor, the Pacific National University;

A. F. Garnaga – Master of Architecture, Candidate of Sociology, Associate Professor, the Pacific State University.

Научная статья
УДК 614.1(571.54)
doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-209-217

Современные подходы к снижению потребления алкоголя на региональном уровне: опыт Республики Бурятия (по материалам социологического исследования)

Елена Юрьевна Башкуева

Бурятский научный центр СО РАН, Улан-Удэ, Россия
frombear@mail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов проведенного экспертного опроса и SWOT-анализа представлена оценка современных подходов к снижению потребления алкоголя, внедряемых в практику в Республике Бурятия. В опросе участвовали сотрудники Министерства здравоохранения Республики Бурятия и врачи-профилактологи, психиатры-наркологи подведомственных организаций: ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер», ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В. Р. Бояновой» (N=20, 2022 г.). Рассмотрены проекты, реализуемые врачами-профилактологами ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В. Р. Бояновой» и ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер», в том числе «Автотрезвость». Дана оценка эффективности внедрения территорий трезвости в муниципальных образованиях региона. Выявлены положительные результаты повседневной жизни в «трезвых селах». Представлен SWOT – анализ региональной политики в части снижения уровня потребления алкоголя среди населения. Предложено усилить межведомственное взаимодействие и внедрить постоянный мониторинг и анализ ситуации, с применением современных социологических методов и привлечением независимых исследователей.

Ключевые слова: алкоголизация, алкоголь, трезвость, территории трезвости, экспертный опрос, врачи-профилактологи, эксперт, региональная политика, Республика Бурятия

Для цитирования: Башкуева Е. Ю. Современные подходы к снижению потребления алкоголя на региональном уровне: опыт Республики Бурятия (по материалам социологического исследования) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 209–217. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-209-217>

Финансирование: статья подготовлена в рамках госзадания № 121030500092-7 (проект «Разработка методологии обоснования направления стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений»)

Modern approaches to reducing alcohol consumption at the regional level: experience of the Republic of Buryatia (based on sociological research)

Elena Yu. Bashkueva

Buryat Scientific Center SB RAS, Ulan-Ude, Russia,
frombear@mail.ru

Abstract. The article presents an assessment of modern approaches to reducing alcohol consumption, introduced in practice in the Republic of Buryatia, based on the materials of the expert survey and SWOT-analysis. The survey involved employees

of the Ministry of Health of the Republic of Buryatia and doctors-prophylactologists, psychiatrists-narcologists of subordinate organizations: the State Autonomous Institution «Republican Narcological Dispensary», the State Budgetary Institution «Center of Public Health and Medical Prevention named after V.R. Boyanova» (N =20, 2022). The projects implemented by preventive medicine physicians of the State Budgetary Institution «Center of Public Health and Medical Prevention named after V.R. Boyanova» and «The Republican Narcological Dispensary», including «Auto Sobriety». The effectiveness of introduction of sobriety territories in the municipalities of the region was assessed. Positive results of everyday life in «sober villages» are revealed. SWOT-analysis of the regional policy in terms of reducing the level of alcohol consumption among the population is presented. It is suggested to strengthen interdepartmental cooperation and to introduce constant monitoring and analysis of situation, using modern sociological methods and involving independent researchers.

Keywords: alcoholization, alcohol, sobriety, territories of sobriety, expert survey, preventive medicine doctors, expert, regional policy, the Republic of Buryatia

For citation: Bashkueva E.Yu. Modern approaches to reducing alcohol consumption at the regional level: the experience of the Republic of Buryatia (based on the materials of sociological research) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 209–217. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-209-217>

Financing: the article was prepared within the framework of the state assignment № 121030500092-7 (project “Development of methodology of justification of the direction of strategic development of a depressed region in the conditions of ecological and economic constraints”).

Введение

Алкоголизация населения субъектов Российской Федерации является актуальной проблемой современности, одной из ключевых угроз национальной безопасности нашей страны, имеющей негативный мультипликативный эффект на все важнейшие сферы общественной жизни – здравоохранение, демографию, экономику, безопасность. В указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обозначены ключевые направления развития российского общества, в том числе увеличение ожидаемой средней продолжительности жизни населения до 78 лет, формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек. Это подразумевает, прежде всего, снижение потребления алкогольной продукции населением.

Проблемам алкоголизации населения и снижения потребления алкогольной продукции в различных регионах Российской Федерации посвящены исследо-

вания как медицинских специалистов, так и ученых-социологов, этнологов и др. [Белова, 2012; Гордеева, 2013; Жамбалова, 2023; Лебедева-Несевря, Гордеева, 2023; Одинокова, 2014].

Российский исследователь А. О. Мырзаматова с соавторами в своей статье «Меры популяционной профилактики, направленные на снижение потребления алкоголя: международный опыт и перспективы усиления мер в Российской Федерации», проведя глубокий аналитический обзор исследований и рекомендаций международной практики по реализации мер популяционной профилактики, направленных на коррекцию потребления алкоголя, пришли к выводу, что РФ достигла значительных успехов на пути внедрения мер, направленных на ограничение потребления алкоголя, что привело к сокращению его потребления и связанных с ним негативных последствий. Несмотря на это, авторы констатировали, что уровень потребления алкоголя остается высоким и потенциал внедрения популяционных мер по снижению потребления алкоголя в РФ не ис-

черпан [Мырзаматова, Концевая, Горный, Драпкина, 2020].

Согласно рейтингу трезвости регионов России (составлен движением «Трезвая Россия»), 2022 г., Республика Бурятия входит в число самых «пьющих» регионов Российской Федерации, пропустив вперед только такие регионы как Сахалин, Чукотка и Курганская область¹.

Республика Бурятия – восточный приграничный регион Российской Федерации, для которого характерен низкий уровень социально-экономического развития, обусловленный в том числе «байкальским фактором» [Дондоков, Убонова, 2022. С. 47]. Следует отметить, что общее депрессивное состояние региона, обусловленное нехваткой учреждений социальной инфраструктуры, определяет низкое положение Республики Бурятия по социальной устойчивости и является фоном для усугубления проблем алкоголизации населения региона [Дагбаева, 2019. С. 38–42].

В этой связи системная работа, направленная на снижение потребления алкоголя, является важнейшей задачей региональной социальной политики. Цель настоящей работы – провести анализ современных подходов к снижению потребления алкоголя в Республике Бурятия на основе проведенного независимого комплексного социологического исследования (2022 г.).

Материалы и методы исследования

Исследование базировалось на синтезе следующих методов: изучение и обобщение опыта, статистический, социологический (экспертный опрос), аналитический, монографического описания и др.

Эмпирическую базу исследования составили официальные статданные Росстата, Бурятстата, ежегодные сводные отчеты Министерства здравоохранения Республики Бурятия (за 2014–2022 гг.), отчеты ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер» (за 2014–2022 гг.), ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В.Р. Бояновой» (за 2014–2022 гг.).

Данные социологических исследований: экспертный опрос с участием сотрудников Министерства здравоохранения Республики Бурятия и подведомственных

организаций ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер», ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В. Р. Бояновой» на тему «Внедрение современных подходов к снижению потребления алкоголя в Республике Бурятия» (N =20, эксперты: врачи-профилактологи, психиатры-наркологи), 2022 г. Критерии отбора экспертов: стаж работы не менее 15 лет, общественное признание в качестве эксперта в области профессиональной деятельности, добровольное согласие участвовать в опросе. Гайд включал 3 тематических блока, в том числе оценку внедрения современных подходов к снижению потребления алкоголя населением Республики Бурятия, оценку эффективности внедрения территорий трезвости, предложения иных мер по борьбе с алкоголизмом в регионе.

Результаты исследования

В Республике Бурятия основную организационно-методическую работу по борьбе с потреблением алкоголя ведут 2 профильные медицинские организации – ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В. Р. Бояновой» и ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер». Эксперты-организаторы здравоохранения, представляющие исполнительный орган государственной власти Республики Бурятия, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере охраны здоровья населения региона – Министерство здравоохранения Республики Бурятия – отметили, что врачами-профилактологами данных учреждений ведется системная работа по снижению потребления алкоголя среди различных слоев населения, причем данная деятельность выстраивается на эффективном межведомственном взаимодействии с различными структурами – силовыми, образовательными, общественными. Например, в Республике Бурятия успешно реализуется общероссийский проект «Автотрезвость», в рамках которого проводятся занятия по учебному модулю с экспериментом в 3D очках, имитирующих состояние опьянения. Проект осуществляется среди кандидатов в водители в

¹ «Трезвая Россия» назвала самые пьющие регионы. URL: <https://rg.ru/2022/12/20/reg-urfo/nazvany-samyie-trezvye-i-samyie-piushchie-regiony-rossii.html> (Дата обращения 26.09.2023 г.)

автошколах «Сибирь Авто», «Пора за руль» в г. Улан-Удэ, в автошколе при колледже традиционных искусств народов Забайкалья в с. Иволгинск, также среди студентов Баунтовского филиала Байкальского колледжа недропользования, студентов филиала Бурятского республиканского техникума автомобильного транспорта Заиграевского района п. Онохой, Байкальского колледжа туризма и сервиса, Колледжа ИРГУПС.

Сотрудниками ГБУЗ «Центр общественного здоровья» регулярно проводятся занятия с водителями, ранее лишенными права управления транспортным средством, а также с лицами, осужденными по ст. 264.2 УК РФ за повторное вождение транспорта в состоянии опьянения. В летний период совместно с инспекторами УГИБДД ежегодно проводится акция «#стопалкоголь» с участием волонтеров студентов социально-психологического факультета БГУ им. Д. Банзарова, в ходе которой водителям автотранспортных средств раздаются информационные листовки, проводятся беседы о соблюдении трезвости за рулем. Помимо этого, эксперты считают эффективными проведение мероприятий по вторичной профилактике алкоголизма среди осужденных в учреждениях УФСИН России по Республике Бурятия.

В рамках месячника пропаганды трезвости ежегодно в сентябре совместно с УГИБДД по Республике Бурятия, ГБУЗ «Территориальный центр медицины катастроф», КДЦ «Кристалл» проводится акция «Автопати автотрезвость» с привлечением автомобилистов, автоблогеров, школьников и волонтеров на площадке ТРЦ «Пионер» в столице региона – г. Улан-Удэ. В октябре ко Дню автомобилиста Минздравом Бурятии, сотрудниками ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер» и УГИБДД по Республике Бурятия ежегодно проводится челлендж в социальных сетях с использованием хэштега проекта #трезвыерулят03. Так, в 2022 г. в челлендже приняли участие известные журналисты, артисты и все равнодушные граждане. Практически все медицинские организации поддержали данную акцию. Были подготовлены видеоролики с призывом к водителям о трезвости за рулем. Общий охват составил более 10000 про-

смотров.

В целях методической поддержки специалистов системы профилактики ежегодно проводятся различные обучающие мероприятия: республиканская межведомственная конференция и круглый стол с участием пациентских организаций по профилактике алкоголизма; вебинары по актуальным вопросам организации профилактической работы для педагогов СОШ г. Улан-Удэ и муниципальных образований Республики Бурятия; вебинары для специалистов Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия на тему «Профилактика аддикций, тревоги и агрессивных форм поведения подростков» для детских учреждений, по вопросу организации реабилитационной помощи пациентам наркологического профиля для районных и городских специалистов, для коллектива Республиканского социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних. Кроме того, ведется постоянное обучение представителей «силовых структур»: семинары для сотрудников Уголовно-исполнительной инспекции г. Улан-Удэ, семинары для сотрудников подразделений МВД по Республике Бурятия по профилактике правонарушений, связанных с употреблением алкогольной продукции и наркотических средств.

Важно отметить, что участвовавшие в исследовании эксперты (как организаторы здравоохранения, так и врачи-профилактологи и психиатры-наркологи) считают, что все общественные мероприятия, направленные на снижение потребления алкоголя, способствуют социальной сплоченности населения региона в турбулентный период обострения геополитических противоречий и социально-экономической нестабильности.

Еще одним важнейшим инструментом снижения потребления алкоголя участники исследования назвали внедрение территорий трезвости в районах республики. Это не новый формат для регионов Российской Федерации, такие территории успешно функционируют в республиках Саха (Якутия), Тыва и многих других регионах. Так, исследователь В. А. Зотова в статье «Формирование «территорий трезвости» в сельских поселениях и поселках в контексте местного самоуправления: социологический анализ» на основе ма-

териалов трех экспедиций, проведенных в Оренбургской области, Республике Алтай и Республике Саха (Якутия), выделила три пути формирования и поддержания практик «коллективной трезвости» (разные модели «территорий трезвости»): формальный, неформальный и естественный [Зотова, 2018. С. 126].

Исследователь С. Г. Жамбалова в своей содержательной статье «Зоны трезвости в малых и средних селах бурят: история и современность» установила, что еще в Российской империи бурятский социум продолжал сохранять в соответствии с нормами обычного права строгую регламентацию потребления алкоголя по времени, месту и возрасту. Правительство Российской империи на государственном уровне удерживало алкоголизацию коренных народов, в том числе бурят, принимая различные меры, в том числе запрет на продажу алкоголя в улусах [Жамбалова, 2023. С. 99].

Эксперты типологизировали действующие сегодня в Республике Бурятия территории трезвости по трем признакам: территории с полным запретом, территории трезвости с ограничениями по времени и точкам и новые территории трезвости, открытые в 2022–2023 гг., в которых формат продажи алкоголя пока определяется (табл. 1).

Эксперты отметили, что сам запуск проекта по созданию территорий трезвости требует большой методологической проработки и подготовки. Так, в целях эффективного внедрения территорий трезвости в сельских районах Республики Бурятия специалистами ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В. Р. Бояновой» разработана дорожная карта по организации территорий трезвости в муниципальном образовании (МО) Республики Бурятия на период с 2021 г. по 2024 г. Цель проекта: снижение смертности трудоспособного населения в МО Республики Бурятия к 2024 г. Ожидаемый результат: создание территорий трезвости на территории МО.

Эксперты-профилактиологи также отметили, что специалистами ГБУЗ «Центр медицинской профилактики» разработаны мероприятия, рекомендуемые для подготовки поселения к созданию территории трезвости, и обучающий модуль

для муниципальных образований Республики Бурятия по формированию мер, направленных на снижение потребления алкоголя, который включает следующие направления деятельности:

1. Анонимное анкетирование жителей поселения по вопросу создания территории трезвости.

2. Привлечение активистов-общественников к работе по профилактике самогонаварения и распространения контрафактного алкоголя (совместные рейды с представителями администрации и сотрудниками МВД, общественное порицание).

3. Организация проведения досугового времени, клубов по интересам, предоставление дополнительных бонусов в виде спортивных площадок, спортивных тренажеров, создание условий для альтернативных безалкогольных праздников.

4. Публичное поощрение и награждение за приверженность к трезвому и здоровому образу жизни.

5. Создание среды, ориентированной на занятия физической культурой и спортом и трезвый образ жизни.

6. Внедрение корпоративных программ укрепления здоровья на рабочем месте.

7. Усиление мер общественного контроля, направленных на борьбу с нелегальным распространением алкоголя.

8. Продвижение туристических брендов с учетом современных направлений национальных проектов Российской Федерации.

9. Организация территорий с дополнительным ограничением времени продаж алкоголя, а также территорий с полным запретом продажи алкоголя.

10. Привлечение волонтеров и активистов территориального общественного самоуправления к популяризации трезвого образа жизни.

В целом участники исследования отметили положительные эффекты от внедрения территорий трезвости, которые были сгруппированы ими по следующим направлениям:

1. Улучшение медико-демографической ситуации: сокращение заболеваемости, травматизма и смертности ассоциированных с алкоголем; повышение рождаемости, улучшение демографической структуры, повышение приверженности

Таблица 1.

**ТЕРРИТОРИИ ТРЕЗВОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

Муниципальное образование (район)	Территории трезвости с полным запретом	Территории трезвости с ограничениями по времени, точкам	Территории трезвости, открытые в 2022–2023 гг.	Сельские сходы проведены (да, нет)
Баргузинский			с. Гусиха, с. Борогол, с. Ярикто	Нет
Баунтовский	СП «Амалатское»			Нет
Джидинский			с. Нижний Ичетуй (в работе)	Да
Закаменский			с. Далахай, с. Утаты (с 01.10.2022)	Да
Иволгинский			.Ключи, с. Улан-Иволгинский	Нет
Кабанский	с. Каргино	СП «Корсаковское»	с. Инкино СП «Оймурское», п. Прибой, п. Речка Мишиха СП «Танхойское»	Нет
Кижингинский		СП Среднекодунский сомон, СП Верхне-Кижингинский сомон, СП «Нижекодунский сомон» (с. Орот)		Нет
Курумканский	СП «Улюнхан»	СП: Аргада, Барагхан, Арзгун, Сахули, Могойто (запланированы)		Да
Кяхтинский			СП «Первомайское»	Нет
Муйский			с. Муя	Нет
Мухоршибирский	с. Бом			Да
Селенгинский			с. Залан , с.Ехэ-Цаган	Нет
Тарбагатайский	с. Барыкино-Ключи			Нет
Тункинский	с. Тагархай			Да
Окинский	с. Алаг-Шулуг	с. Саяны, с. Хужир, у. Сорок		Да
Северо-Байкальский		п. Нижнеангарск, Уоянское эвенкийское (уменьшение точек продаж)		Нет
Хоринский	с. Тохорюкта			Нет

Источник: ведомственные данные ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В. Р. Бояновой»

В целях эффективного внедрения проекта по созданию территорий трезвости специалистами ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В. Р. Бояновой» были проведены стратегические сессии в ряде районов Бурятии с участием специалистов системы профилактики и педагогов.

Один из экспертов, врач-профиллактолог (стаж работы 25 лет) отметил, что наблюдал за состоянием здоровья жителя села Тохорюкта Хоринского района Республики Бурятия, которое относится к селам с полным запретом продажи алкоголя, в течение 5 лет, за это время пациент полностью отказался от употребления

алкоголя и значительно улучшилось не только состояние его здоровья (мужчина избавился от язвы желудка), но и материальное положение – он открыл свое фермерское хозяйство, получив государственную поддержку на его развитие, стал обеспеченным, материально независимым человеком.

На основании анализа отчетных данных Министерства здравоохранения Республики Бурятия, его подведомственных медицинских организаций и проведенного экспертного опроса нами выполнен SWOT-анализ региональной политики в части снижения уровня потребления алкоголя среди населения (табл. 2).

Таблица 2

SWOT-анализ региональной политики Республики Бурятия в части снижения уровня потребления алкоголя среди населения

Сильные стороны	Слабые стороны
Развитое межведомственное взаимодействие по борьбе с алкоголизмом	Низкий уровень самосохранительной культуры населения, в том числе приверженности ЗОЖ
Одна из официальных религиозных конфессий – буддизм, не рекомендующая употребление алкоголя, в т. ч. и при исполнении обрядовых мероприятий	Высокая доступность алкогольной продукции (увеличение точек продаж алкоголя, наличие алкогольных изделий с низкой стоимостью)
Реализация программы укрепления общественного здоровья с 2019 г. в части снижения уровня потребления алкоголя среди населения	Сакрализация алкоголя (использование в религиозных обрядах, прежде всего в шаманизме)
Опыт создания территорий трезвости, в т. ч. через высший законодательный орган Республики Бурятия – Народный Хурал	Недостаточное количество правовых норм для ограничения продажи алкоголя (в т. ч. в жилых домах)
Взаимодействие с другими субъектами РФ, имеющими опыт создания территорий трезвости (Саха Якутия, Башкортостан)	Отсутствие обучающих программ по организации территорий трезвости, недостаточный обмен опытом
Возможности	Угрозы
Снижение доступности алкоголя среди населения (организация территорий трезвости, увеличение времени и дней ограничения продаж алкоголя, вынос алкомаркетов за пределы городских территорий)	Низкая приверженность со стороны муниципальных округов к созданию территорий трезвости
Мотивирование на ведение трезвого и здорового образа жизни	Ухудшение социального статуса семьи и снижение материального благополучия
Изменение алкогольной программы среди населения	Рост культуры потребления, в т. ч. вредных привычек (употребление алкоголя)
Повышение информированности о пагубном воздействии алкоголя	Нецелевое использование детских пособий (на алкоголь и табачные и никотиновые изделия)
Активная профилактическая работа в социальных сетях и СМИ	Недостаточная работа с детьми и подростками, а также их родителями в части формирования трезвости в семье

Источник: составлено автором.

Заключение

Проведенное исследование показало, что несмотря на то, что алкоголизация населения Республики Бурятия способствует депрессивное социально-экономическое положение региона, низкий уровень и качество жизни населения, высокие показатели безработицы и закредитованности, высокий уровень стрессовой нагрузки, обусловленный пандемией и обострением геополитических противоречий, профильные медицинские службы профилактики ведут большую организационно-методическую работу по снижению потребления алкоголя в регионе. Реализуемые меры по снижению потребления алкоголя, в том

числе профилактическую работу профильных медицинских организаций Республики Бурятия, а также внедрение территорий трезвости с полным или частичным запретом алкоголя можно отнести к действенным способам борьбы с алкоголизмом, однако эту работу следуют наращивать и тиражировать в более широком формате. Эффективное решение проблемы снижения потребления алкоголя возможно путем интеграции всех уровней власти, медицинского сообщества, общественных организаций. Необходим постоянный мониторинг и анализ ситуации с применением современных социологических методов и привлечением независимых исследователей.

Список источников:

1. Белова Ю. Ю. Алкоголизация населения как угроза национальной безопасности России: социальные последствия и их влияние на реализацию национальных интересов Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 278–282.
2. Гордеева С. С. Социально-политические факторы злоупотребления алкоголем населением современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. №5. С. 73–75.
3. Дагбаева С. Д. Н. Территориальные проблемы развития социальной инфраструктуры // Фундаментальные исследования. 2019. № 4. С. 38–42.
4. Дондоков З. Б.-Д., Убонова Д. З. Исследование экономики Республики Бурятия как проблемного региона // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 4. С. 47–55.
5. Жамбалова С. Г. Зоны трезвости в малых и средних селах бурят: история и современность // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2023. № 1. С. 93–100.
6. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия. М.: Общественная палата РФ; Комиссия по соц. и демогр. политике; Общественный совет ЦФО, 2009. 83 с.
7. Зотова В. А. Формирование «территорий трезвости» в сельских поселениях и поселках в контексте местного самоуправления: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 118–127. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-118-127
8. Лебедева-Несевря Н. А., Гордеева С. С. Потребление алкоголя как фактор риска здоровью населения регионов России в «докризисный» и «кризисный» периоды (2017–2022 гг.) // Анализ риска здоровью. 2023. № 2. С. 17–29.
9. Мырзаматова А. О., Концевая А. В., Горный Б. Э., Драпкина О. М. Меры популяционной профилактики, направленные на снижение потребления алкоголя: международный опыт и перспективы усиления мер в Российской Федерации // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2020. № 19(3). С. 2566. doi:10.15829/1728-8800-2020-2566
10. Одинокова В. А. Теоретическое и эмпирическое определение проблемного потребления алкоголя // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 59–63.

References:

1. Belova Yu. Yu. (2012) Alcoholization of the population as a threat to the national security of Russia: social consequences and their influence on the implementation of

national interests of the Russian Federation *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. No. 1: 278–282. (In Russ.)

2. Gordeeva S. S. (2013) Socio-political factors of alcohol abuse by the population of modern Russia *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 5: 73–75. (In Russ.)

3. Dagbaeva S. D. N. (2019) Territorial problems of social infrastructure development *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental Research]. No. 4: 38–42. (In Russ.)

4. Dondokov Z. B.-D., Ubonova D. Z. (2022) Study of the economy of the Republic of Buryatia as a problematic region *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the Buryat State University. Economics and management]. No. 4: 47–55. (In Russ.)

5. Zhambalova S. G. (2023) Sobriety zones in small and medium-sized Buryat villages: history and modernity *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of socio-economic development of Siberia]. No. 1: 93–100. (In Russ.)

6. Alcohol abuse in the Russian Federation: socio-economic consequences and countermeasures. M.: Public Chamber of the Russian Federation; Social Commission and demogr. politics; Public Council of the Central Federal District, 2009. 83 p. (In Russ.)

7. Zotova V. A. (2018) Formation of “territories of sobriety” in rural settlements and towns in the context of local government: sociological analysis *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art history”]. No. 4 (14): 118–127. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-118-127 (In Russ.)

8. Lebedeva-Nesevrya N. A., Gordeeva S. S. (2023) Alcohol consumption as a risk factor for the health of the population of Russian regions in the “pre-crisis” and “crisis” periods (2017–2022) *Analiz riska zdorov'yu* [Health Risk Analysis]. No. 2: 17–29 (In Russ.)

9. Myrzamatova A. O., Kontsevaya A. V., Gorny B. E., Drapkina O. M. (2020) Population prevention measures aimed at reducing alcohol consumption: international experience and prospects for strengthening measures in the Russian Federation *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika* [Cardiovascular Therapy and Prevention]. No. 19(3): 2566. doi:10.15829/1728-8800-2020-2566 (In Russ.)

10. Odinkova V. A. (2014) Theoretical and empirical definition of problematic alcohol consumption *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 10: 59–63. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.09.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 02.11.2023.

The article was submitted 29.09.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 02.11.2023.

Информация об авторе

Е. Ю. Башкуева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН.

Information about the author

E. Yu. Bashkueva – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, the chair of Regional Economic Studies, the Buryat Scientific Center.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 32.019.5(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230

Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции

Евгения Владимировна Стасюк

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
stasyuk-ev@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлен анализ феномена самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины (СВО, спецоперация). На основании результатов мониторинговых социологических исследований проверяются гипотезы относительного влияния спецоперации на самоидентификацию молодежи Хабаровского края. Показано, что на фоне СВО молодежь демонстрирует в целом стабильное социально-психологическое состояние, хотя ее часть выражает определенную тревожность и обеспокоенность этими событиями. Результаты анализа воздействия специальной военной операции на изменение молодежного сознания в части выбора для себя авторитетных личностей и лидеров подтвердили высокий уровень доверия Президенту России В. В. Путину как человеку, способному влиять на поведение молодежи и быть ориентиром в жизни. Обосновано, что молодые люди с дальневосточным и российским типом самоидентификации больше участвуют в оказании гуманитарной помощи жителям Донбасса, военнослужащим России и добровольцам, находящимся в зоне проведения СВО, чаще поддерживают решение о проведении специальной военной операции и имеют меньше знакомых (относительно глобального типа самоидентификации), которые уехали в другую страну на постоянное место жительства по причине начала спецоперации. Результаты исследований и основные выводы могут использоваться для актуализации государственных и муниципальных проектов (программ), направленных на повышение уровня сознательной и ответственной самоидентификации молодежи и дальнейшее развитие молодежной политики в Хабаровском крае.

Ключевые слова: молодежь, самоидентификация, специальная военная операция (СВО), социологические исследования, социально-психологическое состояние, Хабаровский край, ценности

Для цитирования: Стасюк Е. В. Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 218–230. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230>

Features of self-identification of youth of the Khabarovsk territory in the conditions of special military operation

Evgeniya V. Stasyuk

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia
stasyuk-ev@ranepa.ru

Abstract. *The article presents analysis of the phenomenon of self-identification of youth of the Khabarovsk territory in the context of special military operation to demilitarize and denazify Ukraine (SMO, special operation). Based on the results of monitoring sociological studies, hypotheses of the relative impact of special operation on the self-identification of young people in the Khabarovsk territory are being tested. It is shown that against the background of SMO, young people demonstrate generally stable socio-psychological state, although part of it expresses a certain concern and anxiety with these events. The results of analysis of the impact of special military operation on changing the youth consciousness in terms of choosing authoritative personalities and leaders for themselves confirmed a high level of confidence in the Russian President V.V. Putin as a person who is able to influence its behavior and be a guide in life. It is justified that young people with the Far-Eastern and Russian type of self-identification are more involved in the provision of humanitarian assistance to the residents of Donbass, Russian servicemen and volunteers in the zone of the SMO, more often support the decision to conduct special military operation and have fewer acquaintances (regarding the global type of self-identification) who left for another country for permanent residence due to the start of special operation. The results of research and the main conclusions can be used to update state and municipal projects (programs) aimed at increasing the level of conscious and responsible self-identification of youth and the further development of youth policy in the Khabarovsk Territory.*

Keywords: *youth, self-identification, special military operation (SMO), sociological studies, socio-psychological state, the Khabarovsk territory, values*

For citation: Stasyuk E. V. Features of self-identification of youth of the Khabarovsk territory in the conditions of special military operation // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 218–230. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230>

Введение

Современное состояние отечественного социума обусловлено высоким уровнем геополитической напряженности, вызванной стремлением стран коллективного Запада сохранить свою гегемонию, нанести стратегическое поражение России не только санкционной политикой, но и путем использования военной силы НАТО на территории Украины. Специальная военная операция по защите народа Донбасса, денацификации и демилитаризации Украины, идущая с 24 февраля 2022 года, привела к консолидации и сплочению российского общества, поддержке решений Президента РФ В. В. Путина большинством населения страны. Об этом свидетельствуют многочисленные опросы общественного мнения в стране и ее регионах. С другой стороны, эти обстоятельства обнажили многие аспекты общественного сознания российского социума, к которым относится и феномен «идентичности молодежи».

В современных условиях ее гражданская идентичность не только является актуальной для научного дискурса, но и становится важной темой для органов власти

и гражданского общества. Актуализируется необходимость создания новых возможностей для молодежи, формирования у нее положительных представлений для идентификации себя с Родиной, её историей, а также с приоритетными задачами развития своей страны, региона, города, сельского поселения. Альтернативой этому могут быть разрывы идентификационных связей и возрастание угроз утраты обществом своей идентичности и потери государственного суверенитета.

В наших научных статьях, опубликованных ранее, мы указывали на важность социологических исследований феномена идентичности молодежи, подчёркивали наличие прямой зависимости между самоопределением молодого поколения и его жизненными стратегиями [Стасюк, 2014], выявили классификацию основных типов самоидентификации молодежи региона по трем основаниям (в зависимости от согласованности с собой и окружающими, по виду деятельности, по степени общности с территорией), определили два основных подхода (институциональный и социокультурный), которые оказывают непосредственное воздействие на укрепление

региональной и государственной идентичности молодежи [Стасюк, 2018]. Кроме этого, нами было выделено пять основных условий, которые в значительной степени детерминируют силу связи молодежи с регионом проживания, желанием молодежи создавать семью, а также личностно и профессионально развиваться, не уезжая на постоянное место жительства за пределы своего края. Речь идет о ее социальной активности и участии в общественной деятельности, занятии предпринимательством, продолжительном проживании поколениями семей на территории Хабаровского края, наличии репродуктивной семьи и о географическом познании региона [Березутский, Стасюк, 2022].

Однако, учитывая, что 24 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о начале СВО, мы предположили, что в свете данных событий молодежь (как социально-демографическая группа, которая в процессе интериоризации социальных норм, ценностей, традиций, поиска новых смыслов, получает базу, которая ложится в основание ее идентичности) [Яковук, 2006] могла войти в кризис идентичности, характеризующийся тревожным социально-психологическим состоянием, переосмыслением ценностей и авторитетов, а также изменением уровня доверия социальным и политическим институтам.

Принимая во внимания факт, что окружение и информационное поле, в котором находится человек, неизбежно оказывают на него воздействие, мы выдвинули ряд гипотез, связанных с тем, что:

- на фоне СВО социально-психологическое состояние молодежи характеризуется повышенным стрессом и изменением проблемного поля ее жизнедеятельности;

- под влиянием событий специальной военной операции у молодежи, как объекта исследования, трансформировались представления об авторитетах;

- наличие дальневосточной или российской самоидентификации у молодежи оказывает на нее прямое влияние, что проявляется в ее поддержке специальной военной операции, вовлеченности в оказание гуманитарной помощи военнослужащим России и добровольцам, находящимся в зоне СВО, а также помощи жителям Донбасса.

Результаты исследования

С целью социологической оценки состояния самоидентификации молодежи региона и проверки исследовательских гипотез нами был проведен ее опрос в городских округах и муниципальных районах Хабаровского края (сентябрь 2023 г.)¹ в рамках многолетнего социологического мониторинга (2012–2023 гг.)². Это позволило повысить надежность и обоснованность выводов по итогам ис-

¹ Социологический опрос по теме: «Молодежь Хабаровского края: состояние и перспективы развития». Объем выборочной совокупности – 900 человек в возрасте 17–30 лет. Тип выборки – многоступенчатый, квотный – в разрезе территории проживания, пола и возрастной группы, случайный на этапе отбора респондентов. Ошибка выборки не превышает $\pm 3,4\%$. Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2023 г. Исполнитель – Е. В. Стасюк.

² Социологический мониторинг: «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы» (анкетный опрос, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2017 г.). Заказчик – комитет по молодежной политике Правительства Хабаровского края. Объем выборочной совокупности – 800 человек в возрасте 17–29 лет. Тип выборки – многоступенчатый, квотный – в разрезе территории проживания, пола и возрастной группы (17, 24 и 29 лет), случайный на этапе отбора респондентов. Ошибка выборки не превышает $\pm 5\%$. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский; «Социальный портрет молодежи Хабаровского края. Молодежь в системе профессионального образования» (анкетный опрос, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2013 г.). Объем выборочной совокупности – 600 человек в возрасте 17–29 лет. Выборка квотная (по полу, возрастным группам и территории проживания), случайная на этапе отбора респондентов (17, 24 и 29 лет), случайный на этапе отбора респондентов. Ошибка выборки не превышает $\pm 4\%$. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский; «Миграционный потенциал и механизмы закрепления молодых специалистов в регионе» (анкетный опрос, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2012 г.). Заказчик – РАНХиГС. Объектом исследования являлись студенты 13 вузов Хабаровского края, Еврейской автономной области и Камчатского края, обучающиеся на выпускных курсах. Объем выборки 1093 студентов. Тип выборки квотный в разрезе вузов, простой вероятностный при отборе факультетов и специальностей, а также случайный на этапе отбора студентов. Ошибка выборки не превышает $\pm 5\%$. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский.

следования данной проблемы.

Самооценка социально-психологического состояния молодежи Хабаровского края в динамике за последние десять лет

Основываясь на подходе Э. Эриксона, который ввел в науку понятие «кризис идентичности» [Эриксон, 1996. С. 18], а также принимая во внимание, что формирование самоидентификации молодежи происходит под воздействием внешних факторов, продуцируемых социальными институтами государства и общества, мы предположили, что начало специальной военной операции 24 февраля 2022 г. могло стать отправной точкой не только общесистемных изменений российского общества, но и социально-психологического состояния молодого поколения, смещения его ценностных ориентиров, социальных представлений и мотивов поведения.

В этих целях проведен сравнительный анализ результатов опросов по шкале Х. Бартенверфера в динамике за последние десять лет (табл. 1). [Березутский, 2013]

Первые три позиции шкалы, представленной в таблице 1, интерпретируются как состояние стресса. При этом первые две («нахожусь в падающем самолете», «участник транспортной аварии») – указывают на открытое его проявление, а третья позиция («стараюсь не показать, что испытываю сильную боль») – «подсвечивает» скрытую форму его проявления.

Для социума не актуализированный (подавленный) стресс может быть более опасным, так как он имеет свойство накапливаться и приводить к непредсказуемому социальному поведению (взрыву). По данным мониторинга за последние десять лет самооценки молодежью состояния стресса возросли, но незначительно, с 17,7% до 23,3%. Причем в большей степени это касается молодежи в возрасте 17–22 лет. Следовательно, можно утверждать, что общая тенденция в целом сохраняется, т.к. величины находятся в пределах статистической погрешности.

Самооценки молодыми респондентами социально-психологического состояния по позиции «стараюсь перейти улицу при сильном движении» отражают активное напряжение личности человека в его стремлении к преодолению сложностей. Подчеркнем, что за последнее десятилетие прослеживается тенденция сохранения активного напряжения лишь у каждого восьмого – десятого представителя молодежи. Мы связываем это с «диджитализацией» общества, когда большинство процессов упрощается от простых коммуникаций, покупок товаров и услуг через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет до получения практически любого образования, не выходя из дома. Цифровой мир неизбежно затрагивает все аспекты жизни молодежи и как следствие, оказывает влияние на снижение ее активного напряжения.

Таблица 1

Самооценка социально-психологического состояния молодежи Хабаровского края (в % от числа опрошенных)

Состояние	2013 г.	2023 г.
Я нахожусь в падающем самолете и испытываю смертельный страх	4,3	5,0
Я участник транспортной аварии, которая произошла по моей вине	2,5	1,6
Я стараюсь не показать, что испытываю сильную боль	10,9	16,7
Я стараюсь перейти улицу при сильном движении	13,4	11,4
Я смотрю волнующий фильм	14,5	12,3
Я читаю детектив	8,0	6,8
Я читаю газету	11,4	3,7
Я решаю кроссворд	10,0	9,3
Я лежу на диване и листаю иллюстрированный журнал	8,0	7,6
Я лежу на лугу и мечтаю с открытыми глазами	9,2	12,0
Глубокий сон без сновидений	7,8	13,7

Источник: составлено автором по результатам исследований².

Далее в описываемой шкале активность человека идет по нисходящей траектории. Последние три позиции («лежу на диване и листаю иллюстрированный журнал»; «лежу на лугу и мечтаю с открытыми глазами»; «глубокий сон без сновидений») свидетельствуют о пассивной позиции личности. Такие состояния в настоящее время характерны для каждого третьего молодого человека (33,3%). Причем пассивная позиция в значительной степени присуща молодежи в возрасте 17–22 лет (38,7%), нежели 23–26-летней (29,3%) или 27–30-летней молодежи (27,2%). Результаты социологических исследований показывают, что социальная активность молодых людей с возрастом растет, но и общая тенденция к пассивности молодежи за последнее десятилетие сохраняется. Самое сложное социально-психологическое состояние сохраняется у молодых людей в возрасте 17–22 лет, поскольку у этой возрастной группы больше других фиксируются крайние точки, такие как стресс и полная пассивность.

Проблемы, вызывающие тревогу у молодежи региона

В рейтинге основных причин, вызывающих тревогу и беспокойство у молодежи, доминируют: «достойная оплата труда» (55,1%), «рост цен на товары и услуги» (46,7%), «жилищная проблема» (42,7%), «здравоохранение» (получение качественной медицинской помощи) (41,9%) и «благоустройство улиц, дворов, дорог» (41,0%). Обратим внимание, что проведение СВО входит в десятку проблем, беспокоящих молодежь (28,6%) (табл. 2). При этом результаты исследования свидетельствуют об определенном влиянии восприятия специальной военной операции на социально-психологическое состояние, выраженное состоянием стресса, тревоги.

Анализ причин опасений молодежи, находящейся в состоянии стресса, по шкале Х. Бартенверфера, показывает, что третья часть опрошенных отмечают спецоперацию как проблему, вызывающую у них тревогу (34,4%). Острее специальную военную операцию переживает молодежь, психологически находящаяся в состоянии «падающего самолета и испыты-

вающая смертельный страх». Открытое проявление стресса в виде состояния тревоги, связанное с СВО, испытывают четверо из десяти опрошенных (42,2%).

Заметим, что за последние десять лет молодежью отмечается снижение на 24% значимости проблем, связанных с ростом цен на товары и услуги (с 70,7% в 2012 г. до 46,7% в 2023 г.). [Байков, 2013] Относительно данной тенденции мы предполагаем, что она связана с особенностью россиян, которые имеют способность спланировать в период общих трудностей и угроз. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, экономический кризис на фоне СВО и бесчисленные санкции не «пошатнули веру наших граждан в руководство страны»: половина опрошенных убеждены, что Правительство Российской Федерации сможет в ближайшее время добиться улучшений в стране (54%), причем каждый пятый заявил об этом с полной уверенностью – 20% (против 4% в 2012 г.). В 2012 г. данный показатель был в 1,7 раз меньше, и, несмотря на более благоприятную ситуацию, положительный ответ тогда дали лишь треть россиян (32%).³

Фиксируя, что актуальность вопроса, связанного с доступностью жилья в ранжировании проблем, вызывающих беспокойство и тревогу молодежи, по-прежнему высока, мы отмечаем снижение остроты этого показателя с 54,6% в (2012 г.) до 42,7% (2023 г.) и связываем данную тенденцию с работой государственных жилищных программ, в т. ч. с «Дальневосточной ипотекой», согласно которой молодые семьи могут приобрести в кредит жилье на Дальнем Востоке России по льготным условиям.

Тревога по поводу опасности остаться без работы сохраняется у трети молодых людей. При этом данный показатель за десятилетие снизился с 41,9% до 35,7%, что находится в пределах статистической погрешности. Обоснование тенденции на снижение мы видим в открытии в последние годы больших возможностей дистанционной (удаленной) работы с использованием информационно-телекоммуникационных ресурсов, а так-

³ Дальше – лучше? Россияне о ситуации в стране и в мире // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/dalshe-luchshe-rossijane-o-situacii-v-strane-i-v-mire>

Таблица 2

Ранжирование проблем беспокойства и тревог молодежи Хабаровского края в 2023 году (в % от числа опрошенных, сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	%
1. Достойная оплата труда	55,1
2. Рост цен на товары и услуги	46,7
3. Жилищная проблема (доступность)	42,7
4. Здравоохранение и получение качественной медицинской помощи	41,9
5. Благоустройство улиц, дворов, дорог	41,0
6. Безработица или опасность не найти работу	35,7
7. Состояние ЖКХ	29,9
8. Алкоголизм, пьянство	28,8
9. Проведение СВО	28,6
10. Низкий уровень жизни	27,3
11. Приезд трудовых мигрантов	23,3
12. Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	21,4
13. Коррупция, произвол чиновников	21,2
14. Наркомания	20,3
15. Экологическое состояние места проживания	19,0
16. Западные санкции в отношении России	16,9
17. Состояние культуры, нравственности	16,1
18. Получение качественного образования	14,2
19. Преступность, отсутствие порядка	13,6
20. Отсутствие возможностей для самореализации, развития молодежи	12,7
21. Ограниченность возможностей для творческого развития	11,7
22. Организация досуга	11,4
23. Развитие спорта, спортивной инфраструктуры	8,7
24. Создание условий для развития молодежного предпринимательства	5,7
25. Затрудняюсь ответить	4,1
26. Ни одна из перечисленных	2,3
27. Другое	1,8

Источник: составлено автором по результатам исследования «Молодежь Хабаровского края: состояние и перспективы развития», 2023 г.¹

же в создании и развитии предприятий. Так, только за 10 месяцев 2023 г. ряды резидентов Территории опережающего развития «Хабаровск» (ТОР) и Свободного порта «Владивосток» (СПВ) пополнили 16 проектов, запуск которых обеспечит создание в Хабаровском крае около 2,5 тысяч новых рабочих мест. При этом отметим, что всего в настоящее время действующими 99 резидентами ТОР и 25 резидентами СПВ создается 20 тысяч рабочих мест,⁴ что, безусловно, оказывает влияние на ослабление тревоги молодежи остаться без работы.

Одновременно наблюдается значительное снижение беспокойства молодежи по поводу алкоголизма и пьянства с 41,6% в (2012 г.) до 28,8% (2023 г.), что свидетельствует об оздоровлении окружения подрастающего поколения. Кроме того, дают свои позитивные результаты меры органов государственной и муниципальной власти по созданию условий для здорового образа жизни и поддержки физической активности молодых людей и взрослых.

В общественном сознании молодежи отмечается ослабление уровня тревоги в

⁴ 16 новых резидентов ТОР и СПВ появилось в Хабаровском крае в 2023 году // Официальный сайт министерства экономического развития Хабаровского края. URL: <https://minec.khabkrai.ru/events/Novosti/8145>

связи с преступностью и отсутствием порядка с 21,3% (2012 г.) до 13,6% (2013 г.). Это подтверждается и сокращением числа зарегистрированных преступлений в Хабаровском крае за последние годы. Так, по оперативным данным УМВД России по Хабаровскому краю их количество в 2022 г. составило 21 312,⁵ что значительно ниже уровня 2015 г. – 30 946 преступлений⁶ (снижение на 31,1%). Одновременно правоохранительными органами фиксируется сохранение динамики снижения количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, лицами в состоянии алкогольного опьянения и наркотического возбуждения.⁷

Авторитеты и лидеры в сознании молодежи региона

Очевидно, что в процессе взросления, обретения социального и профессионального опыта, молодежь осознанно или по образцу заимствует его у тех, кто является для нее авторитетными людьми, лидерами. Проверая гипотезу о том, что начало СВО могло оказать влияние на смещение представлений у молодежи, мы проанализировали их динамику. Так, в сентябре 2023 г. половина от числа опрошенных молодых людей, проживающих в Хабаровском крае, уверенно заявили о том, что у них должны быть лидеры, способные влиять на их поведение и быть ориентирами в жизни (51,6%). Только десятая часть респондентов считают, что они не нужны (11,4%), а третья часть – затруднились с ответом (37,0%). Эти данные оказались аналогичными результатам опроса молодежи 17 – 29 лет в 2017 г., что свидетельствует о стабильности ее общественного сознания в данном вопросе.

По данным опроса (2017 г.) среди своих авторитетов молодежь Хабаровского края преимущественно отмечала пред-

ставителей своего ближайшего окружения (родители, родственники), а также людей, которых она видела на экранах телевизоров и смартфонов. При этом Президент РФ В. В. Путин являлся наиболее упоминаемым авторитетным человеком и лидером для молодежи. [Березутский, 2017] По данным опроса 2023 г. В. В. Путин, как глава государства, занимает лидирующее положение в рейтинге молодежи, ему выражают доверие более половины молодых людей региона (54,7%). Отметим, что по данным наших исследований в 2013 г. молодежь также ставила главу государства на первое место в рейтинге своего доверия различным политическим и социальным институтам, но этот показатель был значительно ниже и составлял менее трети от числа опрошенных (29,7%). [Березутский, 2013] Повышение уровня доверия россиян Президенту РФ с 50% (июнь 2021 г.) до 74% (май 2022 г.) фиксируют и специалисты Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН. [Шушпанова, 2022. С. 104] По данным ВЦИОМ на 1 декабря 2023 г. В. В. Путину доверяют 78,5%.⁸ Обозначенные результаты говорят о том, что молодые люди Хабаровского края находятся в тренде роста доверия к руководству РФ и осуществляемой им политики в условиях специальной военной операции, геополитических вызовов и угроз российской государственности, а также демонстрируют сплоченность и солидарность с населением страны.

Ценности молодежи Хабаровского края

Специальная военная операция актуализовала проблемы сбережения и защиты традиционных духовных ценностей российского социума, прежде всего молодого поколения, которое стало объектом

⁵ Об отчете о деятельности полиции Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Хабаровскому краю за 2022 год // Официальный сайт Законодательной Думы Хабаровского края. 2023. URL: <http://www.duma.khv.ru/monitoring5/zasedanie/2820029>

⁶ Уровень доверия граждан к деятельности сотрудников полиции растет // Официальный сайт Законодательной Думы Хабаровского края. 2016. URL: <http://duma.khv.ru/Site.aspx?doc=270125733>

⁷ Об отчете о деятельности полиции Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Хабаровскому краю за 2022 год // Официальный сайт Законодательной Думы Хабаровского края. 2023. URL: <http://www.duma.khv.ru/monitoring5/zasedanie/2820029>

⁸ Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-01122023>

мощного информационного воздействия со стороны недружественных стран. В структуре феномена «идентичности» ценности представлены вместе с когнитивным, эмоциональным и поведенческим компонентами. При этом специфика ценностного отношения состоит в том, что концепт (ядро ценности), подобно магниту, притягивает одни смыслы и отталкивает другие, образуя смысловое гнездо. [Луков, 2012. С. 57] Продолжая проверять гипотезы о возможном влиянии СВО на идентичность молодежи региона, мы посмотрели в динамике ранжирование ею своих ценностей (табл. 3).

Результаты исследований показывают, что у молодежи Хабаровского края в приоритете сохраняются ориентации на здоровье (64,6%), материально-обеспеченную жизнь (45,0%) и активную, деятельную жизнь (44,4%). Вместе с этим за последнее десятилетие наблюдается существенное снижение значимости показателя «счастливая семейная жизнь» с 46,8% (2013 г.) до 35,4% (2023 г.), который ранее имел больший вес для молодежи (57,4%, 2007 г.) При более детальном анализе ценности «счастливая семейная жизнь» мы увидели, что в большей степени она значима для молодых людей в возрасте 27–30 лет, в отличие от других возрастных групп молодежи (табл. 4).

Обоснование сложившейся ситуации мы видим в кардинальных изменениях

российского общества в 1990-х – начале 2000-х гг., в результате которых трансформировалось отношение к браку. В моду вошло сожителство, именуемое населением «гражданским браком», которое не имеет юридической основы для членов союза и ни к чему не обязывает, что, в свою очередь, ведет к быстрому распаду связей даже при незначительных семейно-бытовых сложностях.

Одновременно сместилась ценность детей, когда брак все реже стал рассматриваться с целью последующего продолжения рода. Материально обеспеченная жизнь подвинула значимость семьи, что подтверждается результатами наших социологических исследований. Кроме этого, изменилась роль женщины в обществе – она перестала преимущественно нести функцию «хранительницы очага», а теперь наравне с мужчиной обеспечивает семью (себя), стремится построить успешную карьеру и быть независимой. Подчеркнем, что смещение фокуса женщины с семьи на карьеру, материальное обеспечение и независимость – это факторы, влияющие на целостность базовой ячейки общества и, соответственно, на счастливую семейную жизнь как ценность. Только по одной трети опрошенной молодежи как женского (29,7%), так и мужского пола (32,7%) стремятся в ближайшем будущем создать семью и родить детей.

Кроме этого, в России увеличился сред-

Таблица 3

Ранжирование ценностей молодежью

(сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа. Ранжировано по 2023 г., в % от числа опрошенных)

Ценности	2007	2013	2017	2023
1. Здоровье	72,6	69,8	59,1	64,6
2. Материально-обеспеченная жизнь	55,9	48,3	45,9	45,0
3. Активная, деятельная жизнь	33,7	28,2	32,2	44,4
4. Любовь	50,7	47,7	48,2	43,7
5. Интересная работа	40,4	31,8	37,3	42,9
6. Наличие хороших и верных друзей	47,9	36,3	42,2	38,6
7. Счастливая семейная жизнь	57,4	46,8	57,8	35,4
8. Развитие	13,6	21,2	22,2	33,8
9. Уверенность в себе	32,8	20,5	21,7	28,2
10. Свобода	14,8	20,5	19,5	27,1
11. Жизненная мудрость	16,2	17,0	15,7	25,4
12. Красота природы и искусства	6,8	13,0	6,8	22,0
13. Продуктивная жизнь	6,5	11,3	9,6	15,3
14. Творчество	7,4	4,3	8,0	13,6
15. Развлечения	9,5	10,2	10,5	12,2
16. Познание	6,6	13,3	8,0	10,4
17. Общественное признание	9,9	9,2	5,6	9,2
18. Счастье других	6,3	7,3	5,1	8,6

Источник: составлено автором по результатам исследований².

Таблица 4

**Значимость счастливой семейной жизни как ценности
для молодежи Хабаровского края в зависимости от возраста**
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	17–22 лет	23–26 лет	27–30 лет
Счастливая семейная жизнь как ценность	34,0	28,8	43,9
Нет ответа	66,0	71,2	56,1

Источник: составлено автором по результатам исследования «Молодежь Хабаровского края: состояние и перспективы развития», 2023 г.⁹

ний возраст вступления женщин в брак. Если 8 лет назад наиболее популярным возрастом для замужества россиянок были 18–24 года, то в настоящее время большинство женщин выходят замуж в возрасте от 25 до 34 лет. При этом средний возраст вступления в брак у мужчин остался в промежутке от 25 до 34 лет.⁹ Одновременно в стремлении повысить уровень материальной обеспеченности у девушек (54,6%) и юношей (53,7%) отмечают одинаковые ценностные ориентиры, как и в желании устроиться на хорошую работу (соответственно 39,4% и 40,9%).

Анализ представлений современной молодежи Хабаровского края позволяет сделать вывод о доминировании в большей мере прагматичных ценностных ориентации индивидуалистического личностного роста, чем создания семей и рождения детей. На данный тренд в целом также может оказывать влияние государственная политика в отношении молодежи, поскольку даже в нормативных правовых документах акцент делается на самость в развитии молодежи: «государственная молодежная политика – направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер <...>, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских по-

зиций на мировой арене».¹⁰

В современных условиях государство и общество оказывают системное и комплексное влияние на семейную идентификацию молодежи посредством законодательно закрепленных мер масштабной поддержки семей участников специальной военной операции во всех сферах жизнедеятельности. Семейную идентификацию в общественном сознании поддерживают массовые письменные обращения детей и молодежи к своим отцам, братьям и другим незнакомым участникам СВО, а также сбор и направление им гуманитарной помощи и т. п. При этом по данным всероссийского опроса (ФОМ, август 2023 г.) четверо из десяти россиян считают, что сейчас в России благоприятное время для того, чтобы заводить детей (43%), но почти столько же респондентов (42%) придерживаются обратного мнения. Большинство россиян необходимым условием для того, чтобы завести ребенка, назвали наличие стабильного источника доходов (96%), наличие собственного жилья (79%), зарегистрированный брак (57%). Половина опрошенных считают, что в наше время женщине лучше сначала добиться успехов в жизни и в работе, и только потом заводить ребенка, пятая часть полагает, что женщине лучше сначала родить ребенка (22%), а затем заниматься карьерой, 18% – женщине лучше вообще не работать, а заниматься домом и детьми.¹¹

Вовлеченность региональной молодежи в решение государственных задач, связанных с СВО, в разрезе ее самоидентификационных типов

⁹ Росстат назвал средний возраст замужества у российских женщин. Электронный ресурс. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d8864279a79473f98315072>

¹⁰ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.12.2023.

¹¹ К вопросу о рождаемости в современной России. // Официальный сайт Фонда Общественного Мнения. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14911>

Молодежь Хабаровского края, как и в целом россияне других возрастов, достаточно информирована и в большинстве своем следит за проведением специальной военной операции. Две трети респондентов хорошо осведомлены о ходе событий (62,9%), третья часть – имеют некоторое представление (32,9%) и лишь статистически незначительная доля плохо знакомы, или совсем не следят за данными событиями (4,2%).

Если посмотреть на молодежь с учетом ее самоидентификационных типов в разрезе основания «степень общности с территорией», то мы заметим ее разную вовлеченность в общегосударственные процессы. Анализ ответов на вопросы об участии молодежи в оказании гуманитарной помощи жителям Донбасса, военнослужащим России и добровольцам, находящимся в зоне СВО, показал разницу в уровне личного участия молодого населения края в общегосударственных задачах. Так, молодые люди с глобальным (планетарным) типом самоидентификации в существенно меньшей степени участвуют в оказании помощи указанным категориям граждан, в отличие от дальневосточного (регионального) и российского (государственного) типа. Одновременно среди молодежи с глобальным (планетарным) типом самоидентификации больше всего тех, кто даже в обозримом будущем не планирует подключаться к этой деятельности (табл. 5).

Учитывая, что ближайшее социальное окружение оказывает мощное воздействие на мировосприятие молодежи и самоощущение, можно предположить, что у тех, кто имеет глобальный (планетарный) тип самоидентификации будет больше знакомых, которые покинули Россию в связи с началом СВО, выбрав другую страну как место постоянного жительства. В результате исследования, принимая во внимание статистическую погрешность, мы сделали вывод, что эта гипотеза имеет под собой некоторое основание, но значительная разница в ответах нами не была зафиксирована (табл. 6). Так, у каждого третьего молодого человека с глобальным типом самоидентификации есть знакомые, уехавшие из России в связи с началом специальной военной операции. У молодых людей с дальневосточным и российским типом самоидентификации этот показатель чуть ниже – примерно каждый четвертый из них имеет в окружении людей, для которых СВО стала причиной смены страны проживания.

Важно отметить, что тип самоидентификации молодежи оказывает влияние на уровень ее поддержки решения о проведении специальной военной операции. Молодые люди с региональным и государственным типом самоидентификации гораздо чаще высказываются о поддержке СВО (в отличие от планетарного типа), а их отрицательные ответы находятся в пределах статистической погрешности (табл. 7).

Таблица 5

Самооценки молодежью Хабаровского края участия в оказании гуманитарной помощи жителям Донбасса, военнослужащим России и добровольцам, находящимся в зоне проведения специальной военной операции (в % от числа опрошенных)

Тип самоидентификации молодежи Хабаровского края	Сегодня часто призывают жителей России к оказанию гуманитарной помощи жителям Донбасса. Принимали ли Вы участие в этом?			Принимали ли Вы участие в сборе гуманитарной помощи военнослужащим России и добровольцам, находящимся в зоне проведения СВО?		
	Да	Нет, но планирую	Нет и не планирую	Да	Нет, но планирую	Нет и не планирую
Дальневосточный (региональный)	44,0	17,6	38,4	51,3	18,0	30,7
Российский (государственный)	46,7	23,8	29,5	55,6	22,3	22,1
Глобальный (планетарный)	20,2	17,2	62,6	27,3	11,1	61,6

Источник: составлено автором по результатам исследования «Молодежь Хабаровского края: состояние и перспективы развития», 2023 г.¹

Таблица 6

Распределением ответов на вопрос: «Среди Ваших знакомых есть те, кто уехал из России в другую страну на постоянное место жительства в связи с началом специальной военной операции?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Дальневосточная (региональная) самоидентификация	Российская (государственная) самоидентификация	Глобальная (планетарная) самоидентификация
Да	28,0	23,3	33,3
Нет	72,0	76,7	66,7

Источник: составлено автором по результатам исследования «Молодежь Хабаровского края: состояние и перспективы развития», 2023 г.¹

Таблица 7

Варианты ответов на вопрос «Поддерживаете ли Вы решение о проведении специальной военной операции России в Украине?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Дальневосточная (региональная) самоидентификация	Российская (государственная) самоидентификация	Глобальная (планетарная) самоидентификация
Однозначно поддерживаю	42,4	50,3	19,4
Скорее поддерживаю	11,8	20,0	22,2
Скорее не поддерживаю	9,0	5,2	6,9
Однозначно не поддерживаю	4,9	2,6	13,9
Затрудняюсь ответить	31,9	21,9	37,6

Источник: составлено автором по результатам исследования «Молодежь Хабаровского края: состояние и перспективы развития», 2023 г.¹

Полученные результаты демонстрируют важность формирования сильной региональной (а в случае с СВО и государственной) идентичности молодежи с точки зрения национальных, экономических и демографических интересов страны. Одновременно мы фиксируем наличие прямой зависимости между типом самоидентификации молодежи региона и степенью ее вовлеченности в решение государственных (общенациональных) задач. Так, чем больше молодые люди чувствуют связь с регионом проживания и страной в целом, тем сильнее их желание быть полезными и внести посильную помощь в решение дел, имеющих важное значение для страны.

Заключение

Результаты региональных социологических исследований позволяют сделать вывод о том, что у молодежи Хабаровского края на протяжении последних десяти лет в целом сохраняется стабильное социально-психологическое состоя-

ние. При этом выявлено, что проведение специальной военной операции отражается у части молодежи состояниями тревожности и проявлением стресса. В большей мере это относится к возрастной группе 17–22 лет.

Проведение спецоперации оказало влияние на степень доверия молодежи края к Президенту России как к лидеру, который способен влиять на ее поведение и быть ориентиром в жизни, а его рейтинг среди государственных и общественных структур стал значительно выше в молодежной среде края.

Проблемное поле, вызывающее тревогу у населения региона, в том числе молодежи, традиционно обусловлено ростом цен на товары и услуги. При этом результаты опроса молодежи 2023 г. фиксируют некоторое снижение остроты этой проблемы за последние десять лет, что можно связать не только с политикой государственного влияния, но и с особенностью русского менталитета спланиваться в период об-

щих трудностей и угроз. Таким образом, при объективно сохраняющемся росте цен на товары и услуги по данным органов государственной статистики, спецоперация оказала определенное влияние на переосмысление молодежью условий и особенностей своей жизнедеятельности.

Анализ ценностных компонентов в структуре самоидентификации молодежи края зафиксировал некоторое их смещение в сторону прагматично-личностно-индивидуалистических, что является ожидаемым результатом постсоветского социально-экономического развития страны, ориентированного на западную модель экономики. В результате люди, рожденные в указанный период, находящиеся сейчас в социально-демографической группе «молодежь», транслируют возросшую ценность фокуса на себе, личной свободе, финансовой независимости и карьеры в противовес несколько сниженной значимости счастливой семейной жизни.

Вместе с этим подтвердились другие гипотезы, связанные с тем, что молодые люди, как представители разных типов самоидентификации (по основанию «степень общности с территорией»), по-разному вовлечены в поддержку специальной военной операции. Молодежь с дальневосточным (региональным) и российским (государственным) типом самоидентификации в значительно большей степени оказывает гуманитарную помощь жителям Донбасса,

военнослужащим России и добровольцам, находящимся в зоне проведения СВО. При этом такая молодежь чаще поддерживает решение Президента РФ о проведении специальной военной операции России и у нее несколько меньше знакомых (относительно глобального (планетарного) типа), которые уехали в другую страну на постоянное место жительства по причине начала спецоперации.

Результаты социологических исследований самоидентификации молодежи в условиях СВО свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития государственной и муниципальной молодежной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, созданию условий для поддержки и укрепления института молодой семьи. Органам власти региона и гражданскому обществу важно созидательно работать в части укрепления дальневосточной и российской самоидентификации молодых людей, в т. ч. через создание условий, оказывающих влияние на их социальное развитие и профессиональное самоопределение, обеспечивающих поддержку социальной активности и вовлеченности в созидательную общественную деятельность по месту жительства, укоренение в молодежной среде семейных ценностей, развитие молодежного предпринимательства и географическое познание региона.

Список источников:

1. Березутский Ю. В., Стасюк Е. В. Региональная идентичность молодежи Хабаровского края и ее «социальные якоря» // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 91–106. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-91-106>
2. Березутский Ю. В. Социальный портрет молодежи Хабаровского края. Молодежь в системе профессионального образования: отчет о НИР. Хабаровск : ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2013. 120 с.
3. Березутский Ю. В. Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития : отчет о НИР. Хабаровск : ДВИУ РАНХиГС, 2017. 106 с.
4. Луков Вал.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. С. 57.
5. Миграционные процессы в Дальневосточном регионе России: опыт комплексного анализа : монография / под общ. ред. Н. М. Байкова. – Хабаровск : ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2013. С. 101–102.
6. Стасюк Е. В. Взаимосвязь самоидентификации молодежи и ее жизненных стратегий // Власть и управление на Востоке России. Хабаровск : ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2014. № 2 (67). С. 199–204.
7. Стасюк Е. В. Идентификационные общности дальневосточной молодежи в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России: научный журнал. Хабаровск : ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2015. № 2 (71). С. 190–196.
8. Стасюк Е. В. Формирование региональной идентичности молодежи как условие

ее сохранения на Дальнем Востоке России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. Уфа : УГНТУ, 2018. № 3 (25). С. 157–164.

9. Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. №4. С. 97–108.

10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М. : Прогресс, 1996. С. 18.

11. Яковук Т. И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодёжи : автореф. дис. д-ра соц. наук : 22.00.06. М., 2006. С. 31–32.

References:

1. Berezutsky Yu. V., Stasyuk E. V. (2022) Regional identity of the youth of the Khabarovsk Territory and its “social anchors” // *Power and management in the East of Russia*. No. 1 (98): 91–106. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-91-106> (In Russ.).

2. Berezutsky Yu. V. (2013) Social portrait of the youth of the Khabarovsk Territory. Youth in the vocational education system: report on research work. Khabarovsk: Far Eastern Military University-branch of RANEPa. 120 p. (In Russ.).

3. Berezutsky Yu. V. (2017) Social potential of the youth of the Khabarovsk Territory: state and development prospects: report on research work. Khabarovsk: DVIU RANEPa. 106 p. (In Russ.).

4. Lukov Val. A. (2012) Theories of youth: Interdisciplinary analysis. M.: Kanon + ROOI “Rehabilitation”. P. 57. (In Russ.).

5. Migration processes in the Far Eastern region of Russia: experience of comprehensive analysis: monograph / edited by. ed. N. M. Baykova. – Khabarovsk: DVIU – branch of RANEPa, 2013. P. 101–102. (In Russ.).

6. Stasyuk E. V. (2014) Interrelation of self-identification of youth and its life strategies // *Power and management in the East of Russia*. Khabarovsk: DVIU – branch of RANEPa. No. 2 (67): 199–204. (In Russ.).

7. Stasyuk E. V. (2015) Identification communities of Far Eastern youth in the sociological dimension // *Power and management in the East of Russia: scientific journal*. Khabarovsk: DVIU – branch of RANEPa. No. 2 (71): 190–196. (In Russ.).

8. Stasyuk E. V. (2018) Formation of regional identity of youth as a condition for its preservation in the Russian Far East // *Bulletin of USPTU. Science, education, economics*. Economics series. Ufa: USNTU. No. 3 (25): 157–164. (In Russ.).

9. Shushpanova I. S. (2022) Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: sociological analysis // *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 4: 97–108. (In Russ.).

10. Erickson E. (1996) Identity: youth and crisis / trans. from English total ed. and preface A.V. Tolstykh. M.: Progress. P. 18. (In Russ.).

11. Yakovuk T. I. (2006) Uncertainty factor in the sociocultural regulation of the spiritual life of youth: abstract. dis. Doctor of Social Sciences Sciences: 22.00.06. M. Pp. 31–32. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 08.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 06.12.2023.

Информация об авторе

Е. В. Стасюк – старший преподаватель кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

E. V. Stasyuk – Senior Lecturer, the management and public administration chair, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa. .

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

Научная статья

УДК 001.18

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-231-237

Наука в ожидании новых трансформаций

Олег Маркович Рензин¹, Ольга Геннадьевна Поливаева²

¹ Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

² polivaeva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8137-8942>

Аннотация. В настоящем обзорном материале представлена информация о научно-практической конференции «Экономика Дальнего Востока России в условиях глобальных трансформаций», которая состоялась в городе Хабаровске 9–10 ноября 2023 года. Сделан обзор докладов и выступлений, посвященных актуальным проблемам развития Дальнего Востока России и его научного сопровождения.

Ключевые слова: конференция, Дальний Восток, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Рензин О. М., Поливаева О. Г. Наука в ожидании новых трансформаций // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 231–237. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-231-237>

Science in anticipation of new transformations

Oleg M. Renzin¹, Olga G. Polivaeva²

¹ The Economic Research Institute, the Far-Eastern branch the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia

¹ renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

² polivaeva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8137-8942>

Abstract. This review material presents information about the scientific and practical conference «Economic of the Russian Far East in the context of global transformations», which took place in Khabarovsk on November 9-10, 2023. A review of reports and speeches on the current problems of development of the Russian Far East and its scientific support was made.

Keywords: conference, the Far East, socio-economic development

For citation: Renzin O. M., Polivaeva O. G. Science in anticipation of new transformations // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 231–237. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-231-237>

9–10 ноября 2023 года в г. Хабаровске состоялась традиционная научная конференция, посвященная проблемам развития Дальнего Востока. Организаторами этого важного ежегодного исследовательского мероприятия являются Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС и Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (далее – ИЭИ ДВО РАН) при поддержке Правительства Хабаровского края.

Тематика 2023 г. была обозначена как «Экономика Дальнего Востока России в условиях глобальных трансформаций». В число участников проведенного пленарного заседания, круглых столов, обсудивших вопросы экономической и социологической наук, а также молодежной секции, участниками которой стали молодые ученые и аспиранты, вошло более 200 ученых и специалистов. Они представляли академическую и вузовскую науку, федеральные и региональные органы власти, профессиональные сообщества.

На открытии конференции выступили соруководители организационного комитета конференции. Директор Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС, канд. экон. наук А. И. Медведев и директор ИЭИ ДВО РАН, канд. экон. наук А. Г. Исаев дали обстоятельный и профессиональный анализ основным событиям прошедшего года. Они выделили основные тенденции развития, достижения и проблемы, определили научной общественности задачи, определяющие перспективные возможности развития дальневосточного региона.

Участниками конференции было заслушано приветствие д-ра экон. наук В. Д. Калашникова – заместителя Председателя Правительства Хабаровского края, министра экономического развития края. Он привлек внимание ученых к выступлению на VIII Восточном экономическом форуме Президента России В. В. Путина, который обозначил абсолютный приоритет по опережающему развитию Дальнего Востока для работы федеральных и региональных властей, крупных компаний. В меняющихся геостратегических условиях дальневосточный макрорегион приобретает новый потенциал экономического

развития, вызванный переориентацией товарных потоков, инвестиций на Восток. В этой связи необходимо переоценить направления развития региона, представить их как эффективный потенциал для Российской Федерации. В. Д. Калашников высказал уверенность, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе конференции, найдут свое применение на практике и будут способствовать успешной реализации стратегии развития всего дальневосточного макрорегиона.

Высокую теоретическую значимость и практическую ориентацию конференции поддержали в своих выступлениях канд. экон. наук М. М. Потанин, начальник департамента по вопросам экономической и социальной политики Аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе, П. В. Семигин, депутат Государственной думы Российской Федерации от Хабаровского края, В. Ю. Логинов, депутат Государственной думы РФ от Амурской области. По их мнению, именно коллективные обсуждения новых идей, диалог между экспертным сообществом, бизнесом и властью создают решения, способные придать импульс планам и проектам эффективного регионального развития.

На пленарном заседании конференции были заслушаны доклады, посвященные актуальным проблемам развития Дальнего Востока и его научного сопровождения.

В выступлении директора Института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации канд. экон. наук А. И. Медведева «Трансформация экономики Дальнего Востока в условиях вызовов развития Азиатско-Тихоокеанского региона» были рассмотрены проблемы нового этапа международного сотрудничества России, включая активизацию российско-китайских отношений.

Отмечено, что в условиях серьезных геополитических сдвигов, кардинально изменивших общую картину мира, существенным фактором, влияющим на развитие международных отношений, становится укрепление Азиатско-Тихоокеанского ре-

гиона (далее – АТР) в качестве влиятельного полюса складывающейся архитектуры полицентрического мироустройства. АТР является жизненно важным центром хозяйственного развития и возрастающего политического влияния, неотъемлемой и органичной частью которого является Россия. В условиях кардинальных изменений мировой экономики решающую роль в вопросе обеспечения стабильности играют различные интеграционные форматы и сотрудничество государств. Наглядным примером тому является успешно развивающееся сотрудничество и роль России в рамках международных организаций и диалоговых форматов (Шанхайская организация сотрудничества, форум БРИКС, региональный форум АСЕАН и др.). Это имеет принципиальное значение: повышение участия в делах регионального сообщества – важная предпосылка для обеспечения поступательного развития нашей страны, социально-экономического подъема российского Дальнего Востока.

Политика поворота на Восток включает, по мнению докладчика, три основных компонента: социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока, интеграцию российской экономики в АТР и укрепление многостороннего взаимодействия со странами региона. В условиях усиления конфронтации с Западом поворот на Восток приобрел особое значение как стратегический инструмент хеджирования внешних рисков.

Приоритетное развитие получило сотрудничество с Китаем. На двухстороннем уровне установлены всеобъемлющие экономические связи в области энергетики, финансов, инфраструктуры и торговли, укрепилось взаимопонимание по вопросам международной политики. Отмечено, что с ростом количественных показателей происходит и качественный рост товарооборота России и КНР. Растут взаимные поставки более сложной продукции. Многие российские предприятия переориентируются на поставщиков из Китая, встраивая их в свои производственные цепочки и сами встраиваются в производственные цепочки китайских компаний. Это создает большой потенциал для дальнейшего роста торговли. Важ-

ным моментом является рост торговли в национальных валютах и уход от зависимости от западных платежных систем.

На этом фоне особенно значимы успехи развития экономики российского Дальнего Востока, играющего роль локомотива международного сотрудничества России со странами АТР. За последнее десятилетие экономика российского Дальнего Востока, ставшего регионом особого государственного внимания, демонстрирует высокие результаты, в том числе в росте инвестиционной активности, создании новых рабочих мест, реализации крупнейших проектов, сопоставимых со стройками советского времени, а зачастую превосходящие их по масштабам.

Директор ИЭИ ДВО РАН канд. экон. наук А. Г. Исаев свое выступление «Системный подход к изучению Дальнего Востока: о научной школе региональных экономических исследований академика П. А. Минакира» посвятил проблемам формирования и активному позиционированию регионального экспертного сообщества.

В качестве ключевой фигуры, создавшей новую систему исследований и сформировавшей на её основе научную школу, автор выделил выдающегося ученого – академика РАН П. А. Минакира. В представленном докладе была охарактеризована методологическая система, выстроенная П. А. Минакиром для изучения, анализа и прогнозирования экономики Дальнего Востока. Она легла в основу многолетней исследовательской программы и деятельности ученых ИЭИ ДВО РАН.

В мировой и отечественной практике экономических исследований конкретные регионы или группы регионов являются, главным образом, объектами эмпирической проверки исследовательских гипотез или моделей. То есть регионы рассматриваются как единицы статистического учета, либо как объекты (площадки) экспериментальной апробации комплекса мер или инструментов экономической политики. При этом часто используются методы, которые позволяют рассматривать все разнообразие факторов (имеющих различную природу), например, через придание им свойств линейности и

аддитивности (линейное программирование, оптимизационные модели) для нахождения наилучших решений в разнообразных задачах.

Институт экономических исследований в научном плане стоит особняком в этом ряду. Главным объектом научного изучения в его программах является макрорегион не как статистическая и учетная единица, а как сложная социально-экономическая система. П. А. Минакир называл его не иначе как «суб-континент». Дальний Восток в идеологии академика Минакира рассматривается не как простая сумма отдельных компонент (в отраслевом и территориальном разрезе), а как некое (упорядоченное) целое – как результат динамического взаимодействия составных элементов. Более того, Дальний Восток – открытая система, которая достигает устойчивого, стабильного состояния путем процесса непрерывного взаимодействия с внешней средой.

Эволюционный подход к изучению Дальнего Востока являлся одним из основополагающих в исследовательской концепции П. А. Минакира. Развитие Дальнего Востока как части российской социально-экономической системы и в прошлом, и в настоящем сопровождается постоянными изменениями институциональных условий, в которых функционирует макрорегион. Без осознания и уяснения прошлого опыта невозможно объяснить многие важные тенденции и закономерности настоящего, это в равной степени касается и объяснения экономического поведения.

Изучение истории освоения и развития Дальнего Востока позволило П. А. Минакиру разработать и обосновать концепцию «мотивационного цикла» развития макрорегиона с выделением пяти мотивационных волн, характеризующихся различным соотношением внутренних и внешних условий этого развития. Он выделил экзогенные волны, когда развитие Дальнего Востока определялось в значительной степени политикой и ресурсами государства, и эндогенные волны, когда развитие опиралось, главным образом, на мотивацию экономических агентов внутри региона и внутрирегиональные ресурсы. Строгое чередование экзогенных и

эндогенных мотивационных волн позволяет достаточно надежно предсказывать характер последующей экономической политики.

Принципы эволюционного подхода лежат в основе теории региональной экономики переходного периода. Этот этап развития характеризуется принципиальным отсутствием равновесия экономической системы, и здесь ключевым вопросом становится понимание самих принципов реализации процесса – разрозненные регионы должны взаимодействовать, а не развиваться по отдельности. При этом взаимодействовать, используя не только преимущества и сильные стороны своей специализации, но и свой интеллектуальный потенциал. Эта идея воплотилась в масштабном проекте долгосрочного прогноза структурно-технологического развития Дальнего Востока, задуманном и реализованном под руководством П. А. Минакира с участием всех институтов ДВО РАН.

Большой доклад, посвященный проблематике формирования новых региональных систем, был сделан председателем Законодательной думы Хабаровского края д-ра экон. наук И. В. Зикунновой. Выступление, названное автором «Глобальный трансформационный фон дальневосточного развития» включало исследование драйверов роста глобальной экономики и проблемы их реализации на Дальнем Востоке.

По мнению автора, в качестве действующих импульсов развития в современной хозяйственной системе действует ряд факторов, обладающих стоимостью или общественной ценностью. Именно их набор, отличающийся по качеству и влиянию, является основой регулятивной системы, используемой для достижения экономических целей.

Согласно концепции И. В. Зикунновой, следует разделять долгосрочные фундаментальные факторы развития экономики и ситуативные.

Первые включают прежде всего технико-технологические перемены в производственной деятельности; стоимость материальных компонентов; виды и стоимость энергии, потребляемой в производстве; количество, качество и

стоимость труда. Кроме того, к ним относятся институциональные инструменты, которые ведут к переменам в отраслевой структуре экономики, структуре рынков и способов коммуникации, изменяют структуру и уровень затрат.

Вторая группа – факторы ситуативные. Они являются конъюнктурными и оказывают влияние на скорость и интенсивность перемен, драйверами которых выступают долгосрочные факторы.

С этих позиций рассмотрение проблем развития Дальнего Востока связано с учетом влияния этих групп факторов на системные характеристики региональной экономической динамики. Моделирование перспективного развития будет активно отражать трендовые характеристики: наличие природных и основных фондов, производственной инфраструктуры, финансовых ресурсов. Эта составляющая активно отражается в программных документах развития региона. Однако ситуативные, более динамичные факторы, прежде всего состояние трудового потенциала, выступают реальными ограничениями для полноценной реализации имеющегося потенциала. Именно в этой сфере регулятивной деятельности необходимо принятие системных решений. Они должны включать двойственные изменения. С одной стороны, это необходимость реализации программ по региональной концентрации рабочей силы, включая специальные организационные решения в социальной, миграционной и финансовой сферах. С другой стороны, это технологические изменения в производственной системе, активизация высоких технологий переработки и использования сырья, рост качества подготовки и престижности высокотехнологичных профессий. И первый, и второй круг задач, по мнению И. В. Зикуновой, необходимо включить в расширенный список интеллектуальных решений для региональной прикладной науки и образования.

Проблематике развития дальневосточной экономической науки было посвящено выступление профессора Дальневосточного государственного университета путей сообщения, д-ра экон. наук М. И. Разумовской. Она озаглавила до-

клад «Об исследовании в области изучения пространственного развития применительно к хозяйственной практике: в чем ценность идей П. А. Минакира» и представила взгляд на динамику развития пространственных исследований в России и вклад в этот процесс дальневосточной школы, сформированной академиком РАН П. А. Минакиром.

Исследование фундаментальных закономерностей пространственной организации общества с учетом свойств и качеств конкретных стран и регионов является сложившейся научной программой глобального масштаба. Внимание исследователей в области изучения пространственного развития традиционно сфокусировано на трёх основных направлениях:

взаимодействие (конкуренция) экономических агентов (эффективных в микроэкономическом понимании хозяйства) внутри экономических регионов;

формирование эффективных пространственных систем (национальных и региональных) в ходе организации взаимодействий пространственно локализованных экономических агентов;

формирование международного экономического пространства в процессе взаимодействия экономических пространств в первую очередь на основе межрегионального и приграничного сотрудничества.

Для сложившейся на Дальнем Востоке исследовательской школы характерно целенаправленное выделение ряда специализированных позиций, выстраивающих взаимосвязи между высокой теорией и хозяйственной практикой.

Во-первых, это поиск закономерностей взаимодействия различных видов пространств (социального, экономического, географического, этнокультурного и др.) в ходе эволюции хозяйственных систем разного уровня организации. Во-вторых, определение пределов и возможностей государственного регулирования (с использованием механизмов организации и самоорганизации) пространственной организации взаимодействия микроэкономических агентов, регио-, макро- и глобальных взаимодействий. В-третьих, формирование методологической базы

для разработки инструментария прогнозирования пространственной организации функционально и регионально специализированных хозяйственных систем.

Для реализации этого потенциала учеными был использован ряд методологических приемов. Прежде всего это превращение информации и информационных сетей в самостоятельный и важнейший фактор экономической деятельности. Это открывает новые исследовательские направления, которые сформированы в школе пространственной экономики. Исходя из того, что эволюция хозяйственной практики имеет вариативность, которая обусловлена неоднородностью пространства, ряд вопросов нуждается в широком экспертном обсуждении. Например, к числу недостаточно изученных пространственно организованных экономик относятся: организационная интеграция экономических агентов на микро-, регио- и глобальном уровне; экономические районы регио- и глобального уровня; совокупности экономических районов макроуровня.

Тематику, связанную с диалектикой научного осмысления пространственной экономики под влиянием идей дальневосточной школы, сформированной академиком П. А. Минакиром, продолжил канд. экон. наук А. В. Котов, ведущий научный сотрудник Центра пространственной экономики РАНХиГС и Центра германских исследований Института Европы РАН. В докладе «От внутренней логики развития – к внешним решениям; П. А. Минакир и перспективы Дальнего Востока» он рассмотрел особенности исследования региона в методологии дальневосточных ученых.

По мнению докладчика, для этого исследовательского направления характерны следующие методологические и методические установки.

Следует различать две связанные, но содержательно и политически различные задачи: экономическое развитие региона и экономический рост в регионе. Подмена проблематики экономического развития задачами форсирования экономического роста недопустима. Ни с точки зрения экономического роста, ни с позиций пока-

зателей качества экономики и социального развития чего-либо катастрофического при сравнении с параметрами развития иных макрорегионов страны нет. Необходимость качественной модернизации не просто экономики, но и всей системы организации жизни в стране определяет задачи самого экономического роста.

Разворот национальной экономической политики на Восток – объективная необходимость, но связывать его исключительно с экономическим развитием Дальнего Востока, тем более трактуемым как сравнительный экономический рост и изменение структуры экономики, нет оснований.

Для Дальневосточного федерального округа какую-либо общую идею для реализации ключевых инвестиционных проектов выделить трудно. Базовыми видами деятельности в структуре его экономики являются переработка рыбы и морепродуктов, отрасли нефтегазового комплекса, алмазодобывающая и лесоперерабатывающая промышленность, отдельные отрасли машиностроения, прежде всего авиастроение и судостроение. Решение двуединой задачи «экономический рост – общественное развитие» в аспекте российского Дальнего Востока предполагает точный выбор инструментов. Реализуемая программа формирования магистральной экспортпроводящей сети на территории Дальнего Востока рациональна именно как форма консолидации общегосударственных ресурсов для эксплуатации потенциала новых рынков в зоне АТР. Для равноправной интеграции России в экономику азиатского ядра экономического роста Дальний Восток нуждается в развитии производств инновационной направленности, ориентированных на реализацию высокотехнологичных проектов в области космических исследований, в авиа- и вертолетостроении, судостроении, топливно-энергетическом комплексе; создание и развитие локальных инновационно-производственных центров и технопарков, ориентированных на создание новых продуктов, а также образовательных и научно-технологических центров. Но и при их наличии успех могут принести только конкретные экономиче-

ские преимущества (цена труда, масштаб предложения квалифицированного труда, условия финансирования и кредитования, норма рентабельности, защита прав собственности пр.). С учетом опережающей динамики развития данных проектов и запуском программ социальных гарантий будет расти престиж работы и проживания на Дальнем Востоке.

Вопросы, вынесенные на обсуждение докладчиками на пленарном заседании, стали предметами активного обсуждения на круглых столах. Экономическая проблематика рассматривалась в контексте новых структурных и динамических задач, генерированных санкцион-

ными ограничениями и формированием новой региональной политики. Социальные исследования включали большой круг оптимизационных проблем, ориентированных на создание на Дальнем Востоке привлекательного для населения образа жизни и деятельности. Интересные предложения были предметом обсуждений на молодежной секции.

Участники конференции «Экономика Дальнего Востока России в условиях глобальных трансформаций» по её результатам сформировали новый комплекс научных и практических идей, дающих решения долгосрочных задач по развитию Дальнего Востока России.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 07.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 07.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.

Информация об авторах

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник директора, Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук;

О. Г. Поливаева – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и цифровых технологий, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, the Economic Research Institute the Far-Eastern branch the Russian Academy of Sciences;

O. G. Polivaeva – Candidate of Economics, Head of the department of economic and digital technologies, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2023 г. № 4 (105)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 12.01.2024 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 27,8

Учетн.-изд. л. – 30,1

Тираж – 500 экз.

Заказ № 18.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
